Министерство культуры и туризма Украины Национальный заповедник «Херсонес Таврический» Национальная академия наук Украины Крымский филиал Института археологии

ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК

Выпуск XV

Севастополь 2006

УДК 2-1 ББК 63.3(0)3+63.3(0)4+63.48(4УКР-6КРМ) X-39

X 39 ХЕРСОНЕССКИЙ СБОРНИК. Выпуск XV. Сб. науч. трудов / Ред.-сост. Е.Ю. Кленина – Севастополь: Издательский дом «Максим», 2006 - 264 с.

Рецензенты

Г.Ю. Ивакин доктор исторических наук Э.Б. Петрова доктор исторических наук

Редакционный совет

С.Д. Крыжицкий член-корреспондент Национальной академии наук Украины,

профессор, доктор архитектуры (председатель)

А.И. Айбабин профессор, доктор исторических наук Ю.А. Бабинов профессор, доктор философских наук профессор, доктор исторических наук профессор, доктор исторических наук

 Л.В. Марченко
 кандидат исторических наук

 В.Л. Мыц
 кандидат исторических наук

 А.С. Русяева
 доктор исторических наук

С.Б. Сорочан профессор, доктор исторических наук

Г.М. Николаенко кандидат исторических наук

Е.Я. Туровский кандидат исторических наук (ответственный секретарь)

Очередной выпуск Херсонесского сборника посвящен 80-летию музейной экспозиции, созданной К.Э. Гриневичем в 1925 г. В сборник вошли работы по исследованию и сохранению древних памятников, изучению музейных коллекций, применению интердисциплинарных методов в археологии, современным направлениям развития археологических музеев. Издание предназначено для специалистов в области археологии, истории, геофизики, палеоботаники, а также всем, кто интересуется прошлым Севастополя и Крыма.

Рекомендовано к печати учеными советами Крымског филиала Института археологии НАН Украины и Национального заповедника «Херсонес Таврический»

[©] Национальный заповедник "Херсонес Таврический", 2006

[©] Коллектив авторов, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Алексеенко Н.А.	
«Херсонский архив печатей»: миф или реальность?	7
Бернацки А.Б.	
Особенности реставрации античных памятников (на примере Леукаспис,	
Новы, Херсонеса Таврического)	17
Бернацки А.Б., Кленина Е.Ю.	
Сакральная архитектура византийского Херсона (по результатам раскопок	
и аэроснимков)	37
Вдовиченко И.И., Жесткова Г.И.	
Коллекция расписных ваз из раскопок Р.Х. Лепера в собрании Национального заповедника	
«Херсонес Таврический»	59
Георгиев П.	
Принципията – дворец в кампуса Плиска	83
Иванов А.В.	
Фортификационные сооружения нового времени на территории городища	
Херсонеса Таврического	97
Кленина Е.Ю.	
Святые мученики херсонские согласно письменным и археологическим источникам	117
Колесникова Л.Г.	
Связи Херсона-Корсуня с племенами Восточной Европы в домонгольский период	129
Жилина Н.В.	
Рецензия на статью Л.Г. Колесниковой «Связи Херсона-Корсуня с племенами	
Восточной Европы в домонгольский период»	151
Николаенко М.Ю., Панченко В.В.	
Вертикальное электрическое зондирование на высоте Безымянная	153
Новак М.	
К вопросу об иконографии гемм и камей из Нов (Нижняя Мезия)	159
Пашкевич Г.А.	
Современное состояние палеоэтноботанических исследований Херсонеса	165

Плонтке-Лунинг А.	
Питиунт и его мозаики	181
Ушаков С.В., Дорошко В.В., Кропотов С.И., Макаев И.И., Струкова Е.В.	
Керамический комплекс засыпи цистерны V-VI вв. в XCVII квартале Херсонеса	
(предварительная информация)	191
Ушаков С.В., Филиппенко А.А.	
Новые данные об аланах в Юго-Западном Крыму (по материалам	
некрополя Карши-Баир)	217
Шаманаев А.В.	
К истории проекта создания «Христианского музея» в Херсонесе	229
Ясевич А., Маркграф М.	
Национальный заповедник «Херсонес Таврический» - предложение концепции развития	
территории и многофункциональных экспозиций	237
Список сокращений	262
Об авторах	263

CONTENTS

Alekseyenko N.A.	
«Cherson's archive of the seals»: myth or reality?	7
Biernacki A.B.	
Of a Certain Aspect of the Restoration of Ancient Architecture	
(as Exemplified by Finds in Leucaspis, Novae and Chersonesus Taurica)	17
Biernacki A.B., Klenina E.Ju.	
The Byzantine sacral architecture of Cherson (according to excavations and	
aerial photographs)	37
Vdovichenko I.I., Zhestkova G.I.	
The painted vases from the R.H. Leper's excavations from National Preserve	
«Tauric Chersonesos» collection	59
Georgiev P.	
The principia – palace in the Pliska campus	83
Ivanov A.V.	
The fortifications of the 19th -20th centuries on the territory of the site of Tauric Chersonesos	97
Klenina E.Ju.	
The saint martyrs of Cherson according to the written and archaeological sources	117
Kolesnikova L.G.	
The relations between Cherson-Korsun' and the tribes of Eastern Europe	
in the pre-mongol period	129
Zhilina N.V.	
L.G. Kolesnikova's paper «The relations between Cherson-Korsun' and the tribes	
of Eastern Europe in the pre-mongol period» review	151
Nikolaenko M.Ju., Panchenko V.V.	
Vertical electric zondage on Bezymyannaya Hill	153
Nowak M.	
Remarks on the iconography of the engraved gem and cameos of Novae (Moesia Inferior)	159
Pashkevich G.A.	
Modern condition of palaeoethnobotanical research in Chersonesos	165

Plontka-Luening A.	
Pityous and its mosaics	181
Ushakov S.V., Doroshko V.V., Kropotov S.I., Makaev I.I., Strukova E.V.	
The ceramic assemblage from the filling of the cistern of the 5 th – 6 th centuries AD	
of the XCVII quarter in Chersonesos (preliminary information)	191
Ushakov S.V., Philippenko A.A.	
A new data of аланах in the Southern-West of Crimea (according the material	
of necropol Carashy-Bair)	217
Shamanayev A.V.	
The history of the project of the «Christian museum» in Chersonesos	229
Jasiewicz A., Markgraf M.	
National Rezerwat «Chersones von Tauria» - der Vorschlag der Erschließungskonzept von Gebiet	
und multifunktionelles Ausstellungs – Untersuchungsobjekt	237
List of abbreviations	262
About the authors	263

Н.А. АЛЕКСЕЕНКО

«ХЕРСОНСКИЙ АРХИВ ПЕЧАТЕЙ»: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Появившееся недавно в печати мнение о мифологичности существования как судакского, так и херсонского архивов печатей (Булгакова 2004: 35-39; Bulgakova 2006: 112-113; Булгаков, Булгакова, 2006: 42-48) побудило нас снова обратиться к нашей уникальной находке и попытаться на основе всестороннего анализа ее состава и условий образования комплекса доказать справедливость наших выводов об атрибуции рассматриваемой части херсонских моливдовулов как остатков некого архива документов (Alexeenko 1996: 8414; 2001: 57; 2003: 75-83).

Число печатей в настоящее время уже превысило 500 экземпляров (вместе с многочисленными обломками, а также заготовками их уже около 1000 единиц), и находки все еще продолжаются. И несмотря на то, что пока не представляется возможным дать окончательную оценку ни количественному, ни качественному составу обнаруженного в Херсоне комплекса византийских печатей, тем не менее их предварительный анализ позволяет прийти к вполне определенным выводам.

К сожалению, долгое пребывание в морской воде наложило свой отпечаток на сохранность моливдовулов. Многие из них плохо поддаются определению и датировке. В отдельных случаях представляется возможность определить лишь сфрагистический тип печати и соответственно ее датировку, но не удается получить никаких сведений о ее владельце. Все это в известной степени ограничивает доступную нам информацию. Тем не менее, печати херсонского комплекса представляют достаточно широкую географию контактов местной администрации с различными властными структурами Византийской империи на протяжении более чем пяти столетий. Хронологически печати охватывают практически все периоды существования византийских булл с VI по XIII вв.

Общее число городских корреспондентов можно разделить на несколько основных групп, объединяющих в себе различные категории чиновников обширного бюрократического аппарата Византийской империи.

В первую группу входят представители центрального государственного аппарата.

Во-первых, это печати византийских императоров. Анализируя данные сфрагистики, невозможно не прийти к заключению, что отправка в Херсон императорских моливдовулов в основном выпадает на узловые моменты его истории, когда городу уделялось особо пристальное внимание со стороны центральной византийской администрации (Алексеенко 1999а: 145-160). Содержащиеся в нашем комплексе печати, вне всякого сомнения, являются дополнительным тому подтверждени-

Моливдовулы Юстиниана I, Фоки, Ираклия (Алексеенко 1999а: 146-149, №№ 3, 5, 8-9, рис. 1), безусловно, необходимо связывать с активной политикой византийских императоров, которая характеризуется в период раннего средневековья значительными мероприятиями по укреплению позиций Византии не только в самой Таврике, но и во всем Северном Причерноморье.

Булла Михаила III (Алексеенко 1999а: 148-149, № 10, рис. 1. 10), очевидно, может иметь отношение к созданной в Крыму феме и мероприятиям по защите византийских владений, вызванных обострением внешнеполитической обстановки около середины IX в.

Не исключено, что с претензиями русских князей на значительные территории в Таврике может быть связано и появление печати, отнесенной нами к правлению Константина Багрянородного (Алексеенко 1999а: 148-149, № 11, рис. 1. 11), тип которой датируется 945 г. - годом заключения договора между Русью и Византией (Лихачев 1991: 251-252; Zacos, Veglery 1972: 63, nr. 70c).

Не оставляли вниманием Херсон и представители церкви. Среди находок присутствует, например, печать патриарха Николая I Мистика (Алексеенко 2004а: 260-264), которая относится к началу Х в. Отправка высочайшей церковной корреспонденции, надо полагать, была вызвана известными событиями, связанными с христианизацией хазар.

Бесспорный интерес также представляют буллы неизвестных ранее боспорских иерархов: епископа Петра Пистика (VII-VIII вв.) и архиепископа Луки (начало Х в.), сугдейского архиепископа Льва (Х в.) - отражающие контакты местных служителей церкви с сопредельными крымскими епархиями (Алексеенко 1999/2000: 99, рис. 3-4; 2001а: 132-133; Алексеенко, Самойленко 2006: (в печати)). Развитие церковных связей с Древней Русью прекрасно иллюстрирует моливдовул Кирилла, митрополита России, возглавлявшего русскую православную церковь в XIII столетии (Алексеенко 1999б: 186-190).

К этой же группе церковных корреспондентов можно отнести и уникальную находку печати орфанотрофа (Alekseenko 2003: 76, nr. 1) великого странноприимного дома константинопольской церкви апостолов Петра и Павла (VII в.). Находка данной печати в Херсоне, на наш взгляд, свидетельствует не только о контактах херсонских священнослужителей с одной из главных благотворительных служб византийской церкви, но и об очевидном существовании подобных учреждений в самом Херсоне (ср: Соколова 1992: 192-194; Храпунов 2000: 357-361; Латышев 1899: 30-31, № 42; Колесникова 1978: 172, рис. 13).

Доминирующее место в группе печатей центральных органов власти занимают моливдовулы представителей финансового ведомства - главных логофетов. Особо обращает на себя внимание их значительное количество - около 50 экземпляров, среди них печати патрикия Сисиния (IX в.), анфипатов Иоанна и Элиссия (Х в.), магистра Николая (Х в.) и др. (Алексеенко 2003: 174-205; Alekseenko 2003: 77-79, nos. 2-4). Печати датируются IX-X вв. Многие из них представляют уникальные, не имеющие аналогий памятники византийской сфрагистики.

Большое количество печатей чиновников этой группы и принадлежность отдельных экземпляров одним и тем же персонажам не только подтверждают постоянные контакты финансового департамента столицы со своими инспекторами в Таврике, но опровергают высказанные ранее точки зрения румынского исследователя П. Настурела (Nasturel 1956: 373) и нумизмата В.А. Анохина (1977: 107-108), поддержанные в свое время И.В. Соколовой (1983: 116), относительно того, что Херсон был освобожден от каких-либо налогов. Справедливости ради заметим, что позже исследовательница пришла к выводу о взимании здесь торговых пошлин и налогов (Соколова 1991: 194). Не только печати главных логофетов, но и широко известные сегодня буллы других чиновников фи-

нансово-таможенного ведомства (коммеркиариев, булотира, диойкитов и др.), обнаруженные в составе нашего комплекса, убедительно показывают характер тех налогов, которые существовали в этом пограничном морском порту империи. Учитывая, что Херсон является одним из наибольших и значительных экономических и коммерческих центров Северного Причерноморья, это могли быть, в первую очередь, таможенные пошлины за экспорт и импорт различных товаров и, вероятно, традиционные государственные подати.

Вторую группу составляют печати чиновников провинциальных администраций и региональных налогово-финансовых служб.

Самыми ранними в этой группе находок являются печати коммеркиариев таможенных складов с изображением императоров и членов их семей (5 экз.). Они относятся к правлению императоров Ираклия (610-641) и Костанта II (659-668) и, согласно аналогиям, вероятнее всего, принадлежали апотекам Абидоса и Константинополя (Алексеенко 1997: 122-124, №№ 1-2, таб. 1, 1-2; 2004б: 265-267, №№ 1-3, рис. 1-5).

Весьма интересен моливдовул комита фемы Опсикий, патрикия Артавазда (Алексеенко 1999в: 65-82; 2004б: 268, рис. 6), сподвижника императора-иконоборца Льва III Исавра (717-743). Датировка печати в пределах рубежа первого и второго десятилетий VIII в. адресует нас к известным событиям после восстания херсонитов в 711 г. против Юстиниана II и провозглашения иконоборческого движения в Византии с приходом к власти Льва III. Появление здесь корреспонденции Артавазда, на наш взгляд, не только имеет большое значение для изучения истории ранневизантийского Херсона, но и лишний раз подтверждает правильность выбранной позиции современных исследователей, определяющих Херсон в период «темных веков» как важный, политически и экономически дееспособный центр, а не как захолустный провинциальный городишко, пригодный лишь для ссылки неугодных императору лиц. В известной мере данный тезис подтверждают и остальные печати этого периода.

К VIII в. относится уникальная печать буллотира Иерона (Алексеенко 1997: 124, 126, № 3, рис. 1, 3; 2004б: 268, рис. 7), в чьи обязанности входило от имени эпарха Константинополя опечатывать товары, подлежащие таможенному контролю при их транзите через Босфорский пролив.

Два моливдовула первой половины IX столетия в свое время принадлежали «комитам проливов», главных морских таможен Византии - Иерона и Абидоса (Алексеенко 1997: 124, 127-128,

№№ 4-5, рис. 1, 4-5; 2004б: 268, рис. 8-9). Как известно, именно эти два порта осуществляли непосредственный контроль за прохождением грузов из Черного моря в Средиземное и обратно. Еще одна печать, принадлежавшая коммеркиарию Абидоса Константину (рубеж X-XI вв.), показывает, что связи Херсона с этим центром сохраняются на протяжении, по крайней мере, пяти столетий (Алексеенко 1997: 124, 128-129, № 6, рис. 1, 6; 2004б: 273, рис. 17).

К числу печатей, вызывающих несомненный интерес, принадлежат и моливдовулы диойкитов Митилены (IX в.) и Амастриды (конец IX - начало X в.) (Алексеенко 2004б: 269-270, № 4, рис. 10-11; 2000а: 99, № 1). Чиновники этой должности впервые встречаются в Херсоне. Они принадлежат к ведомству логофета геникона и относятся к фискальному управлению империи (Лихачев 1991: 200; Dölger 1927: 70 и sq.; Oikonomidès 1972: 313; Svoronos 1959: 56 (note 1)). Их печати в известной мере расширяют географию экономических контактов города.

В то время как печать амастридского спафария Никиты является дополнительным подтверждением существования тесных контактов между Херсоном и Южным Причерноморьем, известных и по письменным источникам, и по археологическому материалу, второй моливдовул представляет нового городского партнера - Митилену (Лесбос), ранее неизвестного по памятникам сфрагистики. Как известно, в IX в. остров Лесбос имел свою отдельную фискальную службу и собственных диойкитов (Nesbitt, Oikonomides 1994: 141), контролировавших не только район северо-восточного Средиземноморья, но и, надо полагать, Причерноморье. В свою очередь, диойкит Амастриды, по всей видимости, осуществлял контроль над определенной областью Южного Причерноморья, куда входили прибрежные земли собственно Пафлагонии и, видимо, соседствующей с ней фемы Вукелариев. А, как известно, Пафлагония являлась одним из поставщиков продовольствия в Херсон (Константин Багрянородный 1991: 274-275). Не исключено, что благодаря поставкам продовольствия из Пафлагонии, Вукелариев, Армениаков и, возможно, северо-восточного Средиземноморья, а также взиманию в связи с этим соответствующих налогов и пошлин мы обязаны появлению в Херсоне корреспонденции этих «финансовых инспекторов».

Примечательна также печать Льва, эпискептита Иерона (Алексеенко 20046: 270-271, № 5, рис. 12), относящаяся к X в. Как и диойкиты, эта должность впервые встретилась на печатях, об-

наруженных в Херсоне. Епискептиты входили в состав секрета логофета Дрома и являлись уполномоченными управления епископсий или областей, из которых органы государственного аппарата получали различные доходы (Oikonomidès 1972: 311-312). Данная находка, как нам представляется, наряду с представленными в нашем комплексе печатями протонотария Манган и Херсона (Алексеенко 1998а: 221-227) является еще одним косвенным свидетельством определенного отношения херсонской области к императорскому домену.

Еще два экземпляра конца Х - первой половины XI в. также принадлежат к налогово-финансовой категории городских адресантов. Это уже ставшие хорошо известными печати Иоанна, хартулярия и генимата Хрисополиса (Birch 1898: № 17589; Панченко 1908: 129, № 368; Соколова 1992: 196, 203, рис. 10; Sokolova 1993: 111; Алексеенко 1997: 124, 129, № 7, рис. 1, 7; Шандровская 1997: 92), налогового чиновника, осуществлявшего контроль над поступлением сельскохозяйственной продукции в столицу империи на переправе через Босфорский пролив (Алексеенко 2000а: 99, 101; 2004б: 273-274, рис. 18-19). Примечательным, на наш взгляд, является то, что из девяти известных нам сегодня печатей этого чиновника пять найдены непосредственно в Херсоне (две из них - в составе нашего комплекса). Очевидно, юрисдикция генимата Хрисополиса распространялась не только на столичный район империи, но и на далекую Таврику.

Несколько печатей знакомят нас с главами балканских фем: стратигами Эллады — протоспафарием Базилеосом (Алексеенко 1997: 124, 129-130, № 8, рис. 1, 8; 2004б: 271, рис. 13) и Иоанном Протевоном (Алексеенко 2004б: 272-273, № 7, рис. 16), стратигами Фессалоник - патрикием Михаилом (Алексеенко 2004б: 272 № 6, рис. 15) и протоспафарием ері tou Chrysotriklinou Иоанном (Алексеенко 1997: 124, 130, № 9, рис. 1, 9; 2004б: 271, рис. 14). Все печати этой группы датируются X веком.

Весьма любопытен среди них моливдовул Иоанна Протевона, известного не только по письменным источникам в связи с восстанием славян в феме Пелопоннес (Константин Багрянородный 1991: 221, 245), но и по печатям Херсона, где он также исполнял должность стратига (Alexeenko, Romančuk, Sokolova 1995: 142, nr. 3; Алексеенко 19986: 710, 722-724, рис. 5. 9, 24-27). Исходя из анализа его известных печатей, перед нами предстает определенная служебная карьера византийского провинциального администратора, волей

судеб исполнявшего обязанности главы фемы в нескольких регионах империи: сначала в Пелопоннесе, затем – Элладе и, видимо, на закате своей карьеры – в Херсоне.

Несомненный интерес представляет и печать Льва, турмарха Готии (вторая половина Х в.), отражающая особенности структуры византийской администрации в горном Крыму (Alekséenko 1996: 271-275; Алексеенко 1998в: 230-235). Заметим, что еще один экземпляр той же пары матриц недавно удалось обнаружить в фондах Керченского заповедника (Алексеенко, 2006: 564-570).

В третью группу объединены печати представителей местных органов власти. Их более 150 экземпляров. В перечне должностных лиц присутствуют не только известные ранее киры (Алексеенко 2005а: 212-220), архонты (Алексеенко 2002: 455-500), протевоны (Алексеенко 2001б: 154-162; Alekséenko 2002: 79-86), стратиги (Алексеенко 1998б: 701-743), ек prosopou (Алексеенко 2004в: 4-54; 2005д: 7-11) и коммеркиарии (Алексеенко 2005б: 1592-1626), но и новые должности, такие как экдик (Алексеенко 2005в: 67-75), патер полиса (Алексеенко 2005г: 58-63) и протонотарий (Алексеенко 1998а: 221-227). Значительно возросшее число печатей местных чиновников позволяет во многом по новому представить структуру городской администрации Херсона и ее взаимодействие с центральными властями.

Существенно расширился список херсонских архонтов, стратигов и коммеркиариев. Для некоторых из них представляется возможным проследить служебную карьеру и продвижение по иерархической лестнице византийской придворной знати.

Благодаря новым печатям пополнилась Табель о рангах херсонских нобилей. Стали известны новые ранги: императорский стратор - для архонтов, императорский протоспафарий и протоспафарий-хрисотриклинит – для протевонов, патрикий – для стратигов, кубикулярий - для коммеркиариев.

Увеличилась и группа печатей с родовыми именами. Нельзя не оценить значение печатей известного по письменным источникам второй половины Х в. патрикия Михаила Херсонита (Алексеенко 2000б: 257-260, №№ 2-4). Его моливдовулы, а также Игнатия и Михаила Цул (Алексеенко 1995: 81-87) вместе с хорошо известными печатями херсонского стратига Георгия Цулы (Алексеенко 1998б: 728-731) – несомненное свидетельство того, что ведущие посты в городском управлении Херсона во второй половине X – начале XI в. занимают представители местных знатных семейств.

Благодаря новым печатям стали доступны и ранее неизвестные имена служителей херсонской церковной кафедры, не засвидетельствованные в Нотициях константинопольского епископата: епископа VIII в. Захарии (Алексеенко 1996: 161, № 10) и безымянного архиерея эпохи иконоборчества (Алексеенко 2004г: 4-7), архиепископов X в. Луки и Стефана (Alexeenko, Romančuk, Sokolova 1995: 146-147, nr. 10; Алексеенко 1999/2000: 102, рис. 7).

Еще одну группу в составе комплекса составляют печати, несущие в монограммах или надписях лишь должности или звания своих владельцев. Это, как правило, печати военных, представителей церкви, чиновников различных ведомств или же буллы личного характера VIII-IX вв. Все они в известной мере расширяют число местных корреспондентов. Однако отсутствие каких-либо данных о принадлежности владельцев этих печатей к чиновничьему аппарату Херсона или какого-либо иного центра заставляет нас ограничиться лишь их простым перечислением. Здесь можно назвать моливдовулы ипатов (3), спафариев (28), комита (1), друнгария (1), хартуляриев (2), нотариев (3) и прочих функционеров. В то же время в комплексе присутствует и небольшое количество более ранних печатей VI-VII вв., принадлежавших епископам (3), коммеркиариям (4), апоэпархам (2), асикиритам (2). К сожалению, некоторая часть печатей несет минимум информации и представляет нам лишь имена своих владельцев, что мало чем помогает в решении поставленной перед нами задачи (Таблица 1).

Подводя итоги выше сказанному, вернемся к главной проблеме нашего исследования. Попытаемся ответить на вопрос: является ли рассмотренный комплекс печатей остатками некогда существовавшего архива документов?

Приведем основные выводы, к которым мы пришли, исходя из комплексного анализа рассмотренного материала.

Хронологический диапазон печатей комплекса охватывает период с VI по XIII столетие (Диаграмма 1). Большинство же печатей (более 300 экз. - около 81%) составляет компактную группу и относится к IX – X вв. (Диаграмма 2).

Географически корреспонденты Херсона, кроме Константинополя, в основном представлены центрами, располагавшимися в непосредственной близости от Византийской столицы: Хрисополис, Иерон, Амастрида, Абидос, Митилена. Провинциальная фемная администрация, кроме представителей местных органов власти и церкви (Херсона, Боспора, Сугдеи и Готии), также в

основном представлена печатями южнопричерноморского, малоазийского и балканского регионов (Фессалоники, Эллада, Опсикий Пафлагония, Армениаки, Вукеларии). Печати двух последних пока еще не изданы.

Ассортимент херсонских печатей, принадлежащих к самым различным категориям обширного чиновничьего аппарата Византийской империи, наличие императорских и церковных булл, значительного количества моливдовулов местных чиновников и печатей личного характера (причем нередко моливдовулы представлены несколькими идентичными экземплярами) - все это указывает на то, что херсонская находка несомненно является частью городского архива документов, собиравшегося на протяжении нескольких столетий. В пользу этой версии (а не таможенного архива), очевидно, свидетельствует и доминирующее количество булл представителей местного аппарата власти. Впрочем, не исключено, что архив мог носить смешанный характер и вместе могли храниться и судовая документация, и торгово-таможенные документы, и деловая административная переписка городских властей Херсона. Качественный состав нашей находки никак тому не противоречит. Дополнительным подтверждением нашей точки зрения являются и находки, хотя и не столь многочисленных, как в Преславском архиве (Йорданов 1993: табл. 1-4, 1-67, 72-143), заготовок для оттисков печатей (Рис. 1). Причем, если в Преславе последние представлены компактной группой практически единого образца, отличаясь только размером, то в нашем случае мы имеем массу разнообразных типов заготовок. Присутствие среди находок различных, достаточно многочисленных предметов из свинца (пряжки, крестики, амулеты и т.п.) приводит нас к мысли о существовании небольшой мастерской, не только обеспечивавшей нужды чиновников в расходных материалах, но и производившей различную металлическую мелочь для населения города (Рис. 2).

В пользу атрибуции рассматриваемого комплекса как остатков архива свидетельствуют и обстоятельства самой находки моливдовулов. Печати происходят из северо-восточной прибрежной полосы херсонесского городища, которая представлена крутым обрывистым берегом высотой 10-12 м. Другими словами, моливдовулы, обнаруженные в Херсоне практически у подножья мыса, контролирующего с запада вход в бухту, вне всякого сомнения, не имеют отношения к какой-либо деятельности в акватории порта, как это ошибочно полагает В.И. Булгакова (2004: 39). Это место крайне неудобно для стоянки судов, которые практически постоянно подвергались бы опасным северо-западным ветрам, способным выбросить корабль на скалы. Площадь обнаружения находок в Херсоне весьма незначительна и не превышает 100-150 м². На донной поверхности присутствуют крупные обломки прибрежной скалы, порой даже возвышающиеся над поверхностью моря, под которыми прослеживаются остатки культурного слоя, откуда собственно и происходят как печати, так и другой археологический материал (монеты, изделия из металла, керамика и т. п.) средневекового времени. Вполне вероятно, что часть берега то ли от естественного подмыва береговой полосы, то ли от землетрясения обрушилась в воду, прихватив с собой остатки построек со всем их содержимым. Культурный слой, содержащий печати, при обвале был придавлен крупными обломками материковой породы к донной скале, изобилующей многочисленными трещинами. К счастью, это обстоятельство существенно помешало «растаскиванию» материала по дну, его «окатыванию» в прибойной полосе и, соответственно, способствовало его лучшей сохранности. Напомним, что в отличие от судакских печатей, где атрибуции поддаются лишь около 20%, в Херсоне тот же показатель достигает 70-80%.

Таким образом, приведенный выше анализ находки херсонского комплекса византийских печатей, на наш взгляд, не оставляет сомнений, что перед нами остатки именно архива документов, отражающих взаимоотношения средневекового Херсона с окружающим миром, а не некий случайный подбор сфрагистического материала, связанный с деятельностью соответствующих корабельных или портовых служб, выброшенный за ненадобностью на дно бухты, как это полагают Булгаковы В.В. и В.И. (Булгаков, Булгакова 2006: 42-48; Bulgakova 2006: 112-113). Думается, нет необходимости развивать и тезис о самом материале, из которого изготавливались печати. Импортируемый в Таврику свинец, востребованный, кроме чиновничьих нужд, еще и в ювелирном, и ремесленном производстве, скорее всего, использовался повторно или даже троекратно, а не шел просто на выброс. В этом нет никакой логики.

Надеемся, что новые находки и продолжение исследования печатей херсонского архива позволят не только дополнить уже полученную интереснейшую информацию по истории византийского Херсона, но и открыть еще немало важных сведений и по административной структуре, и по взаимоотношениям местных властей с центральной администрацией, и по развитию экономических связей этого самого северного форпоста на краю греческой ойкумены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеенко Н.А. 1995 Новые находки моливдовулов рода Цулы из Херсонеса. Древности 1995. (Харьков): 81-87.

Алексеенко Н.А. 1996 Новые находки печатей представителей городского управления Херсона. *МАИЭТ*. (Симферополь). 5: 155-170.

Алексеенко Н.А. 1997 Моливдовулы адресантов Херсона VII-IX вв. Древности 1996. (Харьков): 122-133.

Алексеенко Н.А. 1998а К вопросу о существовании службы нотариев в Херсоне. АДСВ. (Екатеринбург). 29: 221-227.

Алексеенко Н.А. 1998б Стратиги Херсона по данным новых памятников сфрагистики. *МАИЭТ*. (Симферополь). 6: 701-743.

Алексеенко Н.А. 1998в Готия в структуре византийской административной системы в Таврике во второй половине X века. *XCб*. (Севастополь). 9: 230-236.

Алексеенко Н.А. 1999а Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских моливдовулов. *Древности* 1997-1998. (Харьков): 145-160.

Алексеенко Н.А. 1999б Печать киевского митрополита Кирилла из Херсонеса. РА. (Москва) 1: 186-190.

Алексеенко Н.А. 1999в Моливдовул комита Опсикия начала VIII в. из Херсонеса. *АДСВ*. (Екатеринбург). 30: 65-82.

Алексеенко Н.А. 1999/2000 Печати церковных иерархов из Херсона. Nomos. (Kraków). 28/29: 95-104.

Алексеенко. Н.А. 2000а Херсон и города Малой Азии по данным сфрагистики (К вопросу о поставках продовольствия в Херсон в IX-XI вв.). *АДСВ*. (Екатеринбург). 31: 98-104.

Алексеенко Н.А. 2000б Херсонская родовая знать X-XI вв. в памятниках сфрагистики. *МАИЭТ*. (Симферополь). 7: 256-266.

Алексеенко Н.А. 2001а Печати боспорских церковных иерархов из Херсона. *Проблемы религий стран черноморско-ско-средиземноморского региона*. (Севастополь): 131-138.

Алексеенко Н.А. 2001б Протевоны Херсона в системе городских структур власти X в. *АДСВ*. (Екатеринбург). 32: 154-162.

Алексеенко Н.А. 2002 Архонтия и архонты Херсона в VIII-IX вв. МАИЭТ. (Симферополь). 9: 455-500.

Алексеенко Н.А. 2003 Печати главных логофетов из Херсонского архива. АДСВ. (Екатеринбург). 34:174-205.

Алексеенко Н.А. 2004а Булла патриарха Николая Мистика из Херсона. Древности 2004. (Харьков): 260-264.

Алексеенко Н.А. 2004б Печати чиновников балкано-малоазийского региона из херсонского архива. *AVM*. (Варна). II: 265-275.

Алексеенко Н.А. 2004в Должность ek prosopou Херсона в структуре византийской администрации Таврики. *Причерноморье, Крым, Русь в истории и Культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции.* (Киев-Судак). 2: 4-5.

Алексеенко Н.А. 2004г Печать херсонского епископа эпохи иконоборчества. Культовые памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. (Севастополь): 4-7.

Алексеенко Н.А. 2005а Херсон на хазарско-византийском пограничье в начале IX в.: печати Киров. *Боспорские исследования*. (Симферополь-Керчь). 9: 212-220.

Алексеенко Н. А. 2005б Таможня и коммеркиарии Херсона VII-X вв. В: Сорочан С.Б. *Византийский Херсон I-II*. (Харьков): 1592-1626.

Алексеенко Н.А. 2005в Экдик (defensor civitatis) и его роль в управленческом аппарате Херсона IX в. *АДСВ*. (Екатеринбург). 36: 67-75.

Алексеенко Н.А. 2005г Патер полиса Херсона и его роль в имперской администрации в Таврике. *Древности 2005 г.* (Харьков): 58-63.

Алексеенко Н.А. 2005д Должность ek prosopou Херсона в структуре византийской администрации Таврики. *Суг- дейский сборник*. (Киев-Судак). 2: 7-11.

Алексеенко Н.А. 2006 Византийская администрация на Боспоре во второй половине X века (по данным памятников сфрагистики). *МАИЭТ*. (Симферополь). 12: 564-570.

Анохин В.А. 1977 Монетное дело Херсонеса. (Киев).

Булгакова В.И. 2004 Подводные сфрагистические находки в Судаке: к характеристике типа объекта. *Причерноморье, Крым, Русь в истории и Культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции.* (Киев-Судак). II: 35-39.

Булгаков В.В., Булгакова В.И. 2006 Подводные скопления печатей в Судаке и Херсонесе: историографический феномен. *Причерноморье, Крым, Русь в истории и Культуре. Материалы III Судакской международной научной конференции*. (Киев-Судак). II: 42-48.

Йорданов И. 1993 Печатите от стратегията в Преслав. (София).

Колесникова Л.Г. 1978 Храм в портовом районе Херсонеса. ВВ. (Москва). 39: 160-173.

Константин Багрянородный. 1991 Об управлении империей. (Москва).

Латышев В.В. 1899 Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895-1898 гг. *МАР*. (Санкт-Петербург). 23.

Лихачев Н.П. 1991 Моливдовулы греческого Востока. Научное наследство. (Москва). 19.

Панченко Б.А. 1908 Каталог моливдовулов. (София).

Соколова И.В. 1983 Монеты и печати византийского Херсона. (Ленинград).

Соколова И.В. 1992 Византийские печати из Херсонеса. АДСВ. (Барнаул). 26: 191-203.

Храпунов Н.И. 2000 Администрация εὐαγεῖς οἴκοι в Херсоне. МАИЭТ. (Симферополь). 7: 357-361.

Шандровская В.С. 1997 О нескольких находках византийских печатей в Крыму. *Тезисы докладов Международной конференции «Византия и Крым»*. (Симферополь): 92-93.

Alexeenko N., Romančuk A., Sokolova I. 1995 Die neuen Funde an Bleisiegeln aus Cherson. SBS. (Washington). 4: 139-151

Alexeenko N.A. 1996 Уникальная находка группы византийских печатей из Херсона. Byzantium, Identity, Image, Influence. XIX International Congress of Byzantine Studies, University of Copenhagen, 18-24 August 1996. Abstracts of Communications. (Copenhagen): 8414.

Alekséenko N. 1996 Un turmarque de Gothie sur un sceau inédit de Cherson. REB. (Paris). 54: 271-275.

Alekseenko N. 2001 Les seaux des archives de Cherson, témoins des relations de Cherson et de l'Empire. XXe Congrès International des Études Byzantines. Collège de France-Sorbonne, 19-25 août 2001. Pré-actes. II. Tables rondes. (Paris): 57.

Alekséenko N. 2002 Les sceaux des proteuôntés de Kherson du X° sciècle. SBS. (Washington). 7: 79-86.

Alekseenko N. 2003 Les relations entre Cherson et l'Empire, d'après le témoignage des sceaux des archives de Cherson. *SBS*. (München-Leipzig). 8: 75-83.

Birch W.G. 1898 Catalogue of Seals in the Department of Manuscripts in the British Museum. (London). Vol. 5.

Bulgakova V. 2006 Sigillographic complexes in Byzantine ports: maritime archaeological research in Sudak and the phenomenon of seals accumulations. *Proceedings of the XXIst International Congress of Byzantine Studies*, 21-26 August, 2006. Abstracts Communication. (London) III: 112-113.

Dölger F. 1927 Beiträge zur Geschichte der Byzantinishen Finanzerwaltung, besonder des 10. Und 11. Jahrhunderts. (rep. - Darmctadt, 1960).

Nasturel P. 1956 Рецензия на: Constantine Porphirogenitus. De administrando imperio / Ed. Gy. Moravcsik, R.H.J. Jenkins, Budapest, 1949. *Dacia*. (Bucarest). 1: 373.

Nesbitt J., Oikonomidès N. 1994 Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. South of the Balkans, the Islands, South of Asia Minor. (Washington). 2.

Oikonomidès N. 1972 Les listes préséance Byzantines des IXe et Xe siècle. (Paris).

Sokolova I. V. 1993 Les sceaux Byzantins de Cherson. SBS. (Washington). 3: 99-111.

Svoronos N. 1959 Recherches sur le cadastre byzantin et la fiscalité aux XIe-XIIe siècles. *BCH* (Athénes-Paris). 83: 51-60. Zacos G., Veglery A. 1972 Byzantine Lead Seals. (Berne).

SUMMARY

N.A. Alekseenko

«CHERSON'S ARCHIVE OF THE SEALS»: MYTH OR REALITY?

Nowadays the number of Cherson's seals has already exceeded 500 examples; the chronological compass extends the period from the 6th to the 13th A.D. The majority of the seals (about 81 %) covers the 9th-10th A.D.

The general group of the town correspondents can be divided into several main groups, including various categories of the clerks of the wide burocratic machine of the Byzantine Empire. The first one includes the delegates of the central state machine: empires, emperial administration and church; the second group consists of the seals of the clerks of the provincial administration and the local tax-financial services; the third group includes the seals of the delegates of the local organs of power (more than 150 examples); the

last group in the corpus includes the seals, carrying in the monograms or signatures only ranks of their owners. As a rule these seals are the seals of the military and church representatives, the clerks of various departments or the bullae of a private character of the 8th-9th A.D.

Geographically Cherson's correspondents except Constantinople are mostly represented by centers situated near the Byzantine capital: Chrysopolis, Hieron, Amastris, Abidos, Metylene. Provincial themes administration except the representatives of the local organs of power and church (Cherson, Bosporos, Sougdeja and Gothia) are also represented mostly by the seals of the South Black Sea, Asia Minor and Balkans region (Thessalonika, Hellades, Opsikion,

Paphlagonia Armeniakoi, Boukellarioi).

The assortiment of the Cherson's seals which are included in various categories of the wide burocratic machine of the Byzantine Empire, the existence of imperial and church seals, considerable nuber of the seals of the local clerks and the seals of a private character, all this indicates that the seals found in Cherson are undoubtly the remains of the town's archival documents which were collected over several centuries.

In favour of this theory (not the custom's archives), obviously, attests the greatest number of

the seals of the local power machine representatives. The archives could be of a mixed character. The court documents, the sales-custom documents and business administrative letters of Cherson's town power could be kept together.

Additional acknowledgment of our point are numerous findings of the preparation for impressives of the seals.

Translated by O. Sanina

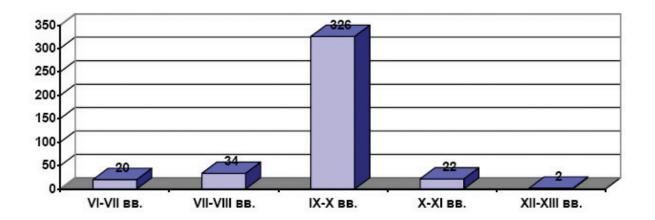

Диаграмма 1. Количественный состав комплекса херсонских печатей

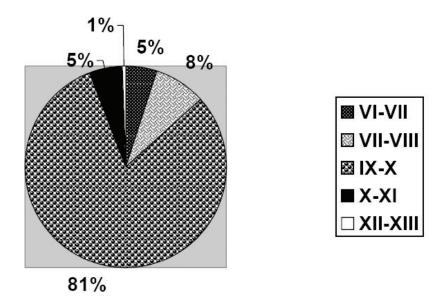

Диаграмма 2. Хронологическое соотношение печатей в комплексе херсонских печатей

Рис. 1. Типы заготовок для оттисков печатей в комплексе печатей херсонского архива

Рис. 2. Предметы из свинца (пряжки, крестики, амулеты и т.п.) из сопутствующего материала в комплексе печатей херсонского архива

Таблица 1

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ качественного состава Херсонского архива печатей

Должность	VI	VII	VII- VIII	VIII	VIII-IX	IX	X	X-XI	XI	XII	XIII	всего
Император		2				1						3
Магистр							1					1
Эпарх							1					1
Стратиг						1	3	1	1			6
Комит		1		1		1	1					4
Турмарх							1					1
Друнгарий				1								1
Главный логофет						19	23					42
Буллотир				1		1	123					1
Хартулярий			1	1		+						2
Нотарий			1	1	2	1			<u> </u>	-		2
Протонотарий					2	1			1			1
						-	1			-		1
диатарий		12				+	1		-	-		
Коммерк. Апот.		2				+						2
Ген. Коммерк.		3		1		+	1		1	-		3
Коммеркиарий	1					-	1		-	-		1
Генимат+хартул.				1		1.		2	-	-		2
Диойкит						1	1					2
Орфанотроф			1									1
Патриарх							1					1
Архиепископ							1					1
Епископ		3										3
Клирик							1					1
Идик?						1						1
архонт						1						1
Асикрит			1	1								2
Имп. кандид.						3						3
Имп. стратор						1						1
Имп. спафарий			1	2	16	11	2		1			33
Им. спафарокан				-	2	3	3					8
Спаф-хрисот.					-	+		2				2
апоэпарх			2			+		-				2
патрикий			-	1		+	2					3
Им. вестиар				1		1	12		1	-		1
Селентиарий						2			1			2
						12	1					+
Имп.агроном		-				-	1		1	-		1
экзитирит	1		2	1	2	1	+		1	-		5
ипат			2	1	1 2	+	1		-			
Имя+ранг	1	12	2	2		1	1		-	-		5
Имя	1	3	7	2	1	1	1	1	1	1		15
Неопределен	1				1	8	17	1	4	1	1	33
Дв.оттиск						2	3	1				5
Неясные	1	1	1	2	3	15	26		1	<u> </u>		50
					XEPC							
Стратиг						7	24		7			38
Коммеркиарий						8	15					23
Кир					1	2						3
Архонт						68						68
Патер полис							1				-	1
Экдик						3			1			3
Протевон						-	5		†			5
Епископ				1			1					1
Архиепископ	+			1			2		+		1	3
LIPARTORITIONOLL	1	1	1	1	1	1	1 =	1	1	i l		1

А.Б. БЕРНАЦКИ

ОСОБЕННОСТИ РЕСТАВРАНИИ АНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕУКАСПИС, НОВЫ, ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО)

Археологические исследования античных архитектурных памятников всегда непременно связаны с необходимостью сохранения открытых объектов в рамках так называемых временной и окончательной консерваций. Стандартный международный договор или лицензия на археологические исследования включает пункт об обязательном выполнении временной консервации. Последние десять лет члены Международной интердисциплинарной археологической экспедиции Университета им. А. Мицкевича в г. Познань проводили или участвовали в консервационно-реставрационных работах на территориях нескольких античных городов: Леукаспис (Марина Ел-Аламейн – Египет), Новы (Свиштов - Болгария) и Херсонеса Таврического (Севастополь - Украина). Эти объекты объединяет факт длительного существования в период античности в широком понимании этого слова. Между тем, их разделяют географические и климатические различия. Перед археологами и архитекторами-реставраторами, работающими на этих трех памятниках, стоит сложное задание запланировать и осуществить временную консервацию открытых архитектурных объектов. Предложения по консервации руководствуются основополагающими критериями:

- 1. максимальная сохранность субстанции памятника;
- 2. точность по отношению к реликтам памятника;
- 3. возможность лучшего прочтения формы объекта, в том числе в плане, по дидактическим соображениям, при этом не используя методики реконструкции в тех местах, которые вызывают сомнения с точки зрения архитектуры и археологии;
- 4. следует использовать такие консервационные материалы, которые не нарушат структуру памятника:
- 5. следует учитывать возможность в любой момент ликвидировать результаты консервации (в том числе достроенные части или дополнения) без вреда для памятника.

На первом этапе выполняется полная архитектурно-строительная инвентаризация объекта. Следующим этапом является типологический и хронологический анализ архитектурного объекта с выделением всех фаз строительства и внутренних перестроек. Указанные выше подготовительные работы имеют интердисциплинарный характер; в них принимают участие, прежде всего, архитекторы-реставраторы, археологи и историки, а также искусствоведы, химики и петрографы. Одной из важных задач, стоящих перед группой специалистов, является избежание такой ситуации, когда в результате реставрационных работ возникает особый «несуществующий быт», являющийся соединением нескольких строительных фаз разных хронологических периодов. Конструкции, появляющиеся в этих фазах, в результате консервационных работ не обозначаются, например, благодаря использованию различного цвета растворов или включению дополнительных приемов, показывающих конструктивно-хронологические фазы стен. Образ объекта является практически случайным суммированием сохранившихся архитектурных элементов определенных строительных фаз, часто несуществующих единовременно в прошлом. Такой способ дает образ архитектурного объекта, который является целиком случайным, не соответствующим историческим и хронологическим данным. Часто такой объект, являющийся привлекательным для посетителей, в значительной степени бесповоротно теряет свое научное значение для сравнительного исследования и, особенно важно, историческое. Избежать такой ситуации можно исключительно только в ситуации, когда последним подготовительным этапом становится принятие решения, какая фаза функционирования строения будет законсервирована и музеефицирована, а другие только обозначены или вообще оставлены без внимания.

Выбор методов консервации зависит от множества условий, таких как технологические, конструктивные, климатические, от типа материалов, использовавшихся во время строительства, и,

конечно, о чем можно только говорить с сожалением, от времени и финансов. Рассмотрим последовательно конкретные примеры консервации архитектурных объектов в Леукаспис, Новах и Херсонесе Таврическом, обращая внимание на первоначальные условия и задачи, которые поставили перед собой создатели реставрационно-консервационных проектов и исполнители, руководствуясь при выборе методов определенными принципами, а также научно-исследовательскими и экспозиционными целями, которые должен выполнять временно законсервированный объект.

ЛЕУКАСПИС - МАРИНА ЕЛ-АЛАМЕЙН В ЕГИПТЕ (Рис. 1-3)

Исследования проводит польско-египетская реставрационно-консервационная миссия, под руководством профессора, доктора наук Станислава Медекша (Факультет архитектуры Вроцлавского политехнического университета).

В проекте участвовали следующие организации: Факультет архитектуры Вроцлавского политехнического университета, Центр средиземноморской археологии Варшавского университета, Департамент античности Египта.

Руины античного города эллинистического и римского времени открыты в результате археологических исследований, проводившихся в 1986 г. (Medeksza 1999: 117-118). Этот уникальный памятник находится в 96 км к западу от Александрии и около 5 км к востоку от Марины Ел-Аламейн над морским заливом с сохранившимися реликтами около 40 жилых домов, улиц, площадей и инфраструктурой порта (Czerner 2005: 283).

В центре городища находится площадь с интересным расположением колонного портика. С одной из сторон площади находится экседра. В южной части города была открыта и отреставрирована значительная часть жилых кварталов с хорошо сохранившимися портиковыми и перистильными домами, между которыми расчищены участки улиц до уровня оригинальных мостовых. Реставрационно-консервационным работам были подвергнуты в основном фазы существования жилых домов, датирующихся второй половиной ІІ - ІІІ и ІV вв. Во время шурфовок открыты структуры, находящиеся ниже уровня полов (глубина около 1.00 м) законсервированных строений, принадлежавшие сооружениям І в.

В западной части городища польская археологическая экспедиция Центра средиземноморской археологии Варшавского университета, под руководством профессора, доктора наук Виктора А. Дашевского, исследовала очень интересный, с разнообразными архитектурными формами

некрополь. Были раскрыты отдельно стоящие могилы с обелисками, погребальные семейные комплексы (*hypogea*), а также склепы. В течение последних 17 лет польско-египетской реставрационно-консервационной миссией осуществлена реконструкция и консервация части исследованных погребальных комплексов. Город прекратил существовать на рубеже VI/VII вв. (Сzerner 2005: 283-284).

Проведенные архитектурно-реставрационные работы выбранных портиковых и перистильных жилых домов позволили определить технологию возведения оригинальных стен римского времени (Medeksza 1999: 122-132). Лицевые блоки были уложены практически без использования раствора, между тем, ядро стены представляет собой каменную забутовку, залитую достаточно жидким глиняным раствором. Этот раствор заполнял арки в ядре стены, а также арки между лицевыми камнями. После возведения на полную высоту и укладки перекрытий стены внутри помещений покрывались известковой многослойной штукатуркой. В ходе реставрационных работ древняя технология не была воссоздана, поскольку главной задачей было обеспечение сохранности реликтов стен перед дальнейшей коррозией. С этой целью были частично разобраны, затем достроены и надстроены стены, верхняя часть которых была частично уничтожена коррозией (один или два ряда камней), механически зачищены швы и лицевые камни. С целью обеспечения сохранности стен перед дальнейшей коррозией и для облегчения восприятия посетителями экспозиции под открытым небом обязательна была надстройка всех стен минимум на 1.00 м, что соответствует 1-2 рядам кладки. Все надстроенные стены требовали тщательной обработки швов. Обязательным реставрационным приемом являлась консолидация верхней части стен с целью обеспечения их сохранности в агрессивной среде, где ветер и солнце, а также морской песок с большим содержанием солей в сочетании с дождевой водой ускоряют процесс коррозии верхних известняковых блоков, из которых возведены жилые дома (Medeksza 1999: 134). Сооружают её из плотно уложенных горизонтально камней, формируя небольшие наклоны поперек стены в направлении обоих фасов реставрированных стен. Эти наклоны появляются в результате укладки так называемой «охранной шапки» на вершину стены с применением известкового раствора. Эти наклоны в обе стороны гарантируют свободный слив воды и естественное удаление песка. Используемый раствор представляет собой смесь извести, речного песка и не-

большого количества белого цемента в пропорции 2:6:1. Лицевые швы аккуратно углубляются на приблизительно 0,5 см. Этот прием позволяет получить соответствующую игру света и тени и отличить новые фрагменты стены от оригинальных с ненарушенной структурой лица стен. На вершине стены – «шапках» - известковый раствор содержит минимальное количество белого цемента, однако разница незначительна. Следует помнить, что на территории северного Египта дневная температура доходит до 30°C. Верхняя часть стены больше всего подвергается воздействию высоких температур. В таких условиях раствор с большим содержанием цемента трескается и разрушает слабый известняковый камень. Регулярно проводимые наблюдения за состоянием законсервированных в 1999-2005 гг. стен жилых домов в Леукаспис подтверждает удачный выбор использованной методики и подбора количественного состава раствора. Благодаря уникальному характеру и уровню сохранности архитектурных элементов и деталей, барабанов фустов колонн и капителей в большинстве случаев стало возможным и необходимым изготовление anastylozy колонн в портиках и перистилях домов, а также восстановление in situ части сохранившихся edykuł, выполненных в коринфском стиле александрийского варианта, которые находились в andronach или tricliniach трех жилых домов (Н9, Н10, Н21с в Леукаспис) (Czerner 2002: 7-20; 2005: 284-292).

HOBЫ (MOESIA INFERIOR) – СВИШТОВ В БОЛГАРИИ (Рис. 4-5)

Исследования проводит Международная интердисциплинарная археологическая экспедиция «Novae» Университета им. А. Мицкевича в г. Познань, под руководством доктора наук Анджея Б. Бернацки. Координацию временных реставрационных работ осуществляли профессор, доктор наук Станислав Медекша, с 2004 г. доктор наук Рафал Чернер (Факультет архитектуры Вроцлавского политехнического университета).

В проекте принимали участие следующие организации: Министерство образования и науки Польской Республики, Университет им. А. Мицкевича, Институт археологии Болгарской академии наук.

Городище Новы расположено над нижним течением р. Дунай в 4 км к востоку от современного города Свиштов, в Северной Болгарии. В 45 г. в этот район прибывает VIII Августовский легион. Осенью 69 г. на смену ему приходит І Италийский легион, сформированный исключительно из жителей Апеннинского полуострова.

В 1970 г. систематические плановые архе-

ологические раскопки в Новах начинает Археологическая экспедиция Университета им. А. Мицкевича (УАМ) в г. Познань. Её создателем и многолетним руководителем (с 1970 по 1988 гг.) был профессор, доктор наук Стефан Парницки-Пуделко, безусловно, один из самых заслуженных исследователей Новы.

Изучение системы фортификаций Новы позволяет утверждать, что по пропорциям его план отвечал классическим примерам планировки римских военных лагерей. Общая площадь лагеря в Новах составляла 17,75 га.

В 1974-2006 гг. археологическая экспедиция УАМ сконцентрировала свое внимание на центральной части древнего городища. В настоящее время можно утверждать, что эта территория отличается крайне высоким уровнем застройки и интенсивностью использования в период с первой половины II до конца VI в.

Исследования проводятся на следующих объектах:

- уникальный комплекс легионных терм, занимающих площадь 6500 м², функционировавших в период с начала II по рубеж 70/80 гг. IV в.н.э. Проведенные исследования позволяют ставить термы в Новах в ряд самых крупных этого типа объектов Балканского полуострова. Построенные в период правления Траяна легионные термы в Новах могли быть своеобразным подарком императора солдатам I Италийского легиона за смелость и отвагу в войнах с даками;

- комплекс двух ранневизантийских базилик и епископской резиденции V-VI вв., занимающий площадь более 6400 м² и считающийся в настоящее время в научном мире одним из прекрасно сохранившихся и лучше всего исследованных ранневизантийских епископских комплексов Византийской империи. Его строительство началось на рубеже IV/V вв. на месте описанных выше легионных терм, уничтоженных во время войн с федератами 376-382 гг. Большая базилика и епископская резиденция прекращает функционировать, как и весь город, в 20-х гг. VII в.

Консервационные работы на архитектурных объектах, открытых археологической экспедицией «Новы» УАМ, начались в 2001 г. в связи с необходимостью обеспечения сохранности стен так называемой Малой базилики ранневизантийского времени, входящей в состав епископского комплекса в Новах. Плохая сохранность, несмотря на проведенную болгарскими специалистами консервацию в 90-х гг. XX в., вынудила нас приступить к охранным консервационным работам. С самого начала эти работы носили временный ха-

рактер (полная консервация была исключена правовыми нормами, касающимися этого типа работ, действующими на территории Болгарии, а также двухсторонним польско-болгарским договором о совместных исследованиях на территории Новы). После проведения инвентаризации и подготовки дополнительной архитектурно-археологической документации, а также проведения полного архитектурно-реставрационного анализа исследовательская группа, состоящая из археологов, архитекторов-реставраторов и петрографа, решила применить аналогичный метод консервации стен базилики, какие были использованы уже в Леукаспис. В пользу этого метода наряду с другими аргументами говорят такие факты: годовая разница температур в этой части Болгарии составляет более 50°C, значительные дождевые осадки, особенно в весенне-осенний период, высокий уровень влажности и загрязнения атмосферы крупным химическим комбинатом, перерабатывающим целлюлозу, расположенным в непосредственной близости от памятника. Структуру стены базилики составляли предварительно обработанные лицевые каменные блоки, сложенные на известковом растворе, между которыми находится ядро, представляющее собой свободно лежащие камни и фрагменты строительной керамики, залитые жидким известковым раствором. Исследования показали, что в состав оригинального раствора входит известь, речной песок, речная галька различных фракций, мелкотолченая строительная керамика. Количественный состав ингредиентов, входящих в раствор, отличается в зависимости от типа кладки стены, строительной техники, характера, функции и хронологии объекта. Принимая во внимание все выше изложенные данные и хорошие результаты тестов, которые ежегодно получал этот метод консервации стен на территории Леукаспис, было принято решение применить его также в Новах. До 2005 г. он был использован в Новах на территории баптистерия в атриуме Большой базилики (2003 г.), епископских бань (2004 г.) и части стен ptochotrofium (2005 г.).

В метод консервации, использованный в Леукаспис, были внесены небольшие изменения состава известнякового раствора: вместо белого был применен серый портландский цемент. Такое нововведение не изменило цвет раствора, поскольку высококачественная местная известь полностью маскирует серый цвет цемента. Количественное соотношение извести, речного песка и цемента оставлено без изменений, что значит 2:6:1.

Во время консервационных работ на сохранившуюся верхнюю часть стены был наложен

один ряд оригинальных древних камней, происходящих из слоев засыпи или разрушения стен базилики, с использованием нового известнякового раствора. Для получения выразительной разницы и, следовательно, легкого определения отреставрированного участка в известняковом растворе не использовалась примесь мелкотолченой строительной керамики. Последним реставрационным приемом является консолидация верхнего последнего ряда стены. Сделано это было благодаря формированию небольших наклонов поперечных в обоих фасах реставрированной стены. Эти наклоны появляются в результате укладки на вершину стены так называемой «охранной шапки», сделанной с применением известкового раствора, которые гарантируют свободный слив дождевой воды в обе стороны. Поскольку в Болгарии количество и интенсивность дождей и снегопадов больше, чем в Египте, то верхняя поверхность «охранной шапки» стены была уложена из плоских камней, плотно прилегающих друг к другу. Поверхность этих камней осталась свободна от известкового раствора. Тщательно выполненные швы имеют углубления около 0,5 см. Завершающие работы были связаны с окончательным очищением верхней каменной поверхности «охранных шапок», а также лицевых швов. В результате дождевые и талые воды свободно могут стекать с поверхности стен. Эти работы проводились с использованием медных или металлических щеток. Проводимый ежегодный контроль уровня сохранности законсервированных такой методикой объектов на территории Новы подтверждают её универсальность и устойчивость в разнообразных атмосферных и температурных режимах.

ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ – СЕВАСТО-ПОЛЬ В УКРАИНЕ (Рис. 6-9)

Исследования на территории античного и византийского города Херсонес проводит совместная польско-украинская интердисциплинарная научно-исследовательская группа, под руководством д-ра Анджея Б. Бернацки (Университет им. А. Мицкевича в Познани) и к.и.н. Елены Ю. Клениной (Национальный заповедник «Херсонес Таврический» в Севастополе). Координацию работ, связанных с проведением временной консервации архитектурных объектов, и консультации осуществляли: профессор, доктор наук, инженерархитектор Еже Розпендовски (Институт истории архитектуры, искусства и техники Вроцлавского политехнического университета) и д-р Анджей Б. Бернацки (Университет им. А. Мицкевича в Познани).

В проекте участвовали следующие организа-

ции: Министерство образования и науки Польской Республики, Университет им. А. Мицкевича в г. Познань, Национальный заповедник «Херсонес Таврический».

Имея багаж предыдущего опыта и наблюдения, связанные с применением описанного выше способа консервации на территории Леукаспис и Новы, мы особенно тщательно подходили к подбору методов консервации архитектурных объектов, открытых польско-украинской научноисследовательской группой в Херсонесе. Прежде всего, обращает внимание схожесть климатических и температурных условий: годовая разница температур в этой части Крыма составляет 50°C, осадки в виде дождя и снега, особенно в осенний и зимний периоды, а также сильные ветры и штормы, повышенная засоленность почвы изза близости моря (практически с четырех сторон античного города). Имеет значение также факт значительной степени загрязнения среды. Очередными важными аргументами во время выбора методов консервации были также: каменный материал, тип использованных растворов, техника строительства и тип кладки стен, которые встречаются на римских и византийских архитектурных объектах Херсонеса Таврического. Наша научно-исследовательская группа рассматривала различные варианты реставрационных подходов перед принятием конкретного решения и выбрала уже прекрасно зарекомендовавший метод. В 2003-2006 гг. на территории Херсонеса Таврического польско-украинская научно-исследовательская группа выполнила в полном объеме временную консервацию следующих объектов: пятиапсидного храма с баптистерием, трехапсидного храма и часовни с аркосолями. Реализации консервации пятиапсидного храма с баптистерием и крещальней предшествовал этап, когда были подготовлены точные «Предложения реставрационных подходов», в которых все эти объекты были представлены как исторически и функционально связанный архитектурный комплекс. Консервационные работы завершились в октябре 2003 г. Полный текст наших предложений по консервации и описание проведенных работ опубликованы в статье, авторами которой являются А.Б. Бернацки, Е.Ю. Кленина, Е. Розпендовски, в журнале «Археологічні дослідження в Україні 2005 р.» (2006), к которому и отсылаю уважаемых читателей.

В настоящей статье представляю следующие предложения по консервации, касающиеся обеспечения охраны реликтов трехапсидного храма с триболонами и часовни с аркосолями.

В 2004-2005 гг. храм был открыт и исследован польско-украинской научно-исследовательской группой, под руководством д-ра А.Б. Бернацки (Университет им. А. Мицкевича в Познани) и к.и.н. Е.Ю. Клениной (Национальный заповедник «Херсонес Таврический»), а также консультанта по вопросам архитектуры и техники консервации архитектурных объектов профессора, доктора наук, инженера-архитектора Е. Розпендовского (Институт истории архитектуры, искусства и техники Вроцлавского технического университета).

Трехапсидный храм с триболонами. Наос храма поделен на нефы тремя аркадами, опирающимися на 2 колонны (так называемый Tribolon). В апсиде центрального нефа сохранился syntronon. В юго-восточной боковой апсиде in situ обнаружена известняковая основа алтарной преграды и перевернутая опора алтарного стола с рельефным изображением креста. В северо-западной боковой апсиде открыта часть опоры алтарного стола. В наосе храма сохранились каменные известняковые полы. В боковых нефах у внешних стен храма расположены могилы, частично выбитые в скале и перекрытые известняковыми плитами. Могилы в северо-западном нефе сильно разрушены. Могилы в юго-восточной части главного нефа находятся под сильно запавшими в этих местах каменными плитами полов храма. В юго-западной части храма находится nartex, в котором также открыты могилы. В нартексе каменные полы не сохранились. Храм был построен в средневизантийский период, в XI в.

В результате современных археологических работ, благодаря методично проводимым исследованиям удалось определить хронологические рамки сооружения храма на основе комплекса материалов (керамика, монеты, изделия из стекла и бронзы). Храм был сооружен не ранее XI в., скорее всего, после катастрофического разрушения города в начале века и существовал до XIII-XIV вв. В ходе исследования достоверно установлено, что все несущие стены конструктивно связаны между собой. Конструктивные особенности храма позволяют датировать его византийским временем (XI-XIII вв.). Эту датировку также подтверждает специфическая техника строительства стен, где использовали в качестве связующего раствора землю и глину, затирая лишь в некоторых местах швы внешних стен известковым раствором. Все стены были покрыты штукатуркой.

ВЫВОДЫ

Храм

В период Великой Отечественной войны ручины храма использовались в качестве оборони-

тельного сооружения, где было установлено артиллерийское орудие, из которого велся обстрел в северном направлении. С целью улучшения проведения обстрела была частично разобрана до фундамента северная часть главной апсиды. В месте установки орудия каменные известняковые плиты пола сильно потрескались. Храм, оставленный без надлежащей консервации, подвергся постепенному разрушению. Архитектурные элементы интерьера и камни из кладок стен храма использовались на протяжении всего времени после запустения Херсонеса в качестве строительного материала. В период после окончания раскопок в 2004 г. и до начала сезона 2005 г. верхние камни сохранившихся кладок стен алтарной части храма были сброшены со своих мест на каменные полы, чем был нанесен значительный ущерб памятнику.

Учитывая эту ситуацию, было решено во время консервационных работ провести следующие мероприятия по сохранению реликтов памятника:

- 1. В абсолютно разрушенных местах стены храма следует восполнить. Сохранившиеся стены храма необходимо накрыть каменной кладкой с применением известково-цементного раствора, чтобы обеспечить сохранность оригинальной структуры стен, предусмотрев возможность отвода атмосферной воды с поверхности стен и прилегающей территории. Засыпать остатки каменных полов, а также все неровности поверхности внутри храма 8-10 мм слоем речного песка и над ним - слоем однородного, среднего размера щебнем из балаклавского известняка. Следует учесть, что туристы обычно часто входят на стены и механически их разрушают, особенно углы и края. Консервацию следует выполнить в так называемой «долговременной» технике, которая максимально затруднит разрушение стен.
- 2. На месте разрушенных алтарных преград установить упрощенные отливки, которые бы указывали на место расположения балюстрад. Дополнения можно выполнить из искусственного камня.
- 3. На месте утраченных колонн установить имитации баз, на поверхности которых можно нарисовать круги для маркировки колонн. Реконструкцию можно осуществить с помощью искусственного камня.
- 4. Восполнить северную часть главной апсиды по типу сохранившейся части стены, а также с использованием аналогичной оригинальной техники. После восстановления утраченного фрагмента всю стену необходимо накрыть каменной кладкой с применением известково-цементного

раствора. Консервацию следует выполнить в так называемой «долговременной» технике, которая максимально затруднит разрушение стен.

5. При обеспечении соответствующей охраны объекта следует рассмотреть возможность размещения на первоначальном месте в алтарной части юго-восточной боковой апсиды известняковой опоры алтарного стола и имитации деревянной алтарной преграды на оригинальной каменной основе.

Могилы после исследования засыпать землей без камней и других примесей (отсевом). В тех случаях, где сохранились каменные могильные плиты, установить их на первоначальном месте, после этого засыпать слоем песка и среднего щебня. Сохранившуюся в юго-восточном нефе могилу после исследования не засыпать, а накрыть оригинальными могильными плитами и закрепить их на месте известково-цементным раствором.

Ниша в нартексе

Поскольку ниша находится непосредственно над частью могилы, то первоначально следует исследовать погребения под ней, а затем засыпать до уровня полов отсевом земли, далее насыпать слой песка и покрыть объект равномерно щебнем. Ниша была сооружена без использования связующего раствора, поэтому следует закрепить конструкцию с использованием известково-цементного раствора с минимально возможными швами, в противном случае без закрепления конструкция будет уничтожена.

Экспозиция - лапидарий

В нартексе храма предлагается экспонировать открытые во время археологических исследований памятника архитектурные детали и элементы интерьера, которые из-за сохранности храма не было возможности использовать в конструкции стен. К ним относятся каменные части арочных перекрытий, пороговые камни, карнизы и др.

Часовня с аркосолями была открыта в 2004 г., представляет собой прямоугольное сооружение с одной апсидой. Внутри часовни под каменными полами были обнаружены индивидуальные могилы, разрушенные в новое и новейшее время. К северо-западной и юго-восточной стенам часовни пристроены могилы-костницы, ограбленные во время Крымской войны. Плиты каменных полов сохранились вдоль юго-западной стены. Часовня датируется XI-XIII вв.

ВЫВОДЫ

1. В частично разрушенных местах стены храма следует восполнить. Сохранившиеся стены храма необходимо накрыть каменной кладкой с применением известково-цементного

раствора, чтобы обеспечить сохранность оригинальной структуры стен, а также предусмотреть возможность отвода воды с поверхности стен и прилегающей территории. Консервацию следует выполнить в так называемой «долговременной» технике, которая максимально затруднит разрушение стен.

- 2. Поднять стену апсиды путем восполнения участков, где утрачены оригинальные камни. Заполнить отсевом внутреннюю часть апсиды до уровня полов и выровнять слоем среднего щебня.
- 3. Исследованные могилы засыпать отсевом до уровня полов и выровнять слоем среднего щебня в местах, где не сохранились каменные плиты полов.
- 4. Внутренние стены боковых могил с аркосолями восполнить аналогичными по структуре и размерам камнями, использовавшимися в кладке стен часовни, на земляном растворе.
- 5. При условии обеспечения соответствующей охраны можно создать имитацию аркосолий с помощью согнутых прутов из нержавеющей стали.

Суммируя, необходимо подчеркнуть, что мы прекрасно понимаем, что предложенная «философия и реставрационные методы временной консервации архитектурного объекта» не имеют

и не могут иметь универсальный характер, являются одними из многих, которые можно и нужно использовать на территории античного города. Примером аналогичного способа консервации являются такие античные города, как Остия, Помпеи, Афины, Филиппи, Печ, Горсия, Гераса и др.

Следует отдавать отчет, что нет на свете универсального метода консервации археологических архитектурных памятников. Методы могут и должны зависеть только и исключительно от характера сооружения, строительных материалов и техники возведения строения, сохранности, от местных климатических условий, а также научно-исследовательских и экспозиционных целей, для которых объект будет предназначен. Так же, как многогранны условия реставрации объекта, должны быть разнообразны и методы выполнения его реставрации и консервации. Тенденции к использованию и утверждению обязательного метода консервации архитектурных объектов являются чисто конъюктурными, не имеющими ничего общего с широко пропагандированным в науке и технике разнообразием методов и исследовательских подходов.

Перевод с польского Е.Ю. Клениной

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бернацки А.Б., Кленина Е.Ю. 2003 Епископский комплекс V-VI вв. в Нове (Свиштов) в Болгарии. *Российская археология*. (Москва). 3: 82-97.

Бернацки А.Б., Кленина Е.Ю., Розпендовски Е. 2006 К вопросу о сохранении архитектурно-археологических объектов в Херсонесе Таврическом и этики в археологии. *Археологічні дослідження в Україні 2005 р.* (в печати)

Biernacki A.B. 2005 A City of Christians: Novae in the 5th and 6th C AD. *Archaeologia Bulgarica*. (Sofia). 9: 53-74. Biernacki A.B. 2005 The Two Baptisteries at Episcopal Basilica in Novae (Moesia Inferior). *Römische Städte und Festungen an der Donau*. (Beograd): 239-248.

Czerner R. 2002 Nisze antycznych domów w Marinie El-Alamein. Przykłady zastosowania aleksandryjskich form architektonicznych. *Architectus*. (Wrocław). 1 (11): 7-22.

Czerner R. 2005 Aleksandryjskie stylizowane trzy porządki architektoniczne. Nie tylko zamki. Szkice ofiarowane profesorowi Jerzemu Rozpędowskiemu w siedemdziesiątą piątą rocznicę urodzin. (Wrocław): 283-298.

Medeksza S. 1999 Marina El-Alamein, grecko-rzymskie miasto w Egipcie. Badania architektoniczno-urbanistyczne i restauracja reliktów architektury mieszkalnej. *Conservatio est aeterna creatio*. (Toruń): 117-153.

SUMMARY

Andrzej B. Biernacki

OF A CERTAIN ASPECT OF THE RESTORATION OF ANCIENT ARCHITECTURE (AS EXEMPLIFIED BY FINDS IN LEUCASPIS, NOVAE AND CHERSONESUS TAURICA)

The archaeological study of ancient architecture always entails the necessity of restoring the discovered structures by means of the so-called temporary and permanent safeguarding. A standard international agreement of or authorization for archeological research includes a provision on the obligatory temporary safeguarding. During the last ten years, the members of the International Interdisciplinary

Archeological Expedition of the Adam Mickiewicz University of Poznac have been providing or participating in restoration and safeguarding work in the ancient cities of Novae (Sviљtov, Northern Bulgaria), Leucaspis (Marina El-Alamein, Egypt) and Chersonesus Taurica (Sevastopol, Ukraine). While all these three cities existed for a long period in the antiquity (in the broad sense of the latter term), each of them has its own different geographical and climatic characteristics.

The recommendations for restoration work were based on the following essential criteria:

- 1. to preserve the original material of the relic to the greatest extent possible;
- 2. to preserve the form of the ancient structure recorded at the moment of its discovery;
- 3. to emphasize the design of the structure (e.g., its layout) for didactic purposes, while avoiding excessive reconstruction of unknown sections;
- 4. to apply only such material as respects the design of the structure;
- 5. to provide a possibility of reverting the restoration work (e.g., by means of removing a superstructure or newly-added sections) without damaging the relic.

Restoration work in Leucaspis (Marina El-Alamein, Egypt) did not involve a reconstruction of the original ancient forms of the relics, but instead consisted mainly in safeguarding the remnants of the walls against further corrosion. For this purpose, the material of the walls was relaid through removing the corroded wall coping (one or two layers of stones), and the joints and stones in the faces of the walls were mechanically cleaned. To protect the walls from further corrosion and to expose their layout, it was necessary to raise all of them to a height of at least 1 m by means of adding one or two layers of stones. The joints in the added layers were pointed very carefully. To safeguard the walls against the damaging effects of rain, wind, the sun, and the sand brought by the wind from beaches (this contains large amounts of salt, which combines with rainwater to aggravate the corrosion of the walls, made of limestone), it was necessary to consolidate their uppermost layers. This was achieved by laying the stones more compactly and by forming small copings of lime mortar, slanting toward both faces of the walls to ensure the removal of rainwater and sand. The lime mortar applied was a mixture of lime, river sand and a small amount of white cement, in the quantitative ratio of 2:6:1. The pointing in the joints in the faces of the walls was

depressed by some 0.5 cm. This produces the proper contrast between the lighted and shadowed parts, and also enables the observer to tell the new sections of the wall from the old ones, where the faces were left unchanged. While the mortar in the copings contains slightly more white cement, the difference is negligible. It must be remembered that the temperatures during the day and the night may differ by as much as 30 °C in northern Egypt. The tops of the walls are the most exposed to these drastic conditions, in which mortar with a too high content of cement breaks and crushes the brittle limestone.

In Novae (Svištov, Northern Bulgaria), it was necessary to consolidate the uppermost layers of walls. This was achieved by forming small copings of lime mortar, slanting toward both faces of the walls to ensure the removal of rainwater. Since the precipitation of rain and snow is much larger in Bulgaria than in Egypt, tightly packed pebbles were immersed in the surface of the coping. The tops of the pebbles were left uncovered, and the pointing of mortar between them was depressed by some 0.5 cm. The final cleaning of the exposed tops of the pebbles and the smoothing of the pointing to ensure free removal of rainwater were done by means of brushes with fine bristles made of copper or another metal.

The experience gained from the application of this method of the restoration of ancient walls in Leucaspis and Novae was taken into account when the architectural structures discovered by the Polish-Ukrainian scientific-and-research team in Chersonesus Taurica were to be safeguarded. The similarities of climate and temperature were duly noted: the yearly amplitude of temperature in this part of Crimea amounts to more than 50 °C, the precipitation of rain is particularly abundant in the autumn and winter, strong winds and gales blow, and the atmosphere contains much salt due to the close vicinity of the sea, which surrounds the ancient city on its three, and virtually on all the four sides. The marked pollution of the natural environment was also considered a significant factor. An important criterion for the selection of the method of safeguarding was the nature of the stone material and mortar, the technique of construction and the design of the walls encountered in the Roman and Byzantine structures of Chersonesus Taurica. The method of safeguarding which was eventually chosen, was similar to that applied in Leucaspis and virtually identical to that used in Novae.

Translated by P. Znaniecki

Рис.1. Леукаспис – Марина Ел-Аламейн 1998. Комплекс жилого дома Н10. Вид с юга перед началом реставрационных работ. Фото С. Медекша

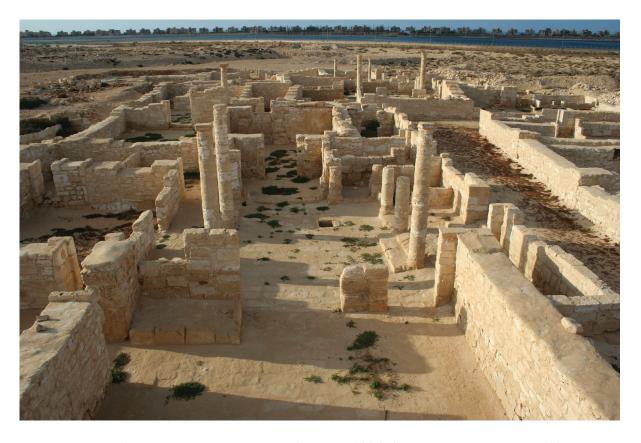

Рис.1а. Леукаспис – Марина Ел-Аламейн 2006. Комплекс жилого дома Н10. Вид с юга после реставрационных работ. Фото Р. Чернер

Рис. 2. Леукаспис – Марина Ел-Аламейн 2005. Комплекс жилого дома Н2. Вид с севера перед началом реставрационных работ. Фото Р. Чернер

Рис. 2а. Леукаспис – Марина Ел-Аламейн 2006. Комплекс жилого дома Н2. Вид с севера после реставрационных работ. Фото Р. Чернер

Рис. 3. Леукаспис – Марина Ел-Аламейн 1998. Таверна в комплексе жилого дома Н9. Вид с запада перед началом реставрационных работ. Фото С. Медекша

Рис. За. Леукаспис – Марина Ел-Аламейн 2006. Таверна в комплексе жилого дома Н9. Вид с запада перед началом реставрационных работ. Фото Р. Чернер

Рис. 4. Новы – Свиштов 2000. Баптистерий в атриуме епископской базилики. Вид с запада до проведения реставрационных работ. Фото А.Б. Бернацки

Рис. 4а. Новы – Свиштов 2001. Баптистерий в атриуме епископской базилики. Вид с запада после проведения реставрационных работ. Фото А.Б. Бернацки

Рис. 4б. Новы – Свиштов 2001. Баптистерий в атриуме епископской базилики. Вид с юго-восточной стороны после проведения реставрационных работ. Фото А.Б. Бернацки

Рис. 4в. Новы – Свиштов 2001. Баптистерий в атриуме епископской базилики. Вид с юго-восточной стороны после проведения реставрационных работ. Фото А.Б. Бернацки

Рис. 5. Новы – Свиштов 2004. Кальдарий в банях епископской резиденции. Вид с северо-запада в процессе реставрационных работ. Фото А.Б. Бернацки

Рис. 5а. Новы – Свиштов 2004. Кальдарий в банях епископской резиденции. Вид с юго-востока в процессе реставрационных работ. Фото А.Б. Бернацки

Рис. 5б. Новы – Свиштов 2004. Общий вид бани епископской резиденции. Вид с запада после реставрационных работ. Фото А.Б. Бернацки

Рис. 6. Херсонес Таврический – Севастополь 2005. Трехапсидный храм с триболонами. Вид с юга в процессе реставрационных работ. Фото А.Б. Бернацки

Рис. 6а. Херсонес Таврический – Севастополь 2005. Трехапсидный храм с триболонами. Вид с юга в процессе реставрационных работ. Фото А.Б. Бернацки

Рис. 6б. Херсонес Таврический – Севастополь 2005. Трехапсидный храм с триболонами. Вид с юго-запада в процессе реставрационных работ после засыпи каменных полов речным песком. Фото А.Б. Бернацки

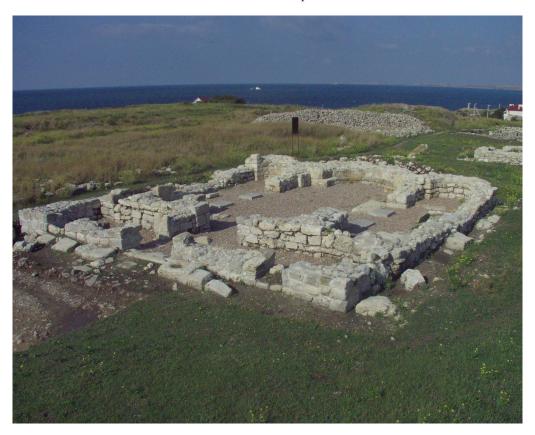

Рис. 6в. Херсонес Таврический – Севастополь 2006. Трехапсидный храм с триболонами. Вид с юга после реставрационных работ. Фото А.Б. Бернацки

Рис. 7. Херсонес Таврический – Севастополь 2004. Трехапсидный храм с триболонами, юго-восточная апсида. Вид с востока перед началом реставрационных работ. Фото А.Б. Бернацки

Рис. 7а. Херсонес Таврический – Севастополь 2005. Трехапсидный храм с триболонами, юго-восточная апсида. Вид с востока после реставрационных работ. Фото А.Б. Бернацки

Рис. 8. Херсонес Таврический – Севастополь 2005. Трехапсидный храм с триболонами, ниша в нартексе. Вид с северо-востока перед началом реставрационных работ. Фото А.Б. Бернацки

Рис. 8а. Херсонес Таврический – Севастополь 2006. Трехапсидный храм с триболонами, ниша в нартексе. Вид с северо-востока после реставрационных работ. Фото А.Б. Бернацки

Рис. 9. Херсонес Таврический – Севастополь 2004. Часовня с аркосолями. Вид с северо-запада перед началом реставрационных работ. Фото А.Б. Бернацки

Рис. 9а. Херсонес Таврический – Севастополь 2005. Часовня с аркосолями. Вид с северо-запада после реставрационных работ. Фото А.Б. Бернацки

А.Б. БЕРНАЦКИ, Е.Ю. КЛЕНИНА

САКРАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАСКОПОК И АЭРОСНИМКОВ)

Несмотря на почти 180-летнюю историю археологических раскопок Херсонеса Таврического, в изучении особенностей топографии остается ряд вопросов, требующих тщательного изучения. В последние годы археологи с успехом сочетают археологические исследования и нетрадиционные методы изучения археологических памятников (геофизическая разведка и аэрофоторазведка), что позволяет выявить особенности топографии античных городищ и поселений в полном объеме за короткий промежуток времени. При таком комплексном подходе можно выявить или уточнить общую планировку города, локализовать ключевые объекты, прогнозировать результаты последующих археологических раскопок.

Работа по изучению топографии Херсонеса Таврического с применением новых методик только началась, несмотря на то, что в научном архиве Национального заповедника «Херсонес Таврический» хранятся несколько негативов фотографий Херсонеса с аэроплана, сделанных в 1918 г. директором музея Л.А. Моисеевым (Рис. 1).

Привлечение имеющихся аэрофотоснимков стало возможным лишь в последние годы, поскольку большинство аэрофотосъемок было рассекречено и постепенно стало доступным для систематического научного изучения. В период Второй Мировой войны аэрофотосъемку Херсонеса осуществляли советские и немецкие военные летчики. Эти материалы хранятся в государственных архивах Украины, России и Германии. К сожалению, доступ к ним все ещё ограничен.

До 1997 г. предварительные обследования археологических территорий с помощью аэрофото- и космической съемок в г. Севастополе были запрещены из-за существующей морской военной базы. В самые последние годы (1998-2005 гг.) появилась возможность совершать облет территории городища и осуществлять съемку. Однако в большинстве случаев исследователей интересовала, прежде всего, фиксация уже археологически исследованных участков Херсонеса (Романчук, Филиппов 2005: 4). Долгое время считалось, что этот метод воздушной разведки мало эффективен для изучения и уточнения планировки Херсонесского городища и применялся лишь Г.М. Николаенко для выявления размежевки сельскохозяйственных наделов в округе города, которая, кроме современных снимков, активно использует профессионально выполненные аэрофотоснимки Гераклейского п-ва советского времени (Николаенко 1999; Nikolaenko 2006: 161).

Изучение топографии любого многослойного памятника требует применение различных методик. Традиционные методы в этом случае должны сочетаться с геофизическими исследованиями и дешифровкой космических и аэрофотоснимков. В настоящее время достаточно привлекательной в научном плане и наиболее перспективной для изучения является западная часть городища, насыщенная сакральными памятниками архитектуры, которые играли, безусловно, значительную роль в византийском провинциальном городе. Это позволило начать в 2002 г. работу над украинскопольским научно-исследовательским проектом «Топография римского и византийского Xерсонеса Таврического», руководителями которого являются авторы статьи.

Сопоставление результатов наших раскопок, проведенных в августе 2004 г., и аэрофотоснимков, предоставленных в наше распоряжение профессором А.И. Романчук в г. Познань (Польша) в октябре 2004 г., дало возможность убедиться в том, что при тщательном изучении снимков с воздуха иногда уже до раскопок можно выявить очертания археологических объектов и интерпретировать их назначение. Такой успех позволил нам более внимательно отнестись к уже хорошо зарекомендовавшему себя в Северной Африке, Иордании, на Ближнем Востоке методу аэрофотосъемки (Kannedy 2000; Rączkowski 2002).

В качестве эксперимента авторы данной публикации провели фиксацию неисследованных участков западной территории городища при освещении рельефа местности косыми лучами солнца в утреннее время между 9.00 и 9.30 часами 27 ав-

густа 2005 г. Самолетом АН-2 управлял пилот Севастопольского аэроклуба В.Г. Четвертаков. Полет финансировался в равных частях Университетом им. А. Мицкевича в Познани (Польша) и Тюменским государственным университетом (Россия). Панорамная съемка под углом 45-60 градусов к поверхности Земли производилась Е.Ю. Клениной вручную цифровым аппаратом Olympus-2500L через смотровое окно самолета без поперечных перекрытий снимаемой площади, а также линейного масштаба. К сожалению, можно с уверенностью констатировать, что панорамная съемка археологических объектов без специального оборудования при всей её внешней привлекательности не дает достаточных данных для изучения топографии городища (Rączkowski 2002: 127-141). Искаженные снимки, чаще всего, приводят к ошибкам в интерпретации полученных снимков. Однако этот эксперимент дал интересные, но требующие дальнейшей проработки результаты.

Обсуждение снимков, полученных во время полета, и осмотр объектов, заинтересовавших нас, на территории городища проведены совместно Е.Ю. Клениной, А.Б. Бернацки, А.И. Романчук, В.А. Филипповым, Н.П. Андрущенко и Т.И. Бажановой (архитекторы НИИТАГа). В результате достоверно выявлены несколько сооружений, а также квартальная размежевка и на снимках, и на местности. К западу, в 20 м от открытого нашей экспедицией трехапсидного храма, в квартале 64 на снимках и на местности просматривается прямоугольное сооружение с углублением в центре, площадью около 10х12 м. Эта постройка, вероятно, была открыта К.К. Косцюшко-Валюжиничем в 1894 г. и является храмом византийского времени (Рис. 4). На плане М.И. Скубетова 1899 г. этот храм обозначен под № 18 (Рис. 7). В 70 м к юго-западу от открытого в 2005 г. трехапсидного храма с триболонами просматриваются контуры ещё одной постройки, предположительно храма (Рис. 4). На местности выявлена кладка апсиды, сложенная из крупных отесанных блоков. Эта постройка была использована в качестве оборонительного сооружения для установки артиллерийского орудия. Наиболее разрушенными оказались северо-западная стена предполагаемого храма и алтарная часть. По нашим расчетам храм находится в квартале № 70.

Другие постройки в этом районе городища из-за нивелировочных работ с северо-западной стороны батареи № 12 выявить не представляется возможным. В этом случае наиболее удачно работает метод геофизической разведки. Материалы этих исследований будут являться предметом нашей совместной статьи с М.Ю. Николаенко.

А.И. Романчук и В.А. Филиппов в 2005 г. выявили на аэрофотоснимке ещё один объект к северо-западу от четырехапсидного храма, который, по их мнению, является очередным трехапсидным храмом (2005: 12). Иллюзию с воздуха создает перекопанный во время многочисленных боевых действий участок. Окопы оплыли и заросли, создавая впечатление сакрального сооружения.

Длительное время считалось, что западная часть Херсонеса была застроена кварталами городской бедноты и отличалась неправильной планировкой с узкими улочками, типичными для средневековых городов, и неказистой архитектурой, а в XI-XIII вв. была в полном запустении (Якобсон 1964: 84). Однако исследования последних лет с успехом опровергают эти предположения. Господствующее положение над остальной частью города и прилегающей к Херсонесу территории делают её основным стратегическим объектом не только в античный, но и византийский периоды. Западный холм с востока на запад пересекает одна из городских артерий - І продольная улица. Прилегающая к ней территория, на наш взгляд, не случайно насыщена сакральными сооружениями. Можно предположить, что в византийское время в Херсонесе она выполняла функцию основной городской артерии, по которой проходили все торжественные религиозные процессии с остановками в храмах. Позволим себе высказать наше представление о месте этих храмов в жизни города, которые являются предметом многолетних дискуссий среди специалистов. По направлению с запада на восток вдоль этой улицы расположены следующие христианские храмы X-XIV вв.

Трехапсидный храм с триболонами, расположенный в квартале № 60, был открыт и исследован в рамках украинско-польского научно-исследовательского проекта «Топография римского и ранневизантийского Херсонеса Таврического» в 2004-2005 гг. В 2005-2006 гг. проведена временная консервация памятника за счет средств Университета им. А. Мицкевича в Познани (Польша) (Рис. 4, 6, 9, 15-18).

Возведение храма приходится на первую половину XI в. Максимальная длина храма составляет 13.70 м, ширина - 10.90 м. Внутреннее пространство храма делится двумя рядами колонн, по две в каждом, на три нефа, с юго-западной стороны находится нартекс. Стены сложены исключительно на земляном растворе, оштукатурены известковым раствором, который затирался в швы. Такая система кладки характерна для херсонесских жилых построек византийского времени (Голофаст, Рыжов 2003: 183-184). Базы колонн были укреплены

на каменных полах с помощью цемянкового раствора. Конструкция стен и внутреннее расположение колонн, которые установлены несимметрично и не образуют квадрат, на который бы опирался барабан, не позволяли соорудить купол в центральной части храма. Вероятно, все сооружение было накрыто двухскатной черепичной крышей. Во время раскопок было обнаружено значительное количество черепицы групп 1 и 2 XI-XIII вв. внутри храма на полах (Романчук 2000: 124-125). В алтарной части сохранился каменный синтрон. Центральная апсида внутри была украшена полихромной росписью, значительное количество фрагментов которой было обнаружено во время раскопок. Остальная часть храма была оштукатурена белым известковым раствором. В диаконнике был установлен алтарный стол, опиравшийся на известняковый многогранный столб с греческим рельефным крестом (Рис. 19-20). Пространство со столом было отделено от нефа алтарной преградой. Сохранилась лишь известняковая основа, на которую опиралась преграда. В жертвеннике также in situ в центре апсиды сохранился четырехгранный столб, на который опирался сакральный стол. В храм можно было пройти с боковой улицы через три входа – главный и два боковых, и с юго-восточной стороны через нартекс. Уже в первый строительный период в нартексе был устроен ряд семейных могил, материал из которых датируется XI-XIII вв.

Храм пострадал, скорее всего, во время землетрясения в 1292 г., о чем свидетельствуют упавшие в могилы фрагменты аркад, полихромной штукатурки и черепицы XI-XIII вв. Завалы в могилах так и не были разобраны, а хоронить продолжали прямо на остатки разрушения. После катастрофы перепланируется внутреннее пространство трехапсидного храма с триболонами: были заложены все боковые входы в храм и нартекс, благодаря чему в боковых нефах храма устроены усыпальницы, которые фактически заблокировали непосредственный доступ к жертвеннику и диаконнику; в северо-западной части нартекса устроена семейная часовня-усыпальница с поминальной нишей в юго-западной стене. Продолжал функционировать лишь центральный вход, который вел с юго-западной стороны в нартекс и далее в наос храма. Этот вход был дважды заложен. Его ширина в последний период существования составляла лишь половину первоначальной. Основанием датировки перестройки храма является монета первой половины XIII в. с монограммой Рω, обнаруженная на дне одной из могил бокового нефа. С северо-восточной и северо-западной сторон находилось кладбище на протяжении всего времени его существования. Аналогичный по форме храм св. Иоанна Крестителя в Несембре был возведен в X-XI вв. и существовал до XIV в. (Решев 2006: 89-98; Николова 2002: 147).

Часовня № 18, открытая К.К. Косцюшко-Валюжиничем в 1894 г., находится в 5 м к западу от трехапсидного храма с триболонами (Рис. 4, 7-9). Размеры – 7.80х5.00 м. Внутри были исследованы 5 могил. Строительство храма можно датировать на основании монет Романа II временем не ранее второй половины X в. (ОАК за 1894; Айналов 1905: 135-137; Романчук 2000: 242).

Пятиапсидный крестово-купольный храм в квартале № 55 был открыт К.К. Косцюшко-Валюжиничем в 1906 г. и доследован в 2001-2003 гг. в рамках украинско-польского научно-исследовательского проекта «Топография римского и ранневизантийского Херсонеса Таврического», под руководством Е.Ю. Клениной и А.Б. Бернацки (ОАК за 1906) (Рис. 4, 6, 8-10)¹. Длина храма по центральной оси без экзонартекса составляет 16.30 м, а максимальная ширина – 15 м. Датируется XI-XIII вв. В настоящее время это один из крупнейших храмов византийского времени, открытых в Херсонесе. А.Л. Якобсон относил его к константинопольской архитектурной школе (1959: 219). М.Н. Брунов считал, что пятиапсидный крестово-купольный храм является комбинацией малоазийского и кавказского направления в сакральной архитектуре Византии XIV-XV вв. с элементами местного творчества (Brunov 1932: 27). Однако ошибочно датировал возведение церкви Х в. на основании монет из могил, не подозревая о существовании более раннего сакрального сооружения.

Храм занимал центральное положение в квартале и, вероятно, являлся частью сакрального комплекса (Рис. 12-14). Возведение пятиапсидного крестово-купольного храма датируется первой половиной XI в. Стены сложены на известковоцемянковом растворе из отесанных известняковых блоков. Центральная апсида фланкируется двумя небольшими боковыми апсидами протезиса и диаконника, которые, в свою очередь, замыкаются двумя апсидами часовен. С внешней северо-восточной стороны алтарная часть выстроена в форме пирамиды. Все апсиды построены в перевязь на уровне фундаментов. Панели внутри храма были выложены мраморными плитками, а полы вымощены известняковыми плитами. В боковых апсидах под полами были сооружены

^{1.} Полная публикация всех материалов планируется нами в форме монографии в 2008 г.

крупные могилы-костницы. В центральной части храма хоронили лишь заслуженных людей.

Такого типа сакральные постройки встречаются редко и практически не сохранились. Аналогичной формы храм был воздвигнут в Гелатском монастыре в первой четверти XII в. (Рамишвили 2003: 318). С северо-западной стороны храма было пристроено небольшое помещение, под керамическими полами которого были устроены две могилы. Обнаруженные в могилах монеты XI в. позволяют предположить, что пристройка возникла вскоре после возведения самого храма и позднее была переоборудована в баптистерий. В восточном его углу была установлена купель, вырезанная из целой известняковой глыбы в форме равноконечного креста. Стены пристройки сложены из бутового камня на земляном растворе. Из баптистерия в храм можно было пройти по крытому коридору через боковую часовню или нартекс. С юго-западной стороны храма был пристроен открытый экзонартекс. Аналогичного типа экзонартекс можно увидеть в храме Девы Марии монастыря Св. Софии первой половины XIII в. в 2 км от Трапезунда (Koromila 2002: 270-271).

С северо-восточной стороны пятиапсидного храма было устроено кладбище, частично захватившее межквартальную улицу. С северо-западной стороны был оставлен небольшой участок этой улицы, который давал возможность пройти в жилой дом в квартале 55а к северо-востоку от храма. По свидетельству К.К. Косцюшко-Валюжинича, пятиапсидный храм погиб в сильном пожаре. Находки монет первой половины XIV в. дают нам возможность предположить, что это сооружение погибает в конце XIII в. Завал не был разобран, однако в экзонартексе были устроены хозяйственные ямы, исследованные К.К. Косцюшко-Валюжиничем (ОАК за 1906).

В результате наших исследований 2001-2003 гг. удалось выяснить, что пятиапсидный храм был построен на фундаментах более ранней трехапсидной церкви. Сохранились три крупные апсиды, выступающие незначительно из-за северовосточного фасада пятиапсидного храма, и две боковые внешние стены (Рис. 11). Длина храма составляет не менее 14.40 м, а ширина - 11.25 м. К сожалению, остается неизвестно, как было устроено внутреннее пространство храма в данном случае. Вероятно, это был трехапсидный храм крестово-купольного типа переходной формы, аналогичный церкви Иоанна Предтечи IX-X вв. или херсонесскому храму № 34 XI в. (Айбабин 2003: 73, 84). Трехапсидный храм был построен на месте заброшенного ранневизантийского

дома. Засыпь подвалов жилого дома датируется серединой IX - X в. Скорее всего, строительство храма произошло не ранее начала X в. Судя по тому, что ряд мраморных деталей были вторично использованы при возведении пятиапсидного храма, можно предположить, что первоначально они находились в ранней церкви. Трехапсидный храм в квартале № 55 был разрушен, по нашему мнению, в результате природной катастрофы в начале XI в. и вскоре разобран до фундаментов, которые были использованы во время возведения крупного пятиапсидного храма.

К северо-востоку от квартала № 55 с пятиапсидным храмом в центральной части квартала № 45 находится небольшой однонефный храм № 16 с аркосолями (Рис. 5, 7-9, 22). Этот храм был исследован в 1889 г. К.К. Косцюшко-Валюжиничем в 1889 г. (ОАК за 1889). Стены сложены на известково-цемянковом растворе. Длина храма составляет 13.4 м, а её ширина - 5.8 м. С юго-восточной стороны пристроен небольшой параклис. Примеры таких пристроек широко известны в византийской сакральной архитектуре (Оустерхаут 2005: 107-110). Внутри в апсиде сохранился синтрон в один ряд, в стенах - пазы от крепления алтарной преграды и мраморный столбик ранневизантийского времени. Свод алтарной части украшала фреска с изображением Богоматери (сохранился фрагмент лика) (Рис. 23). У боковых стен храма были устроены скамьи для прихожан. Датировать эту церковь можно согласно аналогиям XIII-XIV вв. Аналогичные однонефные храмы были популярны в Болгарии. Церкви св. Прасковьи и св. Федора в Несембре (Болгария) датируются XIII-XIV вв. (Решанов 2006: 26-35, 99-101; Николова 2002: 147-149).

Небольшая однонефная церковь была сооружена в алтарной части трехнефной базилики № 17 с полукруглой апсидой, которая была открыта раскопками К. Крузе в 1827 г. (Тункина 2002: 513; Бертье-Делагард 1893: 36-37; Айналов 1905: 95-100; Романчук 2000: 223) (Рис. 5, 7-9, 21). Длина базилики составляет 32 м, а ширина - 18 м. Полы храма были вымощены перевернутыми мраморными капителями и базами колонн. На полах обнаружены фусты колонн с рельефными крестами ранневизантийского времени, высотой около 2.13 м. В центральном нефе базилики был открыт, но не исследован обширный подвал, заполненный фрагментами колонн. Ближайшей аналогией этой базилики является «Базилика 1935 г.» в Херсонесе, которая датируется последней четвертью VI – рубежом X/XI вв. (Седикова 2004: 66). Открытие этой базилики долгие годы исследователями

приписывалось К.К. Косцюшко-Валюжиничу, который в 1889 г. раскопал более позднюю церковь № 16, описанную выше. Уже в конце XIX в. это место у западной монастырской стены было засыпано мусором и более не исследовалось. В 2003-2004 гг. во время реконструкции музейных вспомогательных помещений была частично открыта внешняя стена апсиды (сохранившаяся высота около 1.00 м), сложенной на известково-цемянковом растворе, а также обнаружены фрагменты мраморных архитектурных деталей.

Трехапсидный храм № 4, открытый в 1891 г. К.К. Косцюшко-Валюжиничем, находится в квартале 37 к северо-востоку от І продольной улицы. Размеры храма 16.85х14.0 м (ОАК за 1891; Айналов 1905: 98-100; Романчук 2000: 231) (Рис. 7-9, 24). Храм сложен из отесанных блоков, с северо-восточной стороны находятся три апсиды, полы выложены каменными плитами и находятся ниже уровня дневной поверхности улицы. В храм вели три ступени. В центре алтарной части центральной апсиды in situ обнаружена многогранная известняковая опора алтарного стола (Рис. 25). В северо-западной апсиде (протезис) также обнаружена опора алтарного стола. Вход с юговосточной стороны был заложен, а в южном углу устроена усыпальница. Продолжал функционировать юго-западный вход, который вел с боковой улицы. Купол опирался на четыре столба. Этот храм представляет собой переходный тип от базилики к крестово-купольным сооружениям, характерный для конца IX – X в. (Овчаров 2001: 28). Предварительно храм № 4 можно датировать на основе аналогий X-XIV вв. Абсолютной аналогией херсонесскому храму является церковь св. Иоанна Крестителя в Несембре (Болгария), существовавшая с X-XI по XIV в. (Решанов 2006: 89-98; Николова 2002: 147). Особенно много переходного типа церквей на территории континентальной Греции (Овчаров 2001: 29-30).

Трехапсидный храм № 21, расположен в северной части городища в квартале № 27 у монастырской стены, открыт К.К. Косцюшко-Валюжиничем в 1895 г. и доследован в 1909 г., а также в 1985 г. А.И. Романчук и Ю.Г. Лосицким (ОАК за 1895; Айналов 1905: 122, Романчук 2000: 232-233) (Рис. 7-9). Длина храма составляет 11.50 м, а ширина – 6.9 м. Храм в плане представляет собой квадрат, внутри которого находятся четыре опоры, поддерживавшие купол. Центральная апсида имеет три уступа по обе стороны в плане, переходивших выше в арки, заканчивающиеся конхой. Внутри и снаружи стены разделены пилястрами, причем внешние пилястры с двумя уступами. С юго-западной стороны находится нартекс. В храм вели три входа: с юго-запада и юго-востока через нартекс и юго-востока непосредственно в центральную часть церкви. С внешней стороны главная апсида пятигранной формы, боковые - четырехгранные. Стены сложены из бутовых камней, а пилястры и арки - из отесанных блоков. Снаружи стены имели облицовку из гладко тесанных штучных камней.

Аналогичными храму № 21 являются церкви: Богоматери в Фессалониках (Греция), который возвел в 1028 г. protospatharius Христофор; св. Иоанна Алитургита и Христа Пантократора в Несембре (Болгария) конца XIII - XIV в.; Бял Бряг № 1 в Преславе (Болгария) (Byzantine and Post-Byzantine Monuments... 1997: 84-89; Рашенов 2006: 36-78, Николова 2002: 147-149; Оустерхаут 2005: 31-33).

Трехапсидный храм № 25, расположенный к северо-востоку от храма № 21, открыт К.К. Косцюшко-Валюжиничем в 1890 г. (ОАК за 1890: 30-31) (Рис. 2-3, 5-9). Храм построен на четырех цистернах. Размеры установить сложно из-за плохой сохранности постройки. Северо-восточная его часть была разрушена, купол внутри держался на четырех колоннах. Мозаичные полы сохранились фрагментарно. Одна из цистерн была превращена в могилу-усыпальницу. Во время раскопок была обнаружена надпись на обрамлении дверного проема с указанием года (1183 г.). В настоящее время это единственный храм византийского времени, датировка которого документально подтверждена. Храм функционировал в XII-XIV вв. (Айналов 1905: 64-66; Романчук 2000: 231-232).

К северо-востоку от описанного храма № 25 в квартале № 11 находился сакральный комплекс, центром которого являлся крестообразный храм № 27, открытый К. Крузе в 1827 г. (Тункина 2002: 511) (Рис. 2-3, 5-9, 27). Церковь имеет форму равноконечного греческого креста в плане. Длина храма составляет 19.17 м, ширина по внутреннему периметру – 17.04 м (Айналов 1905: 55). Алтарная апсида имеет форму полукруга, внутри был устроен синтрон, в центральной части которого было установлено епископское кресло с богато украшенной спинкой (Тункина 2002: 512). В храм вели первоначально два входа: с юго-запада и юго-востока. Полы были мозаичные и из мраморных плит (Тункина 2002: 512). Под полами находились могилы. Наиболее важное захоронение, очевидно, было в расположенной в центре храма напротив алтаря квадратной могиле с идеально оштукатуренными розово-красным раствором стенами (Айналов 1905: 49). Останки не

были найдены. Можно предположить, что здесь были погребены мощи весьма важного человека, а сама форма храма в виде равноконечного креста свидетельствует о мемориальном характере церкви. По нашему мнению, это мог быть мартирий папы Мартина I, усопшего в Херсонесе в 655 г.

С юго-восточной стороны одновременно с храмом возвели диаконник с неглубокой апсидой с северо-восточной стороны. В диаконник можно было пройти с юго-западной стороны и со стороны алтаря (северо-западной стороны). Позднее юго-восточный вход был заблокирован, с северо-запада пристроено помещение, выполнявшее, очевидно, функцию протезиса. Богатое убранство церкви и размеры позволяют предположить, что в определенном моменте она могла быть епископской. Деталью, указывающей на то, что храм являлся частью сакрального комплекса, является баня, расположенная к северо-востоку от апсиды (Айналов 1905: 56). Вопрос датировки этого храма наиболее сложный и дискуссионный. По свидетельству К. Крузе, во время раскопок были обнаружены восемь монет Василия I (867-886) и три монеты с монограммой Рю (Тункина 2002: 511; Айналов 1905: 49). Крестообразные храмы занимают, по мнению А.Л. Якобсона, доминирующее положение в Малой Азии с VI в. (1983: 62). Это был переходный тип к крестово-купольному типу церквей. Крестообразные мартирии в бассейне Средиземного моря появились уже в начале V в. Крестовидный тип церкви не был широко распространен в Греции, Болгарии и Северном Причерноморье и использовался редко (Чанева-Дечевска 1999: 46). В Херсонесе обнаружено лишь четыре храма такого типа. Два из них возведены в качестве мартириев на территории городского некрополя, а два – внутри городских стен: храмы №№ 19 и 27, которые также выполняли на первом этапе функцию поминальных комплексов. Храм № 19 и «Загородный храм» датируются VI-XIV вв. (Яшаева 2004: 86-87). Южный крестообразный мемориальный загородный храм также датируется достаточно широко: VI-XII вв. (Романчук 2000: 229). На склоне Мангупа была исследована аналогичная херсонесским храмам крестообразная церковь, которая датируется на основании археологического материала, обнаруженного в стенах, достаточно узко: началом X – XI в. (Айбабин 2003: 78-79). Таким образом, суммируя данные, можно предложить следующую датировку храма № 27 под Владимирским собором. Эта церковь могла возникнуть в качестве мемориального комплекса папы Мартина I после его канонизации, не ранее начала VIII в., и просуществовала с перестройками вплоть до гибели самого города.

Трехапсидный храм в квартале № 7 был открыт и исследован И.Т. Кругликовой и А.В. Сазановым в 1986-1988 г. (Романчук 2000: 228) (Рис. 2-3, 9, 27). Внутреннее пространство делят два ряда колонн по две в каждом. Фасадом храм выходил на боковую улицу или, скорее всего, в тупиковый переулок. Размеры храма 14х12 м. Время строительства - рубеж IX/X вв. Существовал с перестройками до XIII-XIV вв.

Завершает этот ряд византийских храмов епископский комплекс с Уваровской базиликой, который датируется второй половиной V - XI в. (Домбровский 2004: 35; Кленина 2004: 71-74; Кленина 2007, в печати). Вероятно, что он и являлся конечным пунктом всех торжественных процессий.

Таким образом, исследования последних лет, связанные с реализацией упомянутого проекта, позволили нам выявить закономерности размещения храмов в византийском Херсонесе. Безусловно, общественная городская провинциальная застройка находилась под влиянием культурнорелигиозных традиций, архитектурных пристрастий жителей и их экономического благосостояния, а также финансовой поддержки со стороны государства. Влияние на размещение общественных зданий оказывает также рельеф местности. Все эти факторы были учтены древними строителями при сооружении храмов.

Основой для стимуляции городского строительства является финансовое благосостояние городской общины. После образования новой административной единицы – фемы – Херсонес вновь получил право чеканить собственные монеты (Алексеенко 2006: 17). Статус Херсонеса как основного приграничного города и плацдарма для распространения христианской религии на сопредельные варварские территории позволял рассчитывать на щедрые денежные вливания со стороны центральной власти. Посещение города зимой 860/861 гг. просветителями Кириллом и Мефодием послужило, по нашему мнению, очередным толчком для активизации церковного строительства, особенно на частные пожертвования. К концу IX в. окончательно сформировался тип крестово-купольного храма, который пришел на смену базиликам ранневизантийского времени (Оустерхаут 2005: 24). Тесные связи Херсонеса с городами Болгарии и Греции объясняют распространение именно этого типа сакральных сооружений, где он сформировался. В этот период в церковном строительстве ярко отразилось влияние Константинополя и Фессалоник - авто-

ритетных религиозных центров (Byzantine and Post-Byzantine Monuments.....1997: 86-136). B конце IX - X в. в основном строятся храмы так называемого переходного типа от базилик к крестово-купольным храмам.

События конца X – начала XI в. повлияли на городское строительство. Кризис фемного строя, тяготы перенесенной осады киевского князя Владимира, усиление налогового гнета на Херсонес и жестокое подавление восстания 1016 г., а также землетрясение начала XI в. привели к перепланировке храмов. Церкви этого времени в Херсонесе приобретают законченный вид крестово-купольных сооружений. Именно в этот период в церквях устраиваются не единичные захоронения особо важных прихожан или священников, а семейные. Территория вокруг крупных храмов отводится под квартальные кладбища. Все это делается в целях безопасности не только населения, но и для ограничения разграбления могил. Жители бедных кварталов могут позволить строительство только небольших однонефных часовен. В северном, северо-восточном и портовом районах Херсонеса в основном строятся часовни. Население города увеличилось, а смертность среди женщин и детей была неизменно высокой, несмотря на некоторое увеличение продолжительности жизни мужского населения в XI-XIII вв. (Назарова 2002: 152-154).

Такая реорганизация внутреннего пространства крупных храмов приводит к резкому сокращению площади, отведенной для проведения литургии. Однако крупные храмы продолжали играть значительную роль в религиозной жизни горожан до конца существования города.

В Константинополе уже в середине VI в. началось строительство центрических сакральных зданий (Св. София, храм Сергия и Вакха) (Якобсон 1983: 26). К концу IX в. в Византии сформировался тип крестово-купольного храма. Однако в Херсонесе до Х в. господствовала такая архаическая форма христианского храма, как базилика. В начале Х в. начинается процесс замены базилик крестово-купольными храмами переходного типа, характерного для конца IX – X в.

В начале XI в. крестово-купольные храмы стали господствующим типом сакральных построек в Херсонесе. Следует отметить, что в Херсонесе встречаются формы, нехарактерные для большинства провинциальных городов Византии и являющиеся комбинацией нескольких архитектурных традиций. Например, пятиапсидный храм в западной части городища. Крестообразные церкви также являются исключением для византийских городов XI-XIV вв. и возводятся лишь в качестве мартириев. Необходимо отметить, что византийские церкви в Херсонесе топографически расположены на возвышенностях у основных артерий города. Такое расположение характерно, например, для церквей в Фессалониках.

Сакральные постройки византийского Херсонеса, выявленные до сих пор во время раскопок, указывают на особое значение в жизни города христианской религии. Византийский Херсонес являлся основным религиозным центром в Северном Причерноморье, игравшим особую роль в распространении христианства на варварских территориях. Особое геополитическое положение города позволяло терпимо относиться к различным религиозным течениям на протяжении всего его существования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айбабин А.И. 2003 Крым в X – первой половине XIII века. В Т.И. Макарова, С.А. Плетнева (ред.) Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV-XIII века). (Москва): 68-73.

Айналов Д.В. 1905 Развалины Херсонеса. Памятники христианского Херсонеса. (Москва). 1.

Алексеенко Н.А. 2006 Административно-политический очерк истории византийского Херсона IX-XI вв. В А.Б. Бернацки, Е.Ю. Кленина (ред.) Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX-XI вв.). Херсонесский сборник. Supplement. (Севастополь). I.

Бертье-Делагард А.Л. 1893 Древности Южной России. Раскопки Херсонеса. Материалы по археологии России. (Санкт-Петербург). 12.

Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. 2003 Раскопки квартала Х в Северном районе Херсонеса. МАИЭТ. (Симферополь). 10: 182-260.

Домбровский О.И. 2004 Византийские мозаики Херсонеса Таврического. (Poznań).

Кленина Е.Ю. 2004 Уваровская базилика. В А.Б. Бернацки, Е.Ю. Кленина, С.Г. Рыжов (ред.) Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического. (Poznań): 71-74.

Кленина Е.Ю. 2007 Ранневизантийский епископский комплекс в Херсонесе Таврическом. МАИЭТ. (Симферополь).13 (в печати)

Бернацки А.Б., Кленина Е.Ю. Сакральная архитектура византийского Херсона...

Назарова Т.А. Палеодемография населения Херсонеса (по данным антропологии). *Северное Причерноморье в античное время*. (Киев): 147-155.

Николаенко Г.М. 1999 Хора Херсонеса Таврического. (Севастополь).

Николова Б. 2002 Православните църкви през българското средневековие (IX-XIV вв.). (София).

ОАК за 1889 г.

ОАК за 1890 г.

ОАК за 1891 г.

ОАК за 1894 г.

ОАК за 1895 г.

ОАК за 1906 г.

Овчаров Н. 2001 Ранният каталикон от IX-X в. на манастира «Св. Йоан Продром» в Кърджали и неговата монументальна декорация. *Археология*. (София). 42/3-4: 25-37.

Оустерхаут Р. 2005 Византийские строители / Пер. Л.А. Беляев; редакция и комментарии Л.А. Беляева и Г.Ю. Ивакина. (Киев-Москва).

Рамишвили Р.М. 2003 Грузия в эпоху развитого средневековья (X-XIII вв.). В Т.И. Макарова, С.А. Плетнева (ред.) Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV-XIII века). (Москва): 297-320

Решанов А. 2006 Месемврийски църкви. (Несембър).

Романчук А.И. 2000 Очерки истории и археологии византийского Херсона. (Екатеринбург).

Романчук А.И., Филиппов В.А. 2005 Результаты применения разведочной аэрофотосъемки западной части городища Херсонеса Таврического в 2005 г. (Севастополь-Тюмень-Екатеринбург).

Седикова Л.В. 2004 Базилика 1935 года. В А.Б. Бернацки, Е.Ю, Кленина, С.Г. Рыжов (ред.) *Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического*. (Poznań): 57-66.

Тункина И.В. 2002 Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). (Санкт-Петербург).

Чанева-Дечевска Н. 1999 Раннохристиаската архитектура в България IV-VI в. (София).

Якобсон А.Л. 1959 Раннесредневековый Херсонес. МИА. (Москва-Ленинград). 63.

Якобсон А.Л. 1964 Средневековый Крым. (Москва-Ленинград).

Якобсон А.Л. 1983 Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. (Ленинград).

Яшаева Т.Ю. 2004 Крестообразный «Храм с ковчегом». Крестообразный «Загородный храм». В А.Б. Бернацки, Е.Ю. Кленина, С.Г. Рыжов (ред.) *Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического*. (Роznań): 85-87, 93-97.

Brunov M.N. 1932 Une église Byzantine a Chersonèse. L'art Byzantin chez les slaves. (Paris): 25-32.

Byzantine and Post-Byzantine Monuments of Thessaloniki / Ed. D. Nalpandis. (Thessaloniki 1997).

Kannedy D. 2000 The Roman Army in Jordan. (London).

Koromila M. 2002 The Greeks in the Black Sea. (Athens).

Nikolaenko G.M. 2006 The Chora of Tauric Chersonesos and the Cadastre of the 4th-2nd Century BC. In P. Guldager, V.F. Stolba (edd.) *Surveying the Greek Chora. The Black Sea region in a comparative perspective.* (Aarhus): 152-174. Rączkowski W. 2002 Archeologia lotnicza – metoda wobec teorii. (Poznań).

SUMMARY

A.B. Biernacki, E.Ju. Klenina

THE BYZANTINE SACRAL ARCHITECTURE OF CHERSON

(according to excavations and aerial photographs)

Although the history of excavations in Tauric Chersonesos is almost 180 years old, there are still some issues in research of topography peculiarities. Lately, archeologists successfully combine archeological research with aerial photography and land-surveying. That helps to bring to light main topography peculiarities of ancient settlements in a short period of time. Since the sizeable part of Chersonesos topography wasn't surveyed sufficiently from the archeological point of view, it allowed the authors of the article

to lead the joined Ukrainian - Polish research project "The Topography of Roman and Byzantine Tauric Chersonesos" in 2002. A number of regularities in city development and sacral buildings arrangement in Byzantine period were discovered. The main number of churches is concentrated along the first longitudinal street. Presumably, the street was functioning as a basic city artery in Byzantine time. Main ceremonial religious processions going lengthways stopped at churches. The sacral buildings that were excavated

before indicate that Christianity was of a vital importance in a city life. Byzantine Chersonesos was the main religious center in the North Black Sea area and played an important part in spreading Christianity on barbarian territories. Special geopolitical position and political aims that were placed upon the city authorities allowed them to be tolerant to various religions.

Translated by O. Panasenko

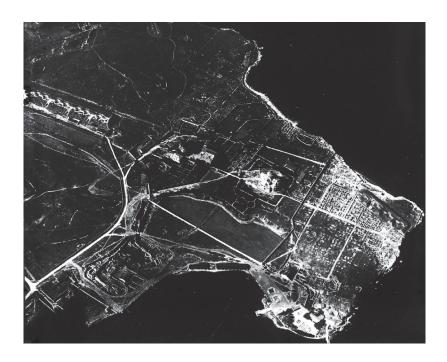

Рис. 1. Аэрофотоснимок Херсонесского городища Л.А. Моисеева 1918 г. Вид с востока (научный архив НЗХТ)

Рис. 2. Аэрофотоснимок восточной части Херсонесского городища. Вид с запада (фото Е.Ю. Клениной, 2005 г.)

Рис. 3. Аэрофотоснимок центральной части Херсонесского городища. Вид с запада (фото Е.Ю. Клениной, 2005 г.)

Рис. 4. Аэрофотоснимок западной части Херсонесского городища. Вид с запада (фото Е.Ю. Клениной, 2005 г.)

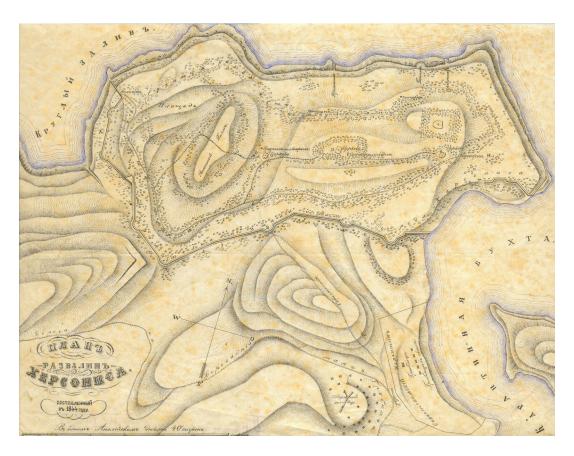

Рис. 5. План Херсонесского городища 1844 г. (научный архив НЗХТ, инв. № 158, папка чертежей II)

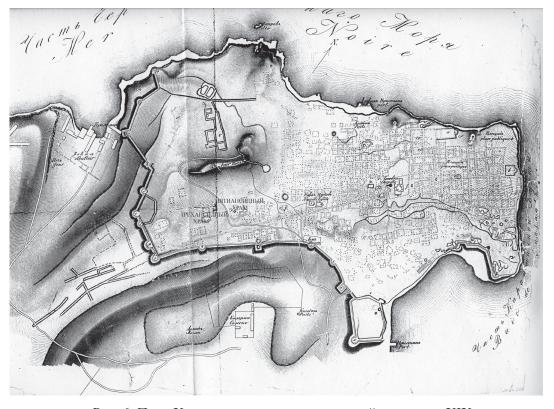

Рис. 6. План Херсонесского городища второй половины XIX в.

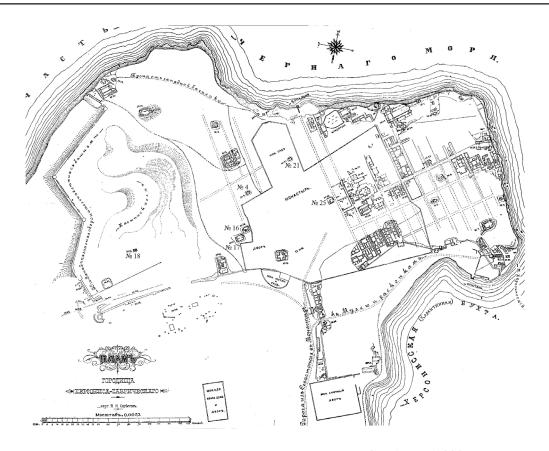

Рис. 7. План Херсонесского городища М.И. Скубетова 1899 г. (научный архив НЗХТ, инв. № 160, папка чертежей II)

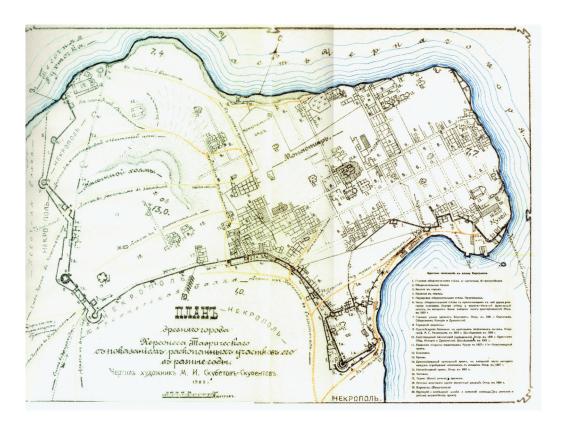

Рис. 8. План Херсонесского городища М.И. Скубетова 1908 г. (из частной коллекции)

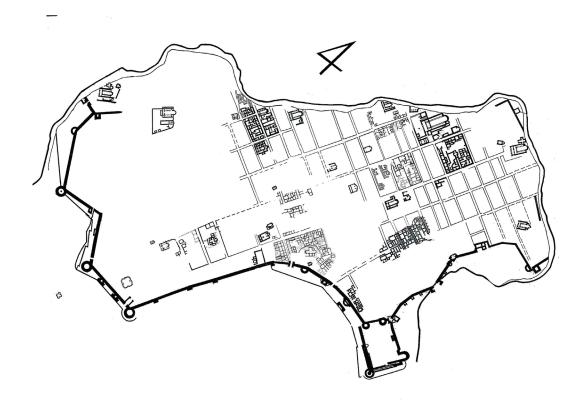

Рис. 9. План Херсонесского городища (по Е.Ю. Клениной и А.Б. Бернацки)

Рис. 10. План квартала № 55 с пятиапсидным храмом (по К.К. Косцюшко-Валюжиничу)

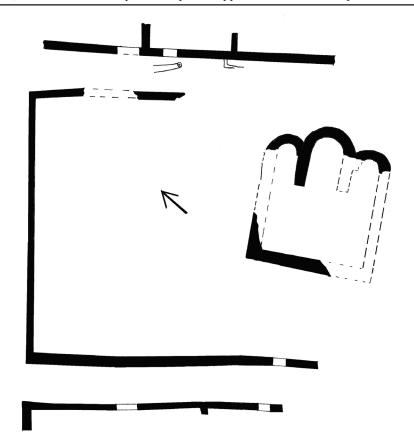

Рис. 11. План трехапсидного храма IX-X вв. в квартале № 55

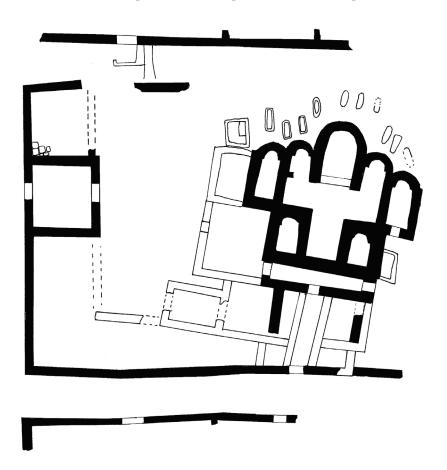

Рис. 12. План квартала № 55 с пятиапсидным храмом XI-XIII вв.

Рис. 13. Пятиапсидный храм в квартале № 55. Вид с юго-запада (фото А.Б. Бернацки, 2003 г.)

Рис. 14. Пятиапсидный храм в квартале № 55. Вид с востока (фото А.Б. Бернацки, 2003 г.)

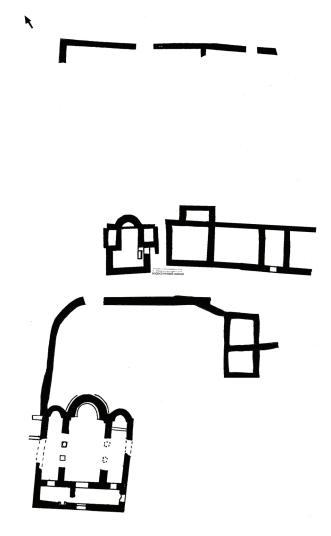

Рис. 15. План квартала № 60 с трехапсидным храмом с триболонами

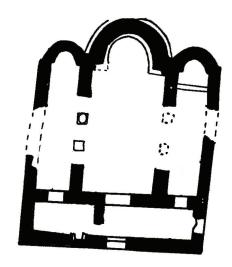

Рис. 16. План трехапсидного храма с триболонами первого строительного периода

Рис. 17. Трехапсидный храм в квартале № 60. Вид с юга (фото А.Б. Бернацки, 2006 г.)

Рис. 18. Трехапсидный храм в квартале N 60. Вид с юго-востока (фото А.Б. Бернацки, 2006 г.)

Рис. 19. Опора алтарного стола из трехапсидного храма (фото А.Б. Бернацки, 2004 г.)

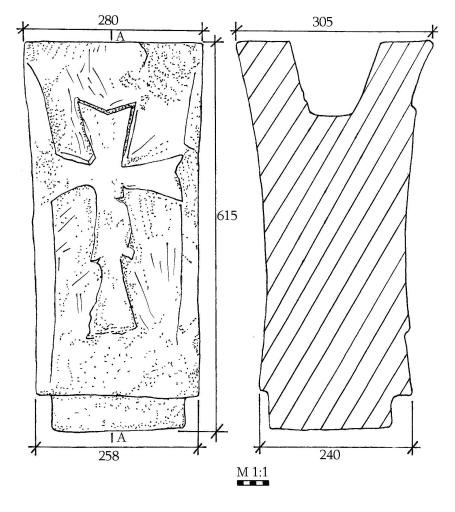

Рис. 20. Опора алтарного стола из трехапсидного храма (чертеж В.П. Пересветова, 2004 г.)

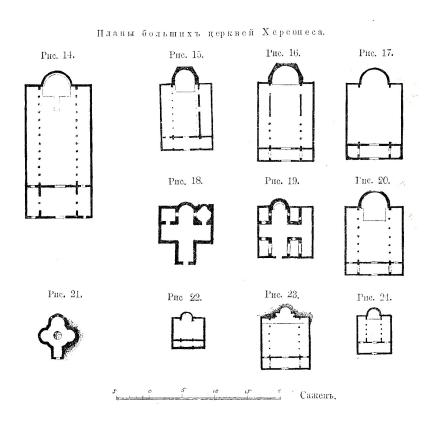

Рис. 21. План храмов Херсонеса (по А.Л. Бертье-Делагарду, 1893)

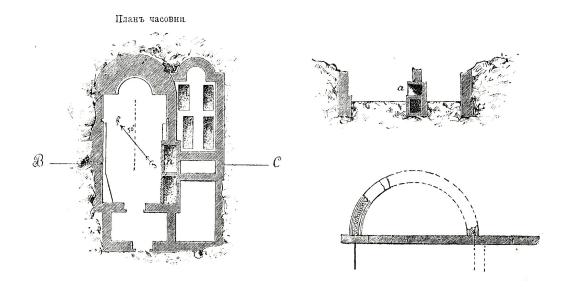

Рис. 22. План и разрез часовни № 16 (по Д.В. Айналову, 1905)

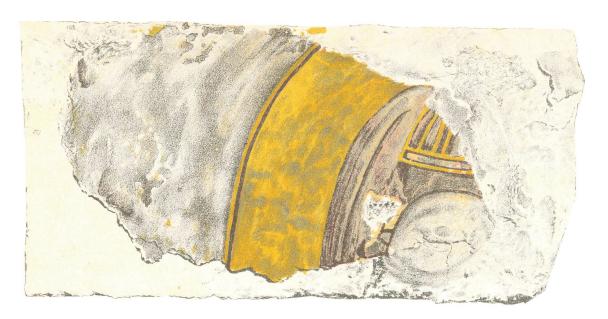

Рис. 23. Фрагмент фрески Богоматери из часовни № 16 (по А.Л. Бертье-Делагарду, 1893)

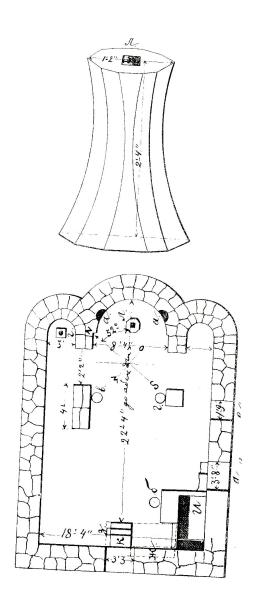

Рис. 24. План трехапсидного храма № 4 (по Д.В. Айналову, 1905)

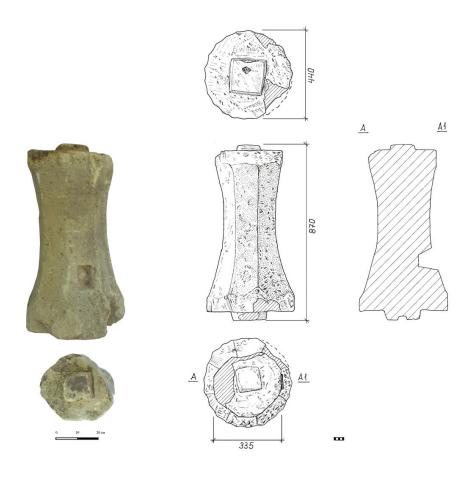

Рис. 25. Опора алтарного стола из часовни № 16 (фото А.Б. Бернацки, чертеж В.П. Пересветова, 2006 г.)

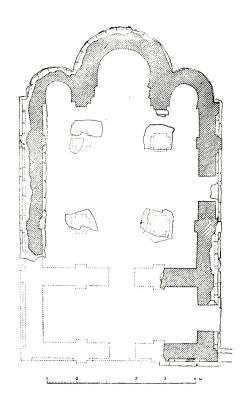

Рис. 26. План трехапсидного храма № 21 (по Д.В. Айналову, 1905)

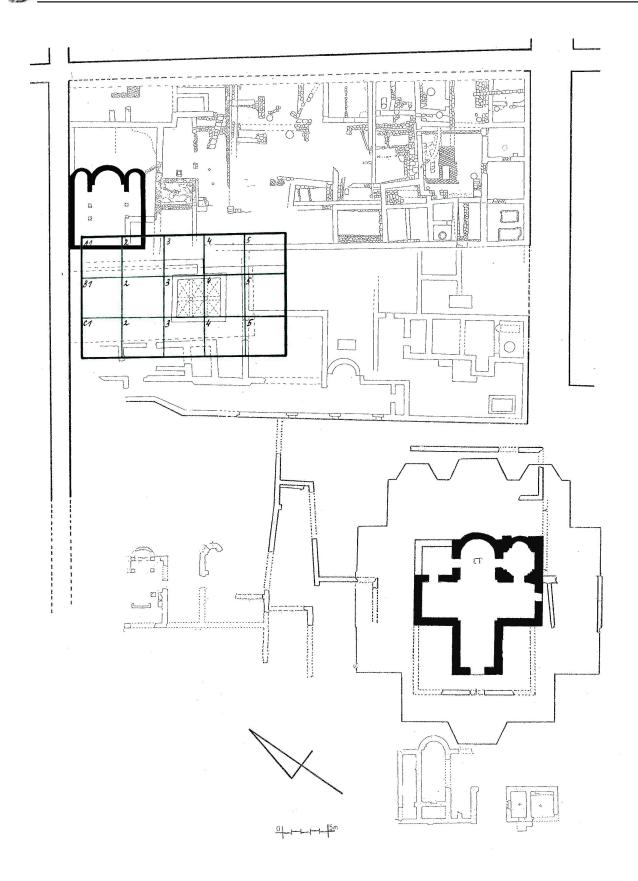

Рис. 27. План центральной части Херсонесского городища с расположением храмов №№ 26-27, 32-33 и храма в квартале VII (по Е. Розпендовски)

И.И. ВДОВИЧЕНКО, Г.И. ЖЕСТКОВА

КОЛЛЕКЦИЯ РАСПИСНЫХ ВАЗ ИЗ РАСКОПОК Р.Х. ЛЕПЕРА В СОБРАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАПОВЕДНИКА «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»

Роберт Христианович Лепер (1864-1918) внес значительный вклад в исследование Херсонеса. Он заведовал «Складом местных древностей» Херсонеса Таврического с марта 1908 по 1914 год. Для этой работы он оставил службу в качестве ученого секретаря Русского Археологического Института в Константинополе. Р.Х. Лепер получил основательную подготовку на историко-филологическом факультете Петербургского университета, занимался топографией древних Афин и Константинополя, обладал выдающимися способностями эпиграфиста. Помимо раскопок Херсонеса, он большое внимание уделял собственно музею, начал строительство новых помещений. Ему удалось найти несколько новых надписей, продолжить раскопки в разных районах городища (Гриненко 1996: 187-190; Басаргина 1997: 96-103). Р.Х. Лепер, кроме сообщений об эпиграфических находках на территории городища (Лепер 1912), опубликовал в ИАК всего лишь один краткий отчет о раскопках в 1906-1909 гг. четырехапсидной постройки у западной оборонительной стены, исследования которой были начаты еще К.К. Косцюшко-Валюжиничем, и древнегреческой улицы, примыкавшей к пятиапсидному храму (Лепер 1911: 92-107). Результаты последних лет раскопок исследователя были суммарно описаны Л.А. Моисеевым, который занял его место после отставки с должности (Моисеев 1918: 51-52). Но все же мы имеем довольно точное представление об исследованиях Р.Х. Лепера благодаря тому, что он вел подробные дневники с записями, в которые заносились подробные сведения о раскопе, описание находок и их местонахождение, составлял погодовые описи находок. Эти материалы были детально изучены К.Э. Гриневичем. Совместно с коллективом исследователей он подготовил к публикации дневники Р.Х. Лепера за 1908-1913 гг., дал при этом описания исследованных им объектов и привязал более точно к планам городища, разобрался в нумерации помещений и стен, названиях улиц и т.д. (Гриневич 1931: 3-4). Кроме того, были подготовлены приложения: Н.Н. Кудь-Бело-

ва определила монеты, найденные при раскопках северо-восточной части Херсонеса, а Г.Д. Белов составил каталог терракот из раскопок 1908-1914 гг. Наша задача - проиллюстрировать наблюдения Р.Х. Лепера о древнейших отложениях Херсонеса материалами расписной керамики, найденной в северо-восточном районе и в других раскопанных им частях городища. Р.Х. Лепер в своих отчетах большей частью лишь бегло упоминает такие находки и не дает ни датировки, ни описания, та же картина характерна и для составленных им описей. К сожалению, часть фрагментов не сохранилась. Попытка восстановить их облик по материалам архива, в котором сохранились негативы фотоснимков, сделанных Р.Х. Лепером, в некоторых случаях увенчалась успехом.

Собранная Р.Х. Лепером коллекция расписной керамики давно привлекала внимание исследователей. Отдельные находки были опубликованы А.А. Зедгенидзе (1978: 76-77; 1979: 26-34), Р.В. Стояновым (2005: 39-47, табл. 2-5), И.В. Шталь (2000: 60; 2004: 19, 24, 27, 50, 56), однако в полном объеме она никогда не публиковалась. Между тем эта коллекция, точно привязанная к конкретным археологическим памятникам на территории города, дает интересную информацию о его топографии и дополняет наши представления о характере импорта расписной посуды в Херсонес с середины VI до конца IV в. до н.э. Она проливает свет и на такую актуальную до сих пор проблему, как вопрос о времени возникновения здесь города или древней апойкии.

К.Э. Гриневич придерживался мнения, что древний Херсонес, начиная с VI в. до н.э., находился на одном и том же месте – в пределах 16, 17 и 18 куртин линии обороны, занимая место близ нынешней Карантинной бухты (1931: 7). Как он справедливо отмечает, на раскопанных Р.Х. Лепером участках материалы архаического и классического времени обнаруживаются либо в ямах и цистернах, либо в обрывках культурного слоя при скале (Гриневич 1931: 9). Обратил внимание на эту группу находок и В.Д. Блаватский в

рецензии на книгу Г.Д. Белова «Херсонес Таврический» (Блаватский 1949: 145-148). Появление фрагментов керамики и целых сосудов, датирующихся третьей четвертью VI – первой половиной V в. до н.э., он связывал с существованием здесь стоянки кораблей и эмпория греческих купцов. А.А. Зедгенидзе, которая опубликовала группу наиболее ярких фрагментов расписной керамики, найденной на территории Херсонеса, в том числе и из раскопок Р.Х. Лепера, дала общую классификацию херсонесской расписной посуды, предприняла попытку топографического анализа этих находок и сделала на этом основании выводы об изменении границ древнего города. Она пришла к выводу о численном преобладании расписной керамики IV в. до н.э.; ранние же находки, редкие и случайные, по ее мнению, связывала с использованием бухты заходящими греческими кораблями (Зедгенидзе 1979: 30). М.И. Золотарев, который придерживался мнения об основании Херсонеса в последней четверти VI в. до н.э. Гераклеей Понтийской совместно с беотийским Делионом (Золотарев 1993: 4-5), изучая архаическую керамику Херсонеса, опирался, кроме собственных материалов, на наблюдения Р.Х. Лепера, который первый выделил «милетские черепки» в слоях древнего города, так же как и чернофигурные и краснофигурные раннеклассического времени.

Раскопки Лепера затронули прежде всего восточную часть городища. Он закончил многолетние раскопки Археологической комиссии и К.К. Косцюшко-Валюжинича (Гриневич 1927: 39). Большое внимание было им уделено западной линии обороны: были исследованы главнейшие ее части. Одновременно на юго-востоке он закончил начатые Косцюшко-Валюжиничем работы по расчистке башни Зенона и прилегающей к ней частей оборонительной стены, с внутренней стороны прилегающей к башне Зенона. Кроме того, им ежегодно раскапывался некрополь Херсонеса.

В 1908-1909 гг. Лепер исследовал северовосточную часть Херсонеса возле батареи Канэ, кроме того, работы велись на месте раскопа 1877-1888 гг., а также в западной части городища: было окончательно доследовано четырехапсидное здание, раскапывалась западная часть оборонительной стены и некрополь возле нее (Лепер 1911: 92-107).

Главная улица и площадь перед восточной базиликой, а отчасти сама восточная базилика, а также прилегащие поперечные улицы исследовались в 1908-1909 гг. В 1908 г. в слоях поперечной улицы у входа на главную на глубине до 0,50 м среди фрагментов амфор и чернолаковых сосудов

найден «1 краснофигурный черепок с рисунком «мэандр»¹ (Лепер 1931:18). В эти же годы исследовался первый квартал северо-восточной части Херсонеса (квартал возле восточной базилики (Гриневич 1931: рис. 5). В 1908 г. в первом комплексе квартала в колодце помещения 14 были обнаружены 2 краснофигурных черепка (№ 4978), а в помещении 15 - фрагмент с изображением пальметки (Лепер 1931: 29)².

На улице К раскапывался 3-й комплекс. У северного конца улицы был найден край большой чаши с узором из лавровых листьев и чернофигурный черепок № 3065³(Лепер 1931: 37). Здесь же с другими остатками древней посуды был найден 1 краснофигурный фрагмент № 3137. Это часть лицевой стороны кратера. На рисунке - часть изображения какого-то деревянного предмета и поясок ов под рисунком. Стилистические особенности росписи позволяют отнести ее к последней четверти V в. до н.э.

В западной части улицы К в скале была раскопана неглубокая яма, в ней была найдена чернолаковая, краснолаковая и краснофигурная посуда, в том числе 2 фрагмента кратеров № 4072. Один из них (размеры: 5,8х2,9 см) с сохранившимся изображением нижней части фигуры в гиматии вправо (табл. I/3), судя по аналогиям (Boardman 1975: № 175,179), датируется первой четвертью V в. до н.э. Второй фрагмент с изображением двух персонажей в гиматиях можно отнести к началу IV в. до н.э.

На восточной стороне улицы К у скалы в цистерне N1, в помещениях М и О, среди прочей древней посуды были найдены краснофигурные фрагменты №№ 4119, 2916, 3044, в основном это кратеры (Лепер 1931: 36-41)4. В помещении Р, в западной его части, найден фрагмент краснофигурного скифо-килика № 3185. Сохранилась часть изображения: справа - юноша в гиматии с посохом в руке, перед ним - обнаженный атлет. Стилистические особенности рисунка позволяют отнести его к числу работ мастера Q и датировать второй четвертью - серединой IV в. до н.э. Здесь же, в северо-западном углу помещения у скалы, был найден венец кратера с орнаментом в виде лавровых листьев (№ 3216) и кусок изгиба с пальметкой – орнаментом (Лепер 1931: 41)⁵.

В этом же районе были найдены: фрагмент кратера N 2685 (в описи 1908 г. – базилика 1877 г., южная поперечная дорога) с изображением фигу-

¹ Упомянут в дневнике без полевого номера. Не сохранился.

² Не сохранились

³ Не сохранился

⁴ Не сохранились

⁵ Не сохранились

ры в гиматии влево с посохом в руке (табл. I/4); фрагмент с изображением женской головки (табл. I/9); фрагмент с изображением жреческого одеяния (табл. I/10) — они датируются концом V в. до н.э. Еще один фрагмент с изображением пальметки (табл. II/14), правда чернофигурной, который на архивной фотографии снят вместе с кружкой с изображением юноши № 1699 (см. выше), принадлежит горловине амфоры и датируется, судя по аналогиям (Мооге 1997: № 234), началом V в. до н.э.

Раскопки второго квартала, выходящего на юго-востоке на главную продольную улицу и ограниченного с северо-востока І поперечной, а с юго-запада II поперечной улицами, были начаты Р.Х. Лепером в 1908 г. В 1908 г. в помещении С в выемке скалы были найдены чернолаковые фрагменты и краснофигурный черепок № 29286. Против помещения G - H у скалы найдены два фрагмента венца с краснофигурным плющевым узором $(Лепер 1931: 67)^7$, рядом с H на углу с аркой до скалы – сетчатый лекиф⁸ (Лепер 1931: 68). В помещении Q – при выходе на батарейную дорожку - фрагменты краснофигурных сосудов № 3169⁹ и № 3170. Это фрагмент скифоса с изображением двух юношей в гиматиях, которые стоят лицом друг к другу. Он датируется третьей четвертью IV в. до н.э. и относится к Группе Вена-116. В помещении S найден краснофигурный черепок с изображением головы лошади (Лепер 1931: 70). Сам фрагмент не сохранился, но в архиве есть негатив с этим изображением (табл. І/8). Стилистически этот совершенный рисунок близок манере мастера Мидаса, одного из последователей Полигнота (Matheson 1995: pl. 159), и датируется около 430 г. до н.э. В помещении Z второго квартала найден краснофигурный обломок крышки с узором (Лепер 1931: 74).

Возможно, из раскопок второго квартала происходит фрагмент кратера № 3223 (табл. I/5). Это часть стенки у ручки сосуда, сохранилась часть пояска ов вокруг нее. Рядом — рука персонажа, держащая тирс (менада?). Стилистически близка сосудам конца V в. до н.э.

Пятый квартал северо-восточной части Херсонеса, расположенный к юго-западу от нарфика Уваровской базилики, раскапывался Лепером в этом же 1908 г. В этом квартале были найдены очень интересные фрагменты, в том числе и архаического времени. Некоторые находки, привлекшие внимание исследователя, упомянуты в

отчете и дневнике, другие перечислены в описи. При расчистке базилики 1877 г. в южном нефе был найден черепок № 1640, который Р.Х. Лепер определил как «край краснофигурного кратера» (1931: 113,119). Это фрагмент венца кратера с колонновидными ручками. На верхней поверхности его – стилизованные бутоны лотоса, на боковой – плющевая гирлянда. Судя по аналогиям (Сидорова, Тугушева, Забелина 1985: 36, 37), его можно отнести к концу первой трети V в. до н.э.

В углублении скалы в северо-западном углу церкви найдена ручка краснофигурного сосуда № 1644¹⁰, рядом в яме № 2 - 2 краснофигурных черепка, один из них № 1645 - с изображением корзины (табл. II/2) (Лепер 1931: 114). Аналогичное изображение — на лекане группы «Отчет» из Крымского Республиканского краеведческого музея (Вдовиченко 2003: 114) — позволяет датировать этот фрагмент концом первой трети IV в. до н.э.

Против юго-западного угла церкви в западном углу помещения α1 была раскопана яма 3, в ней были найдены «черепки котилы с плющевой гирляндой по верхнему краю сосуда» № 1692 (Лепер 1931: 114). Такой тип орнамента характерен для мастера Q, работы которого датируются второй четвертью IV в. до н.э. (Ure 1944). Здесь же найден фрагмент кружки с фигурой юноши № 1699 (табл. II/12). Сохранился только архивный снимок этого фрагмента. Юноша в плаще, наброшенном на левое плечо, с открытыми грудью и правым плечом стоит, опираясь, на суковатую палку. В левой руке он держит лекиф. Кружки такого типа датируются 460-450 гг. до н.э. (Sparkes, Talcott 1970: 250; CVA DDR, 3: taf. 40, 6, 7). Стилистически рисунок близок изображению Аталанты (Boardman 1975: № 369) на килике из Лувра, расписанном мастером Эвейон (Euaion Painter), работавшим в 460 гг. до н.э.

В этой же яме были найдены: обломок края кратера с лавровым венком № 1730 ¹¹, обломок «маленького кувшинчика» — лекифа — с женской фигурой, идущей вправо № 1731 (табл. II/11), три мелких краснофигурных фрагмента № 1700-1701 с пальметками. Под этими номерами сохранились два фрагмента скифо-киликов. Первый № 1700 — с орнаментом под ручкой: пальметка и отходящие от нее растительные завитки — близок работам мастера Q и датируется второй четвертью IV в. до н.э., второй - № 1701 с изображением тирса — можно отнести к началу IV в. до н.э. № 1702 из этого же комплекса представляет собой фрагмент аска конца V в. до н.э. с изображением головы собаки со стоячими ушами (табл. II/8).

⁶ Не сохранился

⁷ Не сохранился

⁸ Не сохранился

⁹ Не сохранился

¹⁰ Не сохранилась

¹¹ Не сохранился

На дне ямы была обнаружена чернофигурная мелкая чаша № 1729, по мнению Р.Х. Лепера древнейшая в Херсонесе (Лепер 1931: 114). Изображение этого фрагмента сохранилось лишь на негативе в архиве заповедника (негатив № 1468). Это часть стенки чаши-скифоса с изображением сатира и менады, бегущих вправо, с кроталами в руках. Аналогичная чаша из Эрмитажа (Горбунова 1983: 182, № 154) относится к Группе Ланкут и датируется 480 г. до н.э.

К югу от церкви находилась яма 4 неправильной округлой формы, в ней были найдены 5 черепков краснофигурной посуды: № 1658 - кратер с меандром¹², № 1659 – скифос с изображением ног вправо (табл. II/3); № 1660 – кувшинчик с изображением спины и головы женской фигуры (табл. II/5 или 9); № 1661 – широкая чаша с изображением юноши, обращенного влево, закутанного в плащ, с непокрытой головой, перед ним розетка, может быть, мяч; № 1662 – маленький кувшинчик с изображением хвоста сфинкса (табл. II/10).

В яме 6 был найден фрагмент кратера прекрасной работы с изображением Афины и Посейдона¹³, над фигурами – надпись НАНН (Лепер 1931: 115). В яме 7 среди прочих находок обнаружен краснофигурный черепок № 1664 (табл. $II/13)^{14}$ — голова юноши архаического стиля в профиль вправо с белой тенией в волосах (Лепер 1931: 115, 129; Зедгенидзе 1979: рис. 2,1). Стилистически изображение близко манере вазописца Бригоса (Boardman1975: № 254, 253) и может быть датировано 480-470 гг. до н.э. В яме 11 у юго-восточного угла церкви - 5 краснофигурных фрагментов (Лепер 1931: 117): 2 - с частями пальметки, одна - с остатком фигуры, закутанной в плащ (№ 2222)15, и 2 – с остатками мужских фигур, расположенных попарно (№ 2369, 2371). Это фрагменты оборотной стороны кратеров (табл. I/11), датирующихся концом V в. до н.э. В древней яме в водостоке, отводившего воду от западной стороны Уваровской базилики, найдены: № 2370 – фрагмент пелики с изображением женской головы в профиль, с волосами, собранными на затылке¹⁶; № 2501(2) – край кратера с лавровым венком (Лепер 1931: 118).

В пространстве между стенами здания α и стеной 1 был обнаружен нетронутый древний слой улицы. В восточной ее части найдены 3 красно-

фигурных фрагмента: №№ 1724, 1726, 1727. Под № 1727 хранятся два фрагмента разных кратеров: «часть шейки со свешиващимися узкими листиками» (Лепер 1931: 119) (плетенка из лотоса на горловине кратера) - такие сосуды, судя по аналогиям, датируются первой четвертью V в. до н.э. (Moore 1997: № 190); и черепок с остатком изображения ноги бегущей вправо фигуры, под ней - меандр, стилистически сходный с кратерами конца V в. до н.э. (Moore 1997: № 400).

За западной стеной (квартала?) к югу между канавой и стеной найдены чернолаковые и 1 краснофигурный фрагменты № 220117 (Лепер 1931: 125). Вторая яма к востоку от обжигательной печи дала 7 краснофигурных фрагментов №№ 2236-224018 (Лепер 1931: 125). Сохранились 2 фрагмента кратеров № 2239. На первом (табл. II/1) - изображение на оборотной стороне сосуда: двое персонажей в гиматиях с посохами в руках. Стилистические особенности росписи близки кругу мастера Мидия (Boardman 1989: № 289). Сосуд можно датировать концом V в. до н.э. Второй фрагмент (табл.І/10) с изображением торса сидящего мужчины, бедра которого обернуты гиматием (Дионис?), на основании аналогий можно датировать началом IV в. до н.э. (Boardman 1989: № 356). Еще один фрагмент - № 2200 (табл. І/6) - в описи за 1908 год отнесен к числу находок из этой ямы. Это фрагмент аска (размеры 3,4х4,0 см) с изображением женской головки в саккосе в профильном повороте вправо. Аналогичное изображение на сосуде с афинской Агоры относится к группе Венских лекан и датируется серединой IV в. до н.э. (Мооге 1997: № 1136).

В яме Т к югу от цистерны, кроме прочих находок, были найдены фрагменты краснофигурного кратера № 2327/8 с изображением сидящей фигуры, которые можно отнести к началу IV в. до н.э.

Очевидно, где-то по соседству был найден фрагмент кратера, не упомянутый в дневнике, который в описи числится под № 2337 (табл. IV/13). На нем изображена бегущая вправо женщина, оглядывающаяся назад. Группа G. Третья четверть IV в. до н.э.

На последней поперечной улице под уровнем древней дороги на самой скале (Лепер 1931: 127) был найден 1 чернофигурный черепок № 2459 (табл. І/12). Фрагмент, к сожалению, не сохранился, но его изображение есть на негативах в архиве музея. Р.Х. Лепер не уделил внимания этому фрагменту, гораздо более древнему, чем упомянутый выше фрагмент с сатиром и менадой № 1729.

¹² Не сохранился. №№ 1659-1662 также не сохранились, но изображения имеются на негативах в архиве - № 1488.

¹³ Не сохранился

¹⁴ Не сохранился. Изображение – на негативе № 1488 архива заповелника.

¹⁵ Не сохранился

^{16 №№ 2370, 2501, 1724, 1726 –} не сохранились

¹⁷ Не сохранился

^{18 №№ 2236, 2237, 2238, 2240 -} не сохранились

Видна часть изображения идущего влево кошачьего хищника и розетки. Рисунок контурный, лишь мускулатура туловища хищника и лепестки розетки выгравированы. Аналогичный фрагмент, который Н.А. Сидорова относила к кругу Лидоса и датировала серединой VI. в. до н.э., найден во время раскопок Пантикапея и хранится сейчас в ГМИИ (CVA Russia, 1: Pl. 46, 2, P. 43). Такие же фрагменты были найдены во время раскопок по соседству в VI квартале С.Г. Рыжовым и М.И. Золотаревым (Золотарев 1993: табл. XXI; Vinogradov, Zolotarev 1990: 85-119; Zolotarev 1991: 313-317). Можно предположить, что все эти фрагменты принадлежат одному сосуду (табл. І/12, 13).

Возможно, из раскопок V квартала происходят фрагменты: кратера № 1705 (табл. II/7) с изображением ноги бегущего вправо мужчины - конец V в. до н.э., ойнохойи № 1080 (размеры - 11,2х10,7 см) с изображением женщины в гиматии и юноши, протягивающего ей арибалл (табл. II/4) - вторая четверть IV в. до н.э., Группа "Толстого юноши".

В 1909 г. продолжались работы в І квартале.

Во втором комплексе квартала в помещении 1а при скале в выемке у середины древней стены найдены краснофигурные фрагменты (Лепер 1931: 31). № 2440 – часть скифо-килика (размеры - 4,0х3,3 см). Многолепестковая розетка под ручкой. Мастер Q. Середина IV в. до н.э. № 2441 – это фрагменты кратеров. Первый (размеры - 2,7х1,6 и 2,1х1,3 см – склеился) – с изображением женской головки в профильном повороте влево (табл. IV/4). В волосах широкая повязка, украшенная точечным орнаментом. Пряди волос показаны зигзагами. Волосы на лбу - в виде капель. Строгий стиль. Первая четверть V в. до н.э. Близок манере мастера Колмар (Boardman 1975: № 238). Второй - венчик кратера, украшенный гирляндой плюща. Плеть прорисована белой накладной краской (осыпалась) на фоне зигзагообразной широкой линии, нанесенной черным лаком, листья - в краснофигурной технике в виде треугольников. В более изящном исполнении такой орнамент на венчике колоколовидного кратера с афинской Агоры (Moore 1997: № 288), который датируется 430 г. до н.э.

В помещении 1а в 2 м к северо-востоку от прохода найдены 4 краснофигурных черепка и 1 мегарский¹⁹ (Лепер 1931: 32). Здесь же, под древней вымосткой, среди черепков простой древней посуды и амфор - 2 краснофигурных: № 2572 фрагмент кратера. Нога танцующего или бегущего вправо персонажа (табл. III/14). Конец V в. до н.э. № 2573 - фрагмент скифоса (размеры 3,2х2,6 см). Женщина стоит на коленях в 3/4 развороте влево, опираясь руками на небольшой камень (табл. IV/2). Конец V в. до н.э.

Здесь же, под вымосткой – фрагмент кратера № 2605 с волютой под ручкой - конец V в. до н.э. В помещении 2а на полу найден фрагмент с краснофигурной пальметкой № 2424 (Лепер 1931: 33). Пальметка у ручки. Середина IV в. до н.э. В коридоре к северо-востоку от помещения За по скале (Лепер 1931: 34) найдены нижняя часть лекифа и черепок клетчатый № 2372 – наверное, сетчатый леки ϕ^{20} . В помещении 5a(60) вдоль водостока краснофигурный фрагмент № 2616 (табл.III/9) возможно, фрагмент основания брачного лебета (Moore 1997: № 130) последней трети V в. до н.э. В помещении 6b под юго-западной стеной найдена более древняя, на уровне ее верхнего края среди прочих находок был найден и краснофигурный фрагмент № 2324 (Лепер 1931: 41). Это фрагмент килика (размеры - 5,5х3,8 см) с изображением лошади или ослицы вправо (табл. III,6). Аналогии: CVA DDR 3: Taf. 8,3; 9,3: Moore 1997: № 1513; Boardman 1989: № 219. Конец V в. до н.э. В помещении 8а найден краснофигурный черепок № 2276 (табл. IV/3). Это фрагмент скифоса с изображением руки с мечом. Конец V в. до н.э. (Лепер 1931: 42).

В помещении 9а – восточный угол до скалы – найдены чернолаковые и краснофигурные черепки (Лепер 1931: 44): фрагмент кратера с лавровыми листьями (№ не указан) и фрагмент пелики № 2194 (размеры - 6,9х2,9 см). Летящий Эрот преследует женщину. Конец третьей четверти IV в. до н.э. Мастер Эрота с зубчатыми крыльями (Вдовиченко 2003). Здесь же - фрагмент кратера № 2237/9 с изображением преследуемой менады. Круг мастера Грифонов, третья четверть IV в. до н.э. В помещении 13а найдены обломки кратера № 2877/09 (табл. III/15), фрагменты этого сосуда обнаружены в других частях улицы. Он был опубликован А.А. Зедгенидзе среди прочих ранних материалов из городских отложений Херсонеса (Зедгенидзе 1979: рис. 2,3). Находки ваз с таким сюжетом: военный танец – пиррихий – в женском исполнении – в Северном Причерноморье довольно редки (Вдовиченко 1999: 81-86). На фрагменте (размеры - 10,5х9,5 см) лицевой стороны кратера сохранилась верхняя часть рисунка: под венчиком - венок лавра, ограниченный с двух сторон полосками в цвете глины, справа - девушка в коротких панталонах, в аттическом шлеме, из-под которого ниспадают ее длинные волнистые волосы. В пра-

20 Не сохранились

¹⁹ Не сохранились

вой руке она держит круглый щит, изображение которого сохранилось лишь частично: край его находится на уровне ее подбородка. Правая рука отведена назад - такое ее положение обычно для тех случаев, когда держат копье наперевес. Часть рисунка с изображением ног, к сожалению, утрачена, однако видно, что девушка стремительно движется вправо быстрым шагом. За спиной ее видна частично сохранившаяся фигура женщины, сопровождающей ее танец игрой на флейте: голова в повязке-саккосе и руки, держащие двойную флейту (авлос). Сюжет — женский пиррихий — был популярен у мастеров круга вазописца Полигнота. Ближе всего по стилю - работы мастера Мидаса (Matheson 1995: 98-99).

Под входом в помещение II (Лепер 1931: 46) в разрушенной части водостока – 2 обломка кратера № 3054: 1) с пальметкой под ручкой, середина IV в. до н.э. (табл. III/13; 2); кресло, или клине, изображенное белой накладной краской, середина IV в. до н.э. (табл. III/10).

Из не упомянутых в дневнике находок, происходящих из раскопов, примыкающих к кварталу, назовем фрагмент кратера № 3843 (табл. IV/12) с изображением бегущего вправо сатира, судя по аналогиям (Мооге 1997: № 479), датирующегося первой четвертью IV в. до н.э.

Во II квартале в 1909 г. раскапывалось помещение 17 (Лепер 1931: 52). С левой стороны под входом в помещение найдены фрагменты краснофигурных сосудов: ручка № 2904 и часть сосуда № 2876, в помещении 22b - фрагмент № 3031²¹. В помещении 23 у скалы найдены краснофигурные черепки: 1) № 1773 - фрагмент скифоса (размеры - 2,2х2,8 см) с изображением юноши в гиматии влево, за его спиной — волюта (табл. V/1); мастер Калимнос (Мооге 1997: № 1300, 1301), вторая четверть IV в. до н.э.; 2) № 1774 — фрагмент аска (размеры - 1,9х2,3 см), сидящая пантера близка манере Кембриджского мастера; вторая четверть IV в. до н.э.

В помещении 35 в верхнем слое на глубине до 1 м найден длинный лекиф № 1884²² — очевидно, цилиндрический, первой половины V в. до н.э. В помещении 45 под полом Р.Х. Лепер отмечает краснофигурный черепок (1931: 63) № 2957. На самом деле, это фрагмент чернофигурного скифоса с орнаментом в виде параллельных лучей в нижней части тулова (табл. III/2).Такие сосуды датируются обычно концом VI — началом V в. до н.э. (Горбунова 1983: 52, 53).

Рядом с помещением 51 найден фрагмент кра-

тера № 2094 (размеры - 4,0х3,5 см) с изображением одежды движущихся персонажей, начало второй четверти IV в. до н.э.

В дневнике не упомянуты некоторые находки из этого квартала: так, в описи за 1909 год в помещении Е описывается фрагмент №3748 (табл. III/3). Это часть вместилища леканы, декорированного по краю вертикальными зигзагообразными линиями. Такие сосуды датируются около 480 г. до н.э. (Онайко 1970: 28; Sparkes, Talcott 1970: № 1224). Фрагмент № 4526 (табл. V/10), найденный у подземного храма в насыпи северо-восточного квартала, представляет собой часть стенки скифоса с изображением двух юношей в гиматиях. Вторая четверть IV в. до н.э. Мастер Калимнос (ARV² 1494).

В 1909 г. исследовались участки городища за монастырской оградой VII. Из наиболее ранних находок - фрагмент килика № 1124 (табл. III/1), найденный в помещении XIX в яме. На нем сохранилось изображение колонны и какого-то предмета — может быть, одежды и летящего шарика. Ближайшие аналогии — килики из Пантикапея, хранящиеся в ГМИИ (CVA RUSSIA,1: Pl. 49, 1-3) — CHC Group. 510-500 гг. до н.э.

В помещении VII в нижнем слое найден фрагмент кратера с женской головкой влево № 440 (табл. III/5). Близок изображению на фрагменте с афинской Агоры (Мооге 1997: № 282) – Шуваловский мастер, 430-420 гг. до н.э.

В монастырской ограде найден фрагмент пелики или амфоры № 1326 с декоративным фризом на горле в виде вертикально стоящих пальметок, окруженных растительными побегами (табл. III/7). Близок манере Полигнота. Середина V в. до н.э. (Matheson 1995: Pl. 44). Орнамент из горизонтальных пальметок украшает фрагмент венчика кратера № 3038, происходящего из помещения XXXIV (табл. III/8). Аналогичный орнамент украшает чашевидный кратер из Лиссабона, датирующийся 440-430 гг. до н.э. (Matheson 1995: 97). В помещении XIV на глубине до 2 м найдены фрагменты кратера № 629 (размеры от 27,0х10,1 до 5,3х4,0 см). На лицевой стороне - сидящий Дионис с тирсом в руках, слева - менада /Ариадна?/ и Эрот с распахнутыми крыльями (табл. IV/1,7). На оборотной стороне - трое юношей у алтаря, вторая четверть IV в. до н.э. В помещении XX на глубине 2,3 м обнаружены фрагменты рыбного блюда (табл. IV/5). Блюдо относится к классу В, к числу работ мастера блюда Октопуca (McPhee, Trenfall 1987: 42), датируется первой четвертью IV в. до н.э. В помещении IV в нижнем слое – фрагмент пелики № 211 (табл. IV/6)

²¹ Не сохранились

²² Не сохранился

с изображением обнаженного юноши, идущего влево. Видны складки гиматия, наброшенного на плечо. Группа G (330-320 г. до н.э.). К этой же группе относится и другой фрагмент пелики № 744 (табл. IV/8), найденный в помещении XVII у скалы, с изображением конного аримаспа, сражающегося с грифоном. Фрагмент кратера № 1022 (табл. IV/10) из помещения XXV – юноша вправо с белой повязкой на голове - близок работам мастера Упсалы (ARV² 1436,1), датирующимся второй четвертью IV в. до н.э. Из помещения XXXIV происходят 2 фрагмента леканы № 1325 (табл. IV/11) и край скифоса № 1327 (табл. IV/9). Лекана с изображением бегущей служанки с ларцом и тениями в руке относится к широко распространенному классу свадебных лекан и датируется второй четвертью IV в. до н.э. (Moore 1997: № 1107). Фрагмент же скифоса с неясным сюжетом - возможно, женщина с зеркалом в руке - можно отнести к концу V в. до н.э. На этом участке городища найдено большое количество скифосов и скифо-киликов первой и второй четверти IV в. до н.э.: 1) в помещении XXIII - № 1006 (табл. V/2); 2) VII - № 506 (табл. V/3); 3) XX - № 888 (табл. V/6) и № 946 (табл. V/5); 4) XXII - № 3217 (табл. V/9); 5) XXXIV - № 1310 (табл. V/7); 6) I - № 2548 (табл. V/8); 7) XIII - № 2875 (табл. V/4); 8) помещение Д к северу от лестницы на скале - № 3736 (табл. V/14). Часто встречаются и аски конца V в. до н.э. с изображением кошачьих хищников и лебедей: 1) помещение XXXI - № 1137 (табл. V/11); 2) помещение Д к западу от лестницы на скале - № 3737 (табл. V/12); 3) помещение XX - № 889 (табл. V/13).

В 1909 году продолжались раскопки в западной части городища, начатые К.К. Косцюшко-Валюжиничем. Отсюда происходят фрагменты кратеров: 1) № 4526, найденный близ четырехапсидного здания, с изображением складок одежды стоящих персонажей (табл. III/12); поздний V или ранний IV в. до н.э.; 2) № 5006, найденный на кладбище за западной городской стеной, из углубленной ниши, на нем - сидящая женщина; видны складки ее хитона и гиматия, брошенного на клинэ и ниспадающего с него живописными складками; близок мастеру Порталес, вторая четверть IV в. до н.э. (Boardman 1989: № 354).

В 1910 году исследовалась западная оборонительная стена и могильник у западной стены. Исследовалась часть городской территории в районе батареи Канэ и продолжались раскопки башни Зенона, некрополь по дороге на Севастополь. Сохранились фрагменты кратеров, найденных на территории этого некрополя: 1) слева от шоссе - № 1415 (размеры - 6,6х5,9 см) с орнаментом под ручкой - листья пальметки и окружающие ее растительные завитки (табл. VI/9); вторая четверть IV в. до н.э. (Moore 1997: № 492); 2) справа от шоссе, земляная могила №8 - №4186 (размеры -6,0х4,0 см) с орнаментальным поясом - двойные овы под венчиком; конец V в. до н.э. (Moore 1997: № 402).

В архиве (негатив 277) сохранилось изображение реставрированного не совсем верно кратера (табл. VI/7), который, по-видимому, происходит из раскопок 1910 г. Элементы орнамента и сохранившиеся части изображения позволяют отнести его ко времени не позднее второй четверти V в. до н.э. (Boardman, 1987: № 186). На другом негативе № 1066, подписанном 1910 годом – арибаллический лекиф с изображением сфинкса (табл.VII/4). Он относится к кругу мастера сфинкса из Майнца (Moore 1997: № 965) и датируется поздним V в. до н.э. Возможно, что эти фрагменты, которые, к сожалению, не сохранились, могли быть найдены у батареи Канэ.

В 1911 году раскопки проводились в северной части городища перед Уваровской базиликой, за западной стеной, в северо-восточной части городища между монастырскими воротами и батареей Канэ, а кроме того, в районе башни Зенона исследовался также могильник по дороге в Севастополь и древности в районе Херсонесского маяка.

Исследовался III квартал северо-восточной части Херсонеса (Гриневич 1931).

В помещении 11 найден фрагмент кратера № 2070 (Лепер 1931: 86), в помещении 24 (VII) - краснофигурный фрагмент без номера, здесь же, ниже уровня первого пола - № 2212²³, а под третьим полом - № 2253 - фрагмент краснофигурного кратера (размеры - 6,5х2,5 см) с изображением мужчины в гиматии с посохом в руке; конец V - начало IV в. до н.э. В помещении XI(22) на первом полу на скале найдены обломки венчика кратера с лавровым венком, а под четвертым полом - горлышко маленького чернолакового лекифа.

В помещении 26 найден 1 краснофигурный черепок с пальметкой без номера, здесь же, на третьем полу - фрагмент краснофигурного кувшинчика с остатками крыла № 2413 (Лепер 1931: 91). Это фрагмент стенки лекифа (табл.VII/6) (размеры - 4,0х5,0 см), который относится к кругу мастера сфинкса из Майнца (Moore 1997: № 965) и датируется поздним V в. до н.э.

В северо-восточной части городища, возможно, в том же III квартале или поблизости, найдены фрагменты, не отмеченные в дневнике, но вне-

²³ Не сохранились

сенные в опись за 1911 год. Это фрагмент стамноса № 1467 с изображением мужской головы в повязке (табл. VI/3). А.А. Зедгенидзе отнесла к числу работ мастера Клеофона, ученика Полигнота (1978: 69-70), работавшего в 440-420 гг. до н. э. (Matheson 1995: 135). Фрагмент венчика амфоры № 2206 (табл. VI/4) найден в помещении XXX-VI под вторым полом. На внешней поверхности - плющевая гирлянда. Аналогия - амфора с афинского некрополя, расписана мастером Пелея и датируется 440-430 гг. до н.э. В помещении VII на уровне второго пола - фрагмент ойнохойи или ольпы № 1291. Сохранилась часть изображения - нога мужской фигуры и вертикальная полоска, ограничивающая изобразительное поле рисунка. Ближе всего – рисунок на ольпе из ГМИИ № II 1б хр. 48 (Дионис на биге и сатир, бегущий впереди), 500 г. до н.э. Macrep Pooc13472 (CVA Russua: 29. Pl. 29, 3, 4). Этот фрагмент был опубликован А.А. Зедгенидзе (1979: 27, р.1,4). Ею же был впервые введен в научный оборот фрагмент кратера с изображением флейтистки (430-420 гг.) (табл. VI/10), инв. № 774, происходящий, возможно, из раскопок этой части городища (Зедгенидзе 1979: 30).

В северной части городища, перед Уваровской базиликой, в цистерне, в верхнем слое были найдены фрагмент аска с изображением бегущей собаки № 277 (табл. VII/8) конца V в. до н.э. и фрагмент пелики № 276 (табл. VII/1) группы «G» 330-320 гг. до н.э.

В монастырской ограде в этом году также были найдены обломки краснофигурной керамики. Самый ранний - № 2483 (табл. VI/2), найденный в помещении О под первым полом, принадлежал шейке кратера с колонновидными ручками, украшен плетенкой из листьев лотоса. Этот орнамент встречается на сосудах первой половины V в. до н.э. В этом же помещении в северо-восточном углу под вторым полом найден фрагмент леканы группы «Отчет» № 2495 (табл. VII/7), датирующийся второй четвертью IV в. до н.э., и фрагмент кратера № 2482 (табл. VII/9) этого же времени. В помещении В в крайней яме фрагмент кратера (размеры - 4,1х5,2 см) № 2676 (табл. VI/6). Женская фигура в гиматии и хитоне в мелкую складку по низу. Группа Полигнота 440-430 гг. до н.э. (Matheson 1995: Pl. 99). В этом же помещении – фрагмент № 2454/11 (табл. VII/2) с изображением сатира первой четверти IV в. до н.э. В пределах монастырской ограды была раскопана могила № 7 – склеп. В ней был найден фрагмент кратера № 2987 (размеры - 5,5х7,0 см) с изображением мужчины в гиматии и бегущей женщины (табл. VI/5). Стилистические особенности росписи близки манере мастера Диноса (Matheson 1995: 135), конец V в. до н.э.

Два фрагмента были найдены при раскопках у монастырской купальни при скале — фрагмент аска с изображением сидящей собаки № 221 (табл. VII/5), датирующийся концом V в. до н.э., и фрагмент нижней части скифоса № 231 (табл. VII/10), относящийся ко второй четверти IV в. до н.э.

В 1912 г. раскопки городища проводились в разных местах: у моря, возле монастырской купальни, внутри монастырской ограды, на некрополе вдоль шоссе.

Наибольшее количество фрагментов происходит из раскопок у монастырской купальни. Здесь найден фрагмент крышки чернофигурной леканы № 737, у основания ручки зубчатый орнамент, который опоясывают круги, нанесенные пурпуром; ранний V в. до н.э. К этому же времени относится фрагмент цилиндрического лекифа № 740 (табл. VIII/2), найденный в погребении в амфоре у берега моря у купальни.

Самые ранние кратеры также относятся к V в. до н.э. Это № 1238 – нога и край одежды идущего вправо персонажа (табл. VIII/3) – около 430 г. до н.э. (Moore 1997: № 603); № 1158 (табл.VIII/5) – менада с тирсом – та же дата; № 1011 – орнамент на венчике, горизонтально лежащие пальметки (табл. VIII/4) – около 450 г. до н.э.; № 876 (табл. VIII/7) – женщина, сидящая на корточках, стиль Мидия, поздний V в. до н.э.; № 1325 (табл. IX/3) - с изображением стоящей женщины в хитоне, с браслетами на руке; № 743 (табл. IX/8) – мужские торсы (симпозиасты?) и фрагмент венчика № 1160 (табл. IX/5), декорированный пояском ов. Началом IV в. до н.э. датируется фрагмент стенки кратера № 794 (табл. VIII/10) с растительным орнаментом. Остальные (табл. IX/4, 6, 7, 10) – «керченского стиля», вторая и третья четверть IV в. до н.э. Наиболее интересен фрагмент № 1159 (табл. IX/7) с изображением флейтистки в белом одеянии, проходящей мимо возлежащих на клинэ пирующих. Этот сюжет очень популярен на кратерах IV в. до н.э. (Лазаров 2003: 137). Много скифосов (табл. Х/1, 2) первой и второй четверти IV в. до н.э., асков: мелких, конца V - начала IV в. до н.э. (табл. X/4, 5, 6, 7), с изображением кошачьих хищников и более поздних, середины - третьей четверти IV в. до н.э., высоких, с умбоном на щитке, украшенных растительным орнаментом (табл. X/9, 10) (Θ EME Λ H Σ , $TOYTAT<math>\Sigma$ O-ГЛОУ 1997: ПIN.46, 118). Фрагмент леканы № 361 ранней группы «Отчет» (около 370 г. до н.э.) с аккуратным рисунком, на котором изображен парящий Эрот; часть одеяния сидящей госпожи и

расписная племохойя на полу также найдены на этом участке (табл. X/11). Есть также фрагмент стенки ойнохойи № 1205 (табл. ІХ/1) с изображением женской головы в саккосе-чепце, датирующийся второй четвертью IV в. до н.э.

Внутри монастырской ограды в этом году были найдены фрагменты: кратера конца V в. до н.э. с изображением ног сидящего персонажа (табл. IX/2); скифо-килика (табл. IX/9) мастера О, датирующегося второй четвертью IV в. до н.э.; скифоса (табл. X/3) второй четверти IV в. до н.э.; аска (табл. X/8) середины IV в. до н.э. и лекифа (табл.X/12) конца V в. до н.э.

Близ базилики(?) найдены были 4 фрагмента кратеров: № 1977 (табл. VIII/6) – с изображением амазонки, мастер Эретрии, 425-420 гг. до н.э.; № 2004 (табл. VIII/8) - женская фигура в хитоне с цветочным орнаментом, первая четверть IV в. до н.э. (Boardman 1989: № 347); № 2042 (табл.VIII/9) - край одежды бегущей влево женщины, пальметка под ручкой и пояс меандра под рисунком, стиль мастера Диноса, конец V в. до н.э. и № 2004 (табл. VIII/11) - женская фигура в хитоне и гиматии, который переброшен на обе руки, как шарф, стиль мастера Марсия, около 330 г. до н.э.

В 1913 г. раскопки проходили в монастырской ограде между собором и восточной оградой, влево от дороги к собору, а также между собором и северной оградой, вправо от дороги к собору, на некрополе между шоссе и Карантинной бухтой.

В VII квартале внутри монастырской ограды, исследовавшемся в 1913 г., в помещении 20 под вторым полом были найдены (Лепер 1931: 137): черепок краснофигурный № 2117 (табл. XI/11) фрагмент аска (размеры - 4,1х2,8 см) с изображением лапы кошачьего хищника, поздний V в. до н.э.; другой аск из этого района городища (табл. XI/12) относится к этому же времени; а третий (табл. XI/13) - к середине IV в. до н.э. Из не отмеченных в дневнике находок упомянем наиболее интересные: скифос с изображением совы № 2788 (табл. XI/5), найденный в помещении 2, он относится ко II группе этих культовых (обычно вотивных) сосудов (Johnson 1953: 99-100) и датируется серединой V в. до н.э.; второй скифос № 272 (табл. XI/6) относится к самой поздней группе расписных сосудов этого типа и датируется около 330 г. до н.э. (Sparkes, Talkott 1970: № 352); другие фрагменты скифосов (табл. XI/7, 8, 9, 10) относятся к концу V – началу IV в. до н.э.; кратеры (табл.

XI/2, 3, 4) также датируются этим временем; лекиф с пальметкой (табл. XI/14) - второй четвертью IV в. до н.э. (Morgan, Arafat 2001: 378).

В том же году Лепером проводились раскопки в районе прожектора. Здесь был найден фрагмент кратера № 2970 (табл. XI/1) в виде ов из противопоставленных листочков и точек, широко распространенный около 440 г. до н.э. (Мооге 1997: 189).

В 1914 г. раскопки проводились внутри монастырской ограды, возле батареи Канэ, между западными оборонительными стенами и некрополем за ними, а также на некрополе между шоссе и Карантинной бухтой. В коллекции сохранились в основном материалы из раскопа этого года возле батареи Канэ. Здесь были найдены фрагменты чернофигурных глубоких киликов: за стеной СС в помещении У - № 777 с изображением бегущего сатира (табл. XII/1) – и под улицей F - № 702 (табл. XII/2) с изображением щита и ноги человека. Оба сделаны в мастерской Хаймона, 490-480 гг. до н.э. (CVA Russia, 1: Tab. 53, 1, 2). Под улицей F были найдены также фрагменты кратеров: № 709, декорированный плетенкой из лотоса (табл. XII/3), датирующийся второй четвертью V в. до н.э., с изображением идущего вправо юноши, опубликованный А.А. Зедгенидзе (1979: 27-28), которая относила его к середине того же столетия. Здесь же были найдены фрагменты скифосов аттического - № 716, 708 (табл. XII/6, 10) второй четверти IV в. до н.э. – и коринфского типов: №№ 701, 700, 718 (табл. XII/7, 8, 9), относящихся ко второй половине V (№№ 701, 700) и началу IV в. до н.э. (№ 718); а также фрагмент скифо-килика № 707 (табл. XII/13) мастера Q второй четверти IV в. до н.э. В помещении D найден фрагмент килика № 773 (табл. XII/5) с изображением женской фигуры, движущейся вправо. Стилистически рисунок близок манере мастера Кодрус (Boardman 1989: № 238), работавшего в конце V в. до н.э. В этом же помещении найден фрагмент скифоса № 773 (табл. XII/12) почти без следов росписи. У стены У найден фрагмент аска № 729, украшенный орнаментом в виде ветки оливы (табл. XII/11). Возможно, он близок к Группе Кембриджских асков середины IV в. до н.э.

Итак, на основании проведенного исследования материалов из раскопок Р.Х. Лепера можно составить следующую таблицу распределения материала по хронологическим группам в разных частях городища.

Участок городища	Конец VI –	Вторая половина	IVв. до н. э.
	середина V в. до н. э.	V в. до н. э.	(390-320 гг. до н. э.)
I квартал	4	13	15
II квартал	4	4	8
III квартал	1	5	6
V квартал	7	14	14
VII квартал (центр.	5	19	31
часть городища)			
Западная часть		1	1
городища			
Некрополь у шоссе		1	1
Северная часть		1	1
перед Уваровской бази-			
ликой			
Монастырская ку-	3	10	14
пальня			
Батарея Канэ 1914	4	3	5
	28	71	96

Из 195 поддающихся атрибуции фрагментов из раскопок Р.Х. Лепера 28 относится к архаическому и раннеклассическому времени, 71 — ко второй половине V в. до н.э. и 96 — к 390-320 гг. до н.э. Следует признать, что тезис о безусловном доминировании керамики IV в. в общей массе аттического импорта в Херсонесе поколеблен. Керамика достаточно равномерно поступала в город с середины V в. до н.э. Количество керамики архаического и раннеклассического времени составляет 14% от выборки. Такое количество нельзя считать

случайным. Безусловно, доминируют по количеству ранних групп керамики северо-восточный и центральный районы городища, в то время как в западной части преобладает керамика IV в. до н.э. и вообще мало расписной посуды.

Конечно, расписная керамика из раскопок Р.Х. Лепера не такая яркая и многочисленная, как из раскопок его предшественника К.К. Косцюшко-Валюжинича, но она дает возможность сделать топографические наблюдения, показывающие наличие древних слоев пусть и фрагментарных, перемешанных в разных частях Херсонесского го-

родища.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белов Г.Д. 1948 Херсонес Таврический. (Ленинград).

Вдовиченко И.И. 2003 Античные расписные вазы из крымских музеев. (Симферополь).

Горбунова К.С. 1983 Чернофигурные аттические вазы в Эрмитаже. (Ленинград).

Гриневич К.Э. 1927 Сто лет херсонесских раскопок.1827-1927. (Севастополь).

Гриневич К.Э. 1931 Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического по данным раскопок Р.Х.Лепера. *Херсонесский сборник*. (Севастополь). 3.

Зедгенидзе А.А. 1978 Аттическая краснофигурная керамика из Херсонеса. КСИА 156: 76 -77.

Зедгенидзе А.А. 1979 О времени основания Херсонеса Таврического. КСИА 159: 26-34.

Золотарев М.И. 1993 Херсонесская архаика. (Симферополь).

Лазаров М. 2003 Древногръцката рисувана керамика от България. (Варна).

Лепер Р.Х. 1911 Из раскопок в Херсонесе в 1906-1909 гг. *ИАК* 42.

Лепер Р.Х. 1912 Раскопки у монастырской купальни // НЗХТ. №87.

Лепер Р.Х. 1912 Херсонесские надписи. ИАК 45.

Моисеев Л.А. 1918 Раскопки в Херсонесе. Отчет Археологической комиссии за 1913-1915 гг. (Петроград).

Онайко Н.А. 1970 Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV – II вв. до н. э. *Свод археологических источников*. (Москва).

Стоянов Р.В. 2005 Расписная и чернолаковая столовая керамика из некрополя Херсонеса Таврического V-I вв. до

н.э. Боспорские исследования. (Симферополь-Керчь). 8.

Шталь И.В. 2000 Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ. Пелики. IV в. до н.э., керченский стиль. (Москва).

Шталь И.В. 2004 Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям Российской Федерации и стран СНГ. Леканы, аски, лекифы и ойнохойи. IV в. до н.э., керченский стиль. (Москва).

Boardman J. 1974 Athenian Black Figure Vases. (London).

Boardman J. 1989 Athenian Red Figure Vases. The Classical Period. (London).

Matheson S.B. 1995 Polygnotos and Vase Painting in Classical Athens. (Wisconsin).

Mc-Phee I., Trendale A.D. 1987 Greek Red-figured fish-plates. (Basel).

Moore M.B. 1997 Attic Red-Figured and White-Ground Pottery. *The Athenian Agora: Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens*. (Princeton). 30.

Morgan C., Arafat K. 2001 Fine Pottery of the Archaic – Early Hellenistic Periods. *North Pontic Archaeology. Recent Discoveries and Studies. Colloquia Pontica*. (Leiden-Boston-Köln-Brill). 6.

Sparkes B. A., Talcott Z. 1970 Black and Plain Pottery of the 6th, 5th, 4th Centuries B.C. *The Athenion Agora*. (Princeton). 12. Ure A.D. 1944 Red-figure cups with incised and stamped decorations - II. *JHS*. (London). 64.

Vinogradov Ju., Zolotarev M. 1990 La Chersonese de la fin de l'archaisme. *Le Pont-Euxina par les Grecs*. (Paris): 85-119. ΘΕΜΕΛΗΣ Π.Γ., ΤΟΥΤΑΤΣΟΓΛΟΥ Γ.Π. 1997 ΟΙ ΤΑΦΟΙ ΤΟΥ ΔΕΡΩΕΝΙΟΥ. (ΑΘΗΝΑ).

SUMMARY

I.I. Vdovichenko, G.I. Zhestkova

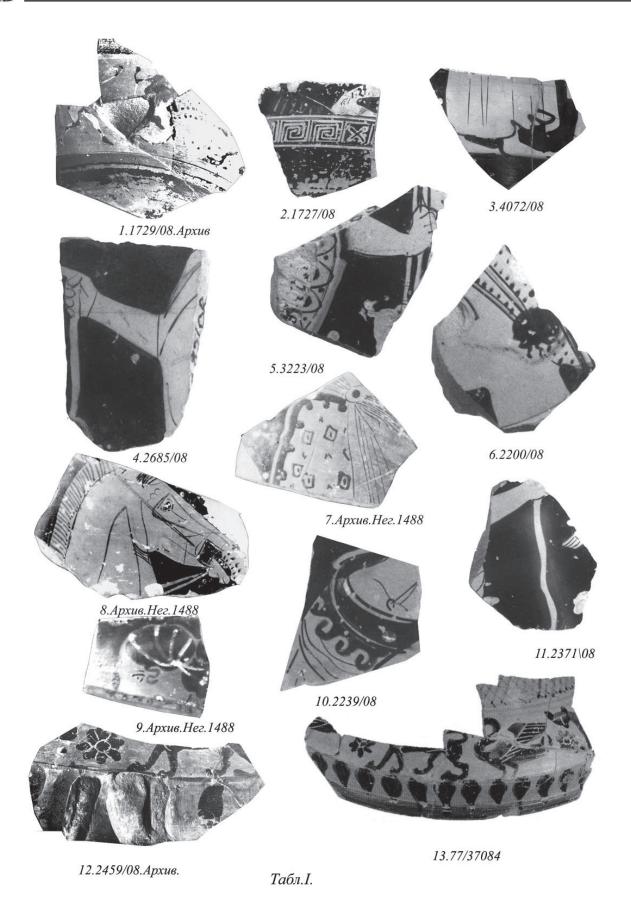
THE PAINTED VASES FROM THE R.H. LOEPER'S EXCAVATIONS FROM THE NATIONAL PRESERVE OF «TAURIC CHERSONESOS» COLLECTION

R. Chr. Loeper (1864-1918) has made the significant contribution to research of Chersonesos. First of all he excavated east part of a site of ancient settlement, the big attention has been given to the western line of defense, necropolis of Chersonesos. Very important that finds are precisely localized in the territory of the ancient city, owing to that he conducted detailed diaries and inventories of finds. 195 fragments of painted ceramics from Loeper's excavations were attributed by the authors in this article.

The earliest fragments dated from the mid-6th to the first quarter of the 5th century BC. Increase of attic import is fixed from the mid-5th century BC and

achieves a maximum on boundary of the 5th to the first half of the 4th century BC. The northeast and central areas of Chersonesos site dominates over quantity of early groups of pottery while in the western part the fragments of the vases of the 4th century BC prevail. Typologically the pottery is monotonous enough, craters and vessels for drink prevail. Products of the various attic workshops are presented, some vessels are painted by well-known vase-painters, but mass production prevails. Most often there are images of Dionysos, maenads, satyrs, woman in gynekeum, athletes.

70

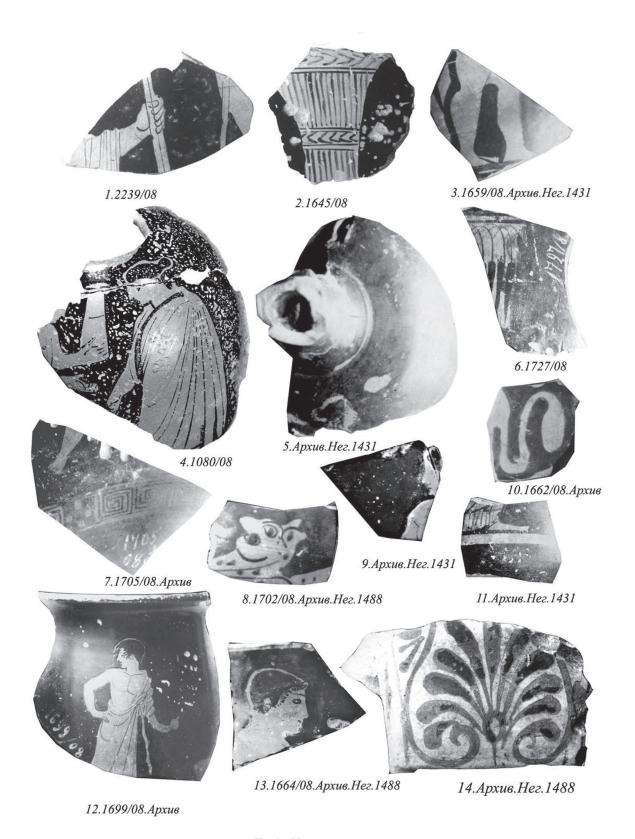

Табл.II.

Табл.III

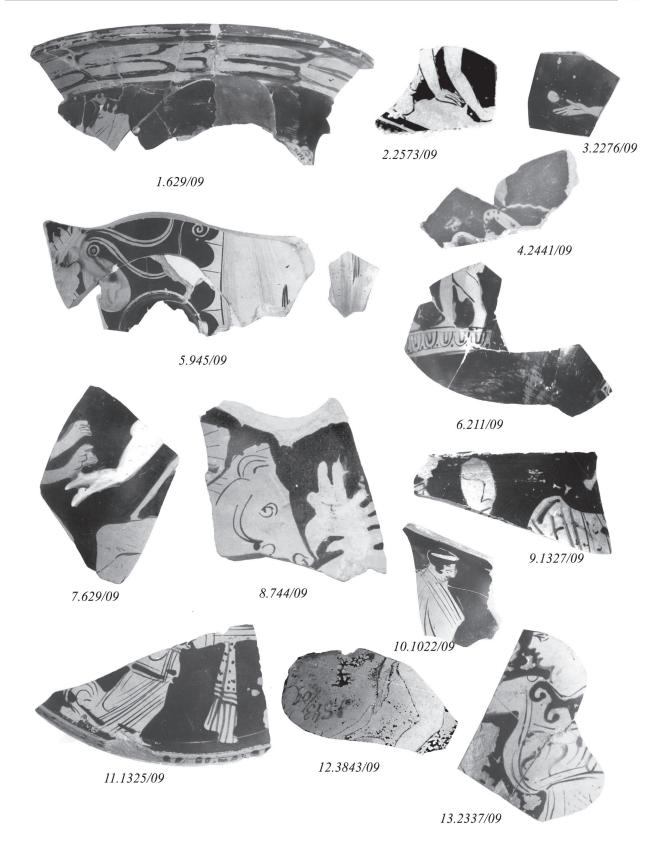
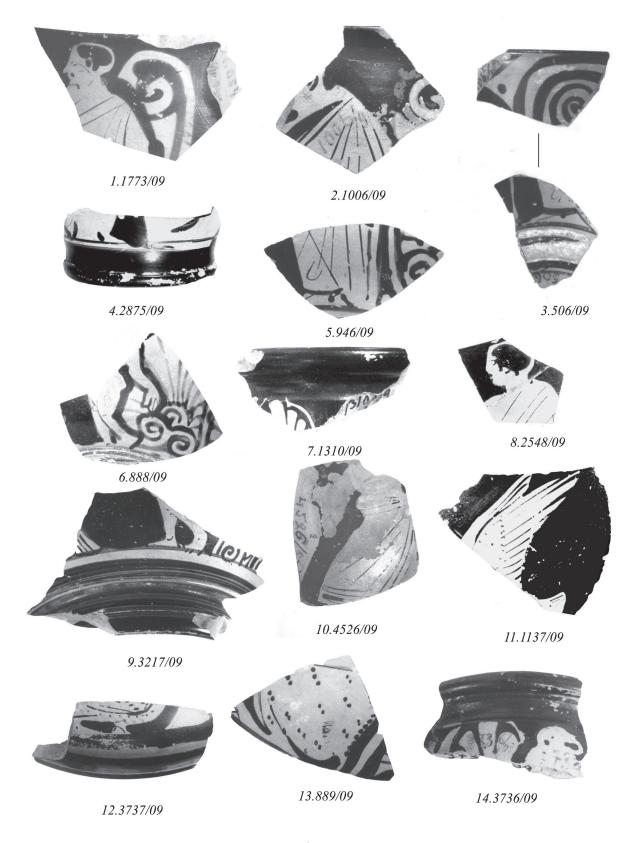

Табл.IV

Tабл.V

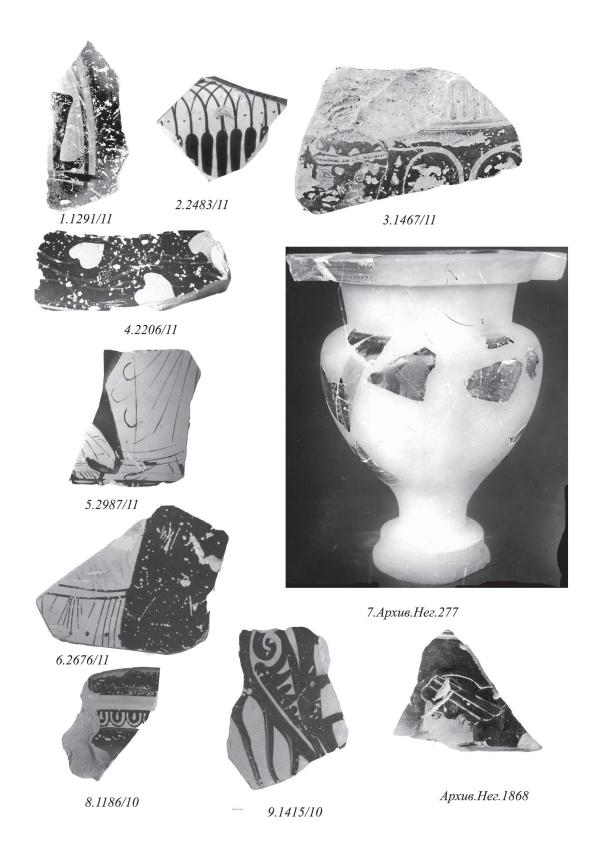

Табл.VI

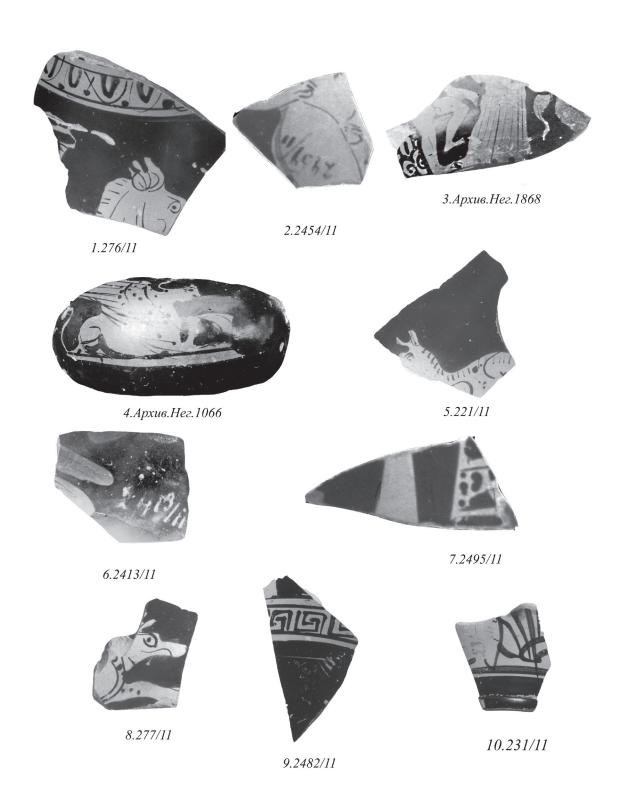

Табл.VII

Табл. VIII

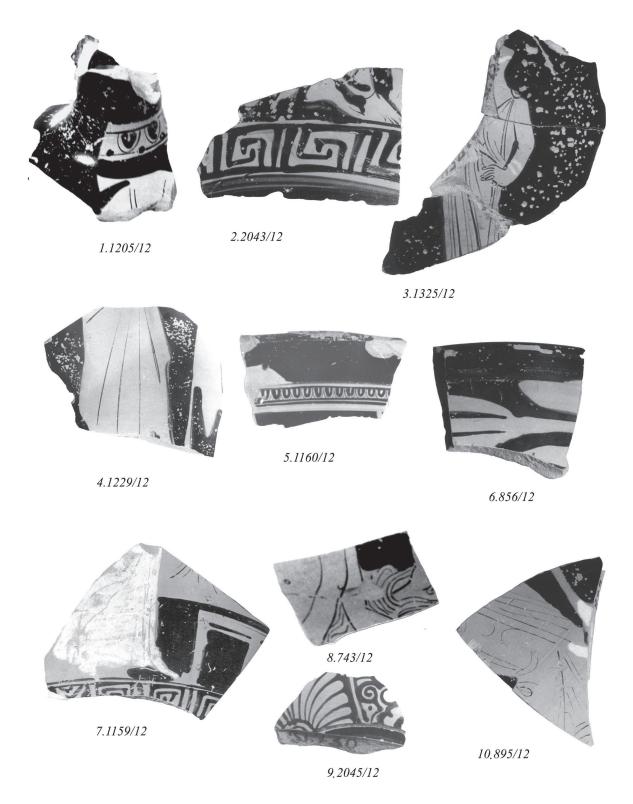
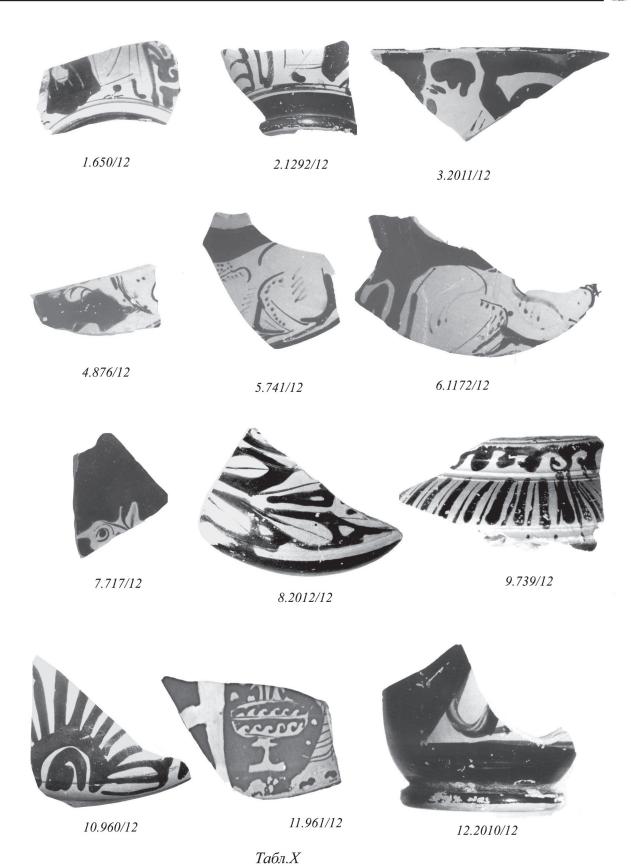
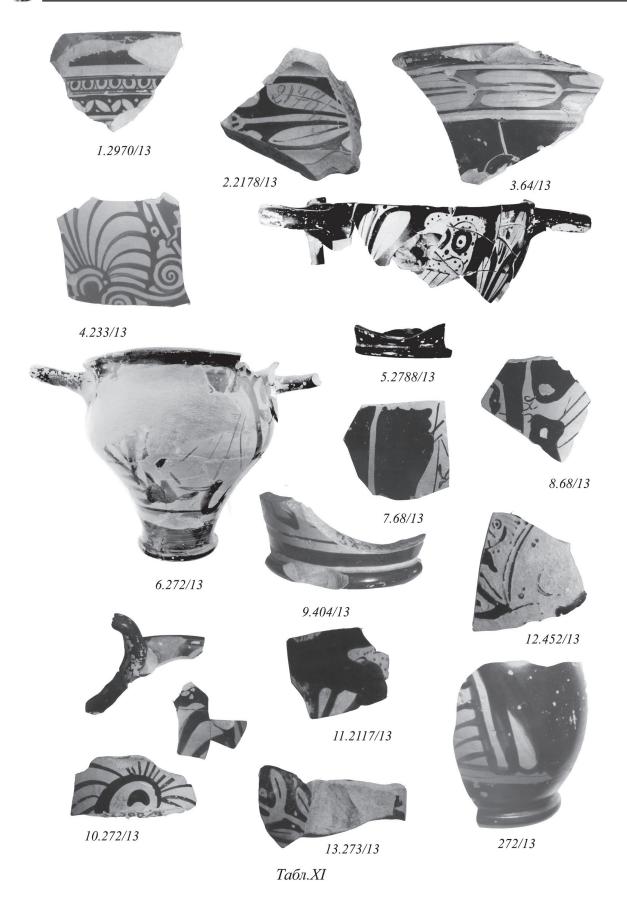

Табл.IX

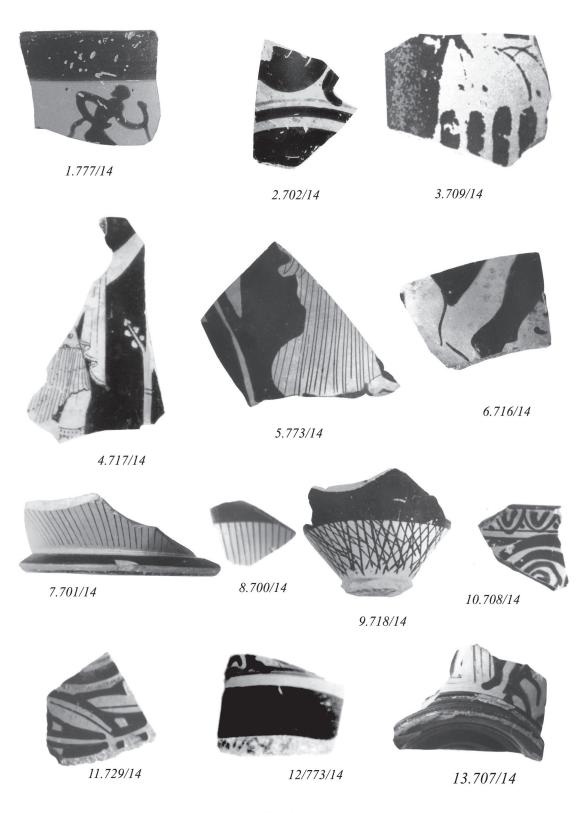

Табл.XII

П. ГЕОРГИЕВ

ПРИНЦИПИЯТА – ДВОРЕЦ В КАМПУСА ПЛИСКА

През 2005 г. се изпълниха сто години от откриването на известния Чаталарски надпис на хан Омуртаг (814-830), датиран с византийски "индиктион" и по "българска ера" във 821/2 г. (Бешевлиев 1979: 200-203, № 57) В него столицата по-точно постоянната резиденция владетеля е определена като Πλσκας τῶν κάνπον. Следователно Плиска в началните десетилетия на IX в. е била все още военен лагер на българите.

Активизираните напоследък теренни проучвания на фортификацията и в централната, дворцова, част потвърдиха, че Плиска е имала отбрана и организация на защитеното пространство характерни за военен лагер от римо-византийски тип (castrum) 1. Отсега може да се каже, че неговата фортификация и съсредоточените в централната му част монументални строежи, носят характеристиките на римското лагерно строителство.

Разбира се, това не трябва да се приема за довод за датиране на строежите преди втората половина на VIII в. Археологическият материал и наблюдения в това отношение са категорични. Първите монументални градежи в българската столица са предшествани от дървени и не могат да се датират, както в античната и късноантична епоха, така и в края на VII или първата половина на VIII в., каквито опити се правени по-рано (Рашев 1995: 10-22; Георгиев 2003: 175-182).

Анализът на археологическите данни и главно на съотношението между двете укрепителни линии на лагера: т. нар. вътрешно землено укрепление (ВЗУ) с площ от 83 ха и изградената в неговата югоизточна четвъртина крепост с облицовани с кирпич дървени палисади (площ 24 ха) с найранните строежи в т. нар. Дворцов център показа, че последните оформят комплекс от шест сгради и няколко съоръжения, който има облика на военна резиденция с Трибунал (Георгиев, под печат) (обр. 1, 2). С някои от своите особености тя следва изглежда знаменития Хебдомон край византийската столица, или пък т. нар. Базиликацистерна в самата нея, свързани още от началото на VIII в. с издигането престижа на български владетели В системата на византийската политическа система.

Тук ще спрем вниманието си върху централната сграда като приведем доводи за нейното идентифициране като принципия и преторийдворец на българския владетел, който в надписи от първата половина на IX в. носи тюркоезичната титла кача оврзуг, т. е. хан-военоначалник (Бешевлиев 1979: 65-67).

Сградата, за която става дума най-напред е известна с различни наименования: "Големият басейн", "Водохранилището" и др. (обр. 3). Те акцентират върху наличието на цистерна в нейната вкопана в терена част. Началото на проучването й датира от времето на първите разкопки в Плиска през 1899-1900 г. Тогава е разкрита по-голямата част от нейната наземна част (Шкорпил 1905: 65-67, табл. IV, XIV, XVI). Планът й е на триделна постройка със солидни основи и градеж на стените от варовикови блокове, споени с бял хоросан (обр. 3, а). Под нейната подова настилка от дялани плочи е установен по-стар строеж. Той е изследван за пръв път след повече от 30 години (Karasimeonoff 1940-1942: 158-161). Под централната и северна част от триделната сграда е разкрит квадратен басейн от водохранилище с размери 8,40 х 8,90 м, което от три страни има двойна околовръстна стена: вътрешна с тухлена зидария и външна от големи каменни блокове като само от юг стената е единична, с тухлен градеж, но по-късно е била дублирана със същата зидария. Проучвания през 1949 и особено през 1961 г. констатират, че първоначално водохранилището е имало на юг още един басейн, но неговият градеж е бил напълно изваден и преупотребен, а вкопаната му в терена вътрешност е била запълнена с рушевини, изкуствен насип и културен пласт с материали от средата и втората половина на IX в. (Михайлов 1955: 101-102; Ваклинов, Ваклинова 1993: 5-

¹ Непубликувани изследвания на екипи под ръководството на автора, Р. Рашев и Ст. Станилов. За предварителните резултати вж. кратки бележки от ежегодните отчети в сб. "Археологически открития и разкопки" за периода 1999-2005 г.

21). Основите на южната половина от сградата е също двойна. В северния басейн са установени две дъна. Над долното от тях започват стени от тухли, обмазани с тъмночервен хоросан с голямо количество ситно стрит тухлен прах (testae tusae). Зидария от 2-3 реда тухли и дебела замазка от същия хидрофобен хоросан е оформяла и дъното. Горното дъно лежи на около 0,90-1,00 м по-високо върху пласт от рушевини и изкуствен насип, както и в изоставената южна половина. То е положено след или заедно със съкращаването на водохранилището. Първоначалнатамувместимост е около 500 куб. м. След преустройството тя е намалена почти трикратно.

Зидовете на триделната сграда върху външните основи с блоков градеж, над разпределителния зид на цистерната, както и върху собствени фундаменти от ломени камъни и бял хоросан, впуснати дълбоко в насипите на двата басейна в нея.

"Големият басейн" е строеж със сложна история, в която могат да се откроят три основни фази (обр. 1-3). При първата от тях сградата е правоъгълна, с размери: 25,25 х 13,50 м. (обр. 2) Вкопаната й част е била заета от двуделна цистерна, зареждана с глинени и оловни тръбопроводи от север, а източвана чрез канали към колектор при нейния югозападен ъгъл (Георгиев 1992: 77-104). Втората строителна фаза е следствие от голямо разрушение, при което сградата е била възстановена в северната си половина и цистерната е съществувала само в рамките на басейна там (обр. 3 и 4). При третата си фаза водохранилището е окончателно изоставено и засипано. Над нивото на терена е построена триделната сграда, чиято настилка лежи върху насипите в цистерната (обр. 3 а).

Датата на съществуване на сградата се вмества между втората половина на VIII и първата половина на XI в. и общо взето се припокрива с времето на дворцово строителство в центъра на Плиска. Неговата относителна хронология позволява засега следната хронология (Станчев 1961: 101-109). Голямото водохранилище със сграда от дворцови тип над него може да се постави до началото на IX в. Разрушаването му заедно с останалите строежи е свързано най-вероятно с разрушенията и опожаряването на "аула" на хан Крум (796-814) от войските на Никифор I Геник през 811 г. Възстановеният строеж има за реплика аналогично по структура и градеж съоръжение в близкия на столицата култов център Мадара. Данни за подобен, едноделно водохранилище има и в построения към 821 г. "аул на Тича" и това подкрепя датировката на втората фаза от "Големия

басейн" в Плиска непосредствено преди тази дата. Засега е проблематично установяването на сигурна дата за строежа на триделната сграда върху изоставеното водохранилище. Тя е съществувала обаче доста преди 70-те години на IX в., когато в съседство е изградена кръстокуполна църква (обр. 1, 3 а) и, по чийто модел тогава в Плиска е построен Архиепископския дворец при Голямата базилика.

Нерешен остава въпроса за облика на двореца над водохранилището. Той очевидно е бил солиден строеж, който се е издигал на значителна височина. Това сочат масивните изпълнени с квадрова зидария върху подложка от хоросан и пилоти (30 бр./кв. м). Те не отстъпват на най-солидните, най-малко двуетажни, сгради като т. нар. Крумов дворец, Тронната палата или крепостната стена от IX в. Водохранилището заема вкопаната част на сградата. Формата и размерите на двата му басейна подсказват, че те са били със сводове, които са опирали не само на околовръстните тухлени стени, но и върху свободни подпори или стени, прорязани с отвори в долната си част, както при т. нар. ешалонирани цистерни, познати от римско време, но също и през средновековието. От тях обаче не са останали никакви следи, тъй като са били демонтирани заедно с настилката върху дъното. Независимо от това може да се приеме, че сводът над водоема е оформял платформа, която е служела за под на партерен етаж на сградата. В това отношение тя се доближава до строежите над византийските цистерни: църкви или дворци като т. нар. Базиликацистерна в централния сектор на Константинопол (Janin 1964: 157-180).

Вътрешността на дворцовата сграда е имала около 260 кв. м площ. За нейното вътрешно разпределение не разполагаме с други данни, освен параметрите на двата резервоара и предполагаемите места за свободните опори на техните сводове. Външните стени са били изглежда с тухлена зидария. Вътрешните са могли да имат по-лек градеж с участието на значително количество дърво. Графичната реконструкция, изпълнена от арх. Ст. Бояджиев има примерен характер и предвижда партерен етаж за използване на водохранилището и обитаем етаж от две половини, разположени встрани на стълбище за изкачване (обр. 4).

Данните за предназначението на сградата над водохранилището са косвени и се основават на нейното място в градоустройствената схема на Кампуса. Допълнителна информация предлага ретроспекцията на строежите от комплекса

"Малък дворец", както и данните за военноадминистративните строежи в цитаделата на римския и византийски Херсонес. За тях ще говорим по-нататък.

"Големият басейн", или както е по-правилно да го наричаме "дворецът с водохранилище", има забележителна позиция в лагера Плиска. Сградата се намира в неговия централен сектор. Фасадата й е съобразена с оста север-юг и е обърната към летния слънчев изгрев, както и самото землено укрепление. Така са ориентирани и останалите сгради от дворцовия ансамбъл в опожарения през 811 г. "Крумов аул" (обр. 2). По това те се отличават от останалите строежи в комплекса "Малък дворец" (т. нар. цитадела), заложени през различни етапи на възстановяване и оформяне на резиденцията през първата половина на IX в. (обр. 1 и 5).

Пред фасадата на сградата с водохранилището, по оста север-юг е минавало трасето на "главен път", отбелязан от първите водопроводи и подземни галерии (т. нар. тайни ходници) (обр. 2). Той отговаря на via principalis във военните лагери. Перпендикулярно на него, започвайки изглежда от неразкрития източен вход в средата на източния ров, и завършвайки срещу входа в сградата с водохранилището, се развивал друг път, който е пресичал онази част лагера Плиска, която в римските castra се нарича praetentura, а самият той - via praetoria. Сградата с водохранилището остава в площта, която терминологията на римското военно градоустройство определя като retentura (Fellmann 1976: 178-179; Иванов 1999: 212-214).

В съседство, срещу фасадата на разглежданата сграда и от юг на *via praetoria*, остава т. нар. Трибунал, който е кръгла в основната си част дървена платформа (Рашев, Димитров, Иванов 2004: 3-4, 115-116) ². Тя е разположена в непосредствена близост до квадратен "езически" храм, изпълнен в квадрова зидария. По позиция и функция той съответства на *auguratorium* а в римските *castra* (Fellmann 1983: 22, abb. 20).

Тези, а и други данни, които произтичат от мястото и характера на останалите сгради от първоначалния комплекс, ни позволяват да идентифицираме сградата с водохранилището там с военно-административен център на Кампуса от рода на т. нар. *Principia* (Fellmann 1976: 187-188; Fellmann 1983 17, abb. 9; Иванов 1999: 216). Тя е опростен и редуциран вариант на класическите

принципии, които са комплекс от сгради и помещения, развиващи се около вътрешен двор или, както в късната античност, остават зад него (cf. Sarnowski 1999: 57-63; Döhle 1991: 42-46; Дьоле 1982: 3-4, 24-31). В нашия случай сградата с водохранилище в Плиска представя само т. нар. Basilica (Querhalle), т. е. напречната зала на принципията (Fellmann 1983:17, abb. 24, 25). Със сигурност е била разделена на две части и ние сме склонни да виждаме във всяка от тях обем със самостоятелно предназначение. За принципия или зала за заседание на "щаба" на войската е служела вероятно северната половина, докато преторият или жилището на командващия войските се е помещавало в южната половина на обитаемия етаж. Подобно съвместяване на двете главни постройки във военните лагери (castra) е познато още в републиканската и ранната императорска епоха (Fellmann 1983: 78-79; Ivanov 1993: 3-26).

Това все пак хипотетично решение среща подкрепата на данните за характера на прилежащите от двете страни на двореца сгради (обр. 2). Те имат общо взето обслужваща функция. От юг, т. е. от страната на претория, е разкрита сграда с наземен резервоар и вероятно торкулариум за изстискване на гроздов сок, както и вкопано приземие-склад за вино (Георгиев 2004: 24-60). Етажът над "винарницата" (за такава се споменава от т. нар. Ватикански аноним сред строежите на "Крумовия аул" през 811 г.) е служел за зала за сътрапезие на "хранените хора" (θρεπτῶς Dντρωπος) на владетеля, за които се говори в гръкоезичните надписи на хановете Омуртаг и Маламир (Бешевлиев 1979: 68-70). С други думи тя е имала функциите на т. нар. гридница в славяно-руските текстове от Киевска Русия. Към залата е била изградена и малка, домашен тип, баня с подподово и стенно отопление. Този компактен строеж е обслужвал изглежда още от самото начало битовите потребности на "претора" в лицето на българския владетел и неговите доверени хора. От север, също само на няколко метра от двореца с водохранилището, първоначално е имало кръгъл басейн, който може да се реконструира като фиала за военни церемонии, по подобие на тези в Константинопол и който след това е включен в състава на голяма баня с подподово и стенно отопление. Основното банско помещение е зала с диаметър над 8 м и кръгъл басейн с диаметър близо 3 м, покрито вероятно с полусферичен свод.

Предложеното до тук решение за функцията на първоначалната дворцова сграда в ханската резиденция в Плиска има до голяма степен

² Допълнителна информация за проученото от цитираните изследователи съоръжение вж. в АОР през 2005 г. София, 2006 (под печат).

реконструктивен характер поради незапазените данни за наземната част от нея. Проследяването на данните за това през следващите етапи от нейната история обаче показва, че ролята й на принципия и преторий в Кампуса с Трибунал в Абобското поле е била съхранена.

Както вече отбелязахме, след разрушаването на сградата с голямото водохранилище е била възстановена само нейната северна половина. Няма данни и за цялостно реконструиране на сградата над резервоара и етажът над него вероятно е бил необитаем (обр. 5). Изглежда по тази причина от изток и успоредно на водохранилището са били заложени основите на правоъгълна сграда с размери 20,05 х 14,50 м, която влиза в състава на новоизградената след пожара резиденция на българските владетели (т. нар. Малък дворец) (Георгиев 1984: 140-152). Първоначалните сгради в него са двуделни, разположени на значително разстояние една от друга, докато третата се явява пред образувания между тях малък двор. Оформеният нов архитектурен ансамбъл е ориентиран на юг. Стените на тази сграда (Б-4), (В) са били със сравнително по-лек градеж, тъй като основите им са по-плитко и общо взето набързо изградени. През последните години нейната вътрешност беше проучена напълно и беше събран важен материал за нейната хронология и планировка (Рашев, Димитров 2004: 171-172; Рашев, Станилов 2003: 4, 64-65). Резултатите от изследванията не са обнародвани, но изследователите я приемат за "представителна гражданска постройка". Според нас сграда Б-4 (В) има чертите на една ранносредновековна "принципия", особено ако бъде разгледана заедно с със съвременните си постройки от "Малкия дворец". В тях днес можем да разпознаем сградите на претория от второто и най-късно през третото десетилетие на IX в. Очевидно, трите строежа са заменили разрушената през 811 г. военно-административна и жилищна сграда над първоначалното водохранилище.

Окончателното засипването на последното е било съпроводено (или последвано) от премахване на обособената за неголям период от време сграда Б-4 (В). Това е било наложено от преустрояването на т. нар. Малък дворец, при което той е бил съставен от две големи, разположени една до друга, и сложни по план триделни сгради. Западната от тях е новоопостроена и ляга върху рушевините на сграда Б-4 (В) (обр. 1).

По време върху това изоставеното водохранилище е заложена триделната сграда, която опира гръб до оградния зид от тухли

на "цитаделата", изградена още през първата половина на IX в. (обр. 3 а). Тя има голяма зала и две странични крила с по три помещения. В литературата се приема за "западен" жилищен дворец, използван от владетелското семейство наред с двете триделни сгради от "Малкия дворец" (Мавродинов 1959: 48; Миятев 1965: 72; Ваклинов 1977: 110-111, 174-175). Трябва да се има предвид обаче, че триделната сграда е приемник на съществувалия преди 811 г. дворец с водохранилище, а също и на изградената непосредствено след неговото разрушаване сграда Б 4 (В). Тя наследява тези две сгради и особено първоначалната не само в топографско, но и във функционално отношение. Топографскофункционалната приемственост на строежите в Дворцовия център на Плиска е отдавна установен факт и това е поредният пример за това (Георгиев 1982: 106-121).

Важен довод за ролята на триделната дворцова сграда в Плиска като военно-административен център на Плиска приблизително от 30-те години до към края на IX в. е нейната ситуация в чертите на новото укрепление: изградената още при хан Омуртаг или неговия приемник хан Маламир (831-836) каменна крепост. Тя попада в центъра на оградената от нея площ от 48 ха.

Аргументи в подкрепа на нашата теза представят и публикуваните напоследък резултати от проучването на военно-административните сгради в цитаделата на Херсонес през римската епоха и ранното средновековие (Антонова 1997: 10-22; Антонова, Зубарь 2003, 31-68; Шацко 2003: 187-198; Сорочан 2004: 108-121). Тяхната ситуация, а също и планировката им, са аналогични на строежите в "цитаделата" от IX в. в Плиска. Това ни потиква към опит за тяхното подетайлно сравнение. Разбира се, без да се търсят културно-исторически взаимовръзки. Съпоставката допринася за по-точен анализ на двата различни в много отношения архитектурни ансамбъла, както и за по-обоснована атрибуция на някои от строежите в тях.

Сградите на римската вексилация от II-III в. и на византийския преторий от IX-XI в. в цитаделата на Херсонес имат централно положение, което наблюдаваме и по отношение на разположението на двореца с водохранилище и наследилите го постройки, изпълняващи ролята на принципия и преторий в Плиска. Особено важна за нас е постройката на вексилацията от втори период. Въз основа на надпис от 250 г. тя се свързва със споменатата в неговия текст реконструкция на schola principalium като част от преториум или

принципия (Виноградов, Зубарь, Антонова 1999: 72-81). Тази интерпретация среща възражения (Зубарь 2003: 120-130). В.М. Зубарь тълкува сградите в центъра като армаментарий. Според нас резервите са естествени, но късният и опростен вариант на военно-административна сграда от Плиска позволява те да бъдат преодолени.

Върху останките от административната сграда на римската вексилация и върху част от нейната контуберния през втората половина на IX в. е била издигната нова административно-жилищна града, която се тълкува напоследък като "преторий" или "стратегия" на византийския гарнизон в Херсонес, просъществувал между края на IX и началото на XII в. (Антонова 1997: 14; Сорочан 2004: 109). За съществуване на πραιτωρίον "със железни врати" в цитаделата на Херсонес свидетелства изрично строителен надпис от 1059 г., макар, че според едни от изследователите това е понятие, което се отнася до цитаделата, а други го свързват само с военно-административната сграда и жилището на коменданта в нея.

Сградата на византийския преторий представлява правоъгълен съставен от две еднакви постройки, всяко с по четири помещения (обр. 6). Постройките имат дължина 23, 5 м и ширина по 5,7 м. Разположени са успоредно, на разстояние 10 (12?) м една от друга. Пространството между тях се интерпретира като двор, към който всяко от техните помещения има собствен изход. Планът на сградата е аналогичен на този на триделния "Западен дворец" в Плиска (обр. 3 а). Централното пространство в него е с ширина само от 6 м и представлява зала, която образува общ архитектурен обем с помещенията от двете й страни. По такъв начин, само че с околовръстен портик и домашен параклис, е оформен изграденият през 70-те години на IX в. Архиепископски дворец при Голямата базилика в Плиска (Георгиев, Витлянов 2001: 39-49.). Строежът в Херсонес си има своите специфични черти и параметри, но според нас е възможно да се допуска, дворът там да е бил част от единна сграда. За това говорят късите напречни стени с входове на изток и на запад, които имат размерите на тези, които водят към помещенията. Единственото сериозно основание срещу това решение е близостта на базиликалния храм, чиято ширина е съобразена с ширината на двора в претория в Херсонес.

Функционалната близост между двете сравнявани сгради личи и от някои детайли в тяхната планировка. Особено важен белег на тяхното функционално родство е еднаквата им

система на връзка между помещенията и залата (двора). Същата наблюдаваме и в двореца на българския архиепископ. Наличието на толкова много входове в тези сгради издава нежилищния, подчертано служебен, характер на пространствата в тях. "Преторият" от Херсонес има входове и по северната и южната си фасада, така че отделните помещения са били достъпни не само откъм вътрешния "двор", но и от съседните площади. Подобна е била изглежда картината и при "Западния дворец" в Плиска, макар че състоянието на запазеност тук е лошо и разполагаме с данни за външни входове само по нейната северна основа. Входовете тук са водели в двор, който се намира в добре закътана част от цитаделата с бански или други постройки. Наличието на външни входове откъм неблагоприятния север прави допустимо тяхното наличие и на южната фасада. От тази страна е имало двор, в който първоначално е съществувала реконструираната след пожара от 811 г. двуделна баня (обр. 5), но след нейното елиминиране преди края на IX в. са били изградени сгради с верижно подредени помещения (обр. 1). Те оформят дворна площ със следи от активна занаятчийска дейност.

Анализът и съпоставката между триделните сгради в Плиска и Херсонес показва, че техният партерен етаж е имал публичен характер и той следва да се приеме по-скоро за "принципия", отколкото за "преторий". Друг е въпросът за предназначението на етажа над тях. Сградата в Плиска има много солидни фундаменти, така че неговото наличие едва ли може да се оспорва. Особено в светлината на изградения по негов модел Архиепископски дворец, където вторият етаж е имал със сигурност жилищен характер. На тази основа сме склонни да приемем, че "преторият" в Плиска около средата и втората половина на IX в. трябва да се е намирал на втория етаж на "Западния дворец", докато на първия е била настанено военно-административното учреждение (принципия). Дали това е уместно решение за сградата на "темния преторий" Херсонес следва да преценят нейните изследователи.

За нас тук е по-важно да подчертаем, че принципията-дворец от втората половина на IX в. в Плиска е имал също християнски храм. Той е с кръстокуполна конструкция. Неговата южна стена е съобразена с линията на фасадата на преустроения "Малък дворец" и североизточния ъгъл на "Западния дворец" (обр. 4). Храмът остава между тях и очевидно е обслужвал обитателите на двете сгради. Кръстукополният

дворцов храм в Плиска е единственият от този тип в българската столица и най-ранният пример за този архитектурен тип в българската църковна архитектура. С отлично пропорционираните си части, грижлива зидария opus mixtum и вътрешна облицовка и украса от разноцветни мрамори тя е същинска владетелска капела. За нея може да се приеме, че е било изградена още през първите след българската християнизация, години изглежда под ръководството на майстори от византийската столица. Може да се допуска още, че е своеобразен дар на византийските императори Михаил III или по-вероятно Василий I за князакръстител на българите Борис-Михаил (852-888) (Георгиев 2001: 59-75).

Другата сграда, която е съществувала заедно със "западния дворец" в Плиска е малка постройка, разположена непосредствено северната му стена. Тя е с плитка, но сравнително широка конха от запад и напомня за баня. Още по на север обаче, е съществувала баня от анфиладен тип, която е изградена още след опожаряването на Плиска (Георгиев 1982а) (обр. 1 и 5). Тя също е обслужвала обитателите на "Малкия дворец" и на "Западния дворец". Това навежда на мисълта, че малката постройка до последния е имала по-друга функция. Интересно е, че тя има известни сходства с т. нар. басейн от състава на римската баня, съществувала заедно със сградата на вексилацията от II-III в. в Херсонес (Антонова 1997: 12, рис. 2). Търсенето на аналогии за тези постройки сред типичните за военно-административните

учреждения строежи ще ни предложи по-точно решение за тяхното предназначение.

Военно-административните строежи римския и византийски Херсонес, както и тези в българската столица от втората половина на VIII и IX в. имат общ произход и това без съмнение римската и византийската традиция на изграждане на военни лагери, които, както през античността, така и през ранното средновековие, прерастват в градове от типа castrum-костроу. Обликът на принципията-дворец в столица Плиска със своите водещи черти и датировка във VIII-IX в. се явява важно междинно звено спрямо римо-византийските военно-административни, "дворцови", строежи в цитаделата на Херсонес. От своя страна главната сграда на римската вексилация и на "претория" там представят със своите планови особености характеристиките на престижната "гражданска" архитектура в периферията на римската и византийска култура. Що се отнася до модела, по който е бил оформен центърът на Кампуса Плиска през втората половина на VIII, както и след това в началото и през първата половина на IX в., той трябва да се търси в живи византийски центрове, в които римската лагерна архитектура е била все още в употреба. Херсонес и Плиска са били сред консуматорите на този многовековен опит, но дали между византийския провинциален град и българската столица е имало културен обмен засега липсват указания.

СПИСЪК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонова И.А. 1997 Административные здания Херсонесской вексилляции и фемы Херсона. *Херсонесский сборник*. (Севастополь). 8: 10-22.

Антонова И.А., Зубарь В.М. 2003 Некоторые итоги археологических исследований римской цитадели Херсонеса. *Херсонесский сборник*. (Севастополь).12: 31-68.

Бешевлиев В. 1979 Първобългарски надписи. (София): 200-203.

Ваклинов Ст., Ваклинова М. 1993 Голямото водохранилище на Плиска (Разкопки на Ст. Ваклинов през 1961 г.). Плиска-Преслав 6: 5-21.

Ваклинов Ст. 1977 Формиране на старобългарското изкуство (VI-XI в.). (София).

Виноградов Ю.Г., Зубарь В.М., Антонова И.А. 1999 Schola principialium в Херсонесе. *Нумизматика и эпиграфика* 16: 72-81.

Георгиев П. 1982 Приемственост между най-старите монументални строежи в Плиска. *Първи Международен конгрес по българистика. Симпозиум славяни и прабългари.* (София): 106-121.

Георгиев П. 1982a Ранносредновековни български бани VIII-X в. Авторефрат на кандидатска дисертация. (София).

Георгиев П. 1984 Строителната история на Малкия дворец в Плиска. *Сборник в памет на проф. Ст. Ваклинов.* (София): 140-152.

Георгиев П. 1992 Водоснабдяване и канализация в Дворцовия център на Плиска. Плиска-Преслав 5: 77-104.

Георгиев П. 2001 Началото на кръстокуполното строителство в България. Преславска книжовна школа 5: 59-75.

Георгиев П. 2003 Началото на Абоба-Плиска. Studia protobulgarica et mediaevalia europensia. В чест на проф. В. Бешевлиев. (В. Търново): 175-182.

Георгиев П. 2004 Разкопки южно от Големия басейн в Плиска. Плиска-Преслав 10: 24-60.

Георгиев П. Първоначалният дворец в Плиска. Разкопки и прочвания. (под печат).

Георгиев П. Витлянов Ст. 2001 Архиепископията-манастир в Плиска. (София).

Дьоле Б. 1982 Принципията на кастела Ятрус на долномизийския лимес. Археология. (София). 3-4: 24-31.

Зубарь В.М. 2003 По поводу интерпретации одной постройки на территории римской цитадели Херсонеса Таврического. ВДИ 1: 120-130.

Иванов Р. 1999 Долнодунавската отбранителна система между Дортикум и Дуростурум от Август до Маврикий. (София).

Мавродинов Н. 1959 Старобългарското изкуство. (София). І.

Михайлов Ст. 1955 Археологически материали от Плиска. *Известия на Археологическия институт*. (София). 20: 101-102.

Миятев Кр. 1965 Архитектурата в средновековна България. (София).

Рашев Р. 1995 Плисковският аул. Плиска-Преслав. 7: 10-22.

Рашев Р., Станилов Ст. 2003 Проучвания в Дворцовия център и на тайни ходници в Плиска през 2003 г. *Археология*. (София). 4: 64-65.

Рашев Р., Димитров Я. 2004 Разкопки в Дворцовия център на Плиска. *Археологически открития и разкопки през 2003 г.* (София): 171-172.

Станчев Ст. 1961 За периодизацията на плисковския дворцов център. Изследвания в памет на К. Шкорпил. (София): 101-109.

Сорочан С.Б. 2004 Об архитектурном комплексе фемного претория в Херсоне. АДСВ 35: 108-121.

Шацко А.А. 2003 История исследования цитадели Херсонеса. Херсонесский сборник. (Севастополь). 12: 187-198.

Шкорпил К. 1905 Постройки в Абобском укреплении. ИРАИК 10: 65-67.

Döhle B. 1991 Die Principia (Objekt XX-XXII). Iatrus-Krivina. (Berlin). 4: 42-46.

Fellmann R. 1976 Le "Camp de Dioclétien" a Palmyre et l'architecture militaire du Bas-Empire. *Mŭlanges d'histoire ancienne et d'archŭologie offerts a Paul Collart*. (Lausanne): 178-179.

Fellmann R. 1983 Principia – Stabsgebäude. (Stuttgart).

Ivanov R. 1993 Zur Frage der Planung und der Architektur der Rumischen Militärlager. *Bulgarian Historical Review* 1: 3-26. Janin R. 1964 Constantinople byzantine. Developpment urbain et répertoire topographique. (Paris).

Karasimeonoff P. 1940-1942 Neue Ausgrabungen in der Rezidenz von Pliska. *Известия на Българския археологически институт* 14: 158-161.

Sarnowski T. 1999 Die Principia von Novae im spaten 4. und Frьhen 5 Jh. In G. von Bülow, A. Milčeva (Hrgs.) *Die Limes an der Unteren Donau von Diocletien bis Heraclios*. (Sofia): 57-63.

SUMMARY

P. Georgiev

THE PRINCIPIA - PALACE IN THE PLISKA CAMPUS

In this article the author concentrates mainly on the data about the character and purpose of the oldest monumental building in the Bulgarian capital Pliska - the so-called large pool (fig. 1-3). There is a water storage in the dug in part of the building, which has its own walls made of bricks and hydrophobias mortar, and it has been vaulted. The tank contained two adjacent pools connected by a system of water conduits for filling and canals for draining. The reservoirs were covered with vaults, which were based on the surrounding walls, and on their own supports, which are not preserved as the flooring of the original bottom has been taken out along with them. Above the level of the terrain there has been erected a solid, probably two-floor building, whose walls have their own bases made with stone blocks, which does not differ in characteristics from the most solid buildings in Pliska (fig. 4). This gives us a reason to characterize it as a palace with the water storage. According to the existing archaeological data, it is the first palace in Pliska, which existed between the last decades of the 8th and the first decade of the 9th century.

The building is situated in the central sector of the recently discovered by the author earthen fortification with total area of 83 hectares. It can be characterized as military camp (castrum), which can be partly identified with the one mentioned in khan Omurtags inscription from 821/2, Πλσκας τῶν κάνπον. The palace building along with the defensive lines is orientated by the summer sunrise. The bathing and other accessory buildings and equipment, built by its northern and southern wall, form an architectural group, which by its characteristics is a ruler's residence. The place of these buildings in the Pliska Campus, and their layout and characteristics, give us enough to identify them as its military and administrative center, and the palace with water storage – with the so-called Basilica in the roman camp principia. The whole layout of the military campus in the Aboba field seems to take as an example the Campus in the so-called Hebdomon by the Byzantine capital.

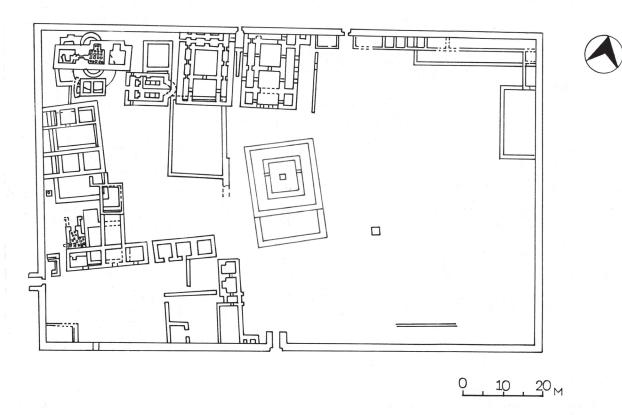
Probably, in the building above the water storage a home for the Bulgarian ruler was placed, who according to his title in Turk language κανα συβιγι, was "head of the army", which corresponds to the roman post "praetor". This way, the inhabited floor above the water storage can be considered a "praetorium". As a whole, the first palace in Pliska can be compared to the so-called Basilica-tank in Constantinople, where, according to historical sources, the second Bulgarian ruler, Tervel (700-721) received the title "caesar" from Justinian II.

To support his observations, the author reviews the construction history of the building and the buildings around it after its burning and demolition in 811. It is discovered that near it and later over the abandoned water storage, buildings with the characteristics of military-administrative institutions in the residence from the first half of the 9th century (fig. 3a and 5), were constructed.

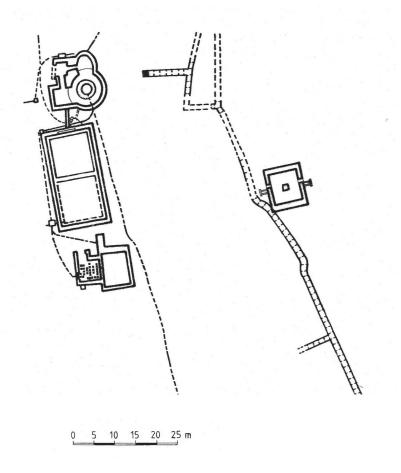
According to the author, an important evidence of the existence of a principia and a praetorium in the two floor tri-sectioned building from the third phase of the existence of the "Large pool" is the identical position and internal arrangement of the building of the Byzantium "praetorium" from 9th – 12th century in the citadel of Chersonese (fig. 6).

The similarities in the military-administrative buildings in the Byzantium Chersoneses and the Bulgarian capital Pliska, according to the author, is due to the ancient building tradition, which extends to the early Middle Ages during the forming of the new towns as castra, and their centers as principia and praetoria – palaces of the new sovereigns or governors.

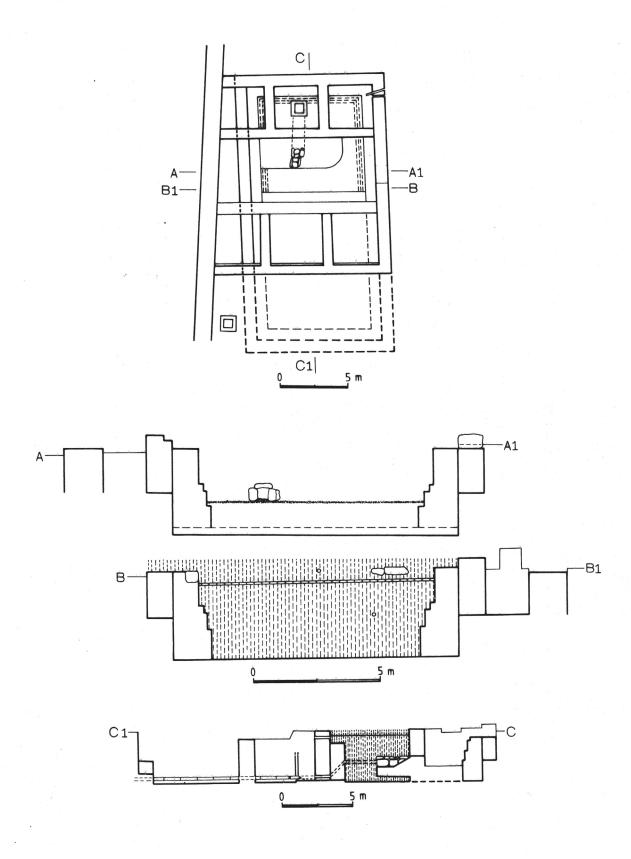

Обр. 1. Общ план на строежите в "цитаделата" на столица Плиска

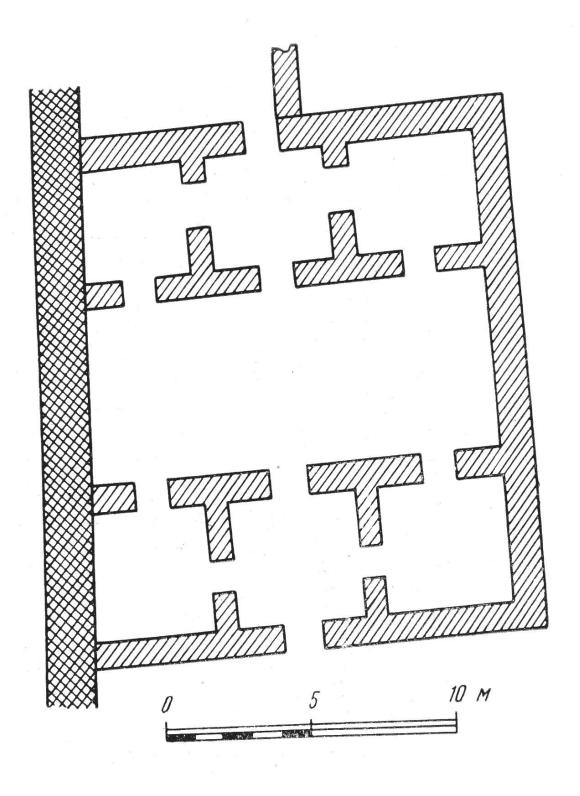
Обр. 2. План на строежите в централната част на кампуса Плиска преди 811 г.

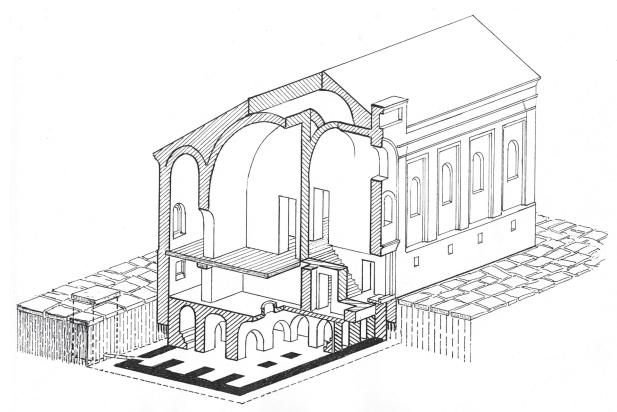
Обр. 3. План и разрези на т. нар. Голям басейн

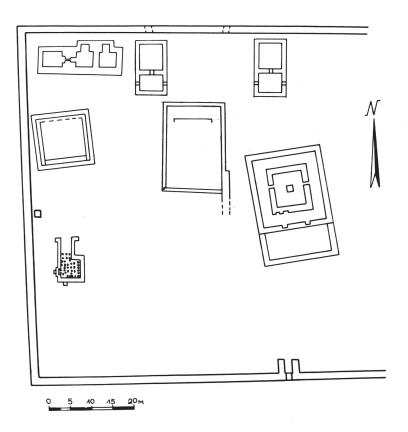

Обр. 3а. План на триделната сграда от т. нар. Голям басейн

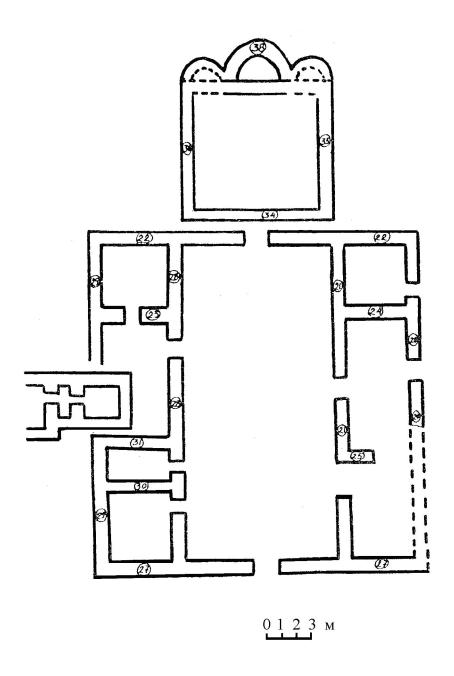

Обр. 4. Графична реконструкция на двореца над водохранилището в Плиска (арх. Ст. Бояджиев и автора)

Обр. 5. План на строежите в западната половина от "цитаделата", непосредствено след 811 г.

Обр. 6. План на "претория" в цитаделата на Херсонес (план на И.А. Антонова)

А.В. ИВАНОВ

ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДИЩА ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Более чем двухсотлетняя история Севастополя как крепости и военного порта, события Крымской кампании и Великой Отечественной войны оставили свои следы и на территории Херсонеса. Разновременные фортификационные сооружения в определенной мере формируют современный ландшафт городища. Их топографию целесообразно учитывать при планировании новых археологических изысканий. С фортификационными работами связано открытие и исследование ряда значимых археологических памятников. Часть сохранившихся объектов уже сами рассматриваются как памятники истории и инженерного искусства.

Наиболее раннее фортификационное сооружение российского времени на территории Херсонеса – небольшая земляная береговая батарея над западным входным мысом Карантинной бухты, устроенная в 1807 г. С началом очередной войны между Россией и Турцией, по распоряжению адмирала маркиза де Траверсе, был возведен ряд батарей к западу от входа на Севастопольский рейд с целью не допустить высадку десанта в какой-либо из бухт, если в это время главные силы Российского флота будут вне Севастополя (Скориков 1997: 49). Батарея на городище Херсонеса известна по плану 1811 г. , вскоре она была разоружена и более не возобновлялась. Возможно, что остатки ее порохового погреба, атрибутированные К.К. Косцюшко-Валюжиничем как «блиндаж», были вскрыты раскопками 1891 г. у базилики К. Крузе (Архив НЗХТ. Дело № 2: 8).

Следующие эпизоды фортификационного строительства на территории городища связаны с событиями Крымской кампании. В период Крымской кампании территория городища была занята французскими войсками, на его территории были развернуты значительные фортификационные работы, продолжавшиеся до конца осады Севастополя. К октябрю 1854 г. в возвышенной западной части городища была возведена 7—пушечная бата-

рея № 6 (Рис. 1). Затем к северу от нее в течение зимы 1854-55 гг. — 10—пушечная батарея № 37, известная как батарея Брюа², или «Star battery»³ в английских источниках, и примыкающие к 19 куртине цитадели батареи №№ 46, 47 в южной части городища (Рис. 2). К лету 1855 г. в северо-восточной части городища в районе Уваровской базилики возвели батарею № 57 (Рис. 3)⁴.

Все сооружения представляли собой земляные (основу валов могла составлять каменная наброска или кладка насухо - конкретно для Херсонеса данных нет – А.В. Иванов) брустверные батареи с одним фасом, вооруженные 4-10 орудиями калибром 18-35 фунтов, ведущими огонь через прорезанные в валах амбразуры, орудийные дворики были разделены земляными траверсами. Батареи № 6 и № 37 обращены фасом на юго-запад к западу, укрепления соединялись траншеями, прикрытыми валами. Батарею № 37 усилили с тыла горжевым валом, на северном фланге располагалось небольшое сомкнутое укрепление нерегулярного плана. От него на северо-северо-восток к берегу моря, следуя рельефу, проходила траншея, ее приморский фланг приобретал кремальерное начертание, по-видимому, здесь также была оборудована артиллерийская позиция. Фас батареи № 57 обращен на северо-восток к востоку, батарея имела 3 орудийных дворика, в которых попарно было прорезано 6 амбразур. К северному флангу батареи подходила траншея зигзагообразного начертания, усиленная валом, пересекавшая городище. Под их прикрытием для сообщения между укреплениями были устроены дороги, частично вымощенные камнем. Их направление фиксируется по картографическим материалам, с их остат-

¹ Генеральная карта порта и города Ахтиара с показанием произведенных в 1811 г. фортификационных работ. Чертил инженер-поручик фон Грее. 1811 г.

² План крепости Севастополя с окрестностями и укреплениями союзных армий. СПб. 1855.

³ Plan of the siege of Sebastopol. 1854-55. http://btinternet.com/~rrnotes/bmh/images/mapsebastopol.

⁴ Рис. 1-3. Картографические материалы - атлас к Описанию обороны г. Севастополя под ред. Э.И. Тотлебена. СПб. 1861-73 г. – ч. 1-2. Представленные материалы отражают ход фортификационных работ, производимых союзными войсками в 1854-55 гг.

ками неоднократно сталкивались исследователи в ходе проведения раскопок на городище (Белов 1938: 135, 301).

Назначением батарей союзников в Херсонесе была борьба с русской артиллерией западного фланга - береговой батарей № 10, бастионом № 6, а также орудиями, расположенными на куртинах между ними. В ходе артиллерийской дуэли 7 октября 1854 г. «...французская батарея в Херсонесе была взорвана попавшими в нее одна за другой двумя пятипудовыми бомбами, выпущенными одновременно с батареи № 10 и бастиона № 6», русские артиллеристы были пожалованы знаками отличия ордена Св. Георгия (Бабенчиков 1870: 48).

В настоящее время на местности фиксируются остатки вала батареи № 37 между «финскими» домиками археологической базы (Рис. 4) и предположительно батареи № 6 (ориентир – второй с запада орудийный дворик батареи времен Великой Отечественной войны).

Следующий этап строительства оборонительных сооружений на территории Херсонеса связан с восстановлением крепости Севастополь на рубеже 1870-80 гг. Этот период характерен бурным развитием средств защиты и поражения: повсеместным введением нарезной артиллерии, появлением новых взрывчатых веществ, строительством броненосного флота, развитием морского минного дела, экспериментов в области военной электротехники. Любопытно, что все это в той или иной мере отражено в военных объектах, по несчастливому для памятника стечению обстоятельств возведенных на территории Херсонесского городища.

К началу 1880 г. была возведена и вооружена земляная мортирная батарея № 12, имевшая характер временного сооружения. Впоследствии при строительстве существующей линии батарей она была срыта. Ее позиция, отмеченная на плане 1886 г. , находилась в центре западного района городища приблизительно в ста метрах к северу, параллельно массиву существующей батареи. В настоящее время на местности фиксируются слабые следы сооружения (Рис. 5).

Оборонительные сооружения рубежа XIX-XX вв. – мортирные береговые батареи №№ 12, 13, расположенные на юго-западе, наиболее возвышенной части Херсонесского городища. Батареи проектировались в соответствии с «Планом возобновления и дальнейшего усиления крепости Севастополь», принятым Особым совещанием о стратегическом положении России в 1885 г. Пер-

воначально комплекс батарей именовался Фортом N_2 1 в Херсонесе, его проект был утвержден в 1888 г.

Спустя год, строящимся уже сооружениям были присвоены №№ 12 и 12 бис (позже № 13). К 1893 г. батареи были в основном закончены и в 1895 г. вооружены, испытаны и приняты в казну (РГВИА фонд 802, опись 8, дело № 155; фонд 349, опись 37, дела №№ 5461, 5462, 5757).

Береговые батареи №№ 12 и 13 были включены в систему морской обороны южной стороны Севастопольской крепости. Их задачей определялось «...действие артиллерией по неприятелю находящемуся на внешнем рейде порта и крепости Севастополь...» (Всеподданнейший отчет... 1896: 123-124).

Штатное вооружение батареи № 12 состояло из 8–11" (280 мм), мортир образца 1877 г., с дальностью стрельбы 8750 м, на станках системы Кокорина (Рис. 6), размещенных в отдельных орудийных двориках. Батарею № 13 вооружили 16-9" (203 мм), мортир образца 1877 г. (Рис. 7) на станках системы Дурляхера, размещенных попарно в восьми орудийных двориках. На западном фланге батареи № 12 располагались два отдельных блока (Рис. 8), каждый на 2–57 мм пушки системы Норденфельда, использовавшиеся для пристрелки и противодесантной обороны (Широкорад 2000: 327-329, 348).

Принятие на вооружение морских крепостей России серии крупнокалиберных нарезных казнозарядных мортир образца 1877 г. значительно повысило эффективность противодействия возможной атаке флота противника. Учитывая уязвимость недостаточно защищенных палуб броненосных кораблей для навесного огня (задача должного усиления горизонтальной броневой защиты не была радикально решена до 50 гг. XX в. - конца эпохи крупных артиллерийских кораблей - А.В. Иванов) и шаблонный характер тактики флотов вероятных противников, в первую очередь Британии, эти мощные, относительно компактные и недорогие орудия сохраняли боевое значение более 30 лет. К их недостаткам следует отнести относительно малую дальность и недостаточную кучность стрельбы, осложнявшую ведение огня по движущейся цели, но считалось, что эффект даже от единичного попадания делает их терпимыми. На протяжении долгой службы орудий их эффективность увеличивали за счет внедрения новых бездымных порохов, применения более мощных взрывчатых веществ в снарядах, совершенствования систем управления огнем. Все же к Первой Мировой войне вооружение мортирных

⁵ План Севастополя и окрестностей. 1886 г. (1"- 21000"). Военно-топографическая съемка Тяпина.

батарей морально устарело и в 1916 г. их наметили к перевооружению современными 12" (305 мм) гаубицами Обуховского завода. Последующие события помешали как валовому производству новой системы, так и планам по усилению вооружения крепости Севастополь.

По своему конструктивному типу береговые батареи №№ 12-13 относятся к открытым бетонно-земляным брустверным батареям, основным конструктивным элементом которых являлся монолитный бетонный массив с оборудованными в нем артиллерийскими позициями, погребами боезапаса и системами его подачи (Рис. 9). На батареях было оборудовано по четыре бетонных артиллерийских погреба, обеспечивавших по два орудийных дворика (Рис. 10). Толщина бетонных перекрытий над погребами составляла 2.70 м. В промежутках между орудиями размещались ниши для боеприпасов и входы в потерны артиллерийских погребов (Рис. 11).

Данные для стрельбы получали с помощью двух дальномеров с вертикальной базой, системы Петрушевского, располагавшихся на флангах батареи в отдельных казематах (Рис. 13); позже на вооружение были приняты более совершенные оптические внутрибазовые дальномеры.

Береговые батареи № 12 и № 13 были первыми в отечественной фортификационной практике крупными оборонительными сооружениями из монолитного цементного бетона, усиленного металлическими конструкциями; в других российских крепостях подобные сооружения появились после 1894-95 гг. (Раздолгин, Скориков 1988: 312-315). В дальнейшем это технологическое направление стало на многие десятилетия господствующим в мировой долговременной фортификации.

Мощность бетонного массива батарей достигала 2.70 м, поверх бетона насыпалось до 3.00 м земли. Дополнительная защита батарей обеспечивалась мощным гласисом, рвом, глубиной до 5.00 м, с напольной стороны и усиленным каменной кладкой горжевым валом. Особенности вооружения батарей позволяли разместить артиллерию в весьма глубоких, около 2.50 м, орудийных двориках диаметром около 6.00 м (Рис. 14). Орудия были полностью скрыты бетонным массивом и земляным гласисом, что даже при открытом расположении орудий практически исключало прямое попадание снарядов корабельной артиллерии противника.

Несколько позже к 1908 г. был окончен ров перед батареями. Основным назначением рва была противодесантная оборона позиции батареи, на дне устанавливалась противоштурмовая решетка, на стыке флангов батарей устроено трапециевидное в плане, сомкнутое земляное укрепление типа редута (Рис. 12), позволявшее контролировать предполье и рвы. На северо-восток ров продолжался до монастырской ограды. В 1900 г. между батареями была возведена каменно-железобетонная двухэтажная башня для размещения командного пункта береговой обороны Севастопольской крепости (Рис. 15).

Въезд на территорию батареи № 12 располагался на восточном фланге, оформлен двумя массивными пилонами (Рис. 16), за ним располагался флигель для караула и дежурной части. Архитектурное оформление сооружений – типовое для построек военного ведомства, ныне они используются в качестве жилых помещений. К батареям было проложено ответвление крепостного шоссе части. После завершения строительства разобрали временный артиллерийский погреб, ранее располагавшийся восточнее позиции батарей на территории городища.

Строительством батарей руководил военный инженер, капитан Михаил Иванович Гарабурда, проявивший себя и как археолог. «Скромный, но вдумчивый человек, стремившийся к изучению классических древностей, особенно в отношении военного дела...всегда с интересом следил за раскопками в Херсонесе, всегда его можно было видеть у места раскопок заносящим что – либо в свою записную книгу от его внимания не ускользала ни одна мелочь... к сожалению, преждевременная смерть в 1895 г. прервала его деятельность, которая без сомнения принесла бы большую пользу науке» (Гарабурда 1909: 88-89).

Со строительством береговых батарей №№ 12-13 связано открытие и первый этап исследований ряда важных археологических памятников херсонесского городища, в том числе четырехапсидного храма, открытого во рву батареи в 1894 г.; южного участка оборонительной системы Херсонеса; водохранилища и прилежащей к нему застройки при строительстве дороги, ворот и флигеля дежурной части в 1885, 1893 гг.; пятиапсидного храма в 1906 г. при сооружении рва батареи (Архив НЗХТ. Дело № 7: 10; Косцюшко-Валюжинич 1906: 66-78; Гарабурда 1909: 90-98).

Следующим по времени сооружением стала земляная береговая батарея, расположенная к востоку от Уваровской базилики, построенная в 1904 г. (Крестьянников 2003: 103). Ее вооружение составили 4-6" (152 мм) орудия системы Канэ образца 1895 г. на береговых станках Пермского завода на центральном штыре - наиболее массовые артиллерийские системы среднего калибра, кото-

рые состояли на вооружении российского флота и морских крепостей (Широкорад 1992: 107) (Рис. 17). Орудия располагались в четырех одиночных полукруглых двориках, глубиной около 1.00 м, диаметром около 6.00 м, укрепленных каменной кладкой на бетонном растворе, позже разобранной для реставрационных нужд (Рис. 18).

Приблизительно в то же время на наиболее возвышенной точке берега в северо-западной части городища был устроен бронированный пост для приборов системы де-Шарьера⁷, обеспечивавшей центральное управление огнем береговых батарей крепости. Сохранившаяся полукруглая бетонная конструкция (Рис. 19) некогда была перекрыта полусферическим куполом из броневой стали толщиной 20 мм.

Военное ведомство имело планы дальнейшего строительства долговременных батарей на территории херсонесского городища. Одну предполагалось возвести к западу от батареи № 12, вторую - калибром не менее 234 мм (рассматривалась возможность закупки перспективной системы в Англии у фирмы Виккерс – А.В. Иванов) – в районе Уваровской базилики. Планы военных привели иереев херсонесского монастыря Св. Владимира, до поры с пониманием относившихся «к нуждам Государственной обороны» и смиренно терпевших вылетающие при учебных стрельбах окна, в праведный ужас. Редчайший случай, когда свои слабые аргументы против надвигающейся катастрофы святые отцы подкрепили ссылками на ценность археологических памятников и нужды археологических изысканий (Крестьянников 2003: 104).

Важным элементом обороны морских крепостей считались крепостные минные заграждения, представлявшие серьезную опасность для кораблей неприятеля, маневрирующих на рейде крепости. Крепостные минные заграждения состояли из гальваноударных мин, цепи боевого

электропитания которых были соединены с источниками энергии через береговые минные станции, позволявшие при необходимости приводить заграждение в боевое состояние или «выводить его», обеспечивая безопасность судоходства в мирное время. Подобные заграждения выставлялись заблаговременно и обслуживались минной ротой Севастопольской крепости.

К 1906 г. на западном входном мысу Карантинной бухты были завершены работы по строительству комплекса сооружений минной станции № 4, состоящего из устроенного в выемке берегового скального обрыва бетонного каземата для приборов управления и дежурного поста. Перекрытие 0.70 м бетона по стальным профилям, вход прикрыт массивным, полукруглым бетонным сквозником, кабели боевого электропитания заграждений выводились под воду через сохранившийся бетонный коллектор.

В 50 м южнее был возведен монументальный бункер электростанции, обеспечивавшей боевое электропитание сети минных заграждений. Сооружение представляет собой две параллельные бетонные галереи, где размещались пародинамо и котельное отделение, перекрытые монолитными коробовыми сводами с вентиляционными шахтами. Снаружи бетонный массив защищен мощной земляной насыпью. Трапециевидный ступенчатый фасад бункера был оформлен в предельно упрощенных формах стиля «модерн» промышленных сооружений.

Несколько ранее комплекса минной станции в 1894 г. в Карантинной бухте был сооружен новый причал Инженерного ведомства, шлюпочный и минный сараи (Архив НЗХТ. Дело № 2: 9) (Рис. 20). Над обрывом в западной части городища были устроены основания для прожекторных установок (Рис. 21), следы одной из них сохранились в районе Восточной базилики.

Батареи, располагавшиеся на территории городища, участвовали в отражении набега германо-турецких сил на главную базу Черноморского флота в день начала военных действий 29 октября 1914 г. Появившийся в 6 часов 12 минут утра со стороны мыса Лукулл линейный крейсер «Гебен» в сопровождении двух миноносцев предпринял малоэффективную попытку бомбардировки батарей крепости и кораблей, находившихся на рейде. Немедленно открытый ответный огонь крепостной артиллерии заставил «Гебен», получивший три попадания снарядами крупных калибров, через 15 минут отойти. Драматизма этому военному эпизоду добавляет тот факт, что германо-турецкий крейсер несколько минут маневрировал на крепостном минном заграждении, цепь которого

⁶ Кане Гюстав - главный инженер концерна Шнейдер - Крезо, автор проекта орудия. С 1891 г. лицензионное производство орудий Кане организовано в России. Системы состояли на вооружении до конца 40 гг. XX в. Именно из 6" орудия Кане произведен «исторический» выстрел «Авроры».

⁷ Состоявшая на вооружении российских крепостей система центрального управления огнем де-Шарьера - комплекс механических счетно-решающих устройств, обрабатывавших информацию о цели, поступавшую по кабельной связи от системы береговых наблюдательных постов; рассчитанные данные направления, расстояния, поправок для стрельбы позволяли достаточно эффективно управлять огнем артиллерии крепости по движущимся морским целям. Бронированные павильоны наблюдательных постов, сохранившиеся на западном берегу Карантинной бухты, по ул. Адмирала Владимирского, на Северной стороне Севастополя - любопытные памятники инженерного искусства рубежа XIX-XX вв.

была разомкнута в ожидании прохода собственных кораблей. Радио командующего флотом «заграждение введено» было отдано в 6 часов 33 минуты, боевая батарея херсонесской минной станции № 4 включена в 6 часов 45 минут. К этому времени находившийся у коммутатора дежурный офицер зафиксировал замыкания на двух магистралях. Неприятельский корабль пересек две группы мин - судьбу крейсера решила 12-минутная задержка передачи приказа (Новиков 1937: 13).

Вероятно, уже в ходе Первой Мировой войны была устроена временная батарея непосредственно на берегу моря к западу от Базилики 1932 г. Судя по размерам и глубине орудийных двориков, здесь были установлены четыре шестидюймовые гаубицы образца 1909 г. (Рис. 22). Изучая опубликованные аэрофотоснимки (Романчук, Филиппов 2005: 27, 33, фото 25, 30), автор отметил еще один объект в западной части городища почти между западной базиликой и базиликой на холме. Его можно определить как четырехорудийную земляную береговую батарею, обращенную фасом на северо-запад. Ее размеры невелики, больше она напоминает сооружение времен Крымской войны, однако на планах этого времени отсутствует, ее ориентировка также мало соответствовала задачам французских артиллеристов. Вероятнее всего, это еще одна батарея периода Первой Мировой войны, вооружавшаяся скорострельными полевыми орудиями калибром не более 75 мм, предназначенная для противодействия легким морским силам противника. Похоже, что между четырехапсидным храмом и первым восточным орудийным двориком периода Великой Отечественной войны находится еще одно оборонительное сооружение, время и тип коего автор определить пока не берется.

В ходе гражданской войны и интервенции береговые батареи, располагавшиеся в Херсонесе, были выведены из строя, а материальная часть разграблена. В дальнейшем батареи в строй не вводились и к 1923 г. были разоружены, впоследствии их использовали в хозяйственно-технических целях. Минная станция имела аналогичную судьбу. В межвоенный период работ военного характера на территории городища не велось.

К июлю 1942 г. относится приводимый снимок разоруженных батарей №№ 12, 13, выполненный пилотом VIII воздушного корпуса Люфтваффе (Рис. 23). С началом войны на территории городища было устроено значительное количество полевых укрытий. В начальный период обороны Севастополя из боевых частей на городище Херсонеса находились две прожекторные установки 61 зенитно-артиллерийского полка. В период оккупации велись более значительные работы на западе городища: сооружена батарея из 6 полустационарных 100 мм зенитных орудий, установленных на временные бетонные основания в неглубоких орудийных двориках с земляной обваловкой (Рис. 24). Батарея имела универсальное назначение для противовоздушной и береговой обороны. Судя по фотоматериалам, вероятно, в качестве командного пункта данной батареи в 1942-44 гг. была надстроена бетонная часть башни бывшего командного пункта береговой обороны Севастопольской крепости⁸.

В настоящее время сохранившиеся фортификационные сооружения находятся в распоряжении Национального заповедника. Полагаем, что их рациональное использование способствовало бы разрешению многих проблем фондового хранения отдельных групп находок и техническому обеспечению деятельности заповедника. Сами сооружения представляют несомненную историческую ценность и требуют определенных мероприятий по их сохранению и музеефикации. В 2002 г. комплексы сооружений батарей №№ 12 и 13 и минной станции поставлены на Государственный учет как исторические сооружения (учетные №№ 2.3.562-2.12.1 и 2.4.580-2.12.1 соответственно). На территории батареи № 12 расположена археологическая база заповедника, часть территории по сей день занята обывательским домовладением, сами сооружения батареи практически не используются. В 2001 г. в рамках подготовки Генерального плана развития Херсонеса Таврического коллективом специалистов НИИТАГ (г. Киев), под руководством Н.П. Андрущенко (ГАП), при участии автора публикации, был составлен проект реставрации батареи № 13 с приспособлением ее под фондохранилище (Андрущенко 2002: 87) (Рис. 25). К сожалению, на территории минной станции уже после ее определения в статусе памятника по инициативе чиновников столичного ранга возведена постройка дачного характера.

⁸ Наиболее ранний снимок перестроенного сооружения. Архив проектного института Черноморского флота. «Альбом аэрофотоснимков главной базы Черноморского флота. Севастополь. Управление уполномоченного ВУВМФ по Севастопольстрою. Ноябрь 1945 г. фотограф ст. Ермолаев», снимки №№ 143-146, с. 27. Включенные в альбом снимки весьма информативны как в отношении атрибутации объектов военного характера, так и собственно памятников археологии городища Херсонеса и ближней округи Севастополя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андрущенко Н.П. 2002 О генплане Херсонеса Таврического. Art city construction. (Киев). 1(36).

Бабенчиков П.А. 1870 Атака Севастополя англо-французским флотом в 1854 г. и ее соотношение к сосредоточению орудий береговых батарей. *Артиллерийский журнал* 1-3.

Белов Г.Д. 1938 Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935-36 гг. (Севастополь).

Всеподданнейший отчет по Военно-Инженерному ведомству 1896 г. (Санкт-Петербург).

Гарабурда М.И. 1909 Оборонительная стена Херсонес. Пояснительная записка. ИТУАК 43: 88-98.

Косцюшко–Валюжинич К.К. 1909 Отчет заведующего раскопками в Херсонесе за 1906 г. *ОАК*. (Санкт-Петербург).

Крестьянников В.В. 2003 Взаимоотношения военного ведомства и монастырей при строительстве крепости «Севастополь». Восток-Запад межконфессиональный диалог. (Севастополь).

Новиков Н.В. 1937 Операции флота против берега. (Москва).

Раздолгин А.А., Скориков Ю.А. 1988 Кронштадтская крепость. (Ленинград).

Романчук А.И., Филиппов В.А. 2005 Результаты применения разведочной аэрофотосъемки западной части Херсонеса Таврического в 2005 г. (Севастополь–Тюмень–Екатеринбург).

Скориков Ю.А. 1997 Севастопольская крепость. (Санкт-Петербург).

Широкорад А.Б. 1992 Шестидюймовые палубные артиллерийские установки. *Морской исторический сборник*. (Ленинград). 3.

Широкорад А.Б. 2000 Энциклопедия отечественной артиллерии. (Минск).

СПИСОК АРХИВНЫХ ДЕЛ

Архив НЗХТ. Дело № 2: 8-9.

Архив НЗХТ. Дело № 7: 10.

РГВИА. Фонд 802, опись 8, дело № 155.

РГВИА. Фонд 349, опись 37, дела № 5461.

РГВИА. Фонд 349, опись 37, дела № 5462.

РГВИА. Фонд 349, опись 37, дела № 5757.

SUMMARY

A.V. Ivanov

THE FORTIFICATIONS OF THE 19TH -20TH CENTURIES ON THE TERRITORY OF THE SITE OF TAURIC CHERSONESOS

The article introduces military installations constructed at the territory of the ancient settlement of Chersonesos in the beginning of the 19th- the middle the 20th cent. This fortification reflected the history of Sebastopol as fortress and military port. Taken place at different times fortification organize landscapes of ancient settlement some definite measure. Their to-

pography take account advisable for the plane new archaeological investigation. Discovery of several significant archaeological objects was connected to fortification work. Part of remaining fortification installations are rated as memorial history and engineering art nowdays.

ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ РАБОТЫ СОЮЗНИКОВ НА ГОРОДИЩЕ ХЕРСОНЕСА:

Рис. 1. Октябрь 1854 г.

Рис. 2. Весна 1855 г.

Рис. 3. К завершению осады

Рис. 4. Позиция батареи Брюа

Рис. 5. Остатки вала батарей 1876-80 гг.

Рис. 6. 11" мортира образца 1877 г. крепость Суомелина (Свеаборг) 2000 г.

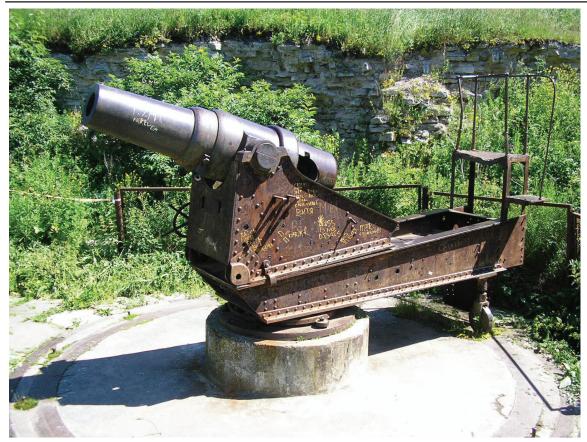

Рис. 7. 9" мортира образца 1877 г. крепость Ивангород 2005 г.

Рис. 8. Береговая батарея 12, ЮЗ фланг, виден блок 57 мм орудий

Рис. 9. Береговая батарея №12, общий вид с СВ

Рис. 10. Береговая батарея №12, вход в артпогреб

Рис. 11. Береговая батарея № 12, потерна

Рис. 12. Береговая батарея №12, напольная сторона укрепления «редут»

Рис. 13. Береговая батарея №12, дальномерный пост

Рис. 14. Береговая батарея №12, орудийный дворик

Рис. 15. Башня Командного пункта береговой обороны

Рис. 16. Береговая батарея №12, въезд на батарею

Рис. 17. 6" орудие Кане на береговом станке

Рис. 18. Четырехорудийная батарея 6" орудий на городище Херсонеса

Рис. 19. Наблюдательный пост системы Де – Шарьера

Рис. 20. Западный берег Карантинной бухты, причал Инженерного ведомства, минные сараи, бункер электростанции,1909 г.

Рис. 21. Прожекторная установка у восточной базилики

Рис. 22. Гаубичная (?) батарея к западу от базилики 1932 г.

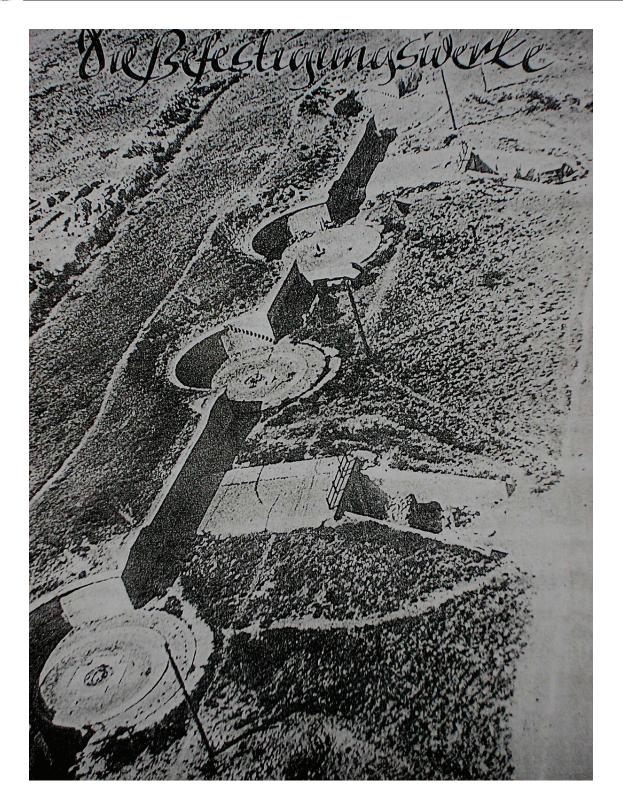

Рис. 23. Разоруженная батарея №12. Фото 1942 г.

Рис. 24. Орудийный дворик немецкой зенитной батареи 1942-44 гг.

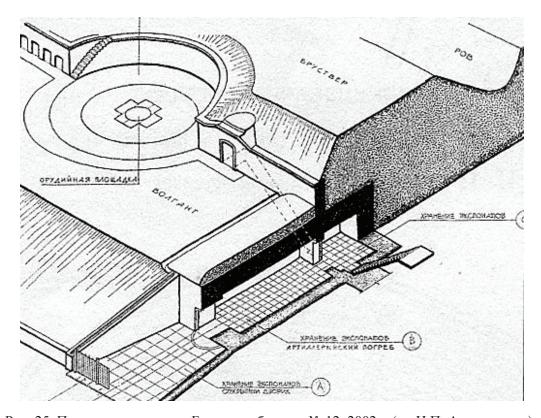

Рис. 25. Проект реставрации. Береговая батарея № 12, 2002 г. (по Н.П. Андрущенко)

E. KLENINA

THE SAINT MARTYRS OF CHERSONESOS ACCORDING TO WRITTEN AND ARCHAEOLOGICAL SOURCES*

Chersonesos in Taurica, situated in the southwest part of Crimea, existed from the late 5th cent. BC to the early 15th cent. AD (Fig. 1). One of the most interesting periods is the time of Christianity acceptance in the 4th cent. AD (Цукерман 1994: 549; Золотарев, Коробков 2002: 69-70). The events are reflected in written sources of the 7th cent. AD (Латышев 1907). The descriptions of the events connected with martyrs and its dating have provoked a great interest for the explorers. However information from the sources is extremely discordant, that handicaps searching of monuments, connected with the Chersonesos martyrs. The archaeological monuments, bound with activity of the martyrs can be divided into two categories: occurring during martyrs lifetime building or then tombs and memorial buildings constructed in the period of immortalizing of the martyrs in the 6th-7th centuries.

Written source narrates about the sermons and martyrdom of the maiden bishops - missionaries. According to the source the bishop Basil was killed and buried for defensive walls on the western necropolis (Кекелидзе 1913: 84). There are no mentions about the form and situation of the graves. Two cruciform early Byzantine mausoleums were discovered on the both necropolises. Western mausoleum dated to the late 4th - early 5th cent. AD was appeared during the process of Christianity acceptance (Fig. 2/A; 3/A). It seems to be a family mausoleum. This construction was erected above the crypt to have been cut down in а rock (Кленина 2004: 51-57; Бернацки, Кленина, Рыжов 2004: 39-43). The cruciform building was directly connected through a doorway with crypt down. Probably there was a Saint Basil tomb.

Often maiden martyrs had been buried in family crypts or mausoleums of the rich townspeople. The analogical samples of burial of martyrs in family mausoleums are widely known. For example, the martyr Anastasias from Aquileia, respected by one of nobility family from Salona, was buried in the mausoleum in 304 year. One of the three religious center of the town had been appeared on this place later (Deichmann 1994: 57; Беляев 2000: 94). Other presumable place of burying of Saint Basil is the crypt at western necropolis, discovered in 1912. It was a family crypt as well. There is a fresco on the one of the wall to be represented the man and the woman. The man indicates by the hand the ship and outline profile of city (Fig. 4/C). The fresco is dated to the 4th - 5th cent. AD. Later crypt was rebuilt in a chapel (Fig. 4/A-B). In opinion of M. Rostovtzev, the crypt was revamped in a chapel after relics of sacred martyr were carried to other place (Ростовцев 1914: 478). It seems to me the cruciform mausoleum at the western necropolis is more probable place of Saint Basil burying. On this place the basilica was erected later.

According to the written source of the 7th cent. AD three bishops being the followers of Saint Basil were buried at the east necropolis in the second half of the 4th century (Кекелидзе 1913: 84). The small mausoleum was discovered on the place dated to the end-4th - early-5th cent. AD above the memorial grave or graves. Two pieces of sigma-shaped mensa sacra of the end-4th cent. AD with the relief human face, heads of the ram and griffin was found during the excavation of the chapel (Косцюшко-Валюжинич 1904: 52) (Fig. 5/B). The mensa sacra was used during funeral repasts on the memorial tombs (Biernacki 1999: 75-86; Беляев 2000: 96). This mausoleum was rebuilt to the cruciform building (Fig. 2/C; 5/A). The cruciform martyrium on the east necropolis erected in the 5th – first half-6th centuries. The four entrances on the faces of the cross branches led into the church. It could be a mausoleum at the first period when the four doors existed (Бернацки, Кленина, Рыжов 2004: 93-96). The tomb of the saint could be put in the center of the mausoleum.

Cruciform buildings were intended for martyriums dedicated to a Sacred Cross and memory of the martyrs from the 4th cent. AD. One of the most well known analogies of the early Christian architecture is martyrium *Galla Placidie* in Ravenna (425-450) (Якобсон 1959: 61; 1983: 35; Koch 1996: 83) (Fig.

^{*} Статья написана на основе доклада, сделанного на Международной конференции «The Cult of Martyrs and Relics and its Architecture in East and West (3d -7th c. AD)» в г. Варне (Болгария) в ноябре 2003 г.

6/A). There are a few simples in Balkan region. Cruciform church of the 5th-6th centuries was discovered at the hill Tsarevets in Veliko Tyrnovo (Northern Bulgaria) (Чанева-Дечевска 1999: 220-221) (Fig. 6/B). Martyrium of the 4th cent. AD with a crypt was investigated nearby the village Voden (Southern Bulgaria). Basilica was erected at the end-5th-early-6th cent. AD on the place of the mausoleum to be included in the memorial complex (Чанева-Дечевска 1999: 240-241) (Fig. 6/C).

Bishop-missionary Capiton had approved Christianity in Chersonesos by rigid measures. He has destroyed Greek sanctuary and on its place erected a Christian church. Uvarov basilica dated of the late-4th - early-5th century was identified with the early Christian church to be built by Capiton (Fig. 2/D; 7). It was the large basilica with atrium and baptistery. The memorial crypt (3.55 x 2.85 x 1.78 m) was discovered in the south gallery erected later than basilica (Бернацки, Кленина, Рыжов 2004: 71-74). Here bishop Capiton could be buried.

The active process of martyr' relics carrying in churches began at the turn of the 6th-7th centuries AD. The believers become to show special interest in study of Christian relics, history of martyr's life and death. In this period the guidebooks have appeared. They had to help the believers finding the graves of the martyrs (Беляев 2000: 72). Lives of the Saints were created in this period in all part of Empire. The places for erection of basilicas were carefully selected. It should be connected to life or death of the martyrs (Deichmann 1994: 58). According to the archaeological data the Holy place in Chersonesos were incorporated into the churches made accessible to believers at the second half of the 6th-7th century. The immortalizing of memory of the seven maiden bishops has found reflection not only in written sources, but also in the sacral architecture. "Western" basilica is not incidentally constructed in place of cruciform mausoleum, where perhaps the bishop Basil could be buried (Fig. 2; 3/A). The basilica allowed visiting persons interested in an anniversary liturgy dedicated to the dead martyr. The reliquary was put into cruciform deepening under the floor of the central part of presbyterium (Fig. 3/B, D). Reliquary dated of the 4th-5th cent. AD was made from the white marble in a shape of sarcophagi (Koch 1996: 129-130; Minchev 2003: 24-25) (Fig. 3/C). The hole for oil of reliquary could be in a cover. The oil was instilled to the inner space of small reliquary, then oil was placed in ampoules and distributed to the parishioners and pilgrims (Koch 1996: 129). The crypts with reliquary are known in a basilica № 6 of the second half of the 6th cent. in Diocletianopolis and basilica on the island Kos (Fig. 6/D-E).

Another interested feature is the ambo of the 6th century with two marches of the stairways placed in the center part of basilica. The balcony and fragment of balustrade of ambo were discovered during the excavations (Кленина 2004: 51-57; Бернацки, Кленина, Рыжов 2004: 39-43) (Fig. 8-9). Such arrangement of an ambo is characteristic for the early Christian churches of Northern and Western Black Sea coasts, Asia Minor, Palestine, Northwest Africa and Spain (Donceel-Voûte 1998: 139; Biernacki 2002: 73). The ambo was used during the procession of a Grate Entrance with the participation of high rank priests and emperor (Taft 1978). The festive processions could be timed to the anniversary of Saint Basil death. The pilgrims visited the basilica. The water source was arranged in a southeast corner of the basilica (Косцюшко-Валюжинич 1902: 65). The threshold between southern nave and narthex of the basilica is deleted more strongly than others. That is the evidence of a special popularity of the source. The similar source is found in a bishop basilica of the 6th-9th centuries in Barcelona (Spain) (Godoy, 1998: 167) (Fig. 10). The water filled up a font in baptisteries and than followed in an equipped source for the pilgrims in atrium. This complex was connected to a cult of the martyrs and was a place of pilgrimage.

In a western part of Chersonesos the memorial church erected above the kiln was found. Bishop Capiton had come in which one according to the written source. The church is an exact tetraconch with four large apses oriented parts of the world (Кутайсов 1980: 156-169) (Fig. 2/В). Two doors had situated in each apse, except for a western apse. Inside the building there were mosaic floors. During the excavation the fragments of the mosaic were discovered. One of pieces arranged in a western apse, represents the peacock with a lowered tail, legs on west placed among vegetative ornaments with black trefoils and red-yellow bunches of a grapes. The representation of two birds were placed above from the right, below on the right there was a fragment of the representation of eagle with the dismissed wings and legs on the south (Лепер 1911: 92-96). The mosaic was made of small-sized polychromatic rock cubes and smalt. The memorial kiln was under the mosaic floor. According to the archaeological data the tetraconch church was erected under the kiln for the lime not earlier than the second half of the 6th century (Голофаст 2002: 109; Бернацки, Кленина, Рыжов 2004: 49-52). The building was destroyed in the 8th-9th centuries and later was not used as a church.

The tetraconch churches appeared in Georgia in the 6th century. The church Dzhvari at the monastery Mtsheta (587-605 years) is the most close analogy to Chersone-

sos tetraconch (Макрова, Плетнева 2003: 293).

The cruciform mausoleum on eastern necropolis was rebuilt in the second half of the 6th century (Fig. 2/C, 5/A). All doors were blocked except for western. The synthronon was build at the eastern branch of a cross. The reliquary was put under the alter. The prothesis was erected from the northeast part of the cruciform church; diakonikon was situated in the southeast part in this period (Fig. 5/A).

The wall of altar was decorated with smalt mosaic. The walls of the church were covered with polychromatic fresco. The frescos and wall mosaics were not kept up to present days. The floors of the church were richly decorated with the mosaics. Fine safety of the mosaic floors were in three branches of a cross and central part of a temple. The central part of mosaic is figured high *kantharos* and two peacocks. Thirteen series medallions with different animal and bird figures cover all area of a western wing of a church.

The rebuilding of the martyrium in a church should

be dated not earlier than 574 years. The cruciform church out-of-the town transforms from independent mausoleum in piligrimage center arranged on a Christian cemetery. The walls surrounded the complex of buildings connected to the church. This complex was widely known in all Christendom as a place of burial of the Roman Pope St. Martin I, died in 656 in the exile in Chersonesos (Кондаков 1887: 17).

Thus, reflected in a written source of the 7th century events, narrated about tragic destiny of the seven bishops, have been confirmed by archaeological data. The persecution and subsequent canonization of the maiden missionaries were characteristic for Roman Empire in the early Byzantine period. Chersonesos sacral architecture of the 4th-7th centuries was similar to the churches in Balkan, Asia Minor, Palestinian regions. It's the evidence of a commonality of historical and religious processes in these locales.

BIBLIOGRAPHY

Беляев Л.А. 2000 Христианские древности. (Санкт-Петербург).

Бернацки А.Б. 2002 Амвоны в интерьере раннехристианских базилик Западного и Северного Причерноморья. Церковная археология Южной Руси. (Симферополь): 69-82.

Бернацки А.Б., Кленина Е.Ю., Рыжов С.Г. (ред.) 2004 Ранневизантийские сакральные постройки Херсонеса Таврического. (Poznań).

Голофаст Л.А. 2001 Стекло ранневизантийского Херсонеса. МАИЭТ. (Симферополь). 8: 97-260.

Золотарев М.И., Коробков Д.Ю. 2002 О епископе Капитоне и крещении жителей Херсонеса в IV веке по Р.Х. Православные древности Таврики. (Киев): 68-73.

Кекелидзе К. 1913 Житие святых епископов Херсонесских в грузинской минее. ИАК. (Санкт-Петербург). 49: 75-88. Кленина Е.Ю. 2004 Хронология христианских памятников на участке Западной базилики. Культовые памятники в мировой культуре: археологический, исторический и философский аспекты. (Севастополь): 51-64.

Кондаков Н.П. 1887 Византийская церковь и памятники Константинополя. Труды VI Археологического съезда. (Одесса). 3: 1-229.

Косцюшко-Валюжинич К.К. 1902 Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году. ИАК. (Санкт-Петербург). 4: 51-73. Косцюшко-Валюжинич К.К. 1904 Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе в 1902 г. ИАК. (Санкт-Петербург). 9.

Кутайсов В.А. 1980 Четырехапсидный храм Херсонеса. Советская археология 1: 155-169.

Латышев В.В. 1907 Страдания святых священномучеников и епископов Херсонских Василия, Капитона и иных с ними. ИАК. (Санкт-Петербург) 23: 108-112.

Лепер Р.Х. 1911 Из раскопок в Херсонесе в 1906-1909 годах. ИАК. (Санкт-Петербург). 42.

Макарова Т.И., Плетнева С.А. (ред.) 2003 Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. (Москва).

Ростовцев М.И. 1914 Античная декоративная живопись на юге России. (Санкт-Петербург).

Цукерман К. 1994 Епископы и гарнизон Херсонеса в IV веке. МАИЭТ. (Симферополь). 4: 545-561.

Чанева-Дечевска Н. 1999 Раннохристиянската архитектура в България IV-VI в. (София).

Якобсон А.Л. 1959 Раннесредневековый Херсонес. МИА. (Москва-Ленинград). 63.

Якобсон А.Л. 1983 Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. (Ленинград).

Biernacki A.B. 1999 A marble sigma-shaped mensa from Novae. In G. von Bülow & A. Milčeva (Herg.) Der Limes an der underen Donau von Diokletian bis Heraklios. (Sofia): 75-86.

Deichmann F.W. 1994 Archeologia Chreścijańska. (Warszawa).

Donceel-Voûte P. 1998 Le fonctionnement des lieux de culte aux VI-VII siècles: monuments, textes et images. Acta XIII Congressus Internationalis Archaeologiae Christianae, Split-Poreč (25.9.-1.10.1994). (Roma-Split). 2: 97-156. Godoy C. 1998 Algunos aspectos del culto de los santos durante la Antigüedad Tardía en Hispania. Pyrenae 29: 161-170.

Koch G. 1996 Early Christian Art and Architecture. (London).

Minchey A. 2003 Early Christian Reliqueries from Bulgaria (4th -6th century AD). (Varna).

Taft R. F. 1978 The Great Entrance. (Roma).

РЕЗЮМЕ

Е.Ю. Кленина

СВЯТЫЕ МУЧЕНИКИ ХЕРСОНСКИЕ СОГЛАСНО ПИСЬМЕННЫМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Одним из наиболее интересных периодов существования Херсонеса является время христианизации населения в IV в. Эти события отражены в письменном источнике VII в.

Сохранились археологические памятники, которые можно разделить на две группы: сооружения, существовавшие при жизни епископов-му-

чеников, а также их могилы и мемориальные постройки, появившиеся в период увековечивания их памяти в VI-VII вв.

Канонизация первых христианских святых мучеников получила распространение по всей империи в ранневизантийский период.

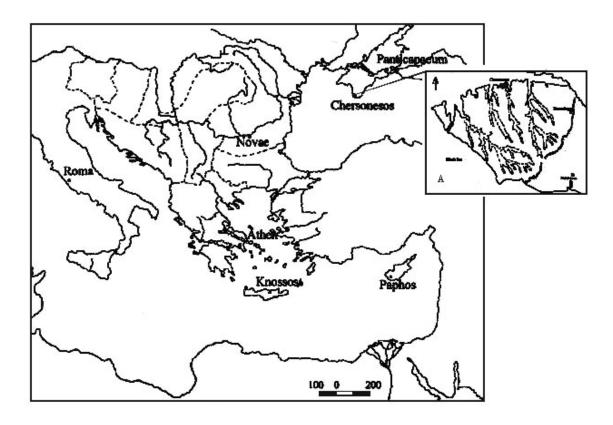

Fig. 1. The eastern part of the Roman Empire: A - the Herakleia peninsula (Crimea)

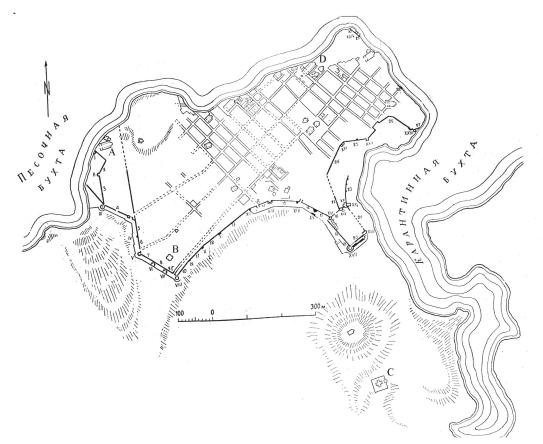

Fig. 2. The map of the Chersonesos site:

A - Western basilica; B - tetraconch church; C - cruciform church; D - Uvarov basilica

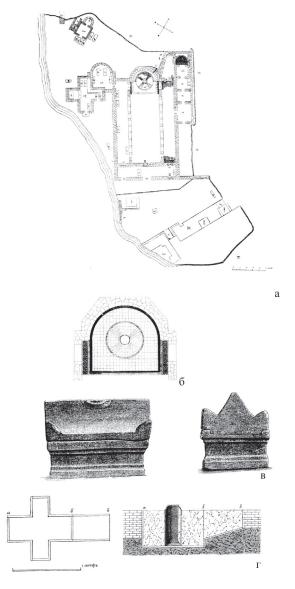

Fig. 3. The Western basilica: A - plan of the basilica; B - plan of the apse; C - reliquary; D - deepening for the reliquary (according to K.K. Kostzyushko-Valyuzynich)

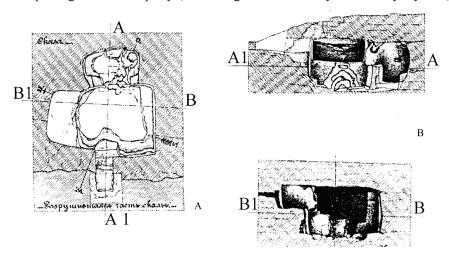
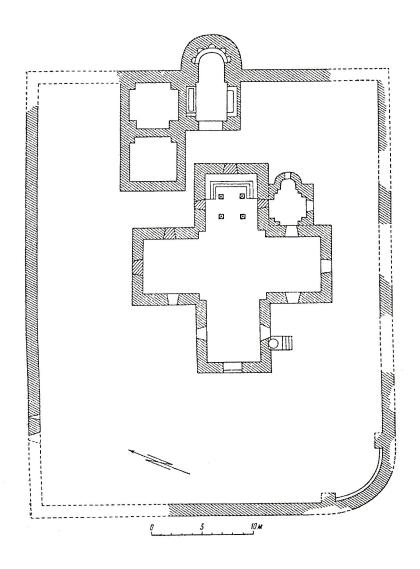
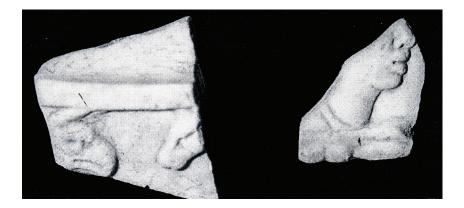

Fig. 4. The crypt on the western necropolis: A - plan of the crypt; B - sections of the crypt

В

Fig. 5. The cruciform church on the eastern necropolis: A - plan of the church; B - two fragments of the sigma-shaped mensa sacra (by K.K. Kostzyushko-Valyuzynich)

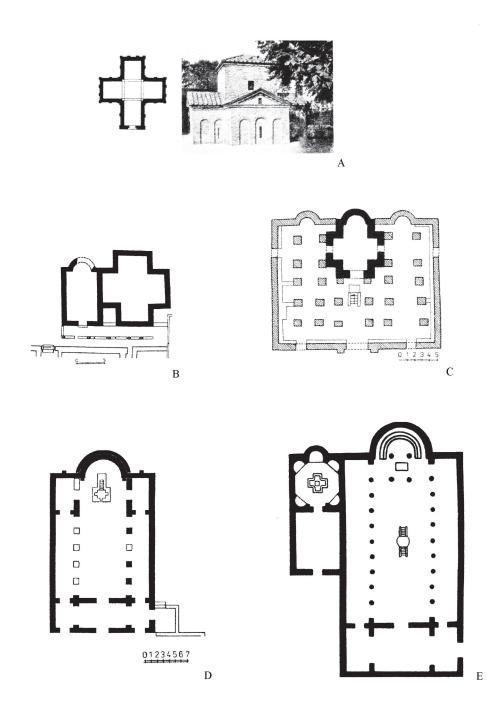
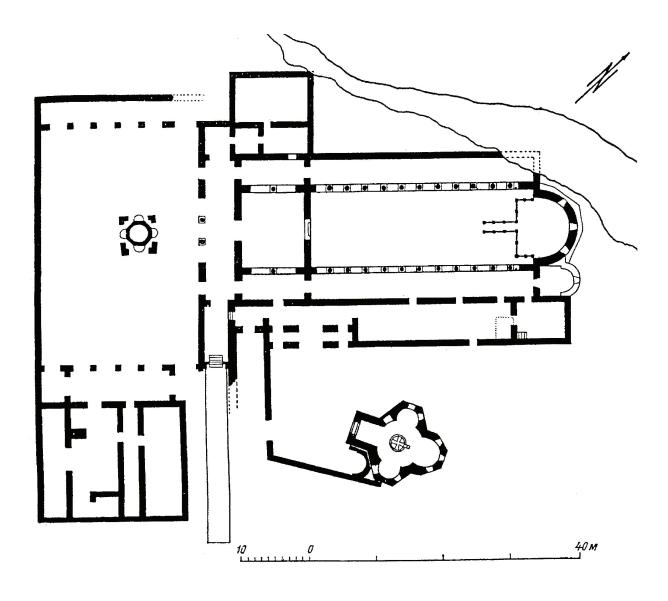

Fig. 6. The cruciform martiryums and early Christian basilica: A - martiryum Galla Placdie (by A.L. Yakobson); B - martiryum on the hill Tsarevets in V. Tyrnovo (by N. Angelov); C - martiryum nearby Voden (Southern Bulgaria) (by N. Tancheva); D - basilica # 6 in Diocletianopolis (by D. Tsaanev); E - basilica on the inland Kos (by A.L. Yakobson)

 $Fig.\ 7.\ The\ plan\ of\ ``Uvarov"\ basilica\ (according\ to\ K.K.\ Kostzyushko-Valyuzynich)$

Fig. 8. The balcony of the ambo from the Western basilica (by K.K. Kostzyushko-Valyuzynich)

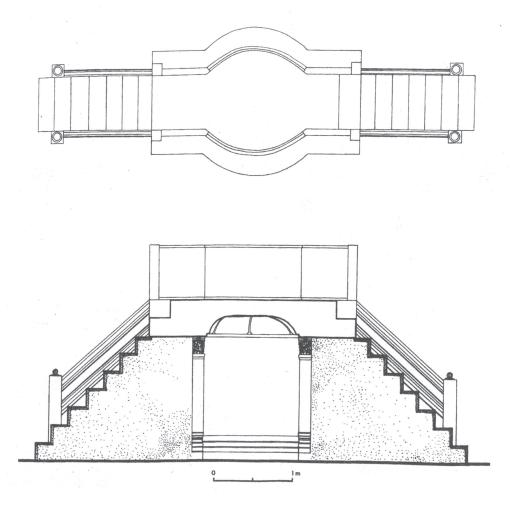

Fig. 9. The reconstruction of the ambo of the 6th century from Novae (drawing A.B. Biernacki)

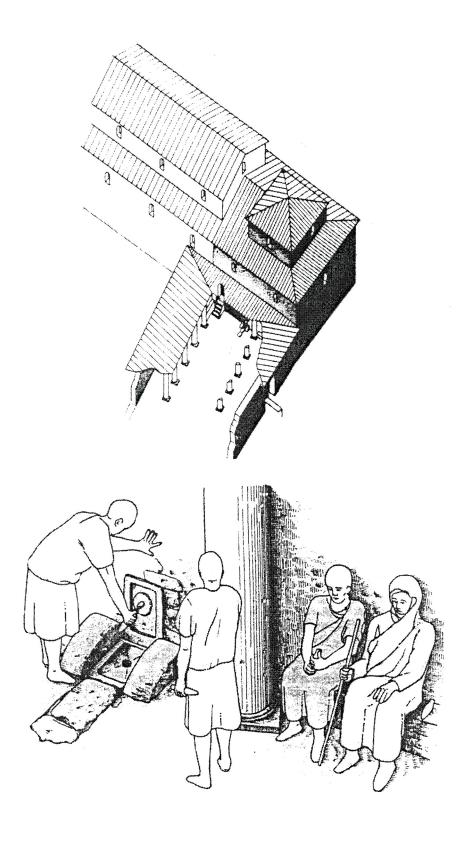

Fig. 10. The Episcopal complex in Barcelona (Spain) with water source (according to C. Godoy)

Л.Г. КОЛЕСНИКОВА

СВЯЗИ ХЕРСОНА-КОРСУНЯ С ПЛЕМЕНАМИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ДОМОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД

Письменные источники рисуют довольно живую картину торга в Северном Причерноморье в средневековую эпоху (Кулаковский 1914: 88; Константин Порфирородный 1934: 7; Шестаков 1908: 46, 52, 69, 71-73; Якубовский 1928: 63, 65-67; Новосельцев 1982: 126). Сведений не так уж много, но они дают главное направление при изучении археологического материала и оправдывают предположения, без которых не обойтись, имея лишь обрывки когда-то огромного целого.

При восстановлении картины международных связей Херсона-Корсуня существенное значение могли бы иметь монеты города, но, к сожалению, их обращение было сосредоточено в основном в трех районах: Поднепровье (Киевская Русь), Саркеле (Белая Вежа) и на Тамани (Кропоткин 1962: 2; 1965: № 28,54,69,72-76,81,86; Соколова 1983: 56-57, 125, прим. 218). В этих областях исторически сложилась активная экономическая жизнь в границах двух государственных образований -Киевской Руси и Хазарского каганата. События, происходившие здесь, отражены в значительном числе документов: договорах, литературных сочинениях политиков, историков, путешественников, миссионеров. Археологический материал дополняют письменные сведения конкретными фактами, например, фактом пребывания в Херсоне различного «варварского» населения (Кулаковский 1914: 75; Шестаков 1908: 116; Кулаковский 1898: 18).

На территории Восточной Европы найдено немалое количество византийского экспорта: шелка, художественного стекла, кости, византийской эмали и множество византийских монет (Даркевич 1974: 94-97, рис. 1; Кропоткин 1962: 17, карты 3-8; Даркевич 1975: 268, 269, 279, 294, 297; Фехнер 1977: 130 сл.). Однако участие Херсона в системе торговли Византия - Русь лишь предполагается и не без основания. Херсон был византийским городом, его экономика была частью византийского организма, ориентированного на международную торговлю. Он обладал бронзовой и золотой византийской монетой (Соколова 1983: 110; 1968: 254-255, 259; Гилевич 1959: 267-268); имел для продажи или обмена «шелковые ткани, перевязи, муслины, бархат, перец, красные парфянские кожи и другие нужные товары, на какие существовал спрос» (Константин Порфирородный 1934: 7). Все перечисленные товары вывозила на Русь Византия, а импорт Херсона, если таковой был, невозможно отличить от импорта Византии.

В самом Херсоне картина иная. Г.Ф. Корзухина, А.Л. Якобсон, затем Г.Д. Белов, Н.В. Пятышева и Л.Г. Колесникова выделили четыре группы вещей из Руси, найденные в Херсоне.

- I. Оружие.
- 1. Три бронзовых наконечника ножен X-XI вв. (Корзухина 1950: 65-68, табл. 1, 26, 48; Белов 1955: 227, рис. 19).
- 2. Бронзовая литая двенадцатишипная булава (Колесникова 1975: 266, рис. 2 а). А.Н. Кирпичников датирует такие булавы XII-XIII вв., а центром их изготовления считает Киев (Кирпичников 1966: 52, тип IV, табл. XXII, 4).
- 3. Погребение русского воина X в. с набором оружия: большой железный узкий нож-засапожник, 9 наконечников стрел (было 12), железные петли колчана с бронзовыми оковками (не сохранились) (Колесникова 1975: 264-267, рис. 1).
- 4. К этой же группе можно добавить яйцевидный кистень из кости с сохранившимся в нем железным стержнем с петлей (Рис. 1/1), найденный при раскопках Портового района Херсона в 1966 г. (Архив НЗХТ. Дело 1160: 18, 19). Аналогичный кистень есть в Саркеле (Белая Вежа) с процарапанным на нем княжеским знаком, датируемым Х-ХІ вв. (Косцова 1968: 44).
 - II. Изделия из овручского шифера.
- 1. Прясла из розового шифера. В разное время в разных районах Херсона, по моим подсчетам, найдено 80 прясел из овручского шифера, включая и те прясла, которые опубликовал А.Л. Якобсон (Якобсон 1985: 118-119, 126-127). Но было их, конечно, больше, так как раскопки еще продолжаются и коллекции музея пополняются.

Прясла встречаются в Херсоне в кварталах с монетами от IX-X вв. до XII-XIII вв.; 25 из них

можно датировать IX-X вв. по сопутствующему материалу, остальные происходят из верхних культурных слоев. Датировка большинства прясел затруднена, так как в условиях интенсивной городской жизни предметы быта часто перемещались из одной среды в другую, либо найдены в цистернах, засыпь которых не имеет хронологической четкости. К этому добавляются изъяны научной документации начальных археологических работ в Херсоне.

- 2. Фрагмент мозаичного набора из тонких пластин белого мрамора, черного, серого и розового овручского шифера, найденного в цистерне близ Уваровской базилики (Архив НЗХТ. Дело 101: 8, № 2128).
- 3. Небольшая подвеска-лунница (Рис. 1,2, инв. N 6004).
 - III. Керамика.
- 1. Два горшка (инв. № 17140,17201) и амфорка киевского типа (инв. № 37041/208), которые, по мнению А.Л. Якобсона, попали в Херсон до 1240 г. (Якобсон 1985: 121-122, рис. 3; Каргер 1978: табл. LXXIV).
- 2. Черепки 11 горшков XI-XII вв. из раскопок Н.В. Пятышевой (1974: 64-68, рис. 1, 2).

IV. Кресты.

- 1. 12 бронзовых энколпионов изданы Г.Ф. Корзухиной (1958: 128-136, табл. II–IV).
- 2. Два фрагмента бронзовых энколпионов (инв. № 5128) (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, планшет LXXXI, 6,12).
- 3. Бронзовый киотный крест (Белов, Якобсон 1953: 137-138, рис. 29, 30 на с. 147-148; Корзухина 1958: 135-136).

Находки в одном квартале четырех русских крестов: киотного и энколпиона в одной усадьбе и 2-х энколпионов в соседней — позволили А.Л. Якобсону сделать вывод, что этот квартал был заселен русскими, имеющими свою церковь и своего священника (Якобсон 1985: 127-128). Переселение славян в Херсон он связывал с татарским нашествием на Русь, позже добавив: «Бегство русских людей в Херсон объясняется не только доступностью в то время водного пути в Западный Крым, но и определенным пиететом к этому некогда славному городу с единоверным населением — городу, в котором Владимир принял христианство» (Якобсон 1964: 168, прим. 53).

В свою очередь, Г.Ф. Корзухина не нашла «доказательств художественного и идеологического воздействия Херсона на Древнюю Русь» (Корзухина 1958: 135). Иные выводы в то время вряд ли были возможны: во-первых, в материальной культуре Херсона не было ярких примеров его взаимодействия с восточными славянами, которые бы своим наличием привлекли внимание исследователей к единичным предметам, затерявшимся в массе археологических находок другой культуры, во-вторых, многие важные артефакты появились уже после публикации авторами своих работ.

Вот один из примеров. В 1963-1965 гг. в Портовом районе Херсона был раскопан так называемый «храм с аркосолями» (Колесникова 1978: 160-172), в котором была найдена бронзовая икона прекрасной работы с рельефным изображением святых Кира, Лукиллиана (рядом был третий святой - Иоанникий, но его изображение не сохранилось, только имя) (Колесникова 1978: 169-170, приложение, рис. 10-12).

После пожара XIII в. храм был восстановлен прихожанами иного этнического происхождения, скорее всего, славянами, оставившими о себе красноречивую память. Так, в наосе храма среди костяков верхнего ряда могилы № 6 находилась серебряная серьга с ажурной бусиной (Рис. 1/3) (Колесникова 1978: 162, рис. 2). Украшения с такими бусинами не редки у восточных славян, но чаще всего они встречаются на Волыни в XII-XIII вв. (Седов 1982: 200).

В могиле № 7, тоже в верхнем слое костяков, были встречены два нательных крестика, один из них бронзовый, с выступающими уголками у средокрестия (Рис. 1/4, инв. № 36588/557). Аналогичный тельник XII в. известен в Старой Рязани среди находок 1970-1978 годов (Даркевич, Пуцко 1981: 220, рис. 2,13). Авторы отмечают, что крестики такого типа имели широкое распространение на Руси (Даркевич, Пуцко 1981: 225-226). Второй крест - так называемый «корсунчик» из серого шифера (Рис. 1/5). У него утрачены металлические колпачки (наконечники), бывшие когдато на 4-х концах ветвей. Под плитами пола наоса близ апсиды был найден еще один «корсунчик» из красного полированного камня с серебряными колпачками на трех ветвях (четвертая утрачена). В соседнем с храмом доме (помещение 46-48) оказались еще два «корсунчика» из темного и светлого серого шифера, у обоих не сохранились металлические наконечники (Колесникова 1978: 161, рис. 1).

«Корсунчики» часто встречаются на Руси. Например, в одном из кладов Старой Рязани, собранном на вспаханном поле в 1968-1973 годах, их оказалось 4 экземпляра (Даркевич, Монгайт 1978: 75, табл. XVI, 4-7). Авторы, опубликовавшие этот клад, считают, что каменные «корсунчики» привезены из Крыма, а на Руси их снабжали серебряными оковками (Даркевич, Монгайт 1978: 7). Воз-

можно, так это и было. Херсон, например, ввозил из Малой Азии (Анатолийского побережья) порфир, брекчии зеленого цвета с черными и светлозелеными включениями (змеевик) для мозаичных полов и небольших архитектурных деталей.

Самой убедительной находкой в «храме с аркосолями», свидетельствующей о его принадлежности славянам, является створка черневого энколпиона с рельефным Распятием из могилы № 3 в притворе (Колесникова 1978: 162, 166, рис. 5а). Энколпий был, очевидно, очень долго в употреблении: его сохранившаяся половинка очень потерта и имела сквозное отверстие, пробитое прямо в центре изображения архангела в верхней ветви креста. Оно, вероятно, было сделано тогда, когда энколпий перестал служить вместилищем мощей, а его одна из его створок была превращена в обычный крест. Идентичный энколпион найден в Новгороде в слое рубежа XI-XII вв. (Седова 1959: 234, рис. 3, 13). Совпадают даже имена Георгий и Иоанн, последний читается слева направо, как и на херсонском экземпляре. Надписи сделаны гравировкой на кириллице и, кажется, очень неумелым мастером. При изготовлении матрицы энколпиона места для всех надписей не были предусмотрены, кроме двух: МРОУ под рукой Христа на левой ветви креста и ЪИАОН на правой. Для имени Георгия места не было вовсе, и оно было прочерчено над головой Христа странным образом: слева от головы ГЕ, а справа - РО с буквами, переставленными местами. Под ними буква Г, выше всей этой группы букв начертан знак, похожий на ять.

В могиле № 9 в наосе под аркосолием оказались обрывки удивительной шелковой ткани, украшенной парчовыми прямоугольниками с изображением фантастических животных, птиц и различных орнаментов (Колесникова 1978: 167, рис. 6; Колесникова 2005: 78-86).

В историко-археологических исследованиях часто возникает ситуация, когда успехи в одной области усиливают внимание к белым пятнам другой. При современной изученности культуры народов Восточной Европы нельзя было не заметить сходство отдельных предметов, найденных в Херсоне, с восточноевропейскими. На некоторые из них обратила внимание Н.В. Пятышева (1982: 50), но все вместе они никогда не публиковались. Несмотря на малочисленность этих артефактов, их путь от места происхождения (или основного распространения) до Херсона вписывается в систему связей, сложившихся в Восточной Европе в VI-XII вв. Четыре большие водные магистрали Восточной Европы: Днепр-Волга-Ока-Дон с при-

токами - сводили торговцев самых разных стран в центры торга. Херсон был одним из них, не самым крупным, но очень важным для многих участников международной торговли.

Временем расцвета блестящей культуры Приднепровья был период VI-VIII вв., перешедший затем в Киевскую Русь. Вторым центром культурных достижений стало Приильменье, где в IX-X вв. возвысился Новгород (Греков 1953: 379).

В 1891 г. во время раскопок южного участка некрополя Херсона К.К. Косцюшко-Валюжинич открыл погребение № 3 с трупоположениями и трупосожжением. Гробница была разграблена еще в древности. Урны были разбиты, но все же осталось много вещей, в том числе и золотых. Среди инвентаря могилы выделяются две треугольные бронзовые ажурные пластины с красной эмалью (Рис. 1/6) (ОАК за 1891 г. 1893: 138-140; пластины хранятся в Государственном Эрмитаже, инв. № Х.7а). Несколько таких пластин являлись звеньями нагрудного украшения, характерного для культуры балтов IV-VI вв. (Седов 1982: 44-45). Но распространены они были от Прибалтики до Волго-Окского бассейна и Среднего Приднепровья (Седов 1982: 85).

Есть в Херсоне еще одна вещь из набора украшений древних балтов IV-VI вв. - треугольная подвеска с кружками по углам (Рис. 1/7). Эмаль, которая заполняла когда-то треугольник и кружки, была, очевидно, красной, но выкрошилась, так же как и в ажурных треугольниках. Треугольные подвески были широко распространены, особенно на территории от Киева до Чернигова, Харькова и Белгорода (Седов 1982: 80).

В XI в. эмальерное дело возникло в Киеве (Шальм 1968: 113). Возможно, оттуда попали в Херсон, где не было своего эмальерного ремесла, несколько изделий, украшенных красной эмалью. Два маленьких предмета с эмалью найдены Г.Д. Беловым на Северном берегу Херсонесского городища в 1931 и 1941 гг. Один из них - бронзовый литой крестик (1,7х1,5 см) с прямоугольным средокрестием, в центре которого сохранился квадрат красной эмали (Рис. 1/8). На оборотной стороне он имеет коротенький острый штырек - гвоздик, очевидно, для крепления на каком-то твердом основании (возможно, на книжном переплете). Вторая находка Г.Д. Белова представляет собой фрагмент бронзовой пластинки (1,8х1,4 см) с рельефным изображением букрания, на морде которого пятно красной эмали (Рис. 1/9) (Архив НЗХТ. Дело 323: 17). И, наконец, бронзовый литой крестик (выс. 4 см, инв. № 5252), очевидно, из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича. На

ветвях и средокрестии крестика - красная эмаль (Рис. 1/10). Нижняя ветвь креста расширена по вертикали и в глубину, вероятно, для крепления на головном уборе священника высокого духовного сана - митре или клобуке.

Среди множества пряжек, найденных в Херсоне, есть две, которые, очевидно, происходят из Киева (Килиевич, Орлов 1985: 72, рис. 3, 8, 9). Обе пряжки изданы А.Л. Якобсоном (Якобсон 1964: 18, рис. 1, 20, 23). Одна из них трапециевидная с гравированными «глазками» (Рис. 1/11), другая - лировидная с плоским кольцом, украшенным поперечными насечками (Рис. 1/12). Лировидные пряжки были весьма распространены в Восточной Европе в XI-XII вв.: в Новгороде (Седова 1981: 144), Волго-Клязменском междуречьи, в курганах Петербурга (Седов 1982: 223), Прикамья (Курганы ... 1896: табл. XV, 21) и т.д.

В прикладном искусстве восточных славян часто встречается мотив молодого ростка-крина, символизировавшего рождение жизненной силы женщины. Они включались в ожерелья в виде подвесок (История культуры ... 1951: 415). В Херсоне имеются две пряжки и щиток, которые оформлены в виде крина (Рис. 1/13, инв. № 4046) (Якобсон 1964: 276, рис. 139, 16).

К перечисленным выше материалам, происходящим из Приднепровья, следует добавить своеобразную бронзовую подвеску (Рис. 1/14), аналогичную найденной И.И. Ляпушкиным в бассейне р. Пселл и датирующейся XI-XII вв. (Ляпушкин 1950: 72, рис. 10), а также массивные бронзовые бляхи от ременного конского набора (Рис. 1/15 а, б), которые Б.Н. и В.Н. Ханенко считали славянскими (1902: табл. XV, 485). Обе бляхи из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича (Фототека НЗХТ, пл. ХХХ, 338, пл. СХІХ (внизу справа)).

Остановимся еще на нескольких примерах, свидетельствующих о связях Херсона с населением Западных и Юго-Западных районов Киевской Руси. В основном это украшения, например, большие височные кольца с полой биконической бусиной (Рис. 1/16). В Херсоне их найдено 4 экземпляра: две парные медные из могилы в храме "Е", раскопанном в 1964 г. в Портовом районе (Архив НЗХТ. Дело 1160: 142-144) и две электровые, найденные врозь: одна - на глубине 1,5 м на акрополе города (Тахтай 1947: 131, рис. 62 б), вторая представляет собой случайную находку на городище (инв. № 36558/18). В.В. Седов датирует такие кольца X-XII вв. и считает их принадлежностью хорватов и тиверцов (1982: табл. XXXI). Такие украшения встречаются и у кочевников, но С.А. Плетнева считает, что они поступали из Руси

и датирует их XI-XII вв. (1958: 170, 179). Есть они и в Болгарии, так же как и серьги пасторского типа (Kobareluh 1975: сл. 4; сл. 1). В Херсоне есть две серьги пасторского типа X-XII вв. (инв. № 6098) (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека H3XT, № 472, пл. XIX, 13). А.И. Айбабин датирует такие серьги VI-XI вв. (1973: 62 сл).

К этой же группе относится медная, так называемая "кудрявая", серьга (Рис. 1/17, инв. № 1990). Аналогичные серьги встречаются у мадьяр Венгрии, где они датируются VII в. (Eisner Jan 1960: 205, рис. 7), в Болгарии их датируют VII-XI вв. (Kobareluh 1975: 6), в Новгороде - XII-XIV вв. (Седова 1981: 16); по мнению А.В. Успенской, на Русь они попадали из Венгрии (1967: 20, 35).

Ажурная бусина из серебра найдена на Северном участке Херсонесского городища в кладовой дома XII-XIII вв., погибшего от пожара (Рис. 1/18, инв. № 35859/40) (Архив НЗХТ. Дело 347: 87-88, 105). Точно такая же найдена в Райковецком городище и датируется там XI - первой половиной XIII в. (Гончаров 1950: 109, табл. XVIII, 1,6). Аналогичные бусины, только меньшего размера, украшали височные кольца волынян (Седов 1982: 200), встречаются они и у болгар (Kobareluh 1975: сл. 4). В Херсоне найдены три золотые височные кольца с такими же бусинами в гробнице № 193 (Архив НЗХТ. Дело 48, вед. 16: № 17; фототека НЗХТ, № 504). Весь набор украшений из этой гробницы, скорее всего, является славянским, о чем свидетельствуют не только височные кольца с ажурными бусинами, но и еще большое количество разнообразных колец. Особенно много колец с несомкнутыми концами, что очень характерно для славянских украшений (Кудь 1914: 6, табл. II, 1, 3, 6; VIII, 1, 2). Здесь же был нательный крестик с круглым средокрестием и тонкими ветвями, заканчивающимися шариками. У крестика нет верхней ветви с петлей, кажется, она отломана намеренно, т.к. сохранность крестика хорошая, судя по снимку.

И, наконец, бронзовое кольцо-крючок, украшенный головой лошади, очевидно, от конской сбруи, из славянского могильника Х-ХІ вв., открытого Пруто-Днестровской экспедицией. Точно такой же есть в Херсоне (Рис. 1,19). Крючки с лошадиной головой часты в балтийских и прибалтийско-финских (Седова 1981: 151) и в булгарских древностях (Халиков 1973: 90).

Из Киевской Руси, в основном из Среднего Поднепровья, ввозили в Херсон оружие, изделия бронзолитейного и ювелирного ремесла, шифер и изделия из него. Но в верхней части пути: Днепр – Западная Двина - Варяжное море - была иная кар-

тина. Оттуда поступали в Херсон только мелкие бронзовые изделия, которые не являются предметами торговли и говорят лишь о передвижении по этому пути каких-то людей по разным причинам. Это бронзовая тоненькая штампованная рамочка прямоугольной формы (Рис. 1/20, инв. № 5576) из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича (Фототека НЗХТ, № 474, пл. ХХІV, 196). Такая же есть в Гнездово (Сизов 1902: табл. II) и Бирке (Булкин, Лебедев 1974: 15). В Херсоне найдена бронзовая литая бляшка с изображением пчелы (Рис. 1/21, инв. № 6098) (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, № 472, пл. ХІХ, 28), точно такая же происходит из Гнездово (Сизов 1902: табл. V, 2; ХІІІ, 1).

Во второй половине Х в. упало значение пути Западная Двина - Днепр, но возросла роль восточного: Варяжное море – Волхов – Ловать - Днепр. В ІХ-ХІ вв. Новгород вытесняет из Биармии (Северо-Восточные земли Восточной Европы), богатой пушниной, болгар и скандинавов. Затем в XI - первой половине XIII в. устанавливает связи с югом. В 1889 г. в Северном квартале Херсона К.К. Косцюшко-Валюжинич раскопал дом, погибший от пожара в XIII-XIV вв. Там оказалось: 12 гривен серебра новгородского типа в виде палочек длиной 18,5 см, вес каждой 190,5 г. Вероятно, этот дом был лавкой торговца. В нем помимо гривен было много изделий из железа: ставник церковный, 5 обломков якорей, 3 сошника, 7 кольчуг, превратившихся в комки из-за ржавчины и огня, 147 бронзовых рыболовных крючка и много других металлических изделий в обломках (ОАК за 1889 г.: 14).

Кольчуга в виде сплошной массы из-за коррозии металла найдена была в 1951 г. Г.Д. Беловым в том же слое X в., где находился наконечник ножен меча (Белов 1955: 276, 227, рис. 19), аналогичный киевскому из княжеского погребения XI в. (Каргер 1940: 12-20, рис. 4-5).

Русь славилась своими бронниками (История культуры... 1948: 324). Кольчугой защищались войны многих армий, и русской в том числе. Кажется, она не была принята в Византии. Лев Диакон в своей "Истории", посвященной событиям 959-976 годов, каждый раз отмечал, что россы ("скифы", "тавро-скифы") защищены "кольчужной броней", в отличие от византийских воинов, "покрытых железными латами" (Лев Диакон Калойский 1820: 36, 67, 87, 89, 93, 95). В искусстве Византии воины изображены исключительно в пластинчатых панцирях.

В 1963 г. в Портовом районе Херсона в слое XIII-XIV вв. был найден фрагмент пластинчато-

го доспеха, который отличался от обычных для Херсона панцирей: из вертикально удлиненных пластин с округлым нижним краем. Он удлинен не по вертикали, а по горизонтали, а нижний край его заканчивается тремя фестонами (Рис. 1/22) (Архив НЗХТ. Дело 1449/1: 14; фонды ГХИАЗ, коллекционная опись 36732/11). Аналогичный имеется в Новгороде, где датируется рубежом XII-XIII вв. (Труды Новгородской археологической экспедиции 1959: 179, рис. 18, 2).

Среди херсонских материалов есть еще несколько мелких вещей, аналогичных новгородским, например, серебряный перстень с круглой вставкой в центре (она утрачена) (Рис. 1/23) из раскопок Р.Х. Лепера (Фототека № 1466) (Седова 1981: 140, рис. 54, 6). В реконструкции Н.В. Хвощинской женской одежды с украшениями (по материалам восточного побережья Чудского озера (1976: 19, рис. 1)) есть перстень, аналогии которому имеются в Херсоне. Найдены они в 1909 г. дважды на южном некрополе у Карантинной бухты: в склепе "А" и погребении № 42 (Рис. 1/24) (Архив НЗХТ. Дело 102: 68, № 4286; 76, № 4767). Перстни плоские, из серебра, нестандартной формы и встречены в Херсоне впервые (инв. №№ 18605 и 18988). Очевидно, из новгородской земли попала в Херсон подвеска-крючок, оба конца которого заканчивались лошадиными головами (сохранилась только одна) (Рис. 1/25); такие крючки-подвески часты в древностях XI-XIII вв. балтийских и прибалтийских финнов (в Херсонесе - случайная находка в юго-восточной части городища; в Новгороде см. Седов 1981: 151, рис. 59, 9) и землях, прилегающих к ним, например, смоленско-полоцких кривичей (Седов 1982: 224, табл. L, 20); а также две серебряные булавки с нагрудной цепочкой для скрепления легкого плаща или наплечной накидки (Рис. 1/26, инв. № 37041/203). В Новгороде есть очень похожая булавка XI – начала XIV в. - деталь одежды, характерная для населения Северной Руси и Прибалтики (Седова 1981: 76-77; Седов 1968: 156).

В VIII-XIII вв. у многих народов Восточной Европы любимыми украшениями-амулетами были привески. Они были разные по значению и смыслу: многочисленные шумящие привески, колокольчики, гусиные лапки, маленькие гирьки и т.д. Их носили на шнурках, цепочках у пояса, у груди, на головных венчиках и шейных гривнах. В 1903 г., раскапывая акрополь Херсона, К.К. Косцюшко-Валюжинич нашел бронзовый амулет-топорик (Рис. 2/1, инв. № 5937) (1905: 73; фототека НЗХТ, № 451, пл. СП, 3). Подобные, по мнению В.П. Даркевича, являются знаками Перуна (1961:

91, рис. 2, 7). В X-XIII вв. они были распространены в Северной и Восточной Европе: Прибалтике, Новгороде, Ленинградской обл., Волго-Окском бассейне, Среднем Поднепровье, в русском слое Саркела и т.д. В это же время и примерно в этих же районах были в моде коньковые привески. В.В. Седов считает, что их появление связано с балтийским субстратом славянско-полоцких кривичей (Седов 1968: 151 сл.). В Херсоне есть такая же одна привеска - плоский бронзовый конек (Рис. 2/2, инв. № 36445/104) из раскопок Г.Д. Белова в 1956 г. на Северном берегу Херсона. Найден он в верхнем мусорном слое (Архив H3XT. Дело 788/I: 6; Дело 728/II: 10, рис. 16, 3). В материалах Херсона есть фрагмент рамки с парными лошадиными головами по сторонам верхних выступов (обе головы утрачены) и шестью отверстиями внизу для лапчатых подвесок (Рис. 2/3) (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, № 449, пл. СХІV, 26). Привески и гребни с парными лошадиными головами были характерны для культуры угро-финнов, особенно много найдено их в земле мерян, распространены они были и у славян (Круглова 1971: 267-268).

В конце XI - XII в. на Руси, Северо-Западной и Северо-Восточной Европе у женщин были в моде плоские бронзовые крестообразные привески "скандинавского" типа размером от 2 до 6 см. Они найдены в Скандинавских странах, на юге Прибалтики, Волго-Окском бассейне, Киеве, Белой Веже, но более всего в верховье Днепра и Сожа (Фехнер 1968: 210-216). В материалах Херсона имеются две такие подвески – большая, выс. 5 см (Рис. 2/4, см. инв. № 3030), и маленькая, выс. 2,1 см (Рис. 2/5, инв. № 5281) (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, пл. CLXIV, 5; LXXXI, 3). У маленькой нет нижней ветви, она обломана намеренно, это видно по излому металла - он еще достаточно крепкий, а облом ровный. Обеим подвескам есть аналогии во владимирской земле: большая найдена в кургане 211, а маленькая - в кургане 212 (Спицын 1905: 143). Херсонская маленькая идентична владимирской из кургана 212, впечатление такое, что они отлиты в одной форме и, как и херсонская, не имеет нижней ветви.

В курганах XII-XIII вв. с женскими захоронениями повсеместно в Северо-Западной и Северо-Восточной Руси встречаются круглые крестово-включенные привески к ожерелью (Успенская 1967: 108; Рябинин 1986: 135, табл. IV, 10, 11). В Херсоне найдено несколько таких привесок (Рис. 2/6 а, б, инв. № 5282), три из которых изданы в отчетах К.К. Косцюшко-Валюжинича за 1894, 1895 и 1896 годы (Фототека H3XT, № 419, пл. CLXVI, 24, 25) (ОАК за 1894 г.: 56; ОАК за 1895 г.: 89; ОАК за 1896 г.: 167).

Следующая привеска – бронзовая литая в виде стержня, расширяющегося книзу или заканчивающегося трилистником, с двумя выступающими круглыми петлями по бокам в верхней части (Рис. 2/7) (Из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека H3XT, № 481, пл. CLXIV, 14). Аналогичные есть во Владимире, костромских, калужских курганах и в Прикамье (Спицын 1905: 143; Рябинин 1986: 135, табл. IV, 36; Спицын 1902: табл. XXXIV).

С пряжками примерно такая же картина: одинаковые встречаются часто, но некоторые виды сосредоточены в одном из регионов Северо-Западной и Северо-Восточной Европы. Так, в Херсоне имеются три лировидные пряжки с головами птицы (Рис. 2/8) (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, № 506 (первый и второй ряды); № 445, пл. ХХ, 31, 32). Три лировидные пряжки с ярко выраженными головами птицы найдены в Гнездово (Сизов 1902: табл. II, 21, 22).

Есть еще одна пряжка, нехарактерная для материальной культуры Херсона: бронзовая прямоугольная с железной иглой-язычком (Рис. 2/9) (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека H3XT, № 5629, пл. CXIV, второй ряд сверху). Подобные пряжки встречаются в курганах Петербурга, Твери, Минска, Чернигова, Новгорода (Седов 1982: 144), но в основном они сосредоточены во владимирских курганах X-XI вв.

В 1901 г. во время раскопок херсонесского некрополя у Карантинной бухты К.К. Косцюшко-Валюжинич открыл склеп № 1095 (1902: 103-104, рис. 47; фототека НЗХТ, пл. СХХІ, 5, 6, 15), в котором погребали, судя по монетам, со II по X в. Из материала склепа ясно, что после IV в. в нем долгое время никого не хоронили, а несколько столетий спустя использовали вторично. В отчете К.К. Косцюшко-Валюжинич пишет: в гробнице "найдено огромное, никогда ранее не встречающееся количество остовов, расположенных слоями; она может быть названа братской могилой...". Склеп был богат античным материалом и беден средневековым: два нательных крестика, бронзовые браслеты, перстни, пряжки и "часть кистеобразного украшения от сбруи, состоявшего из трубочек туго скрученной спирали из бронзовой проволоки, имеющих вид отдельных колечек, нанизанных на ремешке... между трубочками помещались стеклянные пронизи в виде 14-гранников" (Рис. 2/10, инв. № 2331). Пронизь (сохранилась одна) из синего стекла с двуцветным глазком: в

центре - синий с красной обводкой. Кроме того, здесь же оказалось несколько бронзовых вещей: пряжки, пластинка с ушком для подвешивания (возможно, к конской сбруе) и колокольчик. Вероятно, в склепе хоронили тех, кто временно проживал в городе и не имел гражданства.

Кистеобразное украшение характерно для материальной культуры мордвы, населяющей в VIII-XI вв. берега правых притоков Оки в ее среднем течении. Особенно интересны материалы Лядинского и Томниковского могильников на среднем течении р. Цна. Здесь найдены кистеобразные украшения, состоящие из нескольких шнурков (ремешков) с нанизанными на них спиральками, пронизями из цветного стекла, раковинами, подвесками в виде лунниц или монетовидными привесками из серебра (Лядинский и Томниковский могильники ... 1893: табл. VII, 2, 3; IV, 10; Материальная культура ... 1969: 97, 131). В материалах Херсона имеются отдельные бронзовые спиральки (Косцюшко-Валюжинич 1906: 48) и очень тонкие серебряные привески в виде монет без изображений (Рис. 2/11, инв. № 2344, 2357, 2365) (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, пл. СХХІ, 9, 10, 47, 49), характерные для костюма вятичей X-XI вв. (Успенская 1967: 110).

В украшениях мордвы есть еще необычная привеска в виде гвоздика, его центральный стержень имеет внизу шляпку, от которой вверх спирально накручена толстая проволока, заканчивающаяся петлей. Такие были в Лядинском и Томниковском могильниках (Лядинский и Томниковский могильники ... 1893: табл. III, XIII, 2) и один найден в Херсоне (Рис. 2/12, инв. №5937), из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича (Фототека НЗХТ, № 451, пл. СП, 32). В материальной культуре мордвы есть еще одна оригинальная поясная серебряная привеска в виде рога (Жиганов 1961: 158-178; Лядинский и Томниковский могильники... 1893: табл. XIV, 7). Такая же серебряная привеска имеется и в Херсоне, очевидно, из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича (Рис. 2/13). Аналогичные встречаются в Прикамье в могильниках V-VIII вв. харинско-ломоватовского типа (Горюнова 1961: 237).

В Херсоне есть еще несколько вещей, аналогичных мордовским, например, серебряный ромбический (лапчатый) перстень (Рис. 2/14, инв. № 2950), как и в мордовском Перемчалкинском могильнике VII-XII вв., и в Старой Ладоге (Алиханова 1948: 206, рис. 6, 8; Петренко 1984: 88). Серебряной поясной бляшке из Лядинского могильника на средней Цне (Лядинский и Томниковский могильники... 1893: 12, 44) близка бляшка из Херсона (Рис. 2/15, инв. № 37041/197).

Как видим, в материалах Херсона немало аналогий встречается в культуре мордвы. Наблюдая жизнь мордвы, И.Н. Смирнов писал: "В том виде, какой понарь имеет у эрзянок, он чрезвычайно близок византийскому мужскому одеянию, которые называют далматином, дивитисием или сако-COM.

Тому, что формы былой мужской одежды уцелели в женской, не приходится удивляться. Сустуг является в настоящее время принадлежностью женского мордовского костюма, между тем в XII в. он украшал вместе с гривнами и браслетами мужчин...

Бассейн Цна-Мокша-Ока с первых веков нашей эры находился в торговых сношениях с греческим югом... Кое-что из принадлежностей своего костюма мордва могла получить прямо от торговцев-греков" (1894: 414-415).

О размерах этой торговли свидетельствуют 14 золотых византийских монет VII в., из них 12 (632-641 и 668-685 гг.) были набиты на ременной повод, находившийся в погребении с трупосожжением у с. Серповое на р. Цна, и две с дырочками (670-680 гг.) найдены на берегу этой же реки (Кропоткин 1965: № 125, 126).

Какими путями осуществлялась связь мордвы с греками? В свое время А.Л. Монгайт отметил значение окского пути в международной торговле, который связывал Булгар на Волге с Киевом на Днепре (Монгайт 1955: 90, 96). Булгар был важнейшими воротами, через которые шла торговля с Востоком. Греки достигали этот район не только по Волге и далее по Оке, но знали они и более короткий путь: Дон - р. Проня - Ока. Черноморско-Донской путь был хорошо известен византийцам (Византийские очерки 1966: карта на с. 8-9).

Но Лядинский и Томниковский могильники и могильник у с. Серповое находятся на р. Цна и жители мордовской земли ходили на юг, по-видимому, более коротким путем: р. Цна - Савала - Хопер - Дон и далее - Херсон. Весь материал, найденный в Херсоне, говорит о том, что не херсонские купцы ходили в мордву, а наоборот, отсюда в Причерноморье везли пушнину (в основном), воск и мед, так же как и из Прикамья. В Херсоне найдены предметы, характерные для материальной культуры "камской чуди". Некоторые из них абсолютно идентичны, создается впечатление, что они происходят из одной формы, как, например, бронзовая бляшка (Рис. 2/16) (Спицын 1902: табл. XXXIII, 30). Бронзовые рукоятки огнива, украшенные двумя медвежьими головами, аналогичные херсонской (Рис. 2/17), были широ-

ко распространены на Севере Европы. Но, по наблюдениям Л.А. Голубевой, "своим появлением на свет они обязаны металлургии Прикамья" (Голубева 1964: 131-132). В Прикамье и в верховье р. Вятки, где их было встречено больше всего, Л.А. Голубева датирует эти находки концом IX - нача-

Среди материалов "камской чуди", опубликованных А.А. Спицыным, есть прямоугольная рамочка для подвешивания различных амулетов, включая и шумящие (1902: табл. XXXII, 10). Фрагмент аналогичной рамочки найден в Херсоне (Рис. 2/18).

Возможно, из Прикамья в Херсон попала массивная, четырехгранная в сечении, бронзовая булавка, предназначавшаяся, очевидно, для скрепления одежды (плаща, накидки) из толстой ткани или меха. Булавка украшена лошадиной головой (Рис. 2/19 а, б). Аналогичные, квадратные в сечении, бронзовые булавки и копоушки с двумя лошадиными головами X-XIV вв. встречаются в Прикамье (Спицын 1902: табл. XLVI).

В VII-XII вв. среди финских племен меря, весь, мари, мурома и родственных им финноугорских народов Прикамья и Вятки любимы были различные шумящие привески: коньковые, лапчатые, колокольчики, пластинки разных форм, птички и привески в виде литых бронзовых гирек с петлей-ушком, похожие на сферические пуговицы (Голубева 1966: 98; Халиков, Безухов 1960; Шальм, Фехнер 1967: 138-139). Последних очень много в Херсоне (Рис. 2/20 а, 6, г) (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, № 460, пл. CV).

У этих народов были очень популярные привески-птички (утка и гусь до сих пор являются у них объектами поклонения), а самыми любимыми шумящими привесками были лапки водоплавающих птиц. У меря для крепления лапчатых привесок часто служило изображение плоской бронзовой утицы, которые археологи находят в курганах близ Костромы (Материалы по археологии ... 1899: табл. LI). В 1904 г. К.К. Косцюшко-Валюжинич нашел в Херсоне фрагмент такой утицы с лапчатой подвеской, укрепленной на одном восьмеркообразном звене (Рис. 2/21) (1906: 48). По мнению А.А. Голубевой, такие привески с восьмеркообразными звеньями датируются VIII-IX вв., в конце IX в. они исчезают и повсеместно заменяются длинными цепочками с обычными звеньями (1966: 98).

Следует указать на еще одну находку в Херсоне: две плоские бронзовые звенящие пластины - одна высотой 5 см (Рис. 2/22 а), а другая - 2,5 см (Рис. 2/22 б) (очевидно, из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича). Такие звенящие пластины известны в Прикамье (Спицын 1902: табл. XXIV, 15; Талицкий 1951: 60) и есть они в материалах мордвы (Материальная культура ... 1969: 141).

Начиная с VII в., в районы среднего Поволжья и Нижнего Прикамья с юга проникают орды болгар, а в X в. здесь сложилось государство Волжская Булгария. Появление на земле предков мордвы, мари, удмуртов, тюркоязычных болгар сказалось на культуре этого района. Так, в Танкеевском могильнике найден серебряный ромбический (лапчатый) перстень IX-X вв. с сердоликовой вставкой с надписью: "Во имя Аллаха" (Казаков 1985: 178 сл., рис. 4 на с. 182). Такие же перстни, как говорилось выше, есть у мордвы и в Херсоне. Кроме того, в Булгарах найдена каменная форма для отливки круглой подвески (Смирнов 1951: 121-122, табл. III, 65, 66), а в Херсоне - сама свинцовая подвеска (Рис. 3/1) (из раскопок К. К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, пл. СХХІ (между номерами 32 и 33)) с небольшой разницей в рисунке. Кроме того, в Херсоне имеются два обломка бронзовых зеркал (Рис. 3/2 а, б); такие же зеркала найдены в Булгарах (Новом Сарае) XIII-XIV вв. и в Больше-Тарханском могильнике (Генинг, Халиков 1964: табл. XIV). Они часты в материалах салтово-маяцкой культуры (Мерперт 1951: 24, рис. 2) и в памятниках поздних кочевников (Федоров-Давыдов 1966: 79, рис. 13, EI, EII, CI).

В 1903 г. К.К. Косцюшко-Валюжиничем была найдена литая бронзовая обнаженная и очень изуродованная статуэтка, изображавшая женскую фигурку с намеренно удаленными руками до плеч и ногами до колен (Рис. 3/4). На месте рта пробита дыра после того, как статуэтка была отлита. У рта слева видна рельефная голова зверя с разинутой зубастой пастью, рядом толстый хвост, а справа у рта - лапа (?), на голове - высокий остроконечный колпак (Косцюшко-Валюжинич 1905: 62, рис. 21). А.А. Спицын считал, что статуэтки такого типа принадлежали печенегам или половцам, с которыми Херсон имел контакты (Спицын 1909: 142 сл., 149, рис. 6). По мнению А.Х. Халикова, так как статуэтки "уродцев" находят преимущественно в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье, их следует увязывать с распространением в крае тюркоязычных племен и с периодом формирования здесь первого на Северо-Востоке Европы государственного образования - Волжской Булгарии - и датировать их не позднее ІХ-Х вв. (Халиков 1971: 106-117, 109). Скорее всего, в Херсон статуэтка-«уродец» попала из Булгар, о связях с которым свидетельствуют

перечисленные выше предметы.

В течение XI-XII вв. население лесной зоны Восточной Европы постепенно меняет свою языческую веру на веру в единого бога Христа, что и отразилось на их материальной культуре. В погребениях стали появляться нательные крестики, многие из которых повторяют форму херсонских. В Северо-Восточной Руси и в Поднепровье широко распространились маленькие крестики-тельники с квадратным средокрестием, шариками и полушариками на концах ветвей. Они найдены в курганах Петербурга (Курганы Санкт-Петербургской губернии ... 1896: табл. V, 5) на Белом озере, которые Л.А. Голубева датирует X-XII вв. (1963: 53-77, рис. на с. 71), в Костромском Поволжье (Рябинин 1986: 75, табл. IV, 31 на с. 135), в курганах Владимира (Спицын 1905: 143) и Подмосковья (Беленькая 1974: 88-98), где датируются второй половиной XII в., а также в курганах Поднепровья (Ханенко, Ханенко 1899: табл. 1).

В Херсоне найдено 8 таких крестиков: 7 бронзовых (Рис. 3/5 а-в) (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека H3XT, № 419, пл. CLXVI, 2–6; № 516, 10) и один серебряный без верхней ветви, которая утрачена не из-за ветхости металла, а отломана намеренно (Рис. 3/5а, инв. № 5282). Крестик-тельник с намеренно отломанной ветвью (верхней или нижней) в собрании НЗХТ не один (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, № 418, 2-4, 9, 24, 25; 481, 15).

У многих народов Сибири, угро-финнов Приладожья был обычай класть в могилу не целую вещь, а половину ее или часть - действие, символизирующее утрату близкого (Соломина 1984: 97-98).

В Серенске в слое пожара 1238 г. оказалась форма для отливки крестиков-тельников с квадратным средокрестием и с шариками на концах ветвей (Никольская 1974: 40-46, рис. 1, 7, 8 43). Т.Н. Никольская предполагает, что такие отливочные формы появились в Серенске, Киеве, Новгороде и на р. Протва в конце XII в. В серенской матрице отливали крестики-тельники еще одного типа - с растительными концами в виде трилистника. Такого же типа крестики имеются и в Херсоне (Рис. 3/6 а, б), один из них (инв. № 5282) не имеет верхней ветви (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, № 419, 8, 11).

Но более всего аналогий херсонским крестикам мы находим в Старой Рязани в материалах раскопок 1970-1978 гг., проводимых В.П. Даркевичем. Там найдены: крестик-тельник с растительными концами, а также круглоконечный крестик (или крестовидная подвеска?) (Даркевич, Пуцко

1981: 220, рис. 2, 9, 2), аналогичный херсонесской находке (Рис. 3/7, инв. № 5281) (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, № 418, пл. LXXXI, 2). Как в Херсоне (Рис. 3/8, инв. № 5282) (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека H3XT, № 419, пл. CLXVI, 13), так и в Старой Рязани встречены крестики с профилированной нижней ветвью (Даркевич, Пуцко 1981: 220, рис. 2, 7, 5), крестики-тельники с имитацией зерни (Рис. 3/9, инв. № 5282) (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, № 419, пл. CLXVI, 7) (Даркевич, Пуцко 1981: 220, рис. 2, 5), тельники с круглым "медальоном" в середине, округлыми концами ветвей и парными выступами у каждого из них (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека H3XT, № 419, пл. CLXVI, 15) (Даркевич, Пуцко 1981: 220, рис. 2, 3), совершенно одинаковые крестики-тельники с характерными выступающими прямоугольными уголками у средокрестия (Рис. 1/4) (Колесникова 1978: 160-172; Даркевич, Пуцко 1981: 220, рис. 2, 13).

Среди археологического материала Херсона-Корсуня много аналогий в памятниках материальной культуры племен, населяющих территорию от Прибалтики на Западе до Булгар на Востоке, от Верхнего Прикамья и Приладожья на Севере до притоков Дона и Приднепровья на Юге.

Весь материал из этих районов делится на две группы: одна большая относится к периоду преимущественно языческих верований, другая - ко времени принятия здесь христианства (XI - первая половина XIII в.). Некоторые предметы, как уже отмечалось, не просто схожи, а абсолютно идентичны, как, например, овальная бляшка из Прикамья (в Херсоне – Рис. 2/16), крестовидная подвеска из кургана 212 у Владимира (в Херсоне - Рис. 2/5). Кроме того, из этих же районов схожи и многие нательные крестики с квадратным средокрестием и круглыми концами ветвей (в Херсоне - Рис. 3/5 а-в) и т.д. Чем объяснить эти находки в Херсоне? В Северных районах Восточной Европы ничего специфического херсонского не найдено, кроме одной бронзовой херсоно-византийской монеты Льва и Александра (886-912 гг.) во Владимире (Кропоткин 1965: 169).

Появление же русских в Херсоне, как сказано выше, А.Л. Якобсон объяснял разгромом русских городов татарами в XIII в. (Якобсон 1985: 127-128; 1964: 82, 167, прим. 53). Однако вещи, несвойственные материальной культуре византийского Херсона, появились здесь еще в VIII-IX вв., а может быть еще раньше. Они происходят из Южной Прибалтики, Приильменья, Прикамья, Волго-Окского бассейна, Верхнего Поволжья и

других районов Северо-Восточной Европы. Это все места, где добывалась пушнина. Все факты: письменные документы и археологический материал – говорят о том, что торговля происходила в городах Северного Причерноморья (Кулаковский 1914: 58; Шестаков 1908: 46; Васильевский 1893: XXVIII). Напомним слова Константина Порфирородного: "Если херсониты не будут ездить в Романию и не будут продавать шкуры и воск, которые они скупают у печенегов, то не будут существовать" (1934: 44). Но чтобы существовать и иметь выгоду при продаже и обмене мехов (шкур) и воска в Византии, надо пушнину выгодно обменять (купить). Механизм такого обмена описала 3.Л. Львова (1977: 108). Она считает, что самым выгодным товаром в неэквивалентном обмене были бусы. Интересно, что в легенде о взятии Киева Олегом в 882 г. (по Нестору) обманным путем злоумышленники, прикинувшись купцами, прельщали киевлян товарами: "...Имею много крупного и драгоценного бисера и всякого узорочья..." (Котляр 1986: 62). На первом месте - бисер, а ткани (узорочья) - на втором. Очевидно, это отражение действительности: на цветные бусы был большой спрос, особенно на севере, в самых лесных местах, богатых пушниной. Бусы легко перевозить, их можно было обменять на самый ценный товар, например, меха.

Оружие, энколпионы, шифер и изделия из него - это товары, привозимые в Херсон из Киева и Приднепровья. А остальные предметы, аналогии которым имеются в Северо-Западных и Северо-Восточных районах Восточной Европы, не являлись предметами торговли. Они были на людях (или с ними), пришедших в Херсон по разным делам, но, очевидно, по торговым главным образом. Некоторые оседали здесь и основывали свои торговые дома. Как, к примеру, уже упоминавшаяся лавка в Северном районе Херсона с двенадцатью серебряными гривнами новгородского типа, принадлежащая, возможно, купцу из Новгорода.

Херсон постепенно наполнялся иноземцами и становился многоэтничным городом. Таким он был уже в раннем средневековье. Сосланный в Херсон монофизитский патриарх Тимофей Элур (V в.) писал об этом городе: "...Край населенный варварами и некультурными людьми" (The Syriac Chronica known as that of Zacharian of Mitylene. IV, II, р. 79). Папа Мартин в 655 г. писал из херсонской ссылки: "...обитатели этой страны все язычники" (Шестаков 1908: 116-117). В IX в. Анастасий Библиотекарь: город заселяли "не туземцы, а пришлые из разных варварских народов" (Кулаковский 1914: 75). В этом же веке Федор Студит:

"...Это чужая страна" (Якобсон 1970: 164).

Приняв христианство, жители Северной лесной зоны Восточной Европы еще долго не расставались со своими языческими обычаями. "Видим ведь игрища, на которых топчутся, и людей множество на них ... А церкви пустые стоят; когда же бывает время молитвы молящихся мало оказывается в церкви" (Повесть временных лет 1978: 185). Веротерпимость была одной из черт многоэтничного Херсона, где уже давно утвердилось ортодоксальное христианство. Например, в пустующих частях перестроенной базилики 1935 г. было устроено кладбище, стенки многих могил которого были обложены досками от стенок мраморных саркофагов римского времени. Интересно, что в могиле № 6 два фрагмента таких досок с рельефным изображением персонажей античной мифологии (многие из которых обнажены) были обращены рельефами не к земляному обрезу средневековой могилы, а к погребенным (НЗХТ, инв. № 36, 36а/35645) (Белов 1938: 49-50, рис. 27, 30; 115, рис. 74). И второй факт. На античном надгробии со сценой "загробной трапезы" между героями сюжета прочерчены кресты и христианские надписи: "Свет жизнь. Господи, помоги сему. Аминь". Рельеф найден в 1853 г. А. Уваровым рядом с так называемой "Уваровской" базиликой (Государственный Эрмитаж, инв. № Х. 1039) (Кулаковский 1896: 49, №12, рис. 21).

Херсон жил за счет торговли, поэтому был вынужден считаться с пришельцами иных вер, как это было во многих городах средневековья. В Херсоне пришельцы-двоеверцы сохранили свои обычаи, например, при погребении умершего они также клали ему в могилу вещи и пищу: посуду стеклянную и глиняную, украшения, которые были на покойнике, из пищи - рыбу; а также предметы, которые якобы связывали умершего с дневным, верхним, домом: черепицу под голову, оконное стекло или его фрагменты. Все это было в могилах храма, открытого в 1963 г. в Портовом районе Херсона (Колесникова 1978: 162, 165). Обычай класть умершему черепицу под голову или около нее был зафиксирован А.А. Якобсоном при раскопках сельских кладбищ в Юго-Западном Крыму (Якобсон 1970: 194).

В этом плане особенно любопытны метки на кровельных черепицах. Например, изображение танцующего шамана в козлиной маске и с бубном в левой руке, правая же с палочкой - поднята вверх (Якобсон 1964: 93, рис. 31). Черепица датируется XII-XIII вв. (Рис. 4/1 a). Шаманские камлания, как правило, сопровождались возжиганием огня и шумом: ударами в бубен, звоном колокольцев

или металлических пластин, которые нашивались в большом количестве на костюм шамана. Близкие изображения херсонскому есть на шаманских бубнах (Рис. 4/1 б) (Иванов 1955: 248). Сочетание огня и звона проявилось и в ставцах (ставниках) для отпугивания злых духов (Выставка ставников и подсвечников в Русском музее г. Ленинграда в 1975 году). Поэтому на ставцы навешивали железные подвески, которые, ударяясь о железо ставца, издавали звенящий звук. Такая железная подвеска в виде удлиненной капли найдена Р.Х. Лепером в цистерне близ Уваровской базилики V-Х вв. (Рис. 4/2).

Изображение шамана на черепице - не единственное в памятниках Херсона. Есть еще его врезное изображение в костюме птицы на костяной рукояти IX-X вв. из раскопок Г.Д. Белова в 1969 г. в Северном районе Херсона (хранится в Государственном Эрмитаже, инв. № Х. 1304) (Рис. 4/3) (Архив НЗХТ. Дело 1284: рис. 17). Метка в виде птицечеловека есть и на позднесредневековой черепице Херсона (Рис. 4/4) (Якобсон 1950: 142-143, табл. 18) и такое же изображение - на поливном черепке из раскопок Н.В. Пятышевой в 1966 г. (Рис. 4/5) (Архив НЗХТ. Дело 1220/І: рис. 30, 1).

Метки на херсонских черепицах интересны своим разнообразием и неожиданным сходством с материалом весьма отдаленных от Херсона областей. Особенно удивляет сходство с некоторыми шаманскими сюжетами, например, лани на черепице IX-X вв. из Херсона (Рис. 4/6) (Якобсон 1950: 125, табл. 2, 24) и на шаманском бубне из Сибири (Иванов 1961: 76), птицы с распластанными крыльями на черепице IX-X вв. из Херсона (Рис. 4/7) (Якобсон 1964: 66, рис. 22) и шаманских изображениях Сибири (Спицын 1906: 91, № 72; 22, № 298). Среди простых знаков есть сходства с бортными знаками марийцев (Крюкова 1956: 41; Якобсон 1964: 66, рис. 22). И еще одно интересное сходство - всадник с длинным копьем и звездой (знаком солнца) на херсонской черепице XII-XIII вв. (Рис. 4/8 a) (Якобсон 1964: 93, рис. 31) и изображением на камне из Ходока (Кавказ), рядом с которым тоже знак солнца только в виде свастики (Рис. 4/8 б) (Гольштейн 1977: 197).

Не менее удивителен врезной рисунок на массивном костяном кружке из Херсона (прясло?) в виде человеческой головы без волос, но с обозначенными глазами, носом и ртом. Рядом с головой - концентрические круги, прочерченные вокруг центрального отверстия (Рис. 4/9, инв. № 32547). Аналогии этому сюжету есть в древнейших памятниках культуры Тиссы III-II тысячелетия до

н.э.: глиняная пластина с изображением богиниматери с рождающимся сыном (Амброз 1965: 14-27, рис. 3, 16); в шаманских памятниках Сибири II в. до н.э. - VIII в. н.э. и близкое им по смыслу изображение тоже из Сибири (Спицын 1906: 143, рис. 493; близкие по смыслу: рис. 63, 69, 80).

О том, что означают метки на херсонских черепицах высказывались разные мнения. Это могли быть метки хозяина мастерской, метки заказчика, метки партии черепицы. К этому можно добавить еще одно предположение о метках-оберегах. Знаки, имеющие магическое значение не только для удачного изготовления этой трудоемкой и требующей много топлива продукции, но и оберега дома заказчика.

Есть в Херсоне еще предметы, которые нельзя сразу приписать определенному региону, т.к. подобные целые или детали украшений были широко распространены на территории Восточной Европы. Например, в Херсоне найдена круглая застежка-фибула с солярным знаком в центре (Рис. 4/10) (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека H3XT, № 375, пл. XXXIV, 46). Такой же солярный знак встречается в памятниках многих народов от первобытной эпохи до позднего средневековья (Амброз 1965: 2, 1, 3 a, рис. 5, 1, 3 a, б, 4, 5). В Гнездово найдена подвеска с изображением волют и солярного знака в центре (Амброз 1965: 2, 1, 3 а, рис. 5, 7). Мотив волют часто использовался в украшениях славянских привесок (Спицын 1905: 142; Успенская 1967: 106-109; Седов 1982: 210). В Херсоне в 1898 г. найден большой бронзовый ажурный кружок с таким же изображением (Рис. 4/11) (Раскопки в Херсонесе Таврическом 1900: 119, рис. 19). Этнической пестроте Херсона соответствует наличие среди археологического материала зубов различных животных (такой амулет найден, например, в 1966 году в помещении «В» (Портовый район Херсонеса), инв. № 36728/6) и клыков кабана (Архив НЗХТ. Дело 1284: рис. 15; Дело 1220/І: рис. 17), используемых в качестве амулетов-подвесок.

Как отмечалось выше, "доказательств художественного и идеологического воздействия Херсона на Древнюю Русь" ранее выявлено не было (Корзухина 1958: 135). Известно, что в основе культуры Херсона лежала культура Византии с ее античными и восточными традициями. Такой материал превалировал в Херсоне, особенно в первой половине его средневековой жизни. Специфика культуры Херсона средневекового периода в целом исследователями не рассматривалась. Отдельные этапы в истории Херсонеса, связанные с переменами в этногеографической и исто-

рической ситуации (в том числе и в период активных связей с Русью) также остались без должной оценки.

Я полагаю, что славяне-переселенцы, приток которых стал особенно заметен в IX-X вв., пришли в Херсон со своим скарбом, необходимым для жизни на новом месте. В Херсоне найдены славянские горшки, железные трубчатые замки, калачевидные кресала (Рис. 4/12), костяные копоушки (Рис. 4/13), гребни привычных им форм. В прядении они пользовались своими шиферными пряслами, сохранили свои амулеты, украшали себя изделиями из гладкой или витой проволоки, например, браслетами (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, № 466, 72; 469, 36), которые были распространены на Руси (Кудь 1914: 6, табл. II, 7; 14, табл. VI, 2; 27, табл. IV, 13), такие же есть в Белой Веже (Труды Волго-Донской археологической экспедиции). В Херсоне найдено множество небольших височных колечек с несомкнутыми концами или концами, заходящими друг за друга (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, №№ 441, 6, 9, 11, 20, 23, 24; 443, 2, 4, 7, 9; 499). Эти колечки в большом количестве вплетались в косы (Кудь 1914: 6, табл. II, 1, 2, 3, 6; табл. III, 3; табл. VIII, 1, 2). Наборы маленьких перстнеобразных колец более были любимы древлянами (Косцова 1968: 33). Легкие браслетообразные проволочные височные кольца с завязанными концами носили кривические женщины (Косцова 1968: 33; Седов 1982: 222, 225). Подобных украшений в Херсоне найдено очень много (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека НЗХТ, №№ 352, 1-3; 465, 117-133). Из склепа № 1095 происходит височное кольцо усложненной формы, декорированное треугольными выступами (Рис. 4/14, инв. № 1804), найденное вместе с кистеобразным украшением, аналогичным мордовским (Косцюшко-Валюжинич 1902: 103-104, рис. 47; фототека H3XT, пл. СXXI, 5, 6, 15). Как известно, такие височные кольца являлись принадлежностью радимичей (Седов 1982: 221).

Включившись в хозяйственную жизнь города, славяне-переселенцы стали на месте изготовлять нужные им вещи традиционных форм и декора. Например, керамику на гончарном круге с волнистым орнаментом (Пятышева 1974: 64-68, рис. 1, 2) и, очевидно, часть простых проволочных украшений и медные кругло-проволочные фибулы с завязанными концами (Рис. 4/15, инв. № 1850) (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека H3XT, № 475, пл. XXI, 53). Точно такие же, но серебряные известны только в Приладожье (Успенская 1967: 169 -170).

В Херсоне найдены заготовки двух свинцовых нательных крестиков (Рис. 4/16 а, б) (находятся в фондах НЗХТ без инвентарных номеров). Возможно, кто-то из славян пытался наладить производство изделий из металла, который для таких нужд в Херсоне не применялся. А в отчете о раскопках в Херсоне за 1903 г. К.К. Косцюшко-Валюжинич писал: "часть свинцового креста простейшей формы с ушком встречается впервые" (Архив НЗХТ. Дело 48, вед. 48: № 10-27 (12)).

В славянских и финских погребениях женщин конца I - начала II тысячелетия часто встречаются головные венчики из разных материалов (Левашева 1968: 91-97). Возможно, найденные в Херсоне две узкие ленты, тканные из толстой крученой шерстяной нити, были в свое время венчиками. Сейчас эти ленты имеют грязно-коричневый цвет, но хорошо видны чередующиеся вертикальные полосы разного плетения, которые когда-то были, очевидно, цветными.

Помимо памятников материальной культуры, свидетельствующих о проживании в Херсоне-Корсуне славянского (русского) населения, есть и письменные свидетельства. Напомним известный факт, изложенный в списках Паннонского жития Константина, который в 860 г. посетил Херсон (Корсунь) и "...обрете же ту Евангелие и Псалтырь руськыми письмены писано и человека обрет глаголюща тою беседую". Здесь же он имел возможность научиться хазарскому, еврейскому и русскому языкам (Ламанский 1915: 12). Есть совершенно обоснованное мнение, что Кирилл не создал старославянскую письменность, а, имея книги "руськыми письмены писано", лишь усовершенствовал ее (Греков 1953: 390; Глухов 1987: 18-19, 25-29). Кириллица Кирилла состоит из 24 букв, подобных греческим, и 14, созданных для специфически славянских звуков (Улуханов 1972: 11). В Херсоне-Корсуне среди граффити встречаются буквы славянского письма, например, (іать) (Рис. 4/17) (Иванова 1977: 20; Архив НЗХТ. Дело 1061: 22, рис. 89б). Но вполне возможно, что славяне в Херсоне оставили больше граффити в виде греческих букв или слов, так как письмо их было греко-русским.

Участие Херсона в международной торговле Восточной Европы сказалось на его системе веса. Здесь найдены складные миниатюрные весы (Рис. 3/10, инв. № 35876/36). Аналогичные складные весы были распространены на Руси во второй половине IX - начале XIII в. (Янин 1956: 172). Служили они для проверки веса серебряных монет, которые в большом количестве поступа-

ли на территорию Восточной Европы в VIII-XII вв. с арабского Востока (Спасский 1962: 33-49). В Херсоне найдены также маленькие чашечки к складным весам и крышка футляра (Рис. 3/11, 12, инв. № 37041/205). Аналогичный футляр с такой же крышкой найден в Гнездово (Сизов 1902: 88). Есть в Херсоне также сосуд (котел) (Рис. 3/13, инв. № 23396), в котором купцы перевозили серебряные монеты, вмещающие иногда до 50 кг серебра (Рыбаков 1948: 336). Херсонесский сосуд имеет прогнувшееся дно, свидетельствующее о том, сколько много в нем хранилось и перевозилось серебряных монет. Среди гирь, имеющихся в Херсоне, есть сферическая железная гиря в медной оболочке со сплющенными полюсами (Рис. 3/14, инв. № 37041/206). Такие же гири были широко распространены на Руси. В Херсоне найден также набор железных кубических гирь (Рис. 3/15, инв. № 37041/201), известных в основном в Булгарах и Прикамье (Янин 1956: 173-174; Талицкий 1951: 51).

Итак, по археологическим данным выделяются несколько районов Восточной Европы, с населением которых Херсон имел постоянные контакты в домонгольское время, особенно длительной была связь у него с Рязанью, не только экономическая, но и духовная. Главным экспортом из Рязани в Херсон были не только обычные для Руси товары: меха, мед, воск – но и льняные ткани, которыми славилась Рязань (Якубовский 1928: 74). "Важнейшими воротами, через которые шла торговля с Востоком, был Булгар на Волге, а важнейшей торговой магистралью - Ока. Почти 600 км Окского водного пути проходит по территории Рязанской земли," - писал А.Л. Монгайт (1955: 90, 96). В Волго-Окском междуречье одно из самых плотных скоплений византийского импорта: изделий художественного ремесла, тканей, стекла, монет и т.д. (Кропоткин 1962: 17; Даркевич 1975: карта 420 на с. 297; Фехнер 1977: 130 сл.). В Рязани найдено самое большое количество нательных крестиков (Даркевич, Пуцко 1981: 218-236), аналогичных херсонским (Рис. 5/5-9). В Рязани раньше, чем где-либо на Руси, образовалась епархия - не под влиянием ли Херсона?

С Рязанью связан единственный письменный источник, свидетельствующий о контактах Херсона с племенами Северной части Восточной Европы. Это "Повесть о перенесении чудотворного образа Николы в Рязанскую землю" из цикла повестей о Николе Заразском (Лихачев 1949: 258-322). Под 1225 г. рассказывается о перенесении иконы Николы Корсунского (потом Заразского) Корсунским священником Евстафием из Корсуня в Зарайск. Это событие редко упоминается в трудах о Херсоне, т.к. казалось одиноким, не подкрепленным археологическим материалом. Зарайск (Зарасск, Спасск) находится на реке Осетр, впадающей в Оку. Согласно "Повести", великий чудотворец Никола Корсунский "явился" своему служителю Астафию (Евстафию) и дал совет не только куда нести икону, но и каким путем. "Не полезно ти есть ити через землю поганых половцев, - а далее советует, - ... доиде до устья Днепровского Понетского моря, сеже словет море Руское, и сяде в корабль и поиде Понетским морем в море Варяжское. В Варяжском море доиде до немецкой области, и приде в град нарицаемым Кесь, и прыбись ту мало дней. И поиде сухим через немецкие области..." До Великого Новограда и затем до Рязанской земли. Астафий так и поступил. Встает вопрос: каким путем он добирался от моря Понетского (Черного) до Варяжского (Балтийского)? Вокруг Европы? Но этот путь не менее опасен, чем путь через земли "поганых половцев". Долго я искала ответ на этот вопрос, но вот попались мне на глаза научно-популярные статьи А. Никитина (1986: 48-52; 1990: 7-9), где он доказывает, что путь из "варяг в греки" шел не по Днепровскому пути (Зап. Двина-Днепр или Волхов-Ловать-Днепр), а по пути, проходящему в Западной Европе: Одер или Висла-Дунай, а затем Рим или Константинополь. Этим путем, очевидно, и перенес икону Астафий с женой Феодорой и сыном Остафием. В тексте повести об этом пути ни слова, но это обычный прием средневековых авторов, оставивших свои путевые заметки. Они, как правило, не описывали подробно дороги, которые были хорошо известны и многими часто хожены.

Икона Николы находилась в Зарайском Никольском соборе, в котором каждый год 28 июля на всенощной, под день на память принесения иконы из Корсуня в Зарайск, читалось сказание о ее перенесении (Бочарников 1856: 6, прим.): «А всех лет как пришел чудотворин Николин образ из Корсуня и те попы (т.е. род Астафиев. - Л.К.), служил 389 лет непременно» (Лихачев 1949: 322). Однако род Астафия (Евстафия) Корсунского не иссяк. В середине XVII в. он упоминается в церковных документах, а в середине XIX в. жители Зарайска показывали место (Корсунскую гору), где было жилище Корсунских священников (Лихачев 1949: 259). По-видимому, этот род еще долгое время не терял связи с Херсоном-Корсунем. В Херсонесском музее хранится бронзовая литая створка триптиха XVI-XVII вв., где в три ряда сверху вниз рельефно изображены поясно святые

(инв. № 3032) (из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича: фототека H3XT, № 481, пл. CLXIV, 7). Точно такая же створка найдена в Старой Рязани в 1972 г. (Даркевич, Пуцко 1981: 221, рис. 3,11).

Каким путем гости (торговцы), переселенцы, паломники из Северных районов Восточной Европы шли в Херсон? Часть из них пользовалась давно известным Днепровским путем. Но самым коротким был путь по Дону, в который из Оки попадали по рекам Проня, Цна и далее по притокам Дона в Дон. Этим путем ходили не только обитатели Волго-Окского бассейна, но и Прикамья. Дело в том, что в VIII-X вв. большая племенная Танкеевская группировка, населяющая левый берег Камы у ее устья, преграждала болгарам путь в Прикамье (Генинг, Халиков 1964: 161). А с Х в., с образованием государства Камская Булгария, сами болгары перекрывали путь всем в Прикамье и контролировали торговлю мехами Биармии. Возникает вопрос - каким путем в верховья рек Чепцы и Камы поступали предметы VII-IX вв., "происхождение которых можно связать с югом Восточной Европы и Сибирью?" (Генинг, Халиков 1964: 161-162). Думаю, что импорт поступал по Дону и, может быть, по р. Воронеж, а затем по рекам Цна-Ока и далее по левым притокам Оки, истекающим с Севера (может быть, по рекам Унжа или Ветлуга). Очевидно, у устья р. Цны находился торг, как и у устья р. Молога (Марков 1976: 92-93), на что указывает несколько фактов. Во-первых, шестнадцать византийских золотых монет VII в., найденных у с. Серповое на р. Цна (Кропоткин 1965: №125, 126). Во-вторых, по среднему течению Оки, недалеко от р. Цна, сосредоточено самое большое количество кладов куфических монет (Кропоткин 1978: 112), а в Муромском районе - самые богатые из них (Горюнова 1961: 336). Много вещей, принадлежащих материальной культуре средне-цнинской мордвы, найдено, как указывалось выше, и в самом Херсоне. Но путь по р. Дон не всегда был безопасен, так как степи Северного Причерноморья всегда были заняты кочевниками, некоторые из них были очень агрессивны, например, "поганые" половцы. В XIII в. здесь появились татаро-монголы, разгромившие русские дружины у р. Калка. В 1237-1238 гг. орды Бату-Субудая подвергли страшному разгрому лесостепные и лесные зоны Восточной Европы, населенные славянскими и угро-финскими племенами. Часть оставшихся в живых жителей этих районов (прежде всего из Рязано-Муромской, Владимиро-Суздальской и Тверской земель) бежали на юг, но не по опасному сейчас Дону, а тем же путем, которым Корсунский священник Астафий принес икону чудотворца Николы в Ря-

зань. Только шли они в обратном направлении, и путь их лежал в Херсон-Корсунь, с которым они давно установили связи, торговые и духовные.

В 1239-1240 гг. татары разгромили ряд городов в Приднепровье и самый крупный из них - Киев. Вероятно, этим следует объяснить появление в Херсоне большого числа энколпионов XII-XIII вв. и киотный крест первой половины XIII в. (Корзухина 1958: 128-136, табл. II – IV).

Подытоживая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы.

- 1. Географическое положение и историческая судьба Херсона-Корсуня определили его роль как одного из видных центров международной торговли в Северном Причерноморье. Это и привлекало в Херсон большое количество переселенцев. В средневековую эпоху город стал особенно многоэтничным и многоязычным, хотя основным языком по-прежнему оставался греческий.
- 2. Иммигрировали в Херсон не только жители византийских областей, но и частью из Киевской Руси, а также Северных районов Восточной Европы (в основном регионов, богатых пушниной и воском), и среди них были славяне. Активная иммиграция совпадает с периодом оживленной торговли в Восточной Европе. Первый из них: V-VII вв. - время обмена византийского и восточного серебра на богатства Северных областей. Затем арабский период - с VIII до X вв. В середине IX - X в. возобновилась торговля Византии с Русью и Херсоном. Приток славянского (русского) населения в Херсон определил наибольшую военную и дипломатическую активность Руси в Причерноморье в X в. (Белов 1938: 49-50, рис. 27, 30; 115, рис. 74). И, наконец, последний период переселения славян относится к XII-XIII вв. Особенно много переселенцев было из Новгорода и Рязанской земли. В первой половине XIII в. сюда бежали люди из разоренных татарами Северо-Западных районов Восточной Европы и земель Киевской Руси. Из Северо-Западных земель они пробирались, очевидно, тем же путем, которым в 1225 г. нес чудотворный образ Николы Заразского корсунский священник Астафий, только в обратном направлении, и конечным пунктом был хорошо знакомый им Херсон-Корсунь.
- 3. Массовое переселение иноземцев в Херсон было вызвано интересами торговли и спросом города на ремесленников и рабочую силу. Экономическая политика определила политику религиозную. В христианском Херсоне свободно сосуществовали разноплеменные общины со своими верованиями. Веротерпимость здесь, как и у большинства городов средневековья, была обычным явлением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айбабин А.И. 1973 К вопросу о происхождении сережек пасторского типа. СА 3.

Алиханова А.Е. 1948 Перемчалкинский могильник. Археологический сборник. (Саранск).

Амброз А.К. 1965 Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками»). CA 3: 14-28.

Беленькая Д.А. 1974 Кресты и иконки курганов Подмосковья. СА 4.

Белов Г.Д. 1938 Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935-1936 гг. (Севастополь)

Белов Г.Д. 1955 Итоги раскопок в Херсонесе в 1949-1953 гг. СА 24.

Белов Г.Д., Якобсон А.Л. 1953 Квартал XVII (раскопки 1940 г.). *МИА* 34.

Бочарников С. 1856 Зарайск. (Москва).

Булкин В.А., Лебедев Г.С. 1974 Гнёздово и Бирка. К проблеме становления городов. Культура средневековой Руси. (Ленинград).

Васильевский В.Г. 1893 Русско-византийские исследования. (Санкт-Петербург). 2.

Византийские очерки. 1966 (Москва).

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. 1964 Ранние Болгары на Волге (Больше - Тарханский могильник). (Москва).

Гилевич А.И. 1959 Золотые византийские монеты в Херсоне. CA 1.

Глухов А. 1987 Русские книжники. (Москва).

Голубева Л.А. 1963 Археологические памятники веси на Белом озере. СА 3.

Голубева Л.А. 1964 Огнива с бронзовыми рукоятями. СА 3.

Голубева Л.А. 1966 Коньковые подвески Верхнего Прикамья. СА 3.

Гольштейн А. 1977 Башни в горах. (Москва).

Гончаров В.К. 1950 Райковецкое городище. (Киев).

Горюнова Е.И. 1961 Этническая история Волго-Окского междуречья. МИА 94.

Греков Б.Д. 1953 Киевская Русь.(Москва).

Даркевич В.П. 1961 Топорки как символы Перуна в древнерусском искусстве. СА 4.

Даркевич В.П. 1974 К истории торговых связей Древней Руси. По археологическим данным. КСИА 138.

Даркевич В.П. 1975 Светское искусство Византии. Произведения художественного ремесла в Восточной Европе X-XIII в. (Москва).

Даркевич В.П., Монгайт А.А. 1978 Клад Старой Рязани. (Москва).

Даркевич В.П., Пуцко В.Г. 1981 Произведения средневековой металлопластики из находок в Старой Рязани (1970-1978 гг.). СА 3.

Жиганов М.Ф. 1961 К истории мордовских племен в конце I тысячелетия н.э. (могильник у поселка Заря). СА 4.

Иванов С.В. 1955 О значении изображений на старинных предметах культа. Сборник музея антропологии и эт-

Иванов С.В. 1961 Орнамент. Историко-этнографический атлас Сибири. (Москва-Ленинград).

Иванова Т.А. 1977 Старославянский язык. (Москва).

История культуры Древней Руси 1948. (Москва-Ленинград). 1.

Казаков Е.П. 1985 Знаки и письмо ранней Волжской Болгарии по археологическим данным. СА 4.

Каргер М.К. 1940 Княжеское погребение XI века в Десятинной церкви. КСИИМК 4.

Каргер М.К. 1978 Древний Киев. (Москва-Ленинград). 1.

Килиевич С.Р., Орлов Р.С. 1985 Новое в ювелирном ремесле Киева. Х в. Археологические исследования Киева 1978-1983 гг. (Киев).

Кирпичников А.Н. 1966 Древнерусское оружие. САИ Е 1-36.

Колесникова Л.Г. 1975 Погребение воина на некрополе Херсонеса. СА 4.

Колесникова Л.Г. 1978 Храм в портовом районе Херсонеса (раскопки 1963-1965 гг.). ВВ 39.

Колесникова Л.Г. 2005 Уникальная ткань из Херсона-Корсуня (к вопросу о русско-корсунских связях). Символ в религии и философии. (Севастополь).

Константин Порфирородный 1934 Об управлении государством. ИГАИМК 91.

Корзухина Г.Ф. 1950 Из истории древнерусского оружия XI в. СА 13.

Корзухина Г.Ф. 1958 О памятниках «Корсунского дела» на Руси. ВВ 14: 129-137.

Косцова А.С. 1968 Культура Древней Руси VI–XV вв. (Ленинград).

Косцюшко-Валюжинич К.К. 1902 Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901 году. ИАК 4.

Косцюшко-Валюжинич К.К. 1905 Отчет о раскопках в 1903 году. ИАК 16.

Косцюшко-Валюжинич К.К. 1906 Раскопки в Херсонесе близ Склада древностей в 1904 году. ИАК 20.

Котляр Н.Ф. 1985 Древняя Русь и Киев в летописях, преданиях и легендах. (Киев).

Кропоткин В.В. 1962 Клады византийских монет на территории СССР. САИ Е 4-4.

Кропоткин В.В. 1965 Новые находки византийских монет на территории СССР. ВВ 26.

Кропоткин В.В. 1978 О топографии кладов куфических монет IX века в Европе. Древняя Русь и славяне. (Москва).

Колесникова Л.Г. Связи Херсона-Корсуня с племенами Восточной Европы...

Круглова О.В. 1978 Древняя символика в произведениях народного искусства Ярославля. СА 1.

Крюкова Т.А. 1956 Материальная культура марийцев XIX века. (Йошкар-Ола).

Кудь Л.Н. 1914 Костюм и украшения древнерусской женщины. Отдельный оттиск из сборника "Міпегуа". (Киев).

Кулаковский Ю.А. 1896 Сцены «трапезы» в катакомбах и на надгробных стелах. МАР 19.

Кулаковский Ю.А. 1898 Епископа Феодора «Аланское послание». 3ООИД 21.

Кулаковский Ю.А. 1914 Прошлое Тавриды. Краткий исторический очерк. (Киев).

Курганы Санкт-Петербургской губернии / в раскопках Ивановского Л.К. 1896 МАР 20.

Ламанский В.И. 1915 Славянское житие св. Кирилла. (Петроград).

Лев Диакон Калойский 1820 История. (Санкт-Петербург).

Левашева В.П. 1968 Венчики женского головного убора из курганов X-XII вв. Славяне и Русь. (Москва).

Лихачев Д.С. 1949 Повести о Николе Заразком. Труды отдела древнерусской литературы. (Москва-Ленинград). 7.

Львова З.Л. 1977 К вопросу о причинах проникновения стеклянных бус X - начала XI века в Северные районы Восточной Европы. *Археологический сборник* 18.

Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. Исследования В.Н. Ястребова 1893 MAP 10.

Ляпушкин И.И. 1950 К вопросу о памятниках волынского типа. *CA* 29-30.

Марков С. 1976 Земной круг. (Москва).

Материальная культура Средне-цнинской Мордвы VIII-XI вв. 1969 Археологический сборник. (Саранск). 3.

Материалы по археологии Восточных губерний 1899 (Москва). 3.

Мерперт Н.Я. 1951 О генезисе салтовской культуры. КСИА 36.

Монгайт А.Л. 1955 Старая Рязань. МИА 49.

Никитин А. 1986 Ошибка древнего географа? Вокруг света 12.

Никитин А. 1990 По следам апостола Андрея. Наука и религия 9.

Никольская Т.Н. 1974 Литейные формочки древнерусского Серенска. Культура средневековой Руси. (Ленинград).

Новосельцев А.П. 1982 Арабский географ IX в. Ибн-Хордадбех о Восточной Европе. Исследования по истории феодализма. (Москва).

ОАК за 1889 г.

ОАК за 1891 г.

ОАК за 1894 г.

ОАК за 1895 г.

ОАК за 1896 г.

Петренко В.П. 1984 Финно-угорские элементы в культуре средневековой Ладоги. *Новое в археологии СССР и Финляндии*. (Ленинград).

Плетнева С.А. 1958 Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА 62.

Повесть временных лет 1978 Памятники литературы Древней Руси XI – начала XII вв. (Москва).

Пятышева Н.В. 1974 Славянская керамика. Херсонес Таврический. Ремесло и культура. (Киев).

Пятышева Н.В. 1982 Статуэтка пляшущего кочевника из Херсона. К вопросу о гуннах в Крыму. *Труды ГИМ*. (Москва). 54/2.

Раскопки в Херсонесе Таврическом // ОАК за 1898 год. - СПб. - 1900.

Рыбаков Б.А. 1948 Торговля и торговые пути. История культуры Древней Руси. (Мосва-Ленинград). 1.

Рябинин Е.А. 1986 Костромское Поволжье в эпоху средневековья. (Ленинград).

Седов В.В. 1968 Амулеты-коньки из древнерусских курганов. Славяне и Русь. (Москва).

Седов В.В. 1982 Восточные славяне в VI -XIII вв. АС.

Седова М.В. 1959 Ювелирные изделия древнего Новгорода. МИА 65.

Седова М.В. 1981 Ювелирные изделия древнего Новгорода. (Москва).

Сизов В.И. 1902 Курганы Смоленской губернии. МАР 28.

Смирнов А.П. 1951 Волжские Булгары. Труды ГИМ 19.

Смирнов И.Н. 1894 Мордва – историко-этнографический очерк. *Известия общества археологии и этнографии при Императорском Гос. Университете* 11/5.

Соколова И.В. 1968 Находки монет VI–XII вв. в Крыму. ВВ 29.

Соколова И.В. 1983 Монеты и печати византийского Херсона. (Ленинград).

Соломина В.П. 1984 Уникальный памятник северного средневекового шитья. СА 2.

Спасский Ч.Т. 1962 Русская монетная система. (Ленинград).

Спицын А.А. 1902 Древности камской чуди. МАР 26.

Спицын А.А. 1905 Владимирские курганы. ИАК 15.

Спицын А.А. 1906 Шаманские изображения. Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества. (Санкт-Петербург). 8/1.

Спицын А.А. 1909 Уродливые медные статуэтки. ИАК 29.

Талицкий М.В. 1951 Верхнее Прикамье в X-XIV вв. МИА 22.

Тахтай А.К. 1947 Археологические открытия в Херсонесе в 1942-1944 гг. КСИИМК 14.

Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. І.

Труды Новгородской археологической экспедиции 1959 МИА 65/2.

Улуханов И.С. 1972 О языке Древней Руси. (Москва).

Успенская А.В. 1967 Нагрудные и поясные привески. Очерки по истории русской деревни X-XIII вв. *Труды ГИМ* 43.

Федоров-Давыдов Г. 1966 Кочевники Восточной Европы под властью Золотоордынских ханов. (Москва).

Фехнер М.В. 1968 Крестовидные подвески «скандинавского» типа. Славяне и Русь. (Москва).

Фехнер М.В. 1977 Изделия шелкоткацких мастерских Византии в Древней Руси. *СА* 3.

Халиков А.Х. 1971 Маклашевская всадница. СА 1.

Халиков А.Х. 1973 О столице домонгольской Булгарии. СА 3.

Халиков А.Х., Безухов Е.А. 1960 Материалы по древней истории Поветлужья. (Горький).

Ханенко Б.Н., Ханенко В.Н. 1899 Древности Приднепровья. (Киев). 1.

Ханенко Б.Н., Ханенко В.И. 1902 Древности Приднепровья. (Киев). 5.

Хвощинская Н.В. 1976 Население восточного побережья Чудского озера. КСИА 146.

Шальм В.А. 1968 Крестики с эмалью. Славяне и Русь. (Москва).

Шальм В.А., Фехнер М.В. 1967 Привески-бубенчики. Очерки истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ 43.

Шестаков С.П. 1908 Очерки по истории Херсонеса. (Москва). 3.

Якобсон А.Л. 1950 Средневековый Херсонес (XII – XIV вв.). МИА 17.

Якобсон А.Л. 1964 Средневековый Крым. (Москва-Ленинград).

Якобсон А.Л. 1970 Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. МИА 168.

Якобсон А.Л. 1985 К истории русско-корсунских связей (XI–XIV вв.). ВВ 14.

Якубовский А.Ю. 1928 Рассказ Ибн-ал Бити о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. *ВВ* 25.

Янин В.Л. 1956 Денежно-весовые системы русского средневековья. (Москва).

Eisner J. 1960 Slovani Mod'jari v archeologii. Slavia Antique 7.

Kobareluh J. 1975 Преглед материјалне культуре јижних славена у раном среднем веке. (Београд).

СПИСОК АРХИВНЫХ ДЕЛ

Архив НЗХТ. Дело № 48.

Архив НЗХТ. Дело № 323.

Архив НЗХТ. Дело № 347.

Архив НЗХТ. Дело № 728/II.

Архив НЗХТ. Дело № 788/I;

Архив НЗХТ. Дело № 1061.

Архив НЗХТ. Дело 1284.

Архив НЗХТ. Дело № 1449/1.7.

Лепер Р.Х. Опись древностей 1908 года // Архив НЗХТ. - Д.101.

Лепер Р.Х. Опись находок из раскопок 1909 г. на месте скотного двора // Архив НЗХТ. - Д. 102.

Пятышева Н.В. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1966 году // Архив НЗХТ. - Д. 1220/І.

Стржелецкий С.Ф., Токарева Р. Н. Раскопки юго-восточной части квартала (перемычки) Херсонесского порта // Архив НЗХТ. - Д. 1160.

SUMMARY

L.G. Kolesnikova

THE RELATIONS BETWEEN CHERSON-KORSUN' AND THE TRIBES OF EASTERN EUROPE IN THE PRE-MONGOL PERIOD

1. Geographic situation and historical destiny of Cherson-Korsun' determined its role as one of the important centres of international trade in the Northern Black Sea Littoral. This was the circumstance that attracted a huge number of migrants to Cherson. In the medieval period, although the city became especially polyethnic and multilingual one, Greek still remained

to be its main language.

2. Cherson received migrants not only from Byzantine regions but partly from Kievan Rus' and northern regions of Eastern Europe as well (mainly from the regions rich in furs and wax); the Slavs were among these migrants. Wide-scale immigration coincided with the period of brisk trading in Eastern

Europe. The first migration period was from the fifth to the seventh century, that is the time of exchanging Byzantine and Oriental silver for the riches of the northern regions. Then was the Arabic period, from the eighth to the tenth century. Byzantine trade with Rus' and Cherson revived in the middle of the ninth and tenth centuries. The inflow of the Slavic population into Cherson determined that maximum military and diplomatic activity of Rus' which took place in the Northern Black Sea Littoral in the tenth century. And finally, the last period of migration of the Slavs dates to the twelfth and thirteenth centuries. Especially numerous were the migrants from Novgorod and Ryazan' region. People from devastated by the Tatars north-western regions of Eastern Europe and Kievan Rus' principalities fled to Cherson from the first half of the thirteenth century. They made their way from the north-western regions perhaps using the same route with priest Astafiy of Korsun' who carried miracleworking image of Nicholas of Zaraysk in 1225, but in the opposite direction, having Cherson-Korsun' that they knew well as their destination point.

3. Large-scale migration of the strangers to Cherson was caused by the interests of the trade and this city's demand in craftsmen and labour force. This economic policy defined the religious policy. In Christian Cherson, communities of different tribes with their own beliefs coexisted freely. There, toleration of religion was everyday occurrence, similarly to the majority of mediecal cities.

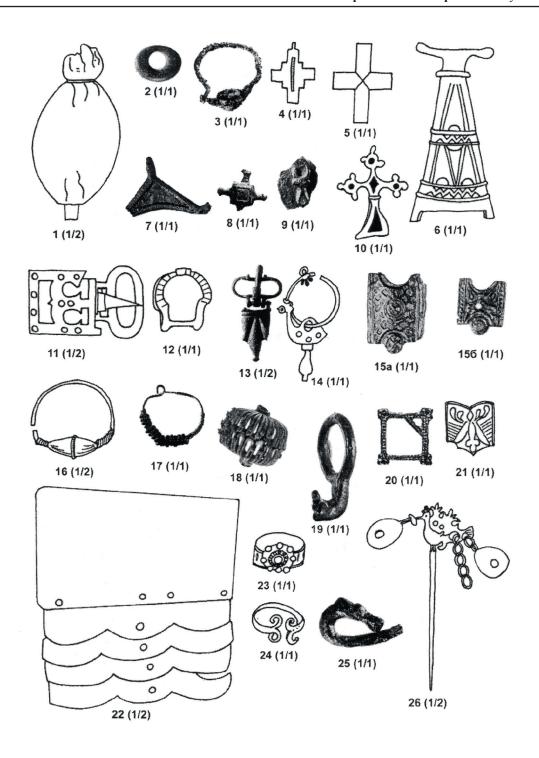

Рис. 1

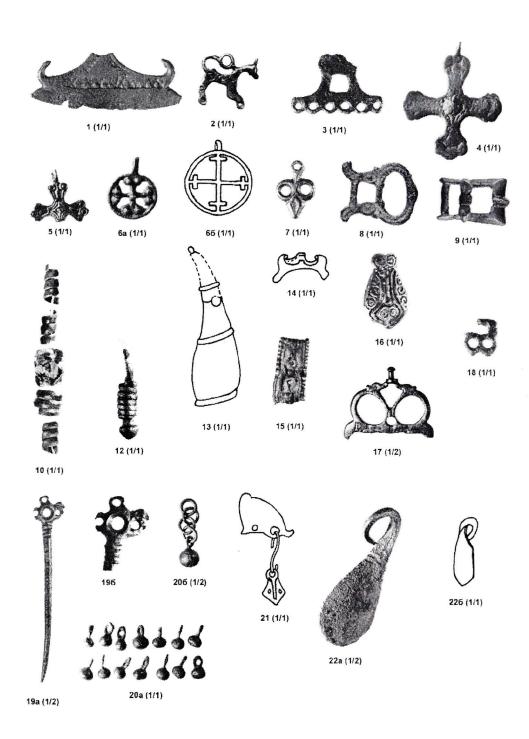

Рис. 2

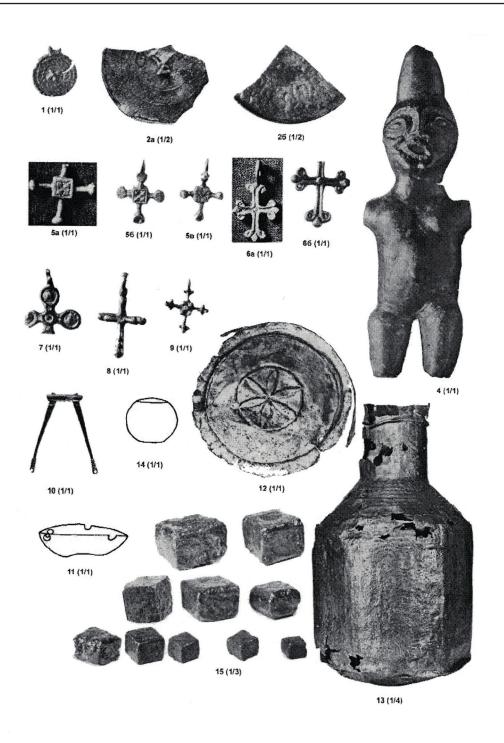

Рис. 3

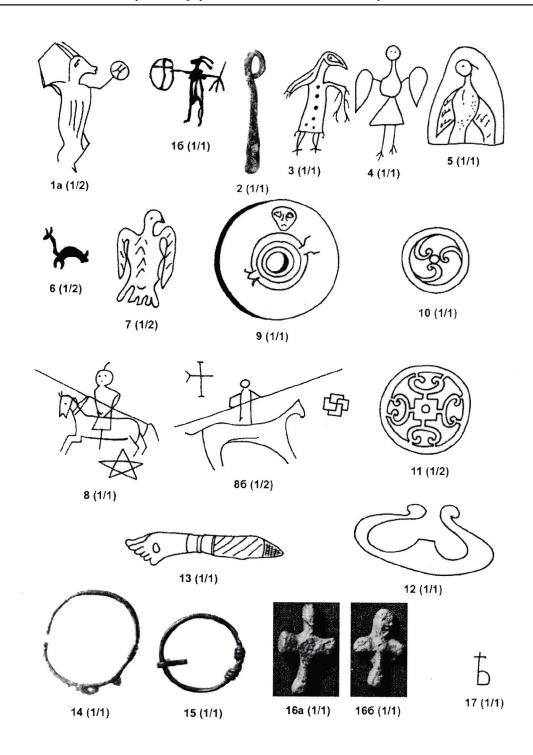

Рис. 4

Н.В. ЖИЛИНА

РЕЦЕНЗИЯ НА СТАТЬЮ Л.Г. КОЛЕСНИКОВОЙ «СВЯЗИ ХЕРСОНА-КОРСУНЯ С ПЛЕМЕНАМИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ДОМОНГОЛЬСКИЙ ПЕРИОД»

Обширная статья Л.Г. Колесниковой является необходимой ступенью в русле изучения интересующей многих исследователей проблемы исторических взаимоотношений Византия - Херсон - Русь.

Работу можно отнести к числу источниковедческих исследований, столь важных для полноценного подхода к изучению любого вопроса. Автором проведена большая кропотливая работа в фондах Национального заповедника «Херсонес Таврический» по выявлению комплекса археологических материалов, происходящих из многочисленных археологических исследований по изучению средневекового периода города, проведенных различными авторами за период с конца XIX в. по 80-е гг. ХХ в. В числе привлеченных данных - архивные источники и вещевые коллекции музея. Л.Г. Колесникова также опирается и на материал собственных археологических исследований.

Можно было бы поставить в упрек автору статьи отсутствие ссылок на новейшие современные исследования, но не следует в данном случае забывать, что приведенная в статье библиография соответствует периоду ее активной научной деятельности.

В результате исследовательнице удалось сформировать ту первую источниковую базу, которая, безусловно, сыграет роль отправной позиции для дальнейшего исследования поставленной проблемы. Построение такой сводки данных является важным научным итогом рецензируемой работы. Ряд вещей и материалов, опубликованных ранее в других статьях, также оказался включенным в новую работу и в таком целостном варианте прозвучал совершенно по-новому. О проработанности исследований предшественников по данной теме свидетельствует солидная библиография статьи.

Однако этим не ограничивается научное значение работы Л.Г. Колесниковой.

По сравнению с касавшимися данной проблемы исследователями: Г.Ф. Корзухиной, А.Л. Якобсоном, В.П. Даркевичем и другими – Л.Г. Колесникова целенаправленно привлекает больший вещевой материал, причем непосредственно связанный с повседневной жизнью Херсона. Это позволяет исследовательнице, во-первых, объяснить, почему ранее ответы на ряд вопросов оказались невозможны; во-вторых, опора на весь собранный материал дала автору возможность изложить свое видение проблемы.

По целому ряду аспектов культурного взаимодействия автор отмечает не просто сходство в материальной культуре, но идентичность предметов. Это позволяет ей объяснить существовавшие контакты как развитием торговли, так и переходом населения.

Изучая торговлю, автор внимательно прослеживает торговые пути, по которым она осуществлялась, приводя точки зрения различных исследователей на их возможные маршруты. Очень интересен и разрабатываемый автором сюжет о контактах Херсона с Рязанской землей, обеспеченный привлечением как археологичеких, так и письменных данных (данные Повести о перенесении иконы Николы Корсунского в Зарайск).

Важно, что в статье поставлен акцент на влияние и воздействие со стороны славян и Руси на жизнь и быт Херсона. В сущности, ранее традиционно более анализировалось влияние Византии через Херсон на Русь. Достаточно новым является и выделение влияния культуры финно-угорских народов на Херсон. То есть выделяется не только влияние культуры Киевской Руси, но и в целом Севера Восточной Европы на Херсон.

Одним из наиболее ценных в научном отношении выводов можно считать вывод о датировании этих культурных взаимодействий периодом VIII-IX вв. Это значительно расширяет представления историков о контактах данных территорий и действительно позволяет изменить представления о причинах этих процессов. Так, например, переселения древнерусских людей ранее преимущественно связывались с разгромом русских городов в результате татаро-монгольского нашествия и датировались первой третью XIII в. Автор убедительно обосновывает, что эти переселения могли происходить значительно ранее и в мирных, то есть повседневных условиях.

Публикация данной статьи является чрезвычайно актуальной, поскольку она начинает запол-

нять собой давно ощущаемый пробел в изучении процессов культурного взаимовлияния на конкретно-вещеведческом уровне, решения теоретических и исторических вопросов на базе фактов. Она представляет собой один из первых примеров углубления этого изучения, переход с поверхности общетеоретического уровня к конкретно-фактическому.

Безусловно, что эта работа будет продолжена последующими исследователями, но статья Л.Г. Колесниковой составит необходимую базу для этого.

М. Ю. НИКОЛАЕНКО, В. В. ПАНЧЕНКО

ВЕРТИКАЛЬНОЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ЗОНДИРОВАНИЕ НА ВЫСОТЕ БЕЗЫМЯННАЯ

В рамках совместного проекта Национального заповедника «Херсонес Таврический» и Института классической археологии университета г. Остин штата Техас по исследованию укрепленного поселения на высоте Безымянная с 1997 г. проводились геофизические разведки как на территории самого поселения, перекрытого англотурецким редутом времен Крымской войны 1854-1855 гг., так и в окрестностях. Целью этих работ, в первую очередь, были разведка и картирование строительных остатков сооружений, когда-либо существовавших на территории высоты, и, возможно, остатков печей, зольников на территории вершины высоты, являвшейся ядром поселения, как результата хозяйственной деятельности людей в период с IV в. до н. э. по XI в н. э. (Николаенко 1999: 238). Географически район работ располагается на территории современного г. Севастополя, и в период существования Херсонеса поселение служило пограничным пунктом у южной границы размежеванных земель - древний земельный участок № 402 (Николаенко 1999) (Рис. 1).

Предыдущие исследования

В ходе исследований 1997-1998 гг. не удалось получить более-менее удовлетворительные результаты при поиске строительных остатков на основном объекте – вершине высоты, где располагалась центральная часть поселения, поскольку верхняя часть дернового слоя почвы содержит большое количество железного мусора времен Второй Мировой войны: осколки, гильзы и т.п., что создает сильные помехи при магниторазведочных работах. Как видно из приводимой иллюстрации (Рис. 2), на территории вершины высоты локализуются аномалии, вероятнее всего, вызванные нарушениями древней поверхности в результате военных действий 1942-1944 гг. и железным мусором, на фоне которых слабо выделяются аномалии, локализующие строительные остатки. Электропрофилирование потенциальной установкой (сезоны 2000-2001 гг.) также нельзя признать удачным, поскольку использованные параметры (АМ = 0,5 м), диктуемые конструкцией установки, давали эффективную глубину исследований не более 0,25 м (Электроразведка... 1980) (Рис. 3). В течение сезона 2000 г. на плоской вершине высоты были выполнены небольшие эксперименты по способу сплошного электрического зондирования (Архив НЗХТ. Дело № 3537), но чрезмерно высокая погрешность измерений не позволяла считать результат достаточно достоверным. Таким образом, исследование нераскрытой части вершины высоты для выяснения планировки поселения оставалось по-прежнему актуальным.

Для геофизических исследований на нераскрытой части поселения был выбран метод электроразведки по способу вертикального электрического зондирования. Выбор основывался на том, что глубина залегания самых древних элементов строительных конструкций достаточно велика — не менее 1 м, а вертикальное электрическое зондирование было единственным доступным с точки зрения стоимости и качества конечного результата способом получения данных о погребенных строительных конструкциях.

В качестве основной была выбрана классическая схема симметричной установки Шлюмберже AMNB со следующими параметрами: MN-const = 0.5 M, AO = BO = 0.75; 1.25; 1.75; 2.25 M 2.75 M(5 разносов). Всего было отработано 2 планшета (планшет 1 - 24x20 м и планшет 2 - 12x4 м) по регулярной сети $0.5 \cdot 0.5$ м, рассчитанной по методике В. П. Дудкина (2000: 12), определенно пригодной и для электроразведочных исследований, общим объемом 10370 измерений (Рис. 4). Размер сети исследований продиктован размерами ожидавшихся аномалий (стен), а максимальная величина разноса - предполагаемой максимальной глубиной залегания искомых объектов. Линии, вдоль которых производились измерения (профили), располагались вдоль направления, указанного стрелкой. Использовался низкочастотный (4,88 Гц) комплекс АГК отечественной разработки и производства, предназначенный для решения задач археологии, инженерной геологии и гидрогеологии, что позволило использовать математический аппарат для

установок постоянного тока. Линейное изменение разноса АО было обусловлено особенностями использованного для интерпретации программного обеспечения Res2Dinv и Res3Dinv (демонстрационные версии с ограничением некоторых параметров инверсии, разработчик М. Н. Loke, Малайзия), рассчитанного на применение коммутируемых электродных кос с регулярным интервалом между электродами.

Результаты интерпретации

Поверхность исследованной площади представляет собой сравнительно плоскую площадку, за исключением некоторых участков (Рис. 5). Инверсия производилась с учетом микрорельефа дневной поверхности, поэтому показанные на общем виде расчеты кровли подпочвенного слоя - камней - сделаны с привязкой по высотам рельефа. На приводимой иллюстрации показано трех-

мерное представление рассчитанных каменных структур с цветовой индикацией по глубине залегания (Рис. 6).

По результатам зондирования представлена структура, вполне коррелирующая с раскопанной частью комплекса. Вероятнее всего, это незначительные остатки исследованного комплекса, поскольку площадь использовалась в середине XIX века под редут англо-турецкими войсками, а также во время обороны и освобождения Севастополя в 1941-42 и 1944 гг., поэтому территория внутри периметра редута была снивелирована, а также беспорядочно заполнена камнями из стен самого комплекса и окрестностей, что чрезвычайно осложнило как измерения, так и интерпретацию результатов. На иллюстрации (Рис. 7) представлена финальная модель западной части комплекса, построенная по полученным данным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ ДЕЛ

Архив НЗХТ. Дело № 3537.

Дудкин В. П., Кошелев И. Н. 2000 Выбор сети магнитометрических наблюдений на археологических памятниках. Археометрія та охорона історико-культурної спадщини. (Київ). 4.

Николаенко Г.М. 1999 Хора Херсонеса Таврического. (Севастополь). 1.

Николаенко М. Ю. 1999 Геофизические исследования на высоте Безымянная в 1998 г. *Херсонесский сборник*. (Севастополь). 10: 407-411.

Электроразведка. Справочник геофизика 1980 (Москва).

SUMMARY

M.Ju. Nikolaenko, V.V. Panchenko

VERTICAL ELECTRIC ZONDAGE ON BEZYMYANNAYA HILL

The geophysical exploration of the settelment terrain and neighborhoods have been conducted at the Bezymyanaya Hill sience 1997 within a joined research project of the National Preserve of Taurica Chersonesos and the Institute of Classical Archaelogy of the University of Texas. The reconnaissance and mapping of the building oddment's facilities ever existed in the terrain of the hill, that was a core of the settlement in the period of the 4th c. B.C. to the 11th c. A.D., was the main aim of the activities.

For researches on the unopened part of the settlement, the transient method of electrical prospecting on a way of vertical electrical sounding was selected. The selection was grounded that the stratification depth of the most ancient elements of buildings was big enough, not less than 1 m; and the vertical electrical sounding was alone accessible from the point of

view of cost and quality of the final result by the way of data retrieval about the buried buildings. As basic, the classic scheme of the symmetrical Schlumberger array AMNB with following parameters was selected: MN-const = 0,5 m, AO = BO = 0,75; 1,25; 1,75; 2,25 and 2,75 m (5 offsets).

By results of sounding, the frame quite correlating with a dug out part of a complex is shown. Mostly possible that it is minor oddments of the investigated complex, as the area was used in the middle of the 19th century as a fort by english-turkish troops, and also during defense and redemption of Sevastopol in 1941-42 and 1944. Therefore terrain inside perimeter of the fort was smoothed, and was also filled disorderly with rocks from walls of the complex and neighborhoods. That extremely complicated measurement as well as interpretation of outcomes.

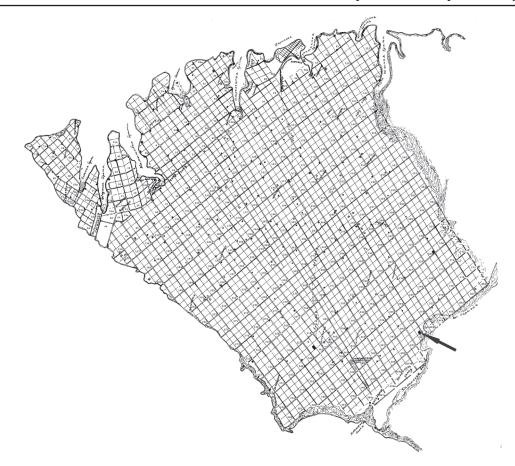

Рис. 1. Местонахождение участка работ в системе хоры Херсонеса (по Г. М. Николаенко)

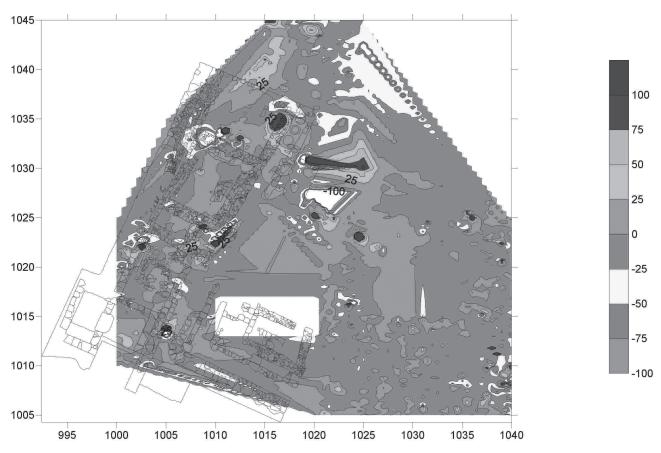

Рис. 2. Фрагмент карты поля dT, приводимая шкала градуирована в нT

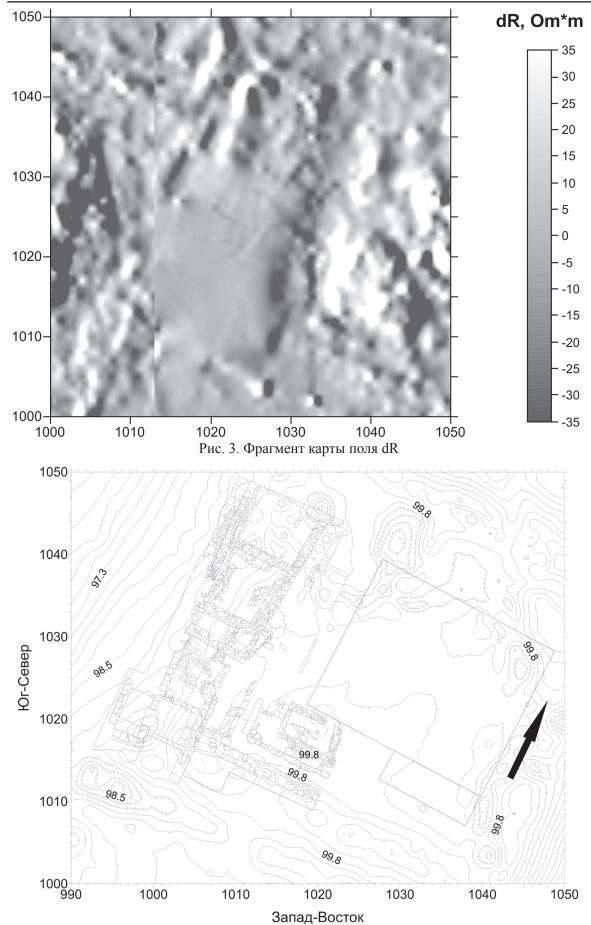

Рис. 4. План раскопанной части поселения (на июнь 2004 г.). Контуром показаны электроразведочные планшеты, стрелка указывает направление профилирования

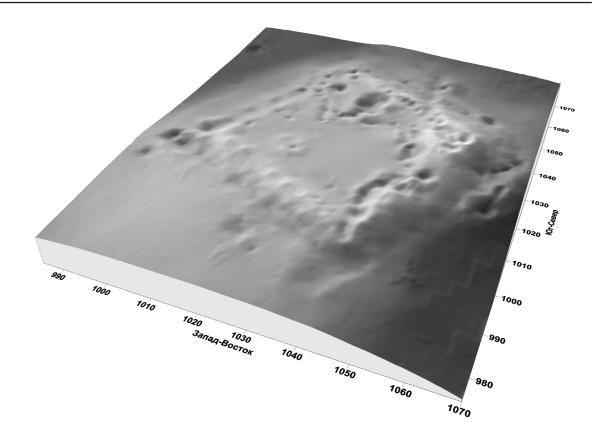

Рис. 5. Трехмерная модель вершины высоты Безымянная

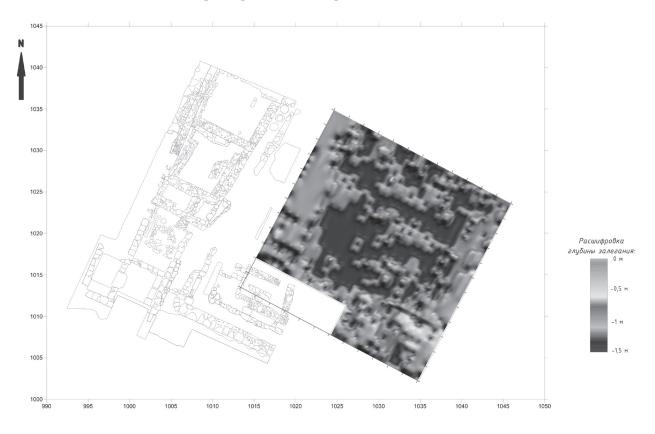

Рис. 6. План раскопа, совмещенный с трехмерной моделью рассчитанных каменных структур (вид сверху)

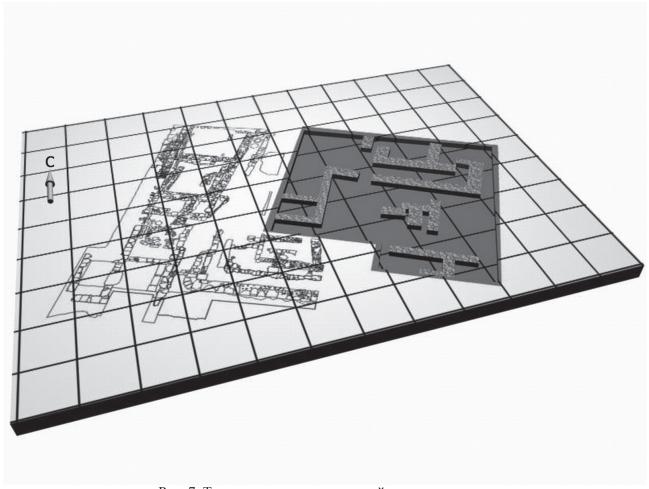

Рис. 7. Трехмерная модель западной части комплекса

M. NOWAK

REMARKS ON THE ICONOGRAPHY OF THE ENGRAVED GEMS AND CAMEOS OF NOVAE (MOESIA INFERIOR)

The collection of the Historical Museum of Svištov (Northern Bulgaria) includes at present 139 glyptic items, among them ten cameos. All of these come from the territory or the vicinity of Novae, a legionary camp established around the years 45-46 A.D., presumably by the 8th Legion (Augusta), which after Vespasian's ascension to the throne was relocated to Gaul and replaced in Novae by the 1st Legion (Italian) in the year 69. With time Novae evolved from a legionary camp guarding the Lower Danubian limes into a Roman and early-Byzantine city, which existed until the 620s (Biernacki 2003: 7-10) (Fig.1).

The collection of glyptic items analyzed below, was first established in the 1920s. It was when Stefan Stefanov, the first Director of the Historical Museum of Svištov, purchased the first ancient objects which the local people had found while working in the fields near the city (Dimitrova-Milčeva 1987: 193). The collection has eventually grown into the second largest in Bulgaria, after that of the Archeological Museum of Sofia, and now includes almost 60 engraved gems and 10 cameos from Novae.

The earliest gems are dated to the end of the 1st and to the 2nd cent., when Novae was strictly a legionary camp. Most representations are of deities related to war, combat and victory. There are many gems depicting the superior god, Jupiter Optimus Maximus, typically shown in one of the three iconographic patterns: as the Capitoline Jupiter sitting on a throne in a hieratic attitude, standing with attributes or accompanied by other deities (Fig. 2/1). The most numerous, however, are gems bearing images of Mars Ultor (Avenger) (Fig. 2/2) and of Mars Gradivus marching at the head of an army and carrying the legionary emblems on his shoulder.

There are also images of the goddesses whom the army worshiped: Venus Victrix, typically portrayed with a shield, a Corinthian helmet and a spear in her hand (Fig. 2/5); Minerva, usually shown standing, wearing a Corinthian helmet and holding a shield and a spear (Fig. 2/6); and winged Victoria walking on the globe, most often depicted in profile with an oak wreath and the palm of victory in her hands (Fig. 2/7). Further deities who are usually associated with the army, include the Dioscuri, the patron gods of the Roman cavalry. These are usually represented as naked youths, their hair held by diadems with the star of the Julii at the top (Fig. 2/3), leaning on spears or riding

Due to their wide circulation, glyptic items were conducive to the popularizing of certain political ideas, and also testified to their owners' strong sense of identification with the state, loyalty and devotion. Moreover, engraved gems also featured portraits and symbols of emperors, the latter including the particularly popular Capricorn (Fig. 2/13), the emblem of the Augustus's cosmic and mystical destiny (Zenker 1999: 232).

Obviously, the legionary eagles and other emblems symbolized the legion itself. A sacred power which was ascribed to them gave them the status of guardian spirits. Very popular iconographic representations of the eagle showed it among the legionary emblems or with a wreath of oak leaves (a corona civica) (Fig. 2/15).

Later, as Novae began to evolve into a city, glyptic items from its territory were mainly decorated with images of civilian nature, related to agriculture, commerce and the crafts. Within this group, there are numerous gems with the engraved representation of: Mercury, the patron god of herds and herdsmen, roads and travelers, and commerce, usually depicted standing with the caduceus in one hand and a purse with money in it in the other (Fig. 2/4); Ceres, the patron goddess of agriculture (Fig. 2/9), typically shown standing with ears of grain in her hand (at the turn of the 3rd cent., this figure began to be portrayed as a syncretic hybrid with Fortuna, taking over her attributes: the cornucopia and the rudder); and Fortuna in a frontal view, with the cornucopia and the rudder (Fig. 2/8).

As the other small form arts, glyptics also developed its own language of symbols, signs, slogans and allegories. Personifications typically embodied moral values, but also welfare and affluence, good fortune, eternity, favourable condition of the spirit and the body, victory and desirable events.

Three personifications appear on the engraved gems of Novae: the Concordiae, identified with harmony in both the state and private spheres, especially in regards to spouses, siblings and corulers, which was represented by the gesture of shaking their right hands - dextrarum iunctio (Fig. 2/12) (Mikocki 1997: 50); Aequitas, identified with justice and illustrating the principal imperial virtuesshown with scales and the cornucopia (Fig. 2/10) (Mikocki 1997: 10); and Bonus Eventus, personifying fortunate events, and depicted as a young man with an epergne and ears of grain (Fig. 2/11).

Many engraved gems are charms of the gryllos and abraxas types, which allegedly provided to their owners more lasting benefits, e.g. successes in life or divine attention and protection. These were decorated with various symbols and short magic spells (voces).

Of particular interest are the gems with the gryllos type of images – fantastic combinations of the human body, animal, bird and fish body parts, and sacral objects (Fig. 2/14). These images are found on glyptic and toreutic items and in vase painting in the Balkans, dating as early as the 7th cent. B.C. Engraved gems of this type were expected to reduce the influence of sinister forces on people and to protect them from the evil eye, diseases and misfortunes. They were the most popular in Moesia in the 2nd and 3rd cent. (Dimitrova-Milčeva 1972: 40).

The collection also features a charm of the abraxas type. These were produced in Alexandria in Egypt and flourished in the 2nd and the 3rd cent. (Zwierlein-Diehl 1979: 39). They were usually engraved on both sides, their decoration included Egyptian as well as Greek, Jewish and Christian motifs. They often featured magic spells, typically in Greek. The reverse side showed the demon Abraxas, portrayed as a half-animal, half-man with a rooster's head and the extremities of a serpent, wearing an armor on his torso and carrying a whip in one hand and a shield in the other (Wypustek 2001: 183). The rooster, which was a solar bird, was believed to provide protection from the darkness and demons, while the snakes symbolized the nether world. Sometimes a lion's, a jackal's or an ass's head appeared instead of a rooster's (Dimitrova-Milčeva 1975: 126).

The collection of the Historical Museum of Svištov also includes eleven cameos, two of them are preserved in their original gold settings. They adorned medallions encountered from mid-2nd cent. A.D. until the end of the late Ancient period. Their iconography is typical for the art of the 2nd and 3rd cent. The items in the collection can be divided into four types of representation, characteristic of the provincial glyptics of that time: images of a child's

(Amor's) head, the *Genius Mortis*, women's busts, and Medusa's heads.

Of particular interest are the cameos showing a child's (Amor's) head (Fig. 2/18). Although the design of the relief is rather simple, it features a distinctive hairstyle: the hair is combed to the sides and covers the ears, with a braid in the middle of the forehead laid along the head. Scholars have identified these as falerae, military tokens of honor.

The motif of the Genius Mortis appears on many glyptic items (Fig. 2/17). The figure is always represented in the same iconographic pattern: standing, leaning on a torch by a sacrificial altar, with crossed legs. Most images are carelessly executed, and the Genius's head and wings are executed with the use mere lines. These items date to between the late 2nd and mid-3rd cent. A.D.

The glyptic female portrait is typical of the second half of the 2nd and the first quarter of the 3rd cent., or the period of the Antonines and the Severi. These images occur mainly in the provinces of Moesia Inferior, Moesia Superior, Thrace, Dacia and the two Pannoniae, as well as on the northern coast of the Black Sea. A few such items have also been found in the Rhenish provinces. The shared characteristics of these items include the shape of the gem, the model's position (usually shown in profile), and the way of portraying the hairstyle and the dress. The busts are executed in a fairly crude manner, typically by means of slanting lines, while the hairstyles most often in the current fashion of the imperial court are shown more realistically and in more detail than the faces and the clothes (Fig. 2/16).

Cameos bearing the image of Medusa's head and set in earrings, rings and medallions were used not only as adornments but also as apotropaic symbols (averting evil influence) (Fig. 2/19). In the 3rd and 4th cent., this motif was highly popular on the lower Danube and on the northern coast of the Black Sea.

The discussed items bear a wide variety of images, from a pantheon of deities through personifications of virtues and diverse symbols and charms to representations of wild and domestic animals, and date to the period from the 1st to the 4th cent. A.D. They come from various stages of the history of Novae and testify to the conditions of those times: the religion, the owners' position in the local community, their political sympathies, and fashion.

Several engraved gems and cameos from the turn of the 2nd cent. are of very high quality: they are extremely carefully and flawlessly made and have a thoughtfully designed layout of the image. These were apparently made in Italian workshops and brought to Novae by the soldiers of the Legio

I Italica, which was quartered there. In the 3rd and 4th cent., the motifs were engraved and carved in an increasingly crude manner, and the gems were made less painstakingly. In most images from the latter period, one notices shortened proportions, elongated faces, highly emphasized muscles and a greatly simplified technique of representation. The engraving on most of these relics is shallow.

The engraved gems and cameos were probably made in provincial workshops, whose customers were mainly the legionaries guarding the Roman limes, their families and the Romanized populations which inhabited the areas of the military bases at first and then the cities. Such workshops may well have operated in the Lower Danubian provinces: Moesia, Dacia and Pannonia. In terms of technology and style, they made use of the practices of Italian workshops and copied their designs (Sena Chiesa, Facchini, 1985: 13). One must remember, however, that the existence of glyptic workshops in the Balkans has not been archaeologically confirmed, and therefore it may be validly claimed that the region was supplied by the products of the workshops of Aquileia (until the 3rd cent. A.D.) and Campania (in the 3rd cent. A.D.) (Krug 1995: 189-190), especially since these small items were easy to transport. The gem engravers might also have been itinerants who carried the tools of their trade with them (Krug 1993: 270). Still, the Balkan scholars do not agree with this supposition and prefer to identify the locations of glyptic workshops as Viminacium (now Kostalec, Serbia), whose production included the cameos with female busts and with images of Medusa and Durostorum (now Silistra, Bulgaria), whose production included the cameos with portraits (Popović 1989: 11).

Since more than 200 glyptic artifacts, among

them unfinished engraved gems, have already been found in Novae and its area, it is tenable to claim that a local glyptic workshop in the city existed there in the 2nd and 3rd cent. Located at the junction of the communication route along the southern bank of the Danube with the road leading from the Barbaricum to the south, to Thrace and Byzantium (Biernacki 2003: 7), Novae would have been a reasonable location for such a business venture. Another possible site of the workshop is in Ratiaria (now Archar, Bulgaria). In the 3rd cent., the latter city was a major center of goldsmithery in Northern Moesia (Ruseva-Slokoska 1991: 17) which supplied all the Balkan provinces with its products; there is also evidence of its commercial and cultural interchange with the northern coast of the Black Sea and particularly with Chersonesus Taurica (Dimitrova-Milčeva 1980: 23). The existence of close contacts between these centers in the Antiquity is further supported by the similarities of the images, especially on the cameos with female busts and with Medusa's heads. Moreover, both cities had military origins, which ensured subsequent economic and cultural prosperity of the urban areas and of their art. Whatever the actual location of the workshop was, Novae clearly can boast one of the richest collections of glyptic items in the provinces. This, in turn, proves the brisk demand for this type of jewelry and also the high degree of the Romanization of the local population in the 2nd and 3rd cent. A.D. Although the local makers of the engraved gems and cameos followed certain generally accepted designs, their work also featured characteristics typical of the region, probably in order to satisfy the aesthetic and emotional needs of the local people.

Translated by P. Znaniecki

BIBLIOGRAPHY

Biernacki B.A. 2003 Novae. Novae. Antyczne miasto. Zabytki ze zbiorów Muzeum Historycznego w Swisztowie. (Poznań). Dimitrova-Milčeva A. 1972 Грили от Националния археологически музей София. Археология. (София). 1.

Dimitrova-Milčeva A. 1975 Magischen Gemmen aus Thrakien und Mösien in der Römerzeit. *Народни музеј.* (Београд). 8.

Dimitrova-Milčeva A. 1908 Antiken Gemmen und Kameen aus dem Archäologischen Nationalmuseum in Sofia. (Sofia).

Dimitrova-Milčeva A. 1987 Gemme e cammei del Museo Stolico Comunale di Svištov. Ratiarensia 3-4.

Krug A. 1993 Gemmy antyczne w Średniowieczu. Meander 5-6.

Krug A. 1995 Römische Gemmen in Rheinischen Landesmuseum Trier. Bericht der RGK 76.

Mikocki T. 1997 Zgodna, pobożna, skromna, piękna.... Propaganda cnót żeńskich w sztuce rzymskiej. (Wrocław).

Popović I. 1989 Les camées romains au Musée national de Beograd. (Beograd).

Ruseva-Slokoska L. 1991 Roman Jewellery. A Collection of the National Archaeological Museum Sofia. (Sofia).

Sena Chiesa G., Facchini G.M. 1985 Gemme romane di eta imperiale: produzione, comerci, comittenze. ANRW II,12.3.

Wypustek A. 2001 Magia antyczna. (Ossolineum).

Zenker P. 1999 August i potęga obrazu. (Poznań).

Zwierlein-Diehl E. 1979 Die antiken Gemmen des Kunsthistorischen Museums in Wien. (München). 1.

РЕЗЮМЕ

М. Новак

К ВОПРОСУ ОБ ИКОНОГРАФИИ ГЕММ И КАМЕЙ ИЗ НОВ (НИЖНЯЯ МЕЗИЯ)

В собрании Исторического музея в Свиштове (Северная Болгария) хранится в настоящее время 129 гемм. Все они были обнаружены в Новах. Первоначально это был римский военный лагерь, охранявший римскую границу над Нижним Дунаем, в позднеантичный и ранневизантийский периоды преобразованный в город.

Геммы из Нов, датирующиеся I-IV вв., характеризуются большим разнообразием изображений: от богов, разнообразных символов и амулетов до диких и домашних животных. Иконография гемм неразрывно связана различными периодами жизни в Новах и является отображением религиозных пристрастий, положения их собственника в местном обществе, его политических симпатий, а также моды. В I-II вв., когда на территории Нов располагался легион, явно Италийский доминируют изображения богов, связанных с войной, борьбой и победой (Юпитер, Марс, Минерва, Венера, Виктория), со счастьем, удачей и здоровьем (Фортуна, *Вопиз Eventus*, Асклепий и Гигия). В период, когда военный лагерь начал превращаться в город, появляются изображения, связанные с гражданским обществом, сельским хозяйством, торговлей и ремеслом: Церера, Меркурий, геммы с изображением животных. Популярными становятся также магические геммы, на которые был спрос и военных, и гражданских жителей города.

Представленный археологический материал по способу обработки и иконографии находит множество аналогий в других провинциальных центрах на Нижнем Дунае, Рейне, а также в Северном Причерноморье.

Перевод с польского Е.Ю. Клениной

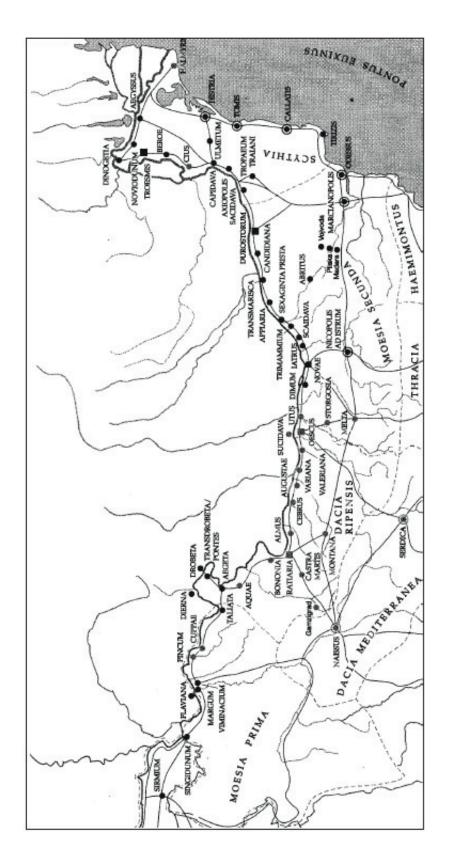

Fig.1.The limes on the Lower Danude in the late Roman period (drawing by K.Rupell)

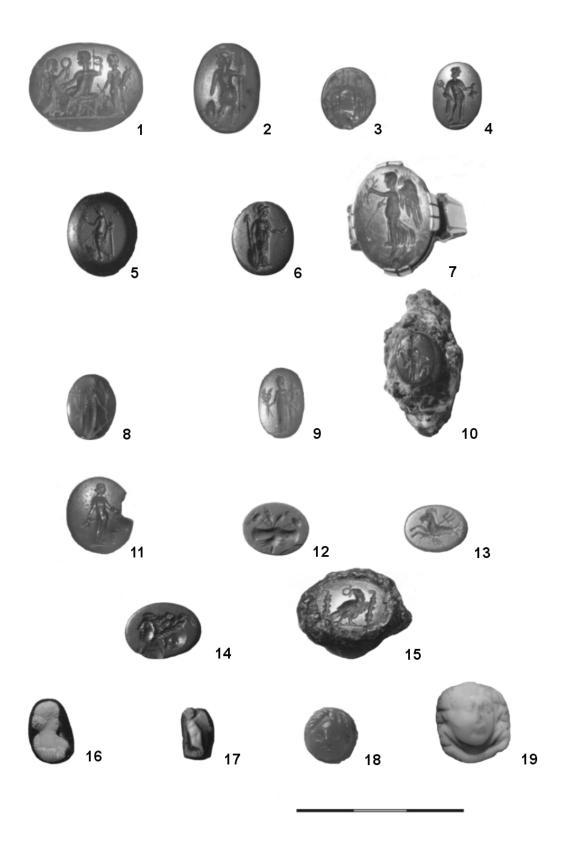

Fig. 2. The Gems and Cameos of Novae

Г.А. ПАШКЕВИЧ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПАЛЕОЭТНОБОТАНИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ХЕРСОНЕСА

Ископаемые остатки культурных растений в качестве важного свидетельства существования земледелия привлекали внимание многих исследователей греческой колонизации Северного Причерноморья. В большинстве случаев археологи сами определяли обнаруженные зерновки и семена, полагаясь на свои знания в области растениеводства или ботаники, при этом совершали ошибки, которые, путешествуя из одной публикации в другую, создавали во многих случаях неверное представление о растениях, выращиваемых греками в Северном Причерноморье. Иногда материал все же передавался специалистам. Так, в своих монографиях В.Д. Блаватский и И.Т. Кругликова ссылались на определения Ф.К. Фляксбергера и А.К. Кирьянова (1953: 74-83; 1975: 180-187).

Безусловно, эти сведения теперь нуждаются в критическом пересмотре с учетом не только современных знаний об агробиологических особенностях растений. Применение при раскопках новых методик позволяет получить значительные объемы ископаемых остатков растений и на их основе составить более реальное представление об ассортименте, использовавшемся греками-колонистами в Северном Причерноморье.

Ископаемые остатки растений, которые ранее собирались лишь в случае их обнаружения невооруженным глазом, теперь целенаправленно стали объектами поиска, успешность которого гарантируется применением промывки (флотации) содержимого культурных слоев непосредственно во время археологических работ. Специалисты палеоэтноботаники теперь являются привычными членами археологических экспедиций. Результаты исследований, получаемые палеоэтноботаниками и палеозоологами, служат надежной опорой для реконструкции экономики древних обществ. Они позволяют рассматривать древние общества как "систему", в которой все элементы взаимосвязаны.

Палеоэтноботанические исследования в Северном Причерноморье начались по инициативе Г.М. Николаенко в 70-х годах XX в. на хоре Херсонеса. Во время раскопок ряда усадеб IV-II вв. до н.э. на Гераклейском полуострове совместно с палеоэтноботаником З.В. Янушевич были собраны обугленные зерновки и семена (Janushevich, Nikolaenko 1979; Николаенко, Янушевич 1981; Янушевич 1986: 40-70; Januschevich 1989: 615-617). Среди растительных находок определены зерновки голозерной пшеницы Triticum aestivum, которые З.В.Янушевич отнесла к так называемой популяции голозерной пшеницы карликово-мягкой Triticum aestivo-compactum, состоящей из двух близких видов - пшеницы карликовой и пшеницы мягкой, а также зерновки ячменя пленчатого, семена бобовых растений, таких как горох, нут, чечевица, вика эрвилия и семена винограда (Янушевич 1986: 54-60). З.В. Янушевич считала, что виноград был введен греками в культуру в Крыму из дикорастущего винограда лесных сообществ. С ним проводилась селекция, однако позже этот виноград был заменен на привезенные из метрополии культурные сорта. Начиная с III в. н.э., у колонистов уже было большое разнообразие сортов культурного винограда (Янушевич 1986: 69). Небольшое количество зерновок ржи, обнаруженных на наделах Гераклейского полуострова, отнесено исследовательницей ко ржи сорнополевой Secale segetale.

Найдены также зерновки пленчатых пшениц. В материалах периода греческой колонизации их очень мало. Единичные зерновки этих пшениц выявлены на поселениях античного времени Ветреная и Панское 1 в Северо-Западном Крыму и на ряде скифских памятников: в Усть-Альминском, Алма-Кермене, Тарпанчи (Янушевич 1986: 50). Однако в сырцовых кирпичах из жилищ Керкинитиды IV в. до н.э. З.В. Янушевич зафиксировала большое количество отходов от обмолота пленчатой пшеницы двузернянки в виде чешуй, колосков, "вилочек" (Янушевич 1986: 50).

В находках более раннего времени пленчатые пшеницы и ячмень преобладали. Смесь зерновок двух пленчатых пшениц: пшеницы однозернянки Triticum monococcum и пшеницы двузернянки Triticum dicoccon – найдена в захоронении катаком-

бной культуры у с. Болотное (раскопки В.А. Корпусовой) в северной части Крымского п-ва, около Сиваша (Янушевич, Корпусова, Пашкевич 1981). Вторая находка происходит из пос. Штурмовое в юго-западной части Крыма. На поселении Черная речка (VII -V вв. до н.э., кизил-кобинская культура, раскопки О.Я. Савели) найдено более двух тысяч обугленных зерновок. Только 12 зерновок принадлежат пшенице двузернянке, 10 - пленчатому ячменю, а основная масса - это 1980 зерновок, т.е. 99 %, составляли зерновки пшеницы однозернянки Triticum monococcum. По мнению 3.В. Янушевич, пшеница однозернянка выращивалась в Крыму местным населением до греческой колонизации (Янушевич, Кузьминова, Савеля 1988: 14-16). В ассортимент растений, использовавшихся местным населением Крыма до появления греков, кроме этой пшеницы, она включает голозерную пшеницу, пленчатый ячмень и бобовые растения (Янушевич 1986: 69).

Спустя более двух десятилетий, уже в новом тысячелетии, Национальный заповедник "Херсонес Таврический" возобновил палеоэтноботанические исследования в Херсонесе совместно с ІСА (Институт классической археологии при Университете г. Остин, Техас, США) при поддержке Packard Humanities Institute и Dumbarton Oaks.

Эти исследования проводятся на новом методическом и инструментальном уровнях, с применением метода флотации для извлечения ископаемых растительных остатков, а также с использованием компьютерных и информационных технологий при обработке данных. Цель работ: на основании обработки накопленного материала установить состав растений, использовавшихся жителями Херсонеса, как культурных, так и дикорастущих; выяснить его изменения во времени; установить, отличался ли ассортимент, используемый греческими поселенцами, от того, который выращивали местные племена.

Промывка (water flotation) содержимого почвенных образцов проводилась во время полевых сезонов 2002, 2004 и 2005 гг. Образцы отбирались в различных местах раскопов: из заполнений жилищ, колодцев, очагов, хозяйственных и мусорных ям. Объем каждого образца составлял в среднем 10 л, иногда увеличивался до 20-30 л. При промывке использовался набор из четырех сит с ячейками разного диаметра - от 0.25 до 1 мм. После пропускания образца через набор сит получалось четыре пробы, содержимое которых находилось в прямой зависимости от диаметра ячеек сит. Пробы содержали как органические (обугленные зерновки и семена, обломки стерж-

ней колоса (rachis segment of ear) и "вилочки" ("spikelet forks"), скорлупа орехов, редко - костянки и семена фруктов, угольки, обломки раковин, кости и чешуя рыб, остатки насекомых), так и неорганические материалы (обломки керамики, кусочки шлака, стекла и т.д.). Дальнейший разбор проб и определение растительных остатков с их измерением по общепринятой методике проводилось под микроскопом в лаборатории Института археологии НАН Украины, г. Киев.

Исследованы образцы, отобранные на территории южной части средневекового квартала (Х-XIII вв.) города (235 образцов), а также образцы из различных участков хоры Херсонеса: усадьба надела 193 (ст. 132), Маячный п-ов, Балка Бермана, высота Безымянная.

По результатам исследований установлены палеоэтноботанические спектры (ПБС) для каждого из мест отбора образцов. Термин ПБС применяется здесь как обобщающий для обнаруженного состава растений. Употребление его в данном случае более уместно, чем "выращивавшиеся растения", "сельскохозяйственные культуры" и т.д.

Категории "палеоэтноботанический комплекс" (ПБК) и "палеоэтноботанический спектр" (ПБС) были введены в практику исследовательской работы палеоэтноботаников с целью установления опосредованной роли того или иного культурного растения при характеристике археологических памятников (ПБС) и археологических культур (ПБК) (Кравченко, Пашкевич 1985: 180). Для совокупности зерновок и семян (отпечатки или обугленный материал) определенной археологической культуры предложено понятие палеоэтноботанического комплекса ПБК. Состав растений, выявленный для отдельного памятника (однослойного), характеризует палеоэтноботанический спектр ПБС. Таким образом, ПБС-ы для различных памятников одной и той же культуры вместе дают ПБК данной археологической культуры. Участие выращивавшихся растений внутри ПБК и ПБС выявляется с помощью процентных соотношений. Безусловно, процентные соотношения, установленные по результатам подсчета найденного материала, отражают реальную долю каждого культурного растения в хозяйстве лишь с определенной долей вероятности, так как нельзя исключить фактор случайности попадания в ископаемый материал растительных остатков, случайности их сохранения и обнаружения при раскопках. Однако это пока единственная возможность сравнения роли того или иного растения в каждой археологической культуре и памятнике.

Усадьба участка 193 (ст. 132) (IV в. до н.э.

— V-VII вв. н.э.) хоры Херсонеса, Гераклейский полуостров, Юхарина балка. Руководитель раскопа—заместитель директора Национального заповедника Г.М. Николаенко.

Из цистерны на территории двора А отобрано послойно семь образцов, от поверхности до дна, через каждые 50 см. После промывки получено 28 проб. Количество зерновок в них невелико, что связано, безусловно, с тем, что цистерна использовалась для хранения воды и возможность попадания в нее обугленных зерновок была небольшой. Состав находок разнообразный. Здесь

обнаружены зерновки пшеницы мягкой *Triticum* aestivum s.l., пленчатой пшеницы двузернянки *Triticum dicoccon*, ячменя пленчатого *Hordeum* vulgare, чечевицы *Lens culinaris*, вики эрвилии *Vicia ervilia*, гороха посевного *Pisum sativum*, семена инжира *Ficus carica* и обломки семян винограда культурного *Vitis vinifera*, а также семена сорных растений: мари белой *Chenopodium album*, дымянки аптечной *Fumaria officinalis*, подмаренника цепкого *Galium aparine*, смолевки *Silene* sp. Результаты суммированы в Таблице 1.

Таблица 1. Состав находок из цистерны на усадьбе надела 193 (ст. 132) (IV в. до н.э. – V-VII вв. н.э.) хоры Херсонеса.

Культурные растения:		
Triticum aestivum s.l.	пшеница мягкая	10
Triticum dicoccon	"вилочки" пшеницы двузернянки	1
Hordeum vulgare	ячмень пленчатый	9
Lens culinaris	чечевица	1
Vicia ervilia	вика эрвилия	3
Pisum sativum	горох посевной	3
Vitis vinifera	виноград культурный, фрагменты семян	7
Сорные растения:		
Chenopodium album	марь белая	66
Silene sp.	смолевка	3
Fumaria officinalis.	дымянка аптечная	17
Galium aparine	подмаренник цепкий	3

Преобладают в находках зерновки пшеницы мягкой и пленчатого ячменя.

В 2002 г. исследовались также образцы из *сельской усадьбы надела 41 (ст. 39а)* хоры Херсонеса (IV – III вв. до н.э.). Раскопки проводились сотрудником Национального заповедника С.Г. Демьянчуком под руководством Г.М. Николаенко. Количество находок незначительное. В помещении № 10 после промывки грунта выявлены зерновки пшеницы мягкой (2), ячменя пленчатого (3), семена чечевицы (5), косточки винограда культурного (2), семя малины (1), а также семена сорного рас-

тения мари белой (7) и ежовника обыкновенного (1). В помещении 11 зафиксированы две половинки семени чечевицы.

Раскоп поселения на перешейке Маячного n-ва. IV - II вв. до μ - Раскопки проводятся под руководством Γ -М. Николаенко.

При проведении раскопок в 2002–2004 гг. образцы отбирались из различных слоев помещений. Результаты представлены в Таблице 2. В нее включены только те образцы, в которых были растительные остатки.

Таблица 2. Состав находок в пробах из раскопок укрепленного поселения на перешейке Маячного n-ва - IV - II вв. до н.э.

	Ta	Hv	Pm	Lc	Ve	Vv	Cha	Ca	Euf.
Р. 2, слой 46, пифос						4			
Р. 2, слой 41, коло-			1		1/2	15		1	
дец									
Р. 2, слой 31-1, из-				1		2			
под стенки.									
Р.2, возле площад-		1							
ки 6									

Р.2,колодец 2, 3.45м					1		
					1		
от поверх.					_		
Р.2, кв.5, горелый	6	3			2		
слой							
Р.2, пом.15, юго-	2	1			2		
вост. угол							
Р.2, пом.18						1	
Р.2, камен.структура	1				1		
Р.2, пом. 17, слой	1						
67 в							
1-й обр. из-под					1		
кам. плиты							
2-й обр. из-под кам.	2	1					1
плиты							
слой 92 из-под сте-	1	5					
ны 60							
слой 92, штык 3		2	9		1		
слой 98, угол стены		3	11		2		
61 и 65							
пом.26, яма с золь-		12	123		2		
ником							

Сокращения к табл. 2: Ta — *Triticum aestivum*; Hv — *Hordeum vulgare*; Pm — *Panicum miliaceum*; Lc — Lens culinaris; Ve — Vicia ervilia; Vv — *Vitis vinifera*; Cha — *Chenopodium album*; Ca — *Convolvulus arvensis*; Euf. — *Euphorbia helioscopia*.

Таким образом, ПБС раскопа на поселении состоит из пшеницы мягкой (13), ячменя пленчатого (28), проса посевного (144), чечевицы (1), вики эрвилиии (1). Сюда же входит виноград культурный (33), семена которого здесь во всех местах отбора проб найдены в раздробленном состоянии.

Раскоп укрепленного поселения на высоте Безымянная.

Этот раскоп находится на юго-восточной границе размежеванной части городской хоры Херсонеса (надел 402), начальник экспедиции

Г.М. Николаенко.

В 2002 году начальниками отряда были сотрудник Национального заповедника Т.Ю. Яшаева и сотрудник Института классической археологии при Университете г. Остин штата Техас (США) Адам Рабинович. Отбор образцов был продолжен в 2004 г. под руководством Г.М. Николаенко и проф. П. Фримана (Ун-т г. Ливерпуль, Великобритания). Всего здесь отобрано десять образцов, имеющих дату в пределах І-ІІІ вв. н.э.

Результаты исследований представлены в Таблице 3.

Таблица 3. Состав находок в пробах из раскопа укрепленного поселения на высоте Безымянная (надел 402) (I-III вв.н.э.).

		2002 г.	2004 г.
Культурные растения			
Зерновые:			
пшеница однозернянка	Triticum monococcum	0	17
пшеница двузернянка	Triticum dicoccon	4	44
"вилочки" пшеницы двузернянки		1	1
пшеница спельта	Triticum spelta	0	3
пшеница мягкая	Triticum aestivum s.l.	31	1261
ячмень пленчатый	Hordeum vulgare	38	86
ячмень голозерный	Hordeum vulgare var.coeleste	1	4
овес посевной	Avena sativa	0	29
рожь обыкновенная	Secale cereale	4	17
просо посевное	Panicum miliaceum	13	2
Бобовые:			

1	r		
- 1	1	P	
_		J.	t
- 2	b	23	3

чечевица	Lens culinaris	9	3
горох посевной	Pisum sativum	5	16
вика эрвилия	Vicia ervilia	20	30
бобы	Vicia faba var.minor	0	3
Фрукты:			
виноград культурный	Vitis vinifera	25	39
дижир	Ficus carica	6	0
Сорняки:			
костер полевой	Bromus arvensis	0	3
марь белая	Chenopodium album		
подмаренник цепкий	Galium aparine	1	5
дымянка аптечная	Fumaria officinalis	3	0
щетинник сизый	Setaria glauca	2	0

Таким образом, ПБС участка хоры с высоты "Безымянная", I-III вв.н.э., включает в себя зерновки пшеницы мягкой, трех пленчатых пшениц - пшеницы двузернянки (преобладают среди пленчатых пшениц), пшеницы однозернянки и пшеницы спельты, а также пленчатого ячменя, ячменя голозерного, проса посевного, ржи посевной, овса посевного; семена бобовых: чечевицы, гороха посевного, вики эрвилии – и фруктов: винограда культурного, инжира. В находках 2004 г. преобладают зерновки пшеницы мягкой. Их насчитано более 1000. Остальные зерновки и семена даже в сумме за два года исследований представлены в значительно меньших количествах, в пределах нескольких десятков. Среди них больше всего зерновок ячменя пленчатого – 124 шт., в два раза меньше зерновок пленчатых пшениц - 68. Найдено небольшое количество отдельных обугленных зерновок проса, а также комочков, в которых зерновки спеклись в одну массу. Посчитать количество зерновок в таких комочках невозможно. Среди бобовых преобладающее значение имели семена вики эрвилии Vicia ervilia . Обнаружены также семена и зерновки сорных растений: мари белой,

дымянки аптечной, подмаренника цепкого, щетинника сизого.

Укрепленное поселение в балке Бермана (надел 347). Хора Херсонеса.

Образцы отбирались во время полевых сезонов 2003-2005 гг. Начальник экспедиции Г.М. Николаенко.

В 2003 г. в Восточной башне отобрано 3 образца (начальник отряда Р. Стоянов).

- 1. Квадрат Д 7-8, слой пожара ниже слоя 4 у стены 39. Здесь обнаружены 1 зерновка проса посевного, 2 косточки винограда культурного и семена сорных растений: подмаренника цепкого 2, щавеля, не определенного до вида 1.
- 2. Квадрат Д 7-8, очаг в помещении 1. Среди угольков выявлены зерновки пшеницы двузернянки (2) и ячменя пленчатого (1), а также семя бузины черной *Sambucus nigra*.
- 3. В образце из расчистки пола помещения 2 выявлена частично разрушенная зерновка ячменя пленчатого.

В 2004 г. в Восточной башне в развале пифоса № 1 из помещения № 1 были послойно отобраны образцы обугленного зерна (Таблица 4).

Таблица 4. Состав зерновок и семян из пифоса № 1 Укрепленное поселение в балке Бермана (надел 347). - IVв. до н.э. V-VII вв. н.э.

		(Слои (сверху вниз)						
Культурные растения:		1	2	3	4				
пшеница двузернянка	Triticum dicoccon		2	1					
пшеница мягкая	Triticum aestivum s.l.	3		4	2				
ячмень пленчатый	Hordeum vulgare	309	82	200	465				
ячмень голозерный	Hordeum vulgare var.coeleste	3	1						
просо посевное	Panicum miliaceum	739	114	208	2				
Бобовые:									
чечевица	Lens culinaris	1							
Фрукты:									
виноград культурный	Vitis vinifera			2					
Сорняки:									
костер полевой	Bromus arvensis				1				

вьюнок полевой	Convolvulus arvensis	1			
росичка кровяная	Digitaria sanguinale	12			
ежовник обыкновенный	Echinochloa crus- galli	20	6	2	
подмаренник цепкий	Galium aparine	1	1	1	
щавель воробьиный	Rumex acetosella	4		1	
щетинник сизый	Setaria glauca	30	7	8	3
щетинник зеленый	Setaria viridis	55	5		

Как показали исследования, в пифосе хранились зерновки проса посевного и ячменя пленчатого. Вероятно, заполнение ими пифоса было разновременным. В двух верхних слоях в смеси зерновок преобладали зерновки проса посевного над зерновками ячменя пленчатого почти вдвое, а нижняя часть пифоса была заполнена только зерновками ячменя пленчатого. Остальные зерновки составляют небольшую примесь. Это - зерновки пшеницы двузернянки, пшеницы мягкой (единичны). Найдены также семя чечевицы и два семени винограда культурного. В составе сорных расте-

ний семена и зерновки типичных засорителей посевов зерновых культур: щетинник зеленый и щетинник сизый, ежовник обыкновенный. Известно, что ежовник обыкновенный (петушье просо) *Echinochloa crus-galli* – типичный сорняк посевов проса. Росичка кровяная *Digitaria sanguinale* тоже засоряет поля, встречается и в виноградниках.

В 2005 г. отобраны образцы из горелого пятна в заполнении помещения 2 и с поверхности пола под южной стенкой помещения 10. Состав выявленных зерновок и семян представлен в Таблице 5.

Таблица 5. Состав находок из раскопок укрепленного поселения в балке Бермана (надел 347) в 2005 г.

		Пом.2	Пом.10
Культурные растения			
Зерновые:			
пшеница двузернянка	Triticum dicoccon	3	1
пшеница мягкая	Triticum aestivum s.l.	9	4
ячмень пленчатый	Hordeum vulgare	197	4
овес не опред.до вида	Avena sp.		1
рожь обыкновенная	Secale cereale		2
просо посевное	Panicum miliaceum	238	
Бобовые:			
чечевица пищевая	Lens culinaris	3	
Фрукты:			
виноград культурный	Vitis vinifera	19	
малина	Rubus idaeus		1
орех грецкий, обломок скорлупы	Juglans regia	1	
Сорняки:			
клевер, не опред.до вида	Trifolium sp		1
молочай солнцегляд	Euphorbia helioscopia		1
ежовник обыкновенный	Echinochloa crus-galli	1	
щавель курчавый	Rumex crispus	1	
щавель воробьиный	Rumex acetosella	2	
щетинник зеленый	Setaria viridis	5	

В этих материалах основными также являются зерновки проса посевного и ячменя пленчатого.

Городской квартал в юго-восточной части византийского Херсонеса (X и XIII вв.).

В 2002 г. руководителями раскопок этого района были зам ген. директора Национального заповедника Л.В. Седикова и проф. Университета в г. Лиц (Италия) Поль Артур, в 2004-2005 гг. сме-

нивший его сотрудник Института классической археологии при Университете г. Остин (США) Адам Рабинович.

Раскоп проходит вдоль главной улицы городского квартала, пересекает цистерну, служившую основным источником для снабжения города водой еще в IX веке.

В 2001–2002 гг. образцы отбирались в преде-

лах помещений 20, 23, 25, 26, 30, 34 из очагов, различных слоев на полу, из заполнений ям, а также из бывшего водостока, из заполнения ямы во дворе (Хв.), в 2004 г. – в пределах помещений 29, 32, 33, 35, 36 (XIII в.). В 2005 году образцы отбирались из заполнений помещений 30, 31, 32, 33, 37, 38, двора и в заполнении стены. Всего за эти годы исследовано 252 образца. Состав проб и их насыщенность палеоэтноботаническим материалом различны, что, вероятно, связано не только с условиями сохранности, но и с жизнедеятельностью обитателей. Например, образец, отобранный в красно-коричневом слое горения из жилища 26 в районе жилого квартала города, состоял из угольков и почти не содержал зерновок. Очевидно, они сгорели. В некоторых образцах зерновки сохранились при определенных условиях обугливания, но сохранность их настолько неудовлетворительная, что не позволяет установить принадлежность их не только до вида, но и до рода. Некоторые образцы содержали наряду с хорошо сохранившимися зерновками также их мелкие обломки. Такая смесь из целых зерновок и их фрагментов могла образоваться при подготовке к приготовлению пищи. Известно, что зерновки пленчатых пшениц и ячменей, предварительно истолченные, использовались для приготовления каш. Большое количество обугленных зерновок выявлено среди пифосов и амфор в помещении 33, которое, очевидно, было предназначено для хранения урожая. В некоторых образцах основное содержимое составляли кости и чешуя рыб. Очевидно, что это были места для обработки и заготовки рыбы (помещение 30, 31).

Таблица 6. Состав находок в материалах южного района Херсонеса. Результаты 2002 и 2004 гг.

	Места отбора образцов (№№ помещений)											
Зерновые:	20	23	25	26	30	34	двор	29	32	33	35	36
пшеница						8			11	155	126	96
однозернянка												
пшеница			1			37	26	2	20	226	271	171
двузернянка												
пшеница спельта						1				91	177	102
пшеница мягкая		2	4	6	13	92	162	97	220	3781	1752	726
ячмень пленчатый		3		3	4	7	41	1	35	114	117	587
ячмень голозерный					6	18	34		2	36	78	3
рожь посевная			2	3	3	10	38	30	64	497	647	116
овес посевной		2	1					1	14	26	8	46
просо посевное	4			2	13	3	3	5	20	30	10	32
фрагменты	2	1	21	10	50	37	365	42	7	193	300	201
зерновок												

		1	Места о	отбора	образи	ов (№.	№ пом	ещений	í)			
Бобовые:	20	23	25	26	30	34	CY	29	32	33	35	36
чечевица	1			1		2	6	1	8	7	15	7
горох посевной			1	1	2	4			7	3	8	17
нут					1	2						
бобы											1	
вика эрвилия	1					1	4		1			9
вика посевная									1	1		2
вика, не опред.до								1	2	2		
вида												
фрагменты бобовых	2			1		8	6					

		Места отбора образцов (№№ помещений)										
Орехи, фрукты:	20	23	25	26	30	34	CY	29	32	33	35	36
виноград культурный				1	2	3			4			6
маслина европейская	6		3	1			1	1				
инжир								1	107			4

1	Ď.		
- 1		•	
_	Н	-	ŕ
3	я	嘅	à

слива?	2	1			1	4				
орех грецкий, фраг-	3		5			17	14	10	13	21
менты скорлупы										
орешник, фрагменты	2	1		1	3	1		4	4	2
скорлупы										
шелковица									1	
малина	18									

Основная находка в средневековом Херсонесе - зерновки голозерной пшеницы Triticum aestivum s.l. Они обнаружены во всех пробах и почти всегда в преобладающем значении над остальными зерновками. Среди зерновок пшениц наибольшее количество принадлежит зерновкам небольшим, округлой формы, с закругленными боками, широкими вершиной и основаниями, имеющим глубокую узкую бороздку. Величина индекса L/B, т.е. отношения длины L к ширине B, имеет значения в пределах 1.2 – 1.6. Такие зерновки, по мнению 3.В. Янушевич, относятся к особой популяции голозерной пшеницы, состоящей из двух видов пшеницы – мягкой и карликовой, так называемой Triticum aestivo-compactum (Янушевич 1986 : 45). Именно эта голозерная пшеница была "основным хлебным растением в античный период в Северном Причерноморье... Данный вид пшеницы широко и в течение длительного времени использовался главным образом для экспорта" (Янушевич 1986: 46). По мнению З.В. Янушевич, эта пшеница культивировалась в Крыму еще до греческой колонизации, возникла она на территории Передней Азии, включая Закавказье, попала в Крым через Кавказ в эпоху бронзы или даже раньше, т.е. до появления здесь греков (1986: 48). В качестве подтверждения З.В. Янушевич ссылается на находку Наной Русишвили (1988: 26-27) колосковых остатков голозерной пшеницы в археологических материалах VI тыс. до н.э. на территории Грузии (Янушевич, Русишвили 1984: 21-33). Однако палеоэтноботанические данные свидетельствуют, что позже, с конца XI тыс. и на протяжении I тыс. до н.э., на Кавказе, так же как и на территории Украины, преобладали пленчатые пшеницы (Русишвили 1988: 26).

Учитывая сложности определения морфологических особенностей зерновок в обугленном состоянии, палеоэтноботаники Европы договорились пользоваться для обозначения мелких округлых зерновок объединенным названием *Triticum aestivum* s.l. (s.l.= sensu lato, т.е. в широком смысле), включив сюда несколько видов: *Triticum vulgare* Vill., *T. compactum* Host, *T. vulgare antiquorum* Heer, *T. aestivum grex aestivo-compactum* Schiem. (Wasylikowa et all 1991: 209). В данной работе ав-

тор учитывает эту договоренность и пользуется именно таким обобщенным названием *Triticum* aestivum s.l.

В соответствии с палеоэтноботаническими данными голозерная пшеница на северном побережье Черного моря появилась вместе с приходом сюда греческих колонистов, и именно с теми, которые пришли из районов Малой Азии - из Милета и его окрестностей. В составе самых ранних палеоэтноботанических материалов начала греческой колонизации в Северном Причерноморье, полученных при исследовании греческих архаических поселений второй половины VII - первой трети V в. до н.э. на территории Южного Побужья и Крыма, Козырки 9, Чертоватого 7 и других, преобладали остатки двух культур - голозерной пшеницы и пленчатого ячменя с примесью бобового растения вики эрвилии и незначительным участием других растений (Pashkevich, 2001; Пашкевич 2004).

Греки-переселенцы с самого начала появления их на северном побережье Черного моря в процессе освоения новой территории использовали известный им ассортимент культурных растений и вполне вероятно, что мягкая пшеница была привезена греками-колонистами и со временем распространилась по всей территории Украины. В пользу такого пути свидетельствуют многочисленные находки зерновок этой пшеницы в материалах греческих городов-колоний и незначительные находки этой пшеницы в предыдущее время. Незначительное участие зерновок голозерной пшеницы в находках свидетельствует, вероятнее всего, лишь о ее роли в посевах пленчатых пшениц и ячменя в качестве засорителя.

Замена голозерными пшеницами пленчатых на Ближнем Востоке и в Средиземноморье произошла довольно рано, и уже в поздней Бронзе эти пшеницы имели преимущество перед пленчатыми (Zohary, Hopf 2000: 50). Однако в метрополии пленчатые пшеницы еще долго оставались основными в ассортименте (Sarpaki 1992: 64 – 66; 1995: 300).

На территории Юго-Запада бывшего СССР (современные Молдова и Украина) длительное время преобладали пленчатые пшеницы (Гаври-

люк, Пашкевич, 1991; Пашкевич 2000). Лишь с появлением греков в Северном Причерноморье главную роль стали играть голозерные пшеницы вначале, по-видимому, только на территории, занятой колонистами и соседними с ними племенами, а со временем, особенно в период Древней Руси, распространившиеся более широко.

aesti-Гексаплоидная пшеница Triticum *vum* произошла в результате гибридизации уже доместицированной тетраплоидной пшеницы, возможно, Triticum turgidum и дикого диплоидного эгилопса Aegilops squarrosa, что привело к удвоению хромосом. Предполагают, что это произошло в западной части ареала Aegilops squarrosa, на юге Каспийского бассейна после того, как культура пшеницы стала использоваться в земледельческом хозяйстве на севере Ирана (Zohary, 1969, 1973; Zohary & Hopf 2000: 51-52). Тетраплоидная пшеница Triticum durum является дериватом, мутантом от пшеницы двузернянки Triticum dicoccum и могла возникнуть в том месте, где уже эта доместицированная Triticum dicoccum произрастала. В отличие от гексаплоидных пшениц, голозерные тетраплоидные пшеницы, например, Triticum durum, хуже приспособлены к условиям умеренного климата большей части Европы. На этом основании исследователи считают, что голозерные пшеницы из археологических памятников Центральной, Западной и Северной Европы следует относить к пшенице мягкой Triticum aestivum (Zeist, Bakker-Heeres 1982 1985: 196-198).

А.М. Щеглов предполагает, что существовало два пути миграции голозерной пшеницы в Северное Причерноморье. Один из них - из Карпато-Дунайского бассейна. Подтверждением служит находка на поселении фракийской культуры Карпато-Дунайского региона Орловка (Одесская область) VI в. до н. э. Зерновки голозерной пшеницы преобладают в массе (400 мл) обугленного зерна (Пашкевич 1991: 2). В средней пробе среди 428 зерновок Triticum aestivum s.l. была только 1 зерновка пшеницы двузернянки и 1 зерновка проса.

Присутствие фракийского элемента отмечено на ряде поселений Нижнего Побужья (Березань, Ольвия). В соответствии с последним сообщеметаллообрабатывающее производство Березанского поселения было связано с северобалканским (фракийским?) миром (Доманский, Марченко 2004: 28).

Среди важных зерновых культур греко-римского времени в Средиземноморье была также твердая пшеница Triticum durum. Об этом свидетельствуют находки мумифицированных зерновок твердой пшеницы Triticum durum в Египте.

В обугленном состоянии отличить зерновки мягкой пшеницы Triticum aestivum от пшеницы твердой Triticum durum очень сложно, почти невозможно из-за большого сходства их морфологического строения и размеров (Zeist, Heeres 1973: 25). Некоторые палеоэтноботаники считают, что важным критерием для их различия являются междоузлия (rachis segments) (Nesbitt 2001: 42). Полагают, что важно учитывать также экологические особенности. Так, твердая пшеница Triticum durum хорошо приспособлена к мягкому климату Средиземноморья с дождливой зимой и теплым сухим летом, где она была до недавнего времени среди наиболее важных зерновых культур. Мягкая пшеница Triticum aestivum более приспособлена к областям с умеренным климатом (Zeist 1980: 131).

Междоузлия найдены в небольшом количестве в материалах раскопок городского квартала средневекового Херсонеса. По ряду морфологических признаков (трапециевидная форма, длина 1.8 - 2 мм и ширина около 1 мм) их можно отнести к твердой пшенице Triticum durum. Это позволяет говорить о выращивании твердой пшеницы в Крыму в средневековье.

Хорошо согласуются эти данные с находкой нескольких тысяч обугленных зерновок твердой пшеницы в средневековой яме, врезанной в слои таврского поселення Уч-Баш (Х-ІХ вв. до н.э.) в Крыму (раскопки С.Ф. Стржелецкого). 3.В. Янушевич, изучая находку из ямы 56 нескольких тысяч зерновок пшеницы твердой Triti*cum durum* почти без примесей, предположила наличие чистых одновидовых посевов твердой пшеницы в Крыму у тавров (Янушевич 1986: 49). Однако А.Н. Щеглов, разбирая дневники полевых работ С.Ф. Стржелецкого, обратил внимание на то, что эта яма была прорезана средневековыми слоями, и поэтому находку зерновок Triticum du*rum* нужно отнести к более позднему времени - к средневековью. Находки твердой пшеницы известны еще из средневекового поселения Бакла (Янушевич 1986: 49).

Помимо голозерных в находках средневекового Херсонеса есть зерновки пленчатых пшениц. В образцах из пом. 36 преобладают зерновки трех пленчатых пшениц: Triticum dicoccon, Triticum monococcum, Triticum spelta. В сумме здесь подсчитано 262 зерновки пленчатых пшениц и только 65 зерновок принадлежит мягкой пшенице Triticum aestivum s.l. Много зерновок пленчатых пшениц (десятки и сотни зерновок) в помещениях 29, 32, 33, 35, 36 (раскопки 2004 г.); в по-

мещениях 20, 23, 25, 26, 30, 34 (раскоки 2002 г.) они единичны. Помимо зерновок в пробах обнаружены остатки от обмолота пленчатых пшениц: фрагменты колоса, "вилочки" и колосковые пленки. Известно, что пленчатые пшеницы убирались обламыванием колосков, в колосках доставлялись с полей и хранились в специальных помещениях; обмолачивание производилось по мере необходимости.

Возрастание роли пленчатых пшениц в период X–XIII вв. среди тех растений, которые были в диете жителей Херсонеса, безусловно, можно связать с трудным периодом в жизни города в последние столетия его существования: неоднократными нападениями врагов, изменением направления торгового пути. Очевидно, что теперь в усадьбах хранились запасы зерна только для потребления, но не для продажи (Сорочан, Зубарь, Марченко 2001: 407). Исследователи Херсонеса считают, что в этот период возрастает роль ремесла, и потерю доходов от торговли херсонеситы возмещают за счет продажи своих ремесленных изделий в горные районы. Оттуда в город поступало зерно, состав которого был иным, чем на хоре. В горных районах могли выращиваться менее требовательные к почвенным условиям пленчатые пшеницы, которые и служили объектом продажи или обмена.

Среди других злаковых, обнаруженных в значительном количестве в пробах средневекового Херсонеса, следует указать на ячмени - пленчатый Hordeum vulgare (преобладал) и голозерный Hordeum vulgare var.coeleste. Зерновок ячменя меньше, чем зерновок пшениц, однако возможно, что часть зерновок была разрушена огнем, особенно зерновок голозерного ячменя, не защищенных пленками. Зерновки пленчатого ячменя удлиненно-овальной формы, реже – ромбовидные, иногда встречаются зерновки асимметричные, с искривленным основанием, т.е. принадлежащие многорядному ячменю. З.В. Янушевич предполагала, что пленчатый ячмень занимал второе место после пшеницы в хозяйстве Херсонеса в III –II вв. до н.э. (Николаенко, Янушевич 1981: 32). Такое же значение его сохраняется и в средневековье.

Ячмень - культура, которая хорошо растет в районах с засушливым климатом. В таких районах урожайность ячменя выше, чем у пшеницы. В южных районах, где благоприятный для вегетации период длится долго, с одной площади можно получать по два урожая в год. Наиболее благоприятные для ячменя богатые, хорошо дренированные почвы. Ячмень считается также хорошей фуражной культурой, используется для откорма свиней и лошадей, в особенности в тех

районах, где не выращивают овес. По наблюдениям Н.И. Вавилова, на Памире шестирядный голозерный ячмень выращивают специально на корм скоту и лишь небольшое количество зерна идет для приготовления лепешек, которые готовят из смеси зерновок ячменя, проса, пшеницы, ржи и гороха, чечевицы и бобов (Вавилов 1987: 22).

Рожь Secale cereale и овес Avena sativa представлены значительно меньшим количеством зерновок. Однако если зерновки ржи в материалах хоры Херсонеса IV-II вв. до н.э. единичны, то в X-XIII вв. их количество увеличивается. Больше всего их насчитано в образце из помещения 35. Здесь обнаружено 345 зерновок ржи. Небольшие значения ржи в находках принято относить к сорно-полевой форме Secale segetale, засоряющей посевы пшеницы или ячменя (Behre 1992: 141). Однако даже большое (60-80 % от общего числа зерновок) количество зерновок в материалах поселений IV-II вв. до н.э. Панское и Маслины (хора Херсонеса) З.В. Янушевич отнесла ко ржи сорнополевой Secale segetale, а не ко ржи культурной Secale cereale (Янушевич 1976: 134-138). И только в средневековье в Херсонесе, по ее мнению, выращивали рожь посевную Secale cereale (Янушевич 1986: 54).

Просо Panicum miliaceum представлено в незначительном количестве. Только в помещении 36 обнаружено несколько спекшихся комочков из зерновок проса.

Семена бобовых встречаются почти во всех пробах, как правило, в небольшом количестве. Среди них преобладают чечевица Lens culinaris и горох Pisum sativum, найдены также семена вики эрвилии Vicia ervilia, бобов Vicia faba var.minor, вики посевной Vicia sativa. Больше других найдено семян чечевицы Lens culinaris и вики эрвилии Vicia ervilia. По мнению 3. В. Янушевич, вику эрвилию могли возделывать в самостоятельных посевах. Это неприхотливое и скороспелое растение, хорошо растущее на различных почвах и переносящее засуху, дающее на юге по два урожая в год, возможно, выращивалось как для употребления в пищу людьми, так и на корм скоту (зеленая масса, сено). Не исключено, что в окрестностях Херсонеса на Гераклейском полуострове в IV – начале III в. до н.э. ее выращивали в междурядьях виноградников как растение, способствующее обогащению органическими веществами каменистых почв. Вика эрвилия имеет ряд преимуществ перед другими бобовыми: небольшой рост, исключающий затенение винограда, и отсутствие такого качества бобовых, как обплетание (Янушевич 1986: 59-60).

Выращивали вику и на плодородных кашта-

новых почвах (тип южных черноземов) в Северо-Западном равнинном Крыму. В большом количестве ее семена найдены в материалах конца V в. до н.э. в Керкинитиде (раскопки В. А. Кутайсова) (Пашкевич 1991: 15), а также (как и чечевица) в материалах первой четверти IV в. до н.э. на поселении Панское I (Щеглов, Кузьминова, Янушевич, Чавчавадзе 1989: 61-62). Материалы средневекового квартала Херсонеса показывают, что это бобовое растение не утратило своего значения и в средневековье.

Вика эрвилия – растение, нетребовательное к почвам, имеет короткий вегетационный период, поэтому иногда на юге успевает дать два урожая. Используется в пищу с обязательным предварительным вымачиванием. Известно, что употреблялась она также на корм животным. Вика эрвилия относится к древним культурным растениям, первые следы которого зафиксированы в земледельческих поселениях Турции в VII-VI тыс. до н. э. Большое количество обугленных семян ее найдено в различных фазах докерамического неолита (7500 - 6500 лет до н.э.), однако, по мнению исследователей, невозможно определить, относились ли эти семена к культурным растениям. Позже семена вики эрвилии были найдены в материалах таких известных поселений первых земледельцев VI-V тыс. до н.э. Ближнего Востока, как Can Hasan 3, Hacilar, Erbaba. Со временем находки Vicia ervilia отмечены в неолите и бронзе Греции, Болгарии, Югославии, Румынии и Молдовы. Большой перечень этих находок приводят D. Zohary и M. Hopf. Согласно их заключению, выращивали Vicia ervilia в прошлом преимущественно в Турции, Греции и Болгарии, и там она входила в состав первых культурных группировок, а одомашнивание ее произошло в Анатолии, то есть там, где сейчас все еще встречаются эти растения в составе местной флоры (Zohary, Hopf 2000: 117). В данное время вику эрвилию выращивают в незначительном количестве в Анатолии и странах Средиземноморья.

Согласно Аристотелю, от употребления вики эрвилии коровы дают больше молока. Плиний же отмечал, что вика не требует большого ухода, имеет лечебные свойства и используется преимущественно на корм скоту.

Семена чечевицы Lens culinaris, обнаруженные в исследованных материалах, относятся к мелкосемянным формам (3-3.6 мм). Обычно чечевица в палеоэтноботанических материалах представлена единичными семенами и только иногда бывает до нескольких десятков в некоторых античных памятниках Северного Причерноморья.

Самые большие находки Lens culinaris зафиксировала З.В. Янушевич на средневековом памятнике XIV-XV вв. Старый Орхей в Молдове. Более 10 литров обугленных мелких, с диаметром 3 мм, семян чечевицы найдено здесь в одной из хозяйственных построек (Янушевич, Бырня 1972: 273).

Бобовые растения, чередуясь со злаками, способствуют улучшению качества почвы, обогащают ее азотом, зеленую массу бобовых используют для корма скота как в свежем виде, так и в качестве сена, а семена идут человеку в пищу, могут длительно храниться. Они удовлетворяют потребность в протеинах и калориях, особенно в тех случаях, когда мясная пища бывает лишь определенный короткий период. Бобовые имеют даже специальное название - "мясо для бедных людей". Они могут давать 2 375 000 калорий на гектар, а пшеница - только 1 917 000. Ячмень производит тоже достаточно много калорий - 2 465 000 на гектар. Однако бобовые дают значительно больше протеина – 190 кг протеина на гектар, а ячмень - 83 кг, пшеница – только 70 кг на гектар (цит. по Sarpaki 1992: 74).

В пробах средневекового Херсонеса обнаружены также остатки фруктов и орехов. Это - семена винограда культурного Vitis vinifera, маслины Olea europea, инжира Ficus carica, фиников Phoenix dactylifera, бузины Sambucus nigra, грецкого opexa Juglans regia, лещины Corylus avellana. Семян винограда немного, часто они встречаются в раздробленном виде. Значительное количество в находках обломков, а не целых семян винограда можно объяснить использованием его для приготовления вина.

Фрукты и орехи, дополнявшие продукты питания, могли собираться в окрестностях (орешник, бузина, малина и др.), а часть растений привозилась из метрополии (инжир, маслины, финики) вместе с вином, маслом и иными привычными для греков продуктами. Маслина Olea europeaтипичный представитель средиземноморского климата, для культивирования которой в окрестностях Херсонеса нет подходящих условий. Это растение вместе с виноградом, инжиром и финиками, по мнению ряда исследователей, было экономически важным "классическим" продуктом в диете жителей Средиземноморья (Zohary, Hopf, 2000: 145). Возможно, что греки уже занимались садоводством.

Сорные представлены зернорастения вками и семенами типичных засорителей полей - Bromus arvensis и Bromus sterilis, Galium aparine, Agrostemma githago, Echinochloa crus galli, Polygonum convolvulus, а также рудераль-

ной растительности, таких как Sambucus edulus, Rumex acetosella, Rumex crispus, Euphorbia, Malva silvestris и Malva pussila.

Таким образом, палеоэтноботанические исследования Херсонеса и его хоры показывают преобладание в составе растений, использовавшихся длительное время греками-колонистами, пшеницы мягкой *Triticum aestivum* s.l. и ячменя пленчатого *Hordeum vulgare* на протяжении тысячелетнего периода существования города. Эти растения были основными зерновыми культурами, выращивавшимися греческими поселенцами со времени основания Херсонеса, оставались основными в ассортименте и в средневековье (X–III вв.). Но в это время возрастает значение и пленчатых пшениц как результат изменившегося экономического положения города.

Наличие голозерной пшеницы в числе преобладающих культурных растений — одна из характерных особенностей палеоэтноботанических находок в греческих полисах Северного Причерноморья (Янушевич 1986: 41, 46; Пашкевич 1995: 98–99; Pashkevich 2001: 530–531, 540; Гаврилов, Пашкевич 2003).

В меньшей степени использовались и другие зерновые культуры: пленчатые пшеницы (в основном пшеница двузернянка), голозерный ячмень, рожь, просо, овес. В посевах были также бобовые растения: горох, чечевица, вика эрвилия, чина, бобы.

До появления греков в Северном Причерноморье в числе основных зерновых культур были пленчатые пшеницы, главным образом пшеница двузернянка, а голозерные пшеницы составляли лишь небольшую примесь и, вероятнее всего, только засоряли посевы основных культур. Все палеоэтноботанические данные, известные для территории Украины, показывают, что, начиная с неолита и на протяжении тысячелетий, непритязательные выносливые пленчатые пшеницы играли основную роль в посевах различных племен, и только с приходом греков появляется голозерная пшеница как одна из ведущих зерновых культур.

Иное соотношение наблюдается в материалах скифских памятников как ранних, так и поздних. У ранних скифов, обитавших в Северном Причерноморье в V-IV в.в. до н.э., преобладали пленчатый ячмень и просо, использовалась пшеница двузернянка, т.е. растения, соответствующие потребностям полукочевого образа жизни (Гаврилюк, Пашкевич 1991: 53, 55). В материалах скифских поселений просо было одной из основных зерновых культур и иногда выходило на первое место. При переходе от полукочевого образа

жизни к оседлому и общения с соседними греческими полисами с их высокоразвитым земледелием ассортимент становится более разнообразным и значительную роль теперь играют голозерные пшеницы.

Кроме палеоэтноботанических данных из Херсонеса, к настоящему времени получены результаты исследований других греческих поселений, начиная с самых ранних. Это — Ольвия и поселения ее хоры: Козырка 9, Бейкуш, Аджигол, Чертоватое (Пашкевич 1990: 114-119; Pashkevich 2001: 515-521; Пашкевич 2002: 307-308); поселения хоры Херсонеса: Панское 1, Керкинитида, Калос-Лимен; поселения Боспора: Мирмекий (Раshkevich 2001: 522), Артющенко (Пашкевич 2002: 308); поселение Новопокровка 1 у современного г. Феодосия (Гаврилов, Пашкевич 2003: 61-63). Большой массив этих данных дает основание пересмотреть существующие в археологических изданиях положения.

Нельзя согласиться с утверждениями В. Блаватского и И. Кругликовой о том, что ассортимент выращивавшихся растений был *одинаковым как* у греков-колонистов, так и у местных племен. У скифов и черняховцев преобладающими были пленчатые пшеницы, пленчатый ячмень и просо. Эти различия связаны, безусловно, с состоянием экономического развития при сходности природных условий.

Имеющиеся к настоящему моменту палеоэтноботанические данные не позволяют согласиться с мнением З.В. Янушевич о том, что "к началу греческой колонизации в Крыму уже существовали хорошо приспособленные к климату сортапопуляции голозерной пшеницы, пленчатого ячменя и бобовых растений, служивших основой экономики местных племен" (Янушевич 1986: 69). Традиционными зерновыми культурами на юге до колонизации этой территории греками были пленчатые пшеницы и ячмень.

Нельзя согласиться с И. Кругликовой, что полба была привезена переселенцами — греками из метрополии. Эта пленчатая пшеница с давних времен, с эпохи неолита и на протяжении тысячелетий, выращивалась на территории Украины.

Сообщение З.В. Янушевич об очень ранней находке твердой пшеницы Triticum durum в материалах таврского поселения X - IX вв. до н.э. Уч-Баш в Крыму оказалось ошибочным. Несколько тысяч обугленных зерновок твердой пшеницы находились здесь в средневековой яме, врезанной в слои таврского поселения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вавилов Н.И. 1987 Пять континентов. Раздел "У Памира, Путешествие в 1916 г." (Ленинград).
- Блаватский В.Д. 1953 Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. (Москва).
- Гаврилов А.В., Пашкевич Г.А. 2003 Некоторые вопросы организации земледелия и торговли в сельской округе Феодосии в IV – начале III вв. до. н.э. Древности Боспора. (Москва). 6: 56-77.
- Гаврилюк Н.А., Пашкевич Г.А. 1991 Земледельческий компонент в экономике степной Скифии. CA 2: 51-54.
- Доманский Я.В., Марченко К.К. 2004 Базовая функция раннего Борисфена. Borystenika 2004. Материалы международной научной конференции к 100-летию начала исследований острова Березань Э.Р. фон Штерном. (Николаев): 23-28.
- Кравченко Н.М., Пашкевич Г.А. 1985 Некоторые проблемы методики палеоботанических исследований (по материалам Обуховской территориальной группы памятников 1 тыс. н. э.). Археология и методы исторических реконструкций. (Киев): 177-190.
- Кругликова И.Т. 1975 Сельское хозяйство Боспора. (Москва).
- Николаенко Г.М., Янушевич З.В. 1981 Культурные растения из раскопок сельской округи Херсонеса. КСИА 168: 26-34.
- Пашкевич Г.А. 1990 Состав культурных и сорных растений из раскопок поселений сельской округи Ольвии. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). (Киев): 114-119.
- Пашкевич Г.А. 1991 Палеоэтноботанические находки на территории Украины. Памятники 1-го тыс. до н. э. 2 тыс. н. э. Каталог 2. Препринт. (Киев).
- Пашкевич Г.О. 1995 Палеоботанічні матеріали з розкопок Ольвії. Археологія 3: 97-108.
- Пашкевич Г.А. 2002 К проблеме изучения Северного Причерноморья в античную эпоху. Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. (Санкт-Петербург): 302-311.
- Пашкевич Г.О. 2004 Про склад рослин, вирощуваних на початку грецької колонізації Північного Причорномор'я. Borysthenica – 2004. Материалы международной научной конференции к 100-летию начала исследований острова Березань Э.Р. фон Штэрном. (Николаев): 131-138.
- Русишвили Н.Ш. 1988 Ископаемые виды пшеницы с территории Грузии. Флора, геоботаника и палеоэтноботаника. Ботанические исследования 1: 17-28.
- Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. 2001 Жизнь и гибель Херсонеса. (Харьков).
- Янушевич З.В. 1976 Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям. (Кишинев).
- Янушевич З.В. 1986 Культурные растения Северного Причерноморья. Палеоэтноботанические исследования. (Кишинев).
- Янушевич З.В., Бырня П.П. 1972 Из истории земледелия на территории Старого Орхея (видовой состав культурных растений). Вопросы экономической истории Молдавии эпохи феодализма и капитализма. (Кишинев): 267-276.
- Янушевич З.В., Корпусова В.Н., Пашкевич Г.А. 1981 Пшеница из захоронения катакомбной культуры. Известия АН Молд. ССР, серия биологических и химических наук 5: 24-28.
- Янушевич З.В., Кузьминова Н.Н., Савеля О.Я. 1988 К истории возделывания пшеницы однозернянки на территории СССР. Флора, геоботаника и палеоэтноботаника. Ботанические исследования 1: 12-17.
- Янушевич З.В., Русишвили Н.Ш. 1984 Новые палеоэтноботанические находки на энеолитическом поселении Арухло 1. Человек и окружающая его среда 9. (Тбилиси): 21-33.
- Щеглов А.Н., Кузьминова Н.Н., Янушевич З.В., Чавчавадзе Е.С. 1989 Земледелие на поселении Панское 1. Северо-Западный Крым в IV – начале III века до н.э. Ботанические исследования. Флора и растительность 5. (Кишинев): 50-69.

- Behre K-E. 1992 The history of rye cultivation in Europe. Vegetation History and Archaeobotany 1: 141-156.
- Janushevich Z.V. 1989 Agricultural evolution north of Black Sea from the Neolithic to the Iron Age. Foraging and farming. The evolution of plant exploitation. (Oxford): 607-619.
- Janushevich Z.V., Nikolaenko G.M. 1979 Fossil remains of cultivated plants in the ancient Tauric Chersonesos. Archaeo - Phisika 8: 115-134.
- Nesbitt M. 2001 Wheat evolution: integrating archaeological and biological evedence. Wheat taxonomy: the legacy of John Percival: 37-59.
- Pashkevich G.A. 2001 Archaeobotanical studies on the Northern coast of the Black Sea. Eurasia Antiqua 7. (Berlin): 511-567.
- Sarpaki A. 1992 The palaeoethnobotanical approach. The Mediterranean Triad or is it a Quartet? Agriculture in Ancient Greece. Proceeding of the Seventh International Symposium at the Swedish Institute at Athens, 16 – 17 May 1990, Stockholm: 61-76.
- Sarpaki A. 1995 Toumba Balomenou: plant remains from Early and Middle Neolithic levels. In H. Kroll & R. Pasternak

(edd.) Res archaeobotanicae International Workgroup for palaeoethnobotany. Proceeding of the nineth Symposium Kiel 1992: 281-300.

Wasylikowa K., Cârciumaru M., Hajnalová E., Hartyányi P., Pashkevich G., Janushevich Z. 1991 East-central Europe. In W. van Zeist, K. Wasylikowa & K.-E. Behre (edd.) Progress in Old World laeoethnobotany. A retrospective view on occasion of 20 years of International Work Group for Palaeoethnobotany. (Balkema-Rotterdam): 207-239.

Zeist W. van 1980 Aperçu sur la diffusion des vegetaux cultives dans la region Mediterraneenne. Colloque sur la mise en place, l'evolution et la caracterisationde la flore et la vegetation circummediterraneene (Fundation L.Emberger). (Montpellier): 129-145.

Zeist W. van, Heers J.A. 1973 Paleobotanical studies of Deir 'Alla, Iordan. *Paleorient* 1: 21-35.

Zeist W. van, Bakker-Heeres J.A.H. 1982 (1985) Archaeobotanical studies in the Levant. 1. Neolitic sites in the Damascus basin: Aswad, Ghoraife, Ramad. Palaeohistoria 24: 166-256.

Zohary D. 1969 The progenitors of wheat and barley in relation to domestication and agriculture dispersal in the Old World. In P.J. Ucko and G.W. Dimbleby (edd.) The domestication and exploitation of plants and animals. (London): 47-66.

Zohary D. 1973 The origin of cultivated cereals and pulses in Near East. Chromosomes Today 4: 307-320.

Zohary D., Hopf M. 2000 Domestication of plants in the Old World. (Oxford).

SUMMARY

G. Pashkevich

MODERN CONDITION OF PALAEOETHNOBOTANICAL RESEARCHES IN CHERSONESOS

In the present report the results of archaeobotanical examination of occupation levels of Chersonesos are submitted. Z. Janushevich and G. Nikolaenko began palaoethnobotanical research in 70th of the last century.

In accordance with the research plan of the Institute of Classical Archaeology of the University of Texas at Austin and National Preserve of Tauric Chersonesos and grants from Packard Humanities Institute and Dumbarton Oaks research was conducted in Byzantine Chersonesos and on the chorai during 2002, 2004 – 2005. It suggested collecting fossil carbonized remains of plants in the course of field works by means of manual water flotation and their further analysis in the laboratory of the Institute of Archaeology of the Academy of Science of Ukraine, Kiev. The present study was primarily aimed at obtaining information on food-plant assemblage of the inhabitants of Chersonesos.

Plant remains are mostly represented by carbonized grains and seeds, more seldom by chaff such as rachis segments of ears, spikelet forks, culms.

It is evident that the cereals (wheats, barley, rye, oats, millet) are represented in comparatively large numbers of grains and occur more frequently than wild plant taxa, fruits or weeds. The latter are generally poor represented. Remains of rachis internode fragments, spikelet forks, glume bases and culms of hulled wheats indicate that the cereal crops were stored in farmyards. On the one hand one could argue that threshing was done in the yard or in a barn. On the other hand, some samples consist of the remains

of more or less pure cereal crop supplies.

The main cereals used at Chersonesos were freethreshing bread wheat Triticum aestivum s.l., eincorn wheat Triticum monococcum, emmer Triticum dicoccon, hulled two-rowed barley Hordeum vulgare, and naked barkey Hordeum vulgare var. coeleste. Grains bread wheat Triticum aestivum s.l. are met almost in all samples and almost everywhere they prevail. Only in sample 63, sr. 448, room 36 from Midieval Chersonesos grains of hulled wheats prevail. Here grains of three hulled wheats are found – Triticum dicoccon, Triticum monococcum, Triticum spelta.

Barley is worse represented. But, on the other hand, barley may have been of (almost) equal importance as wheat. It is necessary to remember that the significant part of grains was destroyed.

Rye Secale cereale and common oat Avena sativa probably played a minor role and were cultivated in addition to the wheats. Broomcorn millet Panicum miliaceum is hardly represented and has occurred as rare grains. Sometime a lot of caked pieces of charred grains millet were found. It makes impossible to count millet grains.

Among the pulses, bitter vetch Vicia ervilia, broad been Vicia faba var.minor and Vicia sativa, lentil Lens culinaris and Pisum sativum are represented. It should be taken into account that, compared to cereal grains, pulse-crop seeds are usually underrepresented in the charred seed records.

Fruits and nuts were identified in a few samples only. Best of all elder Sambucus nigra is represented among wild fruits. Juglans regia and Corylus avella-

na are represented as fragments of shells. Pips of fig Ficus carica, olive Olea europea and one pip Phoenix dactylifera were found. These findings are the evidence of some sort of contact with Mediterranean region.

Pips of Vitis vinifera are represented by a rather small number of samples, usually by one to a few seeds only. 16 charred pips of Vitis vinifera are represented only in the filling of the pithos from sample 1, sr. 410.

Relatively few plant taxa are represented by vegetation types and weeds. Weeds of cornfields such as Bromus arvensis and Bromus sterilis, Galium aparine, Agrostemma githago, Echinochloa crus galli, Polygonum convolvulus are comparatively well represented. A few species characterise ruderal habitats: Sambucus edulus, Rumex acetosella, Rumex crispus, Euphorbia, Malva silvestris and Malva pussila.

A. PLONTKE-LUENING

PITYOUS AND ITS MOSAICS

"Setting out from Dioskourias the first harbour will be in Pityous, at a distance of 350 stadia" reports Flavius Arrianus in his Periplous Ponti Euxini (peripl. 18, 1). The governor of Cappadocia and his representative fleet - one trireme and some liburnae - traveled in 134 AD along the Eastern Pontos shore and inspected the Roman garrisons between Trapezous and the "end of the Roman dominion" which was at his time in Dioskourias-Sebastopolis. Continuing the journey to the Crimea Arrian came to Pityous which was the first harbour after Sebastopolis, at a distance of 350 stadia. So there was no Roman garrison at Pitiunt in Hadrianic time. But it seems that the journey of Arrian gave the impetus to install in Pityous Roman forces because he recognized the importance of the place for the grain transport from the Northern Pontos to Trapezous which was the supply base for the Roman forces in Anatolia.

The first inscription from Pityous dates to 152 AD (Speidel, Todua: 1988, 56, fig. 3). It shows that Pitiunt became soon after Arrian's visit the last station of the "Pontic limes" at the Eastern Pontic shore. This chain of Roman fortresses represents a specific type of Roman defensive structures – it consisted of castra in a distance of a one day's journey by ship and was the base for the actions of the Pontic fleet with its headquarters in Trapezunt. At the same time it offered sure and comfortable resting places for the grain fleets which brought the supply from Northern Pontos to the Roman forces in Anatolia.

A tile stamp from the castle territory makes clear that here stood a deployment of the leg XV Apollinaris (Kiguradze, Lordkipanidze, Todua 1987), and an inscription on a sandstone slab can be read for the year 223 AD: Maximo et Aeliano coss (Speidel-Todua 1988 58 fig. 4). Zosimos (I 32, 1) reports for the 3rd c. AD that Pityous had an excellent harbour. The Notitia Dignitatum gives the fortress sub duce Armeniae (Not dign. or. XVIII 32 ed. Seeck 84) and suggests that here was installed a new ala (prima felix Theodosiana) in the later 4th c. AD.

The remaining fortress is with 162x136 m (2,2)ha, fig. 1) rather small. The fortress walls are built with opus caementitium with a facing of small conglomerate blocks (moellons). The investigations of N. Kiguradze and G. Lordkipanidze in the NE of the castle made clear that the first castle was built with wood and earth (Lortkipanije 1991: 81, pl. 19-20) like the first fortress of Phasis as it is reported in Arrian (peripl. IX, 4). But in the later 2nd or earlier 3rd c. the walls must have been built for the first time in stone (resp. opus caementitium) because Zosimos mentions "very high walls." The fan shape corner towers (fig. 4) show that a greater restauration took place in Diocletianic-Constantinian era: The fortress was rebuilt after the destruction and robbery of ships from the harbour by the Scythians in 257 AD reported by Zosimos.

Inside the fortress were unearthed the principia and houses of the officers; the bathes of the "Reihentyp" were outside the fortress near the Porta Praetoria. This gate was orientated to the East where today lies a swampy lake with is connected with a channel system to the Northwest. The canalization of the central part of the fortress goes directly to the lake. It seems very likely that here we have to see the remains of the "excellent harbour" mentioned by Zosimos (Lortkipanije 1991: 74-80). Unfortunately no investigations of the territory could be made yet. But it is clear that the ships were brought by a system from channels to the lake-the harbour basin was defenced from storm even as from enemies. It is a completely different situation than in Athenai on the southeastern Pontos shore where Arrian's fleet lost one *liburna* in a heavy storm (peripl. IVs.). According to coins, in the time of Anastasius (491-518) even the harbour basin and a part of the canabae – which is also not investigated – were encircled by a wall. The north flank of the fortress was defended by a tower near the Eastern shore of the lake Inkit.

In Pityous lived one of the earliest Christian communities in Pontus Polemoniacus. Bishop Stratophilus from Pityous participated in the First Oecumenical concile of Nicea in 325 together with his brothers Longinus from Neocaesarea and Domnus from Trapezous (Patrum nicaenorum nomina ed. ed.

Gelzer, Hilgenfeld, Markschies (1995) p. LXII).

The most interesting evidence of the flourishing Christian community we find in the complex of churches south of the harbour basin (fig. 2). From 4th-6th c. were built several churches at the place. The first was a rather big hall church which was destroyed by a fire which can be connected with a raid of the Huns (Lordkipanije 1991: 181) in the last third of the 4th c. AD. The church is considered to be the cathedral of Stratophilus and therefore was dated in the years unimmediately after 313. But it seems rather probable that it was built after the Nicaenian concile which must have been a trading centre for ideas and plans for church buildings all over the Empire.

Most interesting is the first basilica with traces of marble sculpture and a mosaic floor which can be dated into the 5th c. The plan of this church seems to be strange. The slightly polygonal apse is as broad as the naos. The supports of the nave are poorely documented although Cicišvili reports fragments of older bases on the stylobate which he considers re-used for the second basilica (Cicišvili 1975: 101). G. Lortkipanije (Lortkipanije 1991: fig. 6. 2. 2) reconstructs even this church as a hall church without supports, Sakaraia (Sakaraia 1984: 72s.) assumes wooden columns, and Khroushkova suggests a column basilica with architrave because of the fragments of a marble column and of an achitrave with three fascies (Khroushkova 2002: 72-74). The main problem is the poor documentation of the the excavation results. For a basilica with aisles argues the mosaic decoration - in N and S were narrow carpets typically for the decoration of aisles.

Main subjects of the mosaics are the paradise and the Vita aeterna. The apse mosaic shows two deers besides a cantharos (fig. 5), the mosaic on the podium in the centre of the apse gives a chrismon with alpha and omega (fig. 6). In the narthex was a basin for baptism surrounded by two mosaic carpets. The better preserved shows a cantharos flanked by birds (fig. 9). On the lid of the cantharos we see two birds -areminiscence to the famous Sosos mosaic from Pergamum which was often copied in Roman mosaics. The mosaics from the aisles show geometric patterns (figs. 7, 8), and in the northern part of the narthex was a mosaic carpet with rhomboids (fig. 10) remembering the floor of the cross church of Antiokhia-Qaousiye (387 AD, Levi 1938: pl. CXIV a).

The mosaics have analogies especially in the Balkans and in Syria (Odišeli 1995: 31-60; Plontke-Lüning 2006: DVD, s. v. Pitiunt), lesser in the Chersonesus mosaics. Unfortunately mosaics from Cappadocia are not known yet – so we do not know whether there were direct connections between the centres of Cappadocia and Pityous.

The inscription in the podium mosaic gives us the donor Orel – obviously a Roman or Romanized man who wore in the 5th c. else the Roman cognomen Aurelius (Seibt 1992: 142).

It seems very probable that our richly adorned church was not only the cathedra of the bishop of Pityous but even had memorial functions as suggests the podium mosaic with Chrismon. A memorial function was assumed even by Matsulevich, Vostchinina, Brandenburg and Velmans.

In the 5th c. two martyrium stories became very popular in Eastern Pontos, each of them connected with Roman military forces. This seems to be an indicator for the importance of the Roman army in the region even at that time. The one, the martyrium of Arauraka (Bryer-Winfield 1985: 165-169; Text: PG 116 467-505), tells about five soldiers and their martyrium in Pontus; one of them, the legionarius Orestes, could have been venerated in the octagonal church of Sukhumi-Sebastopolis which was discovered and published by Lyudmila Khrushkova (Khrushkova 2002: 67-136). The other one is the Martyrium of Orentius or of the Seven brothers of Lazica (Acta SS Iunii IV p. 809ss.; Peeters: 1938; Bryer-Winfield 1985: 166f. 325; Braund: 1995: 265), which plays, of course, in the Diocletianic persecution. It is the history of seven Christian soldiers from the Roman garrison at Satala who were brought to Trapezous and from there by ship along the Eastern pontos shore; the stations are the same like in the Periplous of Arrian. The first, Orentius, is martyred in Rhizaion-Rize, the next two, Firmus and Firminus, find their end in Apsarus, and the corpse of the last, Longinus, was washed to the shore at Pityous. So the martyrium materializes the common way of transport in the Eastern Pontos and shows Pityous again as the last station of Roman dominion. And it seems very probable that it was even Longinus who was venerated in the cathedral church of Pityous.

The church existed only a short time. Soon a new basilica was erected at the same place. Its plan is comparable with the 5th c. basilicas of Constantinople, and also the building technics – the walls were erected in opus mixtum - have their origin in Constantinople. Inside the church parts of the older mosaic floors were in use else; the destroyed parts were repaired with tile slabs.

The church was furnished with Proconnesian marble which is preserved only in small fragments Khroushkova 2002: 83, fig. 8). It had an ambo to which belong stair plates with cross representations and a cancel screen with slabs with cross representations. Obviously to the altar belongs a slab with Chrismon.

So we may assume that the liturgy in Pitiunt followed the example of Constantinople.

The trade with Proconnesian marble reached even the easternmost Pontos coast. It is here not the place to speak about the furnishings of the cathedral church of Saisenos (today Caiši) in Northern Lazica where capitals from the 1st half of the 6th c. are preserved in the later church (Khruchkova 1980: 14-25, Plontke-Lüning 2006: DVD 263-267).

It is hard to date the two representative churches. The mosaics of the 2nd church point to a date in the 5th c. Inasmuch the church existed only a short time it seems probable that the new basilica was erected in connections with the building activities in the time of Anastasius in the early 6th c. The fragmented marble decoration indicates a strong destruction which may be connected with the selfdestruction of the fortress by the Romans in 542 reported by Procopius (bell. got. VIII (IV) 4). A comparable situation we find in the Iatrus fortress in Moesia (today Krivina/Bulgaria) where from the 4th to 6th c. three basilicas were built in succession south of the principia (Ivanov 1979: 27, fig. 1).

The last church in the Pitiunt fortress was built in the west of the three churches; its apse cuts in the narthex region of the previous churches. It is a hall church with a wide narthex, three-edged apse and wall pilasters which supported the barrel vault. The walls were built in opus mixtum, the vault in bricks; the proportion between bricks and mortar is nearly 1:2. In the apse was a mosaic with petal rapport; and a bench with a cathedra in the centre was documented. A small room in the eastern niche of the south wall was possibly a martyrium. So we may consider the fourth building for the rather modest cathedral which was built after the destruction of 542.

The structure of the church differs clearly from the constantinopolitan models of the previous churches. Analogies we find in North Mesopotamian churches of the 5th-7th c. like Mar Cyriacus in Arnas (Bell 1982: 16. 99, fig.9), Kefr Zeh, (Bell 1982: 44f., 120f., fig. 29) or Mar Philoxenos in Midyat (Bell 1982: 51f., 131, fig. 36) and in South Armenian churches like T'ukh (Gandolfo 1973: 85-88, figs. 3-10, 30-56; Cuneo 1988: 602; Thierry, Vaspurakan 230-232, fig. 41) and Pashvatsk (Gandolfo 1973: 90-93, figs. 18-25, 60-80; Cuneo 1988: 382; Thierry: 116). It is hard to say why in the region which was closely connected with Constantinople and Cappadocia a church of this plan was erected. Maybe the bishop who built the church came from these regions.

We have a rather scarce knowledge about the development of Pityous after the time of Justinian I. In the early 10th c. we see it in the register of archbishops of the Constantinopolitan patriarch Nikolaos I. (901-907) at the 36th position, and it is called Soterioupolis (Not. Episcopatuum ecclesiae Cpolitanae 7. 87 ed Darrouzés 1981). A lead seal found in Bulgaria and now in the collection Nikolov in Razgrad and dated by Seibt into the forties of the 11th c. belongs to the Protospatharios and Strategos Nikolaos who commanded the Byzantine fortress Anakopia (today New Athos) and Soterupolis. So we know that Pityous-Soterupolis was in Byzantine hands in the 11th c. The Abasgian coastal points were the base for the byzantine contacts with Alania north of the Caucasus range.

In the first half of the 10th c. the big church was erected more than 500 m east of the old fortress. The archbishop of Pitiunt-Soteroupolis had founded a new and much more representative residence.

BIBLIOGRAPHY

Bell G. 1982 The Churches and Monasteries of the Tur 'Abdin. With an introduction and notes by Maria Mundell Mango. (London).

Brandenburg H. 1969 Christussymbole in frühchristlichen Bodenmosaiken. Römische Quartalsschrift 64: 74-138.

Braund D. 1994 Georgia in Antiquity. A History of Colchis and Transcaucasian Iberia. 550 BC - AD 562. (Oxford).

Bryer A., Winfield D. 1985 The Byzantine Monuments and Topography of the Pontos. (Washington).

Cicišvili I. 1975 Kompleks tserkovnykh sooruzheniy v Pitsunde. In: A. Apakidze (ed.) Didi pitiunti II. (Tbilisi): 101-119.

Cuneo P. 1973 Le basiliche di T'ux, Xncorgin, Pašvac'k, Hogeac'vank'. (Roma).

Cuneo P. 1988 L'architettura armena. (Roma).

Donceel-Voute P. 1988 Les pavements des èglises byzantines de Syrie et du Liban.

Gelzer M., Hilgenfeld H., Markschies C. 1995 Patrum nicaenorum nomina. (Leipzig).

Ivanov T. 1979 Die neuentdeckte dritte Basilika. *Iatrus-Krivina*. (Berlin). 1: 27-33.

Khrushkova L. 1980 Скульптура раннесредневековой Абхазии. (Москва).

Khrushkova L. 2002 Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. (Москва).

Kiguradze N., Lordkipanidze G., Todua T. 1987 Клейма XV legiona из Питиунта. ВДИ 2: 88-92.

Levi D. 1938 Antioch Mosaic Pavements. (Princeton).

Lortkipanije G. 1991 Bičvintis nak'alak'ari. (Tbilisi).

Odišeli M. D., Pillinger R., Zimmermann B. 1995 Spätantike und frühchristliche Mosaike in Georgien. (Wien).

Matsulevich L. 1978 Mozaiki Bichvinty-Velikogo Pitiunta. In: A. Apakidze (Ed.) Didi pitiunti III. (Tbilisi): 100-168. Peeters P. 1938 Le légende de S. Orentius et de ses six frère Martyrs. *Analecta Bollandiana* 56: 241-264.

Plontke-Luening A. 2006 Frühchristliche Architektur in Kaukasien. Die Entwicklung des christlichen Sakralbaus in Lazika, Iberien, Armenien, Albanien und den Grenzregionen vom 4. bis zum 7. Jh. (Wien).

Sakaraia P. 1984 Die Basiliken Westgeorgiens. *Georgica* 7: 72-76.

Seibt W. 1992 Westgeorgien (Egrisi, Lazika) in frühchristlicher Zeit. In: R. Pillinger, A. Pülz, H. Vetters (edd.): Die Schwarzmeerküste in der Antike und im frühen Mittelalter. (Wien): 137-144.

Speidel M.P., Todua T.T. 1988 Three inscriptions from Pityus on the Caucasus frontier. *Saalbuch Jahrbuch* 44: 56-58. Spiro M. 1978 Critical Corpus of the Mosaic Pavements on the Greek Mainlands, Fourth/Sixth Centuries, with Architectural Surveys. (New York).

Šervašidze L. 1978 Pitsundskaya mozaika. In: A. Apakidze (ed.) Didi pitiunti III. (Tbilisi): 169-193.

Vačnadze N. 1987 A propos de l'histoire de la symbolique chrétienne. Byzantinoslavica 48: 39-44.

Velmans T. 1969 Quelques version rares du thème de la fontaine de Vie dans l'art paléochrétienne. *Cahiers Archéologiques* 19: 29-44.

РЕЗЮМЕ

А. Плонтке-Лунинг

ПИТИУНТ И ЕГО МОЗАИКИ

Римская крепость Питиунт, расположенная на западном берегу Пицундского мыса, является одним из лучше всего исследованных мест Восточного Причерноморья. Крепость была основана в середине II в.н.э. Первые постройки были сооружены из дерева. Аналогичную ситуацию можно было наблюдать в крепости Фазис в устье современной реки Риони, о чем мы узнаем из Аррианского перипла. Сохранившиеся крепостные стены Питиунта с U-образными угловыми башнями были построены во времена тетрархии или правления Константина І. Крепость была отремонтирована после нашествия гениокхов в 257 г. Во время усиления римской власти в V-VI вв.н.э. была построена крепостная стена, вокруг неё canabae и сооружен порт.

Крепость Питиунт являлась последним пунктом Понтийского лимеса на Восточном побережье Черного моря. Цепь крепостей вдоль границы империи являлась своеобразным типом римских оборонительных сооружений. Крепости были расположены на расстоянии одного дня пути кораблем. Они служили базами Понтийского флота и стоянками для транспорта зерна из Северного Причерноморья в Трапезунд, откуда снабжались вой-

ска Евфратского лимеса. Клейма на кирпичах из Питиунта подтверждают присутствие отряда XV legiona *Apollinaris* в крепости. *Notitia dignitatum* упоминает Питиунт *sub duce Armeniae*, который имел резиденцию в Салате в Малой Армении.

Раннехристианская община Питиунта входила в состав епархии Pontus Polemoniacus. Питиунтский епископ Стратофил подписал Никейский синод в 325 г. вместе со своими братьями Домнусом Трапезундским и Лонгинусом Неокесаррийским. Интересные сведения раннехристианской жизни в Питиунте содержат тексты в южной части стены VI в.: с IV по VI-VII вв. были построены четыре церкви на одном и том же месте. Особенно интересна базилика с остатками мраморного убранства и мозаичных полов V в. Центральной тематикой мозаичных полов является символика рая и вечной жизни. Надпись на мозаике в апсиде дает ктитора, вероятно, римский или романизированный человек (Aurelius). Очевидно, эта богатая базилика была связана с культом семи Лазских братьев, который был популярен в V-VI вв. в Восточном Причерноморье. По преданию, последний Martir Longinus был найден мертвым на берегу у Питиунта.

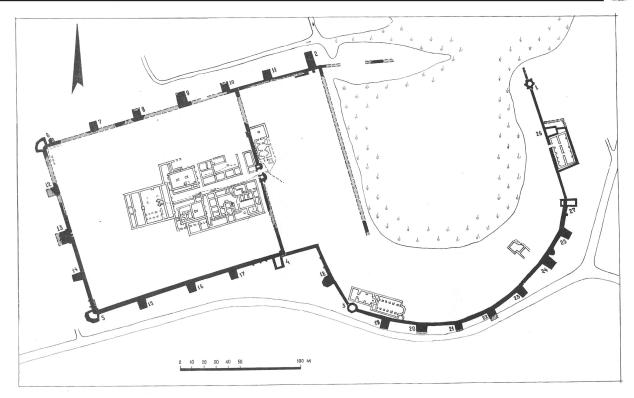

Fig. 1. Pitiunt, plan of the castle (Apakidze 1978 pl. 2)

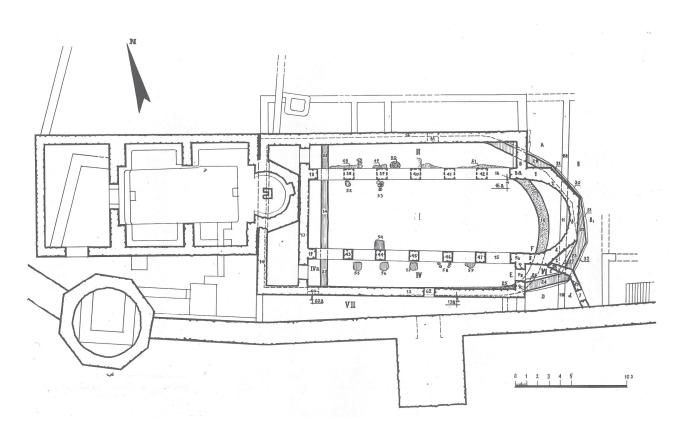

Fig. 2. Pitiunt, plan of the four churches (Apakidze 1978 l. 6)

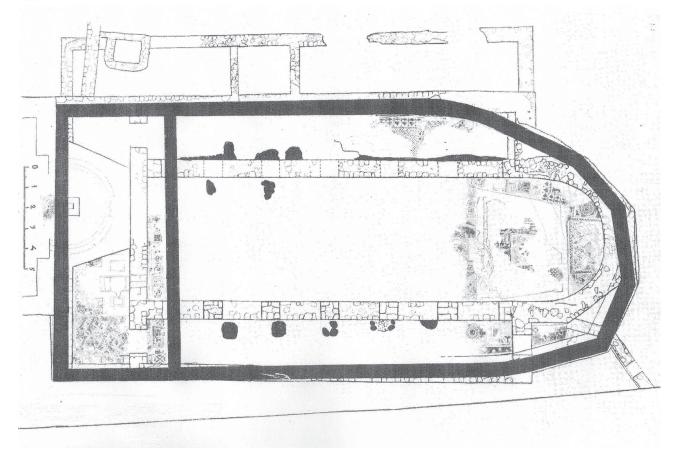

Fig. 3. Pitiunt, plan of the surviving mosaics (Apakidze 1978 pl. 7a)

Fig. 4. Southwest corner of the Pitiunt castle (photo Plontke-Luening)

Fig. 5. Mosaic floor in the apse (Apakidze 1978 fig. 130)

Fig. 6. Mosaic floor of the altar podium (Apakidze 1978 fig. 115)

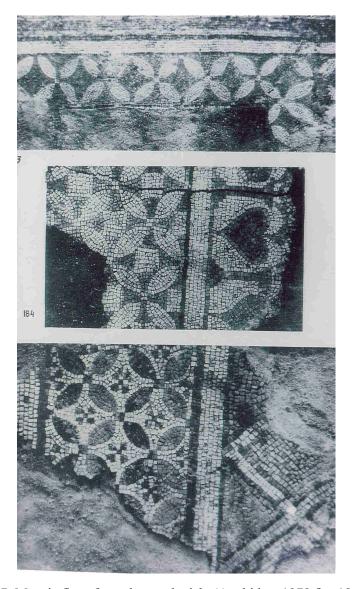

Fig. 7. Mosaic floor from the south aisle (Apakidze 1978 fig. 180-182)

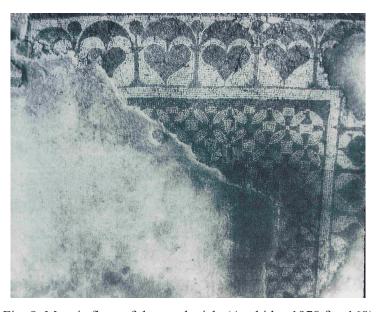

Fig. 8. Mosaic floor of the south aisle (Apakidze 1978 fig. 168)

Fig. 9. Mosaic floor in the narthex, near the baptistery (Apakidze 1978 fig. 156)

Fig. 10. Mosaic carpet in the narthex (Apakidze 1978 fig. 145)

С.В. УШАКОВ, В.В. ДОРОШКО, С.И. КРОПОТОВ, И.И. МАКАЕВ, Е.В. СТРУКОВА

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ЗАСЫПИ ЦИСТЕРНЫ V-VI BB. В XCVII КВАРТАЛЕ ХЕРСОНЕСА

(предварительная информация)

В археологическом исследовании Херсонеса Таврического в последние годы сложилась парадоксальная ситуация. Она заключается в следующем. С одной стороны, достаточно заметно в связи с финансовыми и другими трудностями сократились объемы полевых работ, с другой стороны, стало появляться все больше публикаций, посвященных этому уникальному памятнику античной и византийской культуры в Северном Причерноморье. При этом надо специально заметить, что эти статьи, брошюры и коллективные монографии (напр.: Херсонес Таврический 2004) носят преимущественно итоговый, обобщающий характер с попытками выхода на путь исторических реконструкций; публикаций же конкретного археологического материала по-прежнему относительно немного (среди них: Голофаст, Рыжов 2000). Особенно это относится к представлению не конкретных групп находок, а стратифицированных комплексов, происходящих из раскопок городища. А ведь только они могут служить надежной основой реконструкций строительной истории вначале кварталов, отдельных районов, а потом и всего города. И только затем, опираясь на эти данные, в сочетании с результатами анализа эпиграфики и письменных источников, возможно будет более или менее достоверно восстановить этапы исторического развития Херсонеса.

Статья представляет собой краткую предварительную публикацию материалов комплекса засыпи цистерны, открытой в Северо-восточном районе Херсонеса. Там в течение последних полутора десятков лет экспедиция под руководством М.И. Золотарева проводила исследования одного (XCVII) из жилых кварталов города (Золотарев, Ушаков 2004; 2005: 135-138), в центре которого и располагался этот археологический объект (Рис. 1).

Возле цистерны сохранились остатки бутовой вымостки, окруженной с трех сторон подобием фундаментов стен (Рис. 1/2). Судя по находкам фрагментов чернолаковой, краснофигурной расписной керамики и амфорной тары, найденных между камнями вымостки и в наскальном слое у

разобранных почти до основания этих стен, время сооружения ее (вымостки) ограничивается второй-третьей четвертью IV в. до н.э. Эта вымостка очень сильно пострадала впоследствии, когда центральная часть ее была разобрана и на этом месте сооружена большая водосборная цистерна с квадратной горловиной. Ниже вертикальной горловины, как выяснилось впоследствии, цистерна резко расширяется, образуя, как и все подобные сооружения этого типа, объемную полость грушевидной (правильнее сказать колоколовидной) формы с небольшим «отстойником» на ее дне. Глубина цистерны достигала 3.95 м (Рис. 1/3).

Заполнение цистерны состояло из суглинка, насыщенного мелким, а иногда и крупным бутовым камнем. Состав заполнения исследовался по слоям-горизонтам, каждому профильному фрагменту присваивался индивидуальный номер. Археологические материалы представлены многочисленными обломками строительной керамики (солены и калиптеры, плинфа), амфор, кухонной гончарной, лепной и столовой посуды, светильников почти исключительно позднеантичного времени (Приложение 1). Кроме них, были найдены монеты, изделия из стекла, металла, кости, три фрагмента лапидарных надписей. Следует добавить, что в засыпи горловины цистерны был обнаружен барабан известняковой колонны дорического ордера.

Строительная керамика из засыпи цистерны представлена фрагментами кровельной черепицы, небольшим количеством фрагментов кирпичей (плинфы) и водопроводных труб¹. Основная часть находок датируется в пределах I-IV вв. Из этой категории керамики соленов – 6 типов, которые разделяются по цвету и качеству глиняного теста и примеси в нем, наличию ангоба (Рис. 2/10-32); калиптеров выделено 5 типов (по морфологическим признакам) (Рис. 2/1-9). Фрагменты плинфы, или кирпичей, в общей сложности составили 4% от общего числа находок строительных материалов.

Амфорные находки. Необходимое пояснение.

1 Материал обрабатывался научным сотрудником НЗХТ Т.В. Дюженко (Подр. см.: Золотарев, Ушаков 2004: 6-8).

Так как публикация материала носит предварительный характер, мы не ставили своей целью дать полное и исчерпывающее описание всех найденных фрагментов сосудов. В относительно небольшой по объему статье это и невозможно: общее число только профильных частей амфор из цистерны достигает четырехзначной цифры. Наша задача скромнее — дать общую характеристику комплекса и определить время его образования.

Итак, амфоры в засыпи цистерны представлены фрагментами сосудов порядка двадцати типов. Самые важные и характерные из них следующие.

- 1. Красноглиняные типа «мирмекийской». Поверхность их чаще всего покрыта светлым ангобом, у этих амфор валикообразные венчики, сложнопрофилированные ручки, округлое днище с выступом (Рис. 3/1, 2, 10, 11-31, 50-68; 4/2, 4-6, 8-10, 12-14). Широко распространены в Северном Причерноморье (Зеест 1960: табл. ХХХ, 72а; Крапивина 1993: 97, тип 19, рис. 30, 1-3). А.П. Абрамов относит к концу II первой половине III в. (Абрамов 1993: 47). У некоторых фрагментов был темный ангоб.
- 2. Близки к ним амфоры с венчиками подпрямоугольной (Рис. 3/9, 10а; 4/14, 25) (Зеест 1960: табл. ХХХ, 726, 73г) и клювовидной (Рис. 3/8; 4/3, 11, 33) (Зеест 1960: табл. ХХХ, 73ж) форм (единичные находки). В материалах Ольвии В.В. Крапивина их выделяет в отдельный тип (№ 20) (Крапивина 1993: 97). Ручки таких амфор в сечении достаточно разнообразны (Зеест 1960: табл. ХХХ, 72г, д). В нашем комплексе в небольшом количестве присутствовали обломки амфор этого же типа, не покрытые ангобом. К этому перечню можно добавить, что в засыпи присутствовали красноглиняные амфоры разных типов этого же (позднеантичного) времени, представленные также единичными фрагментами (Рис. 4/15-21, 28-31, 32, 34-41, 45, 46).
- 3. Красноглиняные амфоры с массивными венцами, сложнопрофилированными ручками и конусовидным дном в виде стержня (Зеест 1960: табл. ХХХІ, 75). Широко распространены в Северном Причерноморье ІІ-ІІІ вв., считается, что они производились на Боспоре (Крапивина 1993: 99, тип 31) (Рис. 3/33-35, 37, 40, 43, 44, 46-49; 4/7). А.П. Абрамов сужает дату их бытования до конца ІІ первой половины ІІІ в. (Абрамов 1993: 47, тип 6.16-6.18).
- 4. Красноглиняные амфоры с уплощенными, высоко поднятыми ручками (Рис. 3/4-6, 36, 38), по И.Б. Зеест это 79 тип (Зеест 1960: табл. ХХХІІІ, 79а). Считается, что эти амфоры происходят из Эгеиды. Середина III IV в. (Крапивина 1993: 95,

- тип 9; ср.: Riley 1979: # 51; Robinson 1959: Pl. 28. M 237).
- 5. Светлоглиняные узкогорлые амфоры (Шелов 1978: 16-21; Туровский, Николаенко, Горячук, Ладюков 2001: 58-59, рис. 36.1-36.6). Представлены достаточно многочисленными фрагментами (Рис. 4/1; 5), по которым, однако, не всегда возможно однозначно определить тип амфор. Тем не менее, можно утверждать, что среди этих амфор имеются следующие типы, выделенные Д.Б. Шеловым: В (Рис. 5/43, 44, 46-48, 50-51), С (Рис. 5/2, 3, 9, 10, 49), D (Рис. 5/42, 45), F (Рис. 5/6, 7, 15, 16, 25, 32, 53). Среди этого массива амфор имеется донышко небольшой остродонной амфоры светлой глины (Рис. 5/52).
- 6. Красноглиняные амфоры с вытянутым корпусом и коническим дном (Рис. 6/26, 28, 29). Хорошо известны в Херсонесе: Тип 1 по А.Л. Якобсону (1979: 9, рис. 1,1). Авторы классификации 1995 г. датируют такие амфоры VI первой половиной VII в. (Романчук, Сазанов, Седикова 1995: 19; Сазанов 1995: 186-в). Из фрагментов нам удалось почти полностью реставрировать одну амфору (отсутствует только венчик) (Рис. 6/20).
- 7. Амфоры типа Делакеу, по И. Б. Зеест - тип 100 (Зеест 1960: табл. XXXIX, 100 a-г). Среди всех типов амфор - самые многочисленные. В засыпи найдены разнообразно профилированные горла, обломки ручек и конусовидных доньев (Рис. 6). А.П. Абрамов относил их ко второй половине III – IV в. (Абрамов 1993: тип 7.1, 7.2), А.В. Сазанов дату их бытования определял как IV - вторая четверть VI в. (Сазанов 1989: 50, 51, рис. 3, 12) или в хронологических рамках 360-380 гг. – второй-третьей четверти VI в. (Сазанов 1999: с. 238). При этом он считает, что амфорные ручки с одним валиком на внешней поверхности (Рис. 6/1, 12-17) существовали с третьей четверти IV в. по вторую четверть VI в. включительно (Сазанов 1999: 238).
- 8. Коричневоглиняные («самосские») тонкостенные амфоры со слюдой в тесте. Тип 95 по И.Б. Зеест (1960: табл. XXXVIII, 95) (Рис. 7/33-41). Представленные в публикации А.П. Абрамова сосуды отнесены им к концу IV в. (1993: 50, 124 тип 7.12-14). Наши амфоры с открытой полой ножкой по определениям А.В. Сазанова были датированы началом VI первой половиной VII в. (1989: 46-48), а венчик (Рис. 7/33) последней третью V в. (2002: 37 рис. 5, 4).
- 9. Амфоры с воронковидным горлом, светлоглиняные и красноглиняные (Рис. 3/3; 7, 21, 22, 24, 25, 27-32) (Зеест 1960: табл. XXXVII, 90;

Уженцев, Юрочкин 1998: 101-109; Туровский, Николаенко, Горячук, Ладюков 2001: 60-61, рис. 37, 3-6). Найдены во фрагментах, принадлежат разным типам этих амфор. Так, некоторые из них имеют аналогии среди находок в засыпи цистерны в Северном районе Херсонеса (Ср.: Голофаст, Рыжов 2002: рис. 8, 4-7).

10. Светлоглиняные амфоры с рифленым туловом типа «набегающая волна» и перекрученными ручками (Рис. 4/43, 44) – 12 класс по А.И. Романчук, А.В. Сазанову, Л.В. Седиковой (1995: 29). Авторы упомянутой классификации относят время бытования таких амфор, вслед за другими исследователями, к периоду от последней трети IV – первой половины V в. до 650-670 гг.

11. Амфоры «Газы» с темным, почти коричневого цвета черепком. Найдены обломки стенок и ручек (Рис. 10/15, 16). По этим фрагментам можно только предположительно говорить, что часть из них относилась к амфорам с округлым венчиком, вытянутым корпусом и острым дном (Романчук, Сазанов, Седикова 1995: 21, класс 4, тип 2, табл. 6, № 23). Хронологические рамки бытования их в Херсонесе – с конца IV до середины VII в. Близки по хронологии им амфоры сиро-палестинского типа (Рис. 7/6) (Ср.: Голофаст, Рыжов 2000: рис. 9, 1), фрагменты которых тоже присутствуют в засыпи.

Представленный выше перечень типов позднеантичных-раннесредневековых амфор можно дополнить, так как в засыпи имелись единичные находки и других тарных сосудов. Среди них: амфоры типа Böttger 1.3 (Рис. 4/16) (Ср.: Сазанов 2002: рис. 6, 16 – последняя четверть V в.); амфоры коричневой глины (Рис. 7/4, 7-9, 13-16, 17-20) разных типов; напоминающие амфоры типа 5 херсонесской классификации 1971 г. (Рис. 3/68; 4, 17) (Ср.: Сазанов 1991: рис. 2, 2; 7, 1; Голофаст, Рыжов 2000: рис. 4, 5); светлоглиняные и красноглиняные амфоры с так называемыми двуствольными ручками. Имеются и амфорные крышки (Рис. 9/1, 2) (Ср.: Голофаст, Рыжов 2000: рис. 20, 5-10). Кроме того, надо сказать, что полная обработка всего материала еще не закончена и наши определения амфор могут быть уточнены.

На стенках некоторых сосудов, кроме дипинти, сохранились и граффити (Рис. 7/42-45). Вызывает интерес расположенное рядом с граффити изображение креста из семи перекрещенных ямок, выполненное сверлом (Рис. 7/43).

Как видно из этого, далеко не полного описания, амфорная тара, найденная в цистерне, оказалась исключительно разнообразной не только морфологически, но и хронологически. Она распадается (правда, достаточно условно) на три основные временные группы: II-III, III-IV, V – начало/середина VII в.

Необходимо отметить, что в засыпи цистерны, кроме амфор позднеантичного-раннесредневекового времени, присутствовали и амфоры IV - начала III в. до н.э. (во фрагментах) следующих центров: Гераклеи, Хиоса, круга Фасоса. Среди них отметим два фрагмента с клеймами (определены Е.Я. Туровским): 1) на ручке маленькой амфоры или мерного сосуда (Херсонес) – ПАР (ретроградно), конец III – начало II в. до н.э. (Рис. 11/8), в каталоге-определителе В.И. Каца (1994) такое клеймо отсутствует; 2) энглифическое клеймо на горле амфоры (Гераклея) (Рис. 11/7) - два имени

$HPAK\Lambda E\Delta \forall$ ΠΑΥΣΑΝΙΑ

относится ко ІІ группе (по И.Б. Брашинскому), датируется второй-третьей четвертью IV в. до н.э. (Брашинский 1984: 20).

О количественной характеристике керамического комплекса.

Выше было приведено подробное описание керамического комплекса находок, извлеченных в процессе раскопок из цистерны. Можно было бы и ограничиться таким представлением имеющегося материала (и это так обычно и делается), однако мы считаем целесообразным продолжить его анализ. Как уже отмечалось выше, исследуемая цистерна относится к такому классу памятников, которые не являются закрытыми. При изучении ее засыпи следует учитывать ряд особенностей: 1) строительные остатки современных цистерне жилых комплексов не сохранились; 2) извлекаемый археологический материал достаточно разнороден и фрагментирован; 3) время и последовательность этапов образования засыпи известны приблизительно. В целом такая ситуация является вполне типичной для Херсонеса, чье развитие и формирование происходило на протяжении многих веков.

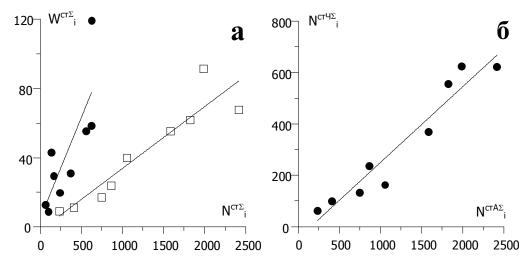
В связи с этим обратим внимание на ряд обстоятельств, носящих достаточно общий характер (Подробно см.: Кропотов, Ушаков в печати). В составе слоя засыпи наряду с землей, камнями и т.п. могут находиться как целые предметы, так и их фрагменты. Количество и степень их сохранности определяется различными причинами и тесно связано с условиями формирования археологического памятника. Можно утверждать, что именно детальное исследование особенностей количественного распределения фрагментов в слое засыпи позволит более обоснованно говорить как об истории образования конкретного

памятника, так и осуществить переход к историко-культурным реконструкциям более высокого уровня обобщения.

Таким образом, к изучению материальных предметов и их фрагментов, извлеченных из слоя засыпи, наряду с типологическим и/или технологическим направлением может быть применен и другой подход — подробное исследование статистических особенностей их количественного и размерного распределения в составе культурного слоя. На основе этих числовых характеристик могут быть изучены многие особенности формирования исследуемого памятника. Отметим, что ранее уже предпринимались попытки использовать количественный подход к описанию архео-

логического материала из водосборной цистерны в помещении 8 (Золотарев, Коробков, Ушаков 1997), и он продемонстрировал свою эффективность. В связи с этим мы считаем целесообразным продолжить эту линию исследований. Исходный числовой массив данных по материалам проведенных раскопок в настоящее время только формируется, однако он уже сейчас позволяет получить конкретные результаты. Так, например, ниже приведены графики (а и б) некоторых количественных соотношений между числовыми характеристиками различных групп археологического материала (кровельная черепица и амфоры) из засыпи цистерны.

Взаимосвязь между суммарным числом фрагментов стенок $N^{cr\Sigma}_{i}$ и их весом $W^{cr\Sigma}_{i}$ ((а): - амфоры; • - черепица) и числом фрагментов стенок амфор $N^{cr4\Sigma}_{i}$ и черепицы $N^{cr4\Sigma}_{i}$ (б) в различных слоях (і) засыпи цистерны

Их закономерный характер указывает на то, что процесс формирования засыпи не является случайным, причем числовые характеристики качественно различных объектов в составе слоя связаны между собой.

Все вышесказанное позволяет рассчитывать на то, что изучение количественных особенностей извлекаемого в процессе раскопок материала позволит в будущем поставить и решить многие важные задачи, однако для этого необходимо проведение дальнейших исследований.

Полевые наблюдения, особенности стратиграфии засыпи цистерны позволяют утверждать, что действительно, повторим еще раз, она относится к тому классу памятников, которые не являются закрытыми комплексами: содержит перемещенный (и переотложенный) грунт. Засыпана она была почти единовременно, но несколькими порциями грунта. Косвенно об этом говорит и распределение

фрагментов амфор по глубинам цистерны (Приложение 2). Предварительно можно выделить следующие слои-порции грунта в цистерне: 1) нижняя часть (слои 17, 18) – отделялась прослойкой остатков рыбы; 2) средняя часть (слои 5-16); 3) горловина (слои 1-4). Сказанное не позволяет датировать время образования засыпи по пересечению циклов бытования амфор; методически правильным было бы это сделать по комплексу самого позднего материала. Тем не менее необходимо учитывать, что амфор поздних типов (III группы – V - начало VII в.) в засыпи цистерны значительно меньше, чем амфор I-II групп (II-IV вв.). Исходя из этого, время образования засыпи по находкам амфор можно предварительно отнести ко времени около первой половины VI в.

Кроме амфор, из других хронологически важных категорий находок нужно назвать фрагменты краснолаковых сосудов трех основных групп (им-

портные и местные), которые могут датироваться в достаточно широком хронологическом диапазоне: примерно со II по начало VI века н.э.

- 1. В относительно небольшом числе присутствует группа импортной керамики II-III вв., представленная бортиками тарелок (Рис. 8/30-33).
- 2. К Херсонесской сигилляте III-IV вв. (Ушаков 2004: 285-283) можно отнести мисочки с загнутым краем (Рис. 8/12, 15, 17), чашки с косыми стенками (Рис. 8/36, 39), миски различных форм (Рис. 8/38, 40, 41), кувшины (Рис. 8/34, 35); некоторые экземпляры были с пережженным черепком.
- 3. К третьей группе краснолаковой керамики относятся находки второй половины IV - V в. Представлены сосудами в основном двух типов. Это, во-первых, преимущественно блюда со слегка заостренным вертикальным или немного загнутым краем, наклонными стенками и широким кольцевым поддоном (Рис. 8/1-6, 8, 9). Мы относим их, вслед за К. Домжальским, к Понтийской позднеримской группе (PRS). Это сосуды большого размера. Датировки их у разных авторов несколько различаются. Дж. Хейс датировал их 350-425 гг. (Hayes 1972: 109, form 62, 14), другими словами, они бытовали со второй половины IV до второй четверти V в. Авторы херсонесской классификации датировки их несколько сместили, считая, что такие блюда нужно относить ко времени с конца IV до первой четверти VI в. включительно (Романчук, Сазанов 1991: 36, рис. 12-16, № 154-191) или даже до третьей четверти VI века (Сазанов 1999: 230, рис. 4, 8-14; 12, 1-5). По данным К. Домжальского, время их бытования - середина IV - середина V в. (Domzalski 2000: 163-164, fig. 2,1; Arsen'eva, Domzalski 2002: 426-427, fig. 5-7).

Второй тип блюд - с волнистыми врезными полосами по дну, где они образуют «звезды» и на широкой отогнутой закраине - волны (Рис. 8/23-29). По Дж. Хейсу эти блюда - Поздний Римский C, форма 2 и датируются (Late Roman C form 2, A) 370 – 425-450 гг. (Hayes 1972: 328). A.B. Caзанов дату их бытования омолодил. По его мнению, в Херсонесе они были с конца IV по вторую четверть или даже до второй половины VI в. (Романчук, Сазанов 1991: 12; Сазанов 1994: 426) или со второй половины IV до третьей четверти VI в. (Сазанов 1999: 230, рис. 4, 1-4). К. Домжальский рассматривает сосуды такого типа так же, как форму PRS, и относит их (Form 3) к концу IV - началу-середине V в. (Domzalski 2000: fig. 2, 5; Arsen'eva, Domzalski 2002: 426-427, fig. 8-12).

Отдельно можно отметить находки блюд типа

Late Roman C form 1 A (Рис. 8/13, 18). Дж. Хейс относил их к позднему IV - началу V в. (Hayes 1972: 327). По определению А.В. Сазанова, они встречаются в комплексах Причерноморья последней четверти V в. (Сазанов 1999: рис. 13, 12). Из индивидуальных находок нужно назвать краснолаковую патеру с ручкой, которую удалось собрать из нескольких фрагментов, найденных на разной глубине цистерны (Рис. 8/21).

Основная масса краснолаковой посуды из засыпи цистерны относится к первой половине V в. н.э. Необходимо заметить, что в ней совершенно отсутствуют краснолаковые блюда типа Late Roman C/Phocean Red Slip Ware form 3 BTOрой половины V – первой половины VI в. (Hayes 1972: 337), которые были широко распространены в Понтийском регионе с конца V - начала VI в. (Arsen'eva, Domzalski 2002: 429, fig. 17, 622-626; Романчук, Сазанов 1991: 15 сл., рис. 5). Таким образом, предварительная датировка засыпи цистерны, определенная нами по комплексу амфорных находок (первая половина VI в.), может быть несколько откорректирована и отодвинута к последней четверти – концу V столетия.

Другие группы керамики позволяют более полно охарактеризовать состав керамического комплекса. Продолжим их перечисление. Фрагменты простой столовой посуды были относительно немногочисленными, но разнообразными: крышки, кувшины на кольцевом поддоне и плоскодонные (Рис. 9/25-42). Среди этой группы керамики выделяется оригинальный по форме сосуд (Рис. 9/43). У него уплощенное дно на невысоком кольцевом поддоне, яйцевидное слаборебристое тулово, профилированная гребнем и двумя желобками уплощенная ручка. Венец в виде стоячего воротника и верхняя часть тулова были в процессе формовки гончаром сильно сдавлены. В результате закраина сосуда приобрела подтреугольную в плане форму.

Кухонная гончарная керамика (Рис. 9/3-24). Вся она представлена фрагментами, которые принадлежали посуде следующих типов: котлы - закраины клювовидные, узкие и широкие, горизонтально отогнутые, тулова котлов шарообразны; разнообразные горшки; кувшины; миски. Их много в комплексах ранневизантийского времени Херсонеса (Напр.: Голофаст, Рыжов 2000: рис. 16). Некоторые формы напоминают ольвийские находки (Ср.: Крапивина 1993: 101-107, рис. 32-36).

Среди керамических находок достаточно многочисленны фрагменты лепной керамики, которые принадлежали сосудам открытого и закрытого типов. Среди них выделяются:

- 1. Миски разных размеров (Рис. 10/1,3-8, 21-23): с косыми стенками и плоским дном, с округлыми стенками, с небольшими плоскими ручками закругленной формы, с псевдоручкой (закраина). Среди них выделяется глубокая миска с отогнутым краем и закругленными стенками (Рис. 10/1).
- 2. Горшки (Рис. 10/24, 27-30, 32): больших и средних размеров, «скифского» типа (закраина с защипами) (Рис. 10/2), горшок с петлевидной, вертикально расположенной ручкой (Рис. 10/25).
- 3. Кувшин. Венчик с прилепом ручки (Рис. 10/26).
- 4. Кастрюля. Отогнутая закраина с небольшой плоской ручкой, расположенной ниже закраины (Рис. 10/31).

Среди керамического материала в цистерне

были найдены разнообразные по форме светильники (во фрагментах), в том числе носик и фрагмент тулова светильников серой глины (Рис. 11/1, 3), ручка и носик краснолаковых светильников с рельефным орнаментом (Рис. 11/2, 4), а также обломок светильника-плошки (Рис. 11/5).

Единичными находками представлены чернолаковая керамика и так называемая ионийская полосатая посуда, в том числе фрагменты блюда с широкой закраиной (Рис. 11/13), горла, стенки и ручки кувшинов (Рис. 11/9, 11, 14), киликов (Рис. 11/10). Что касается последней категории вещей, то в целом в Херсонесе они достаточно многочисленны. Многие из них в свое время были опубликованы (Ср.: Золотарев 1993: табл. VII; IX, 7, 8; XII), но можно полагать, требуют специального дополнительного изучения.

Керамический комплекс цистерны, таким образом, представляет собой важный массив данных для анализа закономерностей строительной истории и образования культурного слоя в конкретном районе города. Это также дает возможность сравнения его с материалами разных памятников как Херсонеса Таврического, так и других античных центров. Судя по датировкам керамических находок из заполнения цистерны, можно предположить, что она была засыпана, скорее всего, в хронологических рамках последней трети V - рубежа V-VI вв. Это подтверждают и монетные находки: самая поздняя из них принадлежит императору Льву II (473-474 гг.) (Приложение 3). Представленный материал позволяет говорить о непрерывном развитии (континуитете) комплекса материальной (и отчасти духовной) культуры Херсонеса рубежа античности и средневековья.

С какими из известных по письменным источникам событиями можно связать этот период в истории Херсонеса? Первоначально мы полагали, что цистерна была засыпана около середины VI века, и это могло произойти в ходе планировочно-строительных работ, связанных с масштабной строительной деятельностью Византийской империи в эпоху Юстиниана I (Ушаков, Дорошко, Кропотов, Макаев, Струкова 2005: 36). Исходя из уточненных данных времени образования засыпи, можно утверждать, что эти события произошли, как минимум, полустолетием ранее. В таком случае, можно вспомнить, что в 480 г., во время правления императора Зенона (474-491 гг.) произошло разрушительное землетрясение, охватившее Пропонтиду и Крым, после которого на Боспоре и в Херсонесе проводились крупные работы по восстановлению городских оборонительных стен (Виноградов 1998: 243). Вероятно, что эти восстановительные работы захватили и жилые кварталы, в ходе которых и была засыпана цистерна, о которой шла речь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов А.П. 1993 Античные амфоры. Периодизация и хронология. Боспорский сборник 3: 4-135.

Антонова И.А., Даниленко В.Н., Ивашута Л.П., Кадеев В.И., Романчук А.И. 1971 Средневековые амфоры Херсонеса. АДСВ. (Свердловск). 7: 81-101.

Арсеньева Т.М., Науменко С.А. 2001 Раскопки Танаиса в центре восточной части городища. Древности Боспора 4: 56-124.

Брашинский И.Б. 1984 Вопросы хронологии керамических клейм и типы развития амфор Гераклеи Понтийской. НЭ 14: 3-23.

Виноградов Ю.Г. 1998 Позднеантичный Боспор и ранняя Византия (В свете датированных боспорских надписей V века). ВДИ 1: 233-247.

Голофаст Л.А., Рыжов С.Г. 2000 Комплекс ранневизантийского времени из раскопок квартала Х Б в Северном районе Херсонеса. Проблемы истории, филологии, культуры. (Москва-Магнитогорск): 78-117.

Зеест И.Б. 1960 Керамическая тара Боспора. МИА 83.

Золотарев М.И. 1993 Херсонесская архаика. (Севастополь).

Золотарёв М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. 1997 О принципах изучения античных водосборных цистерн (по материалам раскопок в XCVI квартале Херсонеса). (Севастополь).

Золотарев М.И., Ушаков С.В. 2004 Новые исследования в Северо-восточном районе Херсонеса (средневековые памятники). *АДСВ* 35: 279-294.

Золотарев М.И., Ушаков С.В. 2005 Исследования в Северо-восточном районе Херсонеса в 2000-2003 годах. *Археологічні дослідження в Украіні 2003-2004 рр.* (Киев-Запоріжжя). 7: 135-138.

Кац В.И. 1994 Керамические клейма Херсонеса Таврического (каталог-определитель). (Саратов).

Крапивина В.В. 1993 Ольвия. Материальная культура I-IV вв. н.э. (Киев).

Кропотов С.И., Ушаков С.В. (в печати) Некоторые статистические характеристики распределения фрагментов стеклянных сосудов из цистерны в XCVII квартале Херсонеса и их связь с закономерностями формирования культурного слоя.

Прокопий Кесарийский 1939 О постройках. ВДИ 4: 201-298.

Романчук А.И., Сазанов А.В. 1991 Краснолаковая керамика ранневизантийского Херсона. (Свердловск).

Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. 1995 Амфоры из комплексов византийского Херсона. (Екатеринбург).

Сазанов А.В. 1989 О хронологии Боспора ранневизантийского времени. СА 4: 41-60.

Сазанов А.В. 1991 Амфорный комплекс первой четверти VII в. н.э. из Северо-восточного района Херсонеса. *МАИЭТ*. (Симферополь). 2: 60-72, 252-265.

Сазанов А.В. 1995 Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени. *МАИЭТ*. (Симферополь). 4: 406-433.

Сазанов А.В. 1999 Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV-V вв. *Проблемы истории*, филологии, культуры. (Москва-Магнитогорск). 7: 224-293.

Сазанов А.В. 2002 О хронологии амфор IV-V вв. из Северного Причерноморья. Археологія 4: 29-50.

Туровский Е.Я., Николаенко М.Ю., Горячук В.Н., Ладюков И.В. 2001 Древние амфоры в Северном Причерноморье. Справочник-определитель. (Киев).

Уженцев В.Б., Юрочкин В.Ю. 1998 Амфоры с воронковидным горлом из Причерноморья. *ХСб.* (Севастополь). 9: 100-109.

Ушаков С.В. 2004 Херсонесская сигиллята (к постановке проблемы). ХСб. (Севастополь). 13: 285-296.

Ушаков С.В. 2005 О трех группах краснолаковой керамики из Херсонеса. АДСВ. (Екатеринбург). 36: 22-33.

Ушаков С.В., Дорошко В.В., Кропотов С.И., Макаев И.И., Струкова Е.В. 2005 Керамический комплекс из засыпи цистерны V-VI вв. в XCVII квартале Херсонеса. *Проблемы исследования археологических памятников: раскопки, хранение, экспозиция.* (Севастополь): 35-36.

Шелов Д.Б. 1978 Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология. *КСИА* 156: 16-21.

Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры 2004 (Харьков).

Якобсон А.Л. 1979 Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. (Ленинград).

Arsen'eva T.M., Domzalski K. 2002 Late Roman red slip pottery from Tanais. Eurasia Antiqua 8: 415-491.

Domzalski K. 1996 Terra Sigillata from Numphaion. Survei 1994. Archeologia. (Warszawa). 47: 95-109.

Domzalski K. 2000 Notes on Late Roman Red Slip Wares in the Bosporan Kingdom. *Rei Cretariae Romane Favtorvm* 36: 161-168.

Riley J. 1983 Coarse pottery. Excavations at Sidi Khrebish Benghazi (Berenice). (Tripoli). 2: 112-236.

Hayes J.W. 1972 Late Roman Pottery. (London).

Robinson S. H. 1959 The Athenian Agora. Pottery of the Roman Period. Chronology. (Princeton-New Jersey). 5.

СПИСОК АРХИВНЫХ ДЕЛ

Архив НЗХТ. Дело 3568.

Архив НЗХТ. Дело 3596.

Архив НЗХТ. Дело 3756.

SUMMARY

S.V. Ushakov, V.V. Doroshko, S.I. Kropotov, I.I. Makaev, E.V. Strukova

THE CERAMIC ASSEMBLAGE FROM THE FILLING OF THE CISTERN OF THE 5TH – 6TH CENTURIES AD OF THE XCVII QUARTER IN CHERSONESOS (preliminary information)

The article is devoted to the examination of the ceramic complex of the cistern from the North-Western area of Chersonesos. The cistern was excavated in 2001-2004. The material found in the infill of the cistern included fragments of building ceramics (flat tile, kalipteroi, and plinfa) as well as fragments of amphorae, kitchen pottery and modelled ware, table ware, and lamps. Besides, there were coins, articles of glass, metal and bone, and three fragments of lapidary inscriptions.

Amphorae were represented by the fragments of more than twenty-five types of vessels including redclay amphorae of Mirmekian type, red-clay with complexly profiled handles or funnel-shaped neck ones, the Delakeu and "carrotte" type, light-clay narrowneck or with corrugated body "incoming wave" ones, and brown-clay (Samos type) thin-walled amphorae with mika in the paste. Besides, there were the vessels of Classical and Hellenistic times (Hios, Phasos, and Heraclea).

Other chronologically important findings include fragments of foreign and local red-glazed vessels of three main groups dating back to the period from the 1st-2nd to the 6th century A.D.

While studying the artifacts and their fragments from the infill, we examined statistical features of their allocation in the stratum according to quantity and size. Judging by the dating of ceramic findings from the cistern infill, it may be presumed that the cistern was filled up between the last third of the 5th and the border of the 5th and the 6th century.

Приложение 1. Таблица 1. Распределение профильных керамических находок по глубинам засыпи цистерны

Глубина, сл	юй	Черепица	Амфоры	Кухон. кер.	Простая стол.	Краснолак.	Пифосы	Черно- лак.	CHIIK	Лепная кер.	Лутерии	Проч.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
0.00-0.40	1	1	2	-	2	-	-	-	-	-	-	-
0.40-0.60	2	1	5	4	1	1	-	-	-	-	-	-
0.60-0.70	3	1	2	1	6	1	-	-	-	2	-	-
0.70-0.90	4	2	1	-	5	10	-	-	-	-	1	-
0.90-1.00	5	2	23	12	7	3	-	2	-	-	-	-
1.00-1.50	6	6	18	10	6	11	-	-	1	-	-	-
1.50-1.60	7	4	13	9	-	7	-	1	-	-	-	-
1.60-1.75	8	13	7	4	1	4	-	-	-	-	1	-
1.75-1.95	9	8	23	5	1	4	1	1	-	3	-	-
1.95-2.10	10	46	98	24	7	37			-	8	4	1
2.10-2.30	11	85	108	9	12	56	1	4	-	7	1	2
Б.П.	12	47	111	16	17	40	-	4	-	16	3	-
2.30-2.50	13	31	36	15	21	43	-	8	-	3	-	-
2.50-2.70	14	48	81	17	5	66	1	9	-	5	1	-
2.70-3.00	15	86	124	25	9	77	2	9	-	9	2	-
3.00-3.20	16	72	101	4	19	40	1	2	2	5	2	-
3.20-3.40	17	188	116	75	15	162	2	2	-		-	2
3.40-3.95	18	229	246	75	21	102	1, крыш- ка	10	-	62	-	-
Всего		869	1115	305	155	664	10	52	10	120	14	5
Итого	Итого 3319											

¹ Сероглиняная керамика с черным покрытием

Приложение 2. Таблица 2. Распределение профильных частей амфор по глубинам засыпи цистерны

	Типы амфор												
Глубина, с	лой	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1.75-1.95	9	+	-	-	-	+	+	+	-	+	+	-	-
1.95-2.10	10	+	+	-	-	+	+	+	+	+	+	-	-
2.10-2.30	11	+	+	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+
Б.П.	12	+	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	+
2.30-2.50	13	+	+	-	-	+	+	+	+	-	+	-	+
2.50-2.70	14	+	-	-	-	+	+	+	-	+	+	-	-
2.70-3.00	15	+	+	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+
3.00-3.20	16	+	+	+	-	+	+	+	+	-	+	+	+
3.20-3.40	17	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	+
3.40-3.95	18	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+

- 1. Типа «мирмекийской».
- 2. С венчиками клювовидными и подпрямоугольными.
- 3. Со сложнопрофилированными ручками и доньями в виде стержня.
- 4. С уплощенными высокоподнятыми ручками.
- 5. Светлоглиняные узкогорлые.`
- 6. С коническими доньями («морковки»).
- 7. Делакеу.
- 8. Коричневоглиняные тонкостенные «самосские».
- 9. С воронковидным горлом.
- 10. Светлоглиняные с рифлением стенок типа «набегающая волна».
- 11. «Газа».
- 12. Амфоры классического и эллинистического времени.

Приложение 3. Опись монет, найденных в цистерне в 2002 – 2004 гг. (определение Е.М. Кочетковой)

№ п.п.	Шифр	Описание монеты. Литература	Металл	Диа- метр. Соотно- шение осей	Примечания
1.	Двор. Цистерна. Гл. 1,6 м. (2002 год)	Монета минерализована. Л.с. Корродирована. Об.с. Корродирована. Определению не подлежит.	медь	10 мм	Сохранность очень плохая. Минерализована. Монета склеена, имеет сквозные продольные трещины.
2.	Двор. Цистерна 9.07.03. г. 0,75-0,95 м. (2003 год)	Л.с. IMP.CONSTANTINVS AVG Бюст императора в военном одеянии и шлеме вправо. Об.с. [V]ICTORIAE LAETAE PRINC. PERP. Две Виктории, держащие в руках щит с надписью: [VOT] над алтарем. В обрезе: [L(?)] Позднеримская. Константин I /307-377 гг./ Æ 3 Sear D. R. Roman coins and their values. London, 1988, p. 327, cp. n. 3883.	медь	18	Сохранность плохая. Монета частично минерализована. Стороны сильно потерты. Край монеты неровный.
3.	Двор. Цистерна. 9.07.03. г. 0,75-0,95 м.	Л.с. D.N. T[HE]ODO-SIVS P.F. AVG Бюст императора в военном одеянии и диадеме вправо. Об.с. GLORIA-ROMANORVM. Император, стоящий прямо, держит в руках штандарт и глобус. В обрезе: CONSA. Позднеримская. Феодосий I /379-395 гг./ Æ 2 Sear D. R. R. coins., p. 352, n. 4181.	медь	22 1	Сохранность средняя. Есть утраты металла по краю монеты. Край неровный.
4.	Двор. Цистерна. 9.07.03. г. 0,75-0,95 м.	Л.с. [D.N. VALE]NTINIANVS P.F. AVG Бюст императора в военном одеянии и шлеме вправо. Об.с. GLORIA [RO]-МАНОВИМ. Император, стоящий на галере, движущейся влево, у руля Виктория. В поле монеты слева - Т. В образе: SMAN. Позднеримская. Валентиниан II /375-392 гг./ Æ 2 Sear D. R. R. coins., p. 350, n. 4161.	медь	21 1	Сохранность средняя. Край монеты неровный.

١.	۲.	_	
- 1	В	•	
- 1	П	١.,	,
•		No.	ŀ

2.00		,,,,,	-		
5.	Двор. Цистерна. 10.07.03. г. 0,75-0,95 м.	Л.с. [D.]N. TEO[DO]-SI[VS P.F. AVG] Бюст императора в военном одеянии и диадеме вправо. Об.с. GLORI[A]-RO[MANO]R[VM]. Император, стоящий прямо, держит в руках штандарт и глобус. В обрезе: []. Позднеримская. Феодосий I /379-395 гг./ Æ 2 Sear D. R. R. coins., p. 352, n. 4181.	медь	22 ↓	Сохранность очень плохая. Монета минерализована. Край неровный.
6.	Двор. Цистерна. 10.07.03. г. 0,75-0,95 м.	Л.с [D.N. PR]ОСО[PIVS P.F. AVG] Бюст императора в военном одеянии и диадеме вправо. Об.с. [REPARATIO] FEL. ТЕ[МР.] Император, стоящий прямо, держит лабар в одной руке, другой рукой опирается на щит. В обрезе: [] Позднеримская. Прокопий /365-366 гг./ 3 Sear D. R. R. coins., p. 348, n. 4125.	медь	16 ↑	Сохранность очень плохая. Легенды на сторонах монеты практически не читаются, т.к. стороны очень сильно потерты. Край монеты неровный.
7.	Двор. Цистерна. 10.07.03. г 0,75-0,95 м.	Л.с. GALLIENVS AVG. Бюст императора в военном одеянии и лучевой короне вправо. Об.с. SA[L]VS A[VG] Салус, стоящая влево, держит ветвь в руке В обрезе: PXV(?) Римская. Галлиен /253-268 гг./, Антониниан 267 г.(?) Sear D. R. R. coins., р. 264, вариант п. 2990.	медь	21 🙏	Сохранность средняя. Потерта оборотная сторона монеты. Край монеты неровный.
8.	Двор. Цистерна. 15.07.03. г. 0,95-2,10 м.	Л.с. Бюст божества Херсонас вправо, справа лира. Вокруг точечный ободок. Об.с. Дева в рост, в правой руке - копье, в левой - лук. Справа - лань. Вокруг точечный ободок. Херсонес. Выпуски около 253-268 гг. н.э. Дупондий (?) Анохин В.А. МДХ, с. 156, табл. ХХІ, № 307.	медь	19 ↓	Сохранность средняя. Оборотная сторона монеты значительно потерта. Край монеты неровный.
9.	Двор. Цистерна. 16.07.03. г. 2,10-2,30 м.	Л.с. Вероятно, [D.N.LEOETZENO P.P.AVG]. Бюст императора в военном одеянии и шлеме в фас. Об.с. Вероятно, [SALVS REI-PVBLICAE]. Лев ІІ и Зенон, сидящие на троне прямо. В обрезе: [CONOB](?) Позднеримская. Вероятно, Лев ІІ /473-474 гг./ Æ 3 Ср.: Sear D. R. R. coins., p. 370, n. 4346.	медь	16 ↓	Сохранность пло- хая. Стороны монеты очень сильно потер- ты: изображения не- ясны, легенды не чи- таются. Край монеты неровный.

	1	Þ		
	- 1	1	P	
	- 1	ы	L	
•	-	_	J.J	Ţ,
_	-	2	į,	3

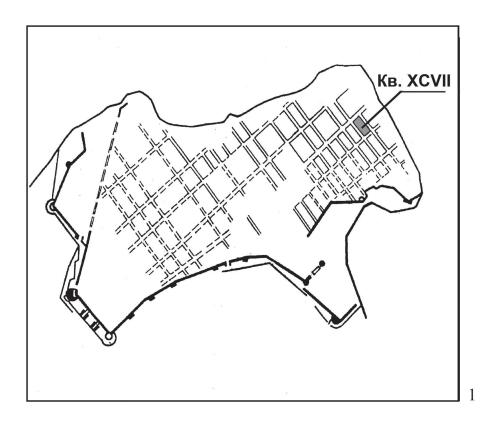
					3235
10.	Двор. Цистерна. 21.07.03. г. 2,50-2,65 м.	Л.с. [D.N. CONSTANTIVS P.F. AVG] Бюст императора в военном одеянии и диадеме вправо. Об.с. [FEL. TEMP. REPARATIO]. Солдат, движущийся влево, поражает копьем упавшего всадника. В обрезе: [] Позднеримская. Констанций II /337-361 гг./ А 3. Выпуски 354-361 гг. Sear D. R. R. coins., p. 338, n. 4010.	медь	15 ↑	Сохранность пло- хая. Стороны моне- ты сильно потерты: легенды не читают- ся. Край монеты не- ровный, имеет много трещин и сколов.
11.	Двор. Цистерна. 22.07.03. г. 2,50-2,65 м.	Л.с. Корродирована. Изображение не сохранилось. Об.с. Корродирована. Изображение не сохранилось. Не атрибутирована.	медь	≈ 15	Сохранность очень плохая. Монета минерализована. Край монеты неровный.
12.	Двор. Цистерна. 22.07.03. г. 2.50-2,65 м.	Л.с. Легенда не читается. Бюст императора в военном одеянии и диадеме вправо. Об.с. Надпись в 4 строки VOT MVLL в лавровом венке. В обрезе: [] Позднеримская IV век	медь	17	Сохранность плохая. Монета фрагментирована: край частично обломан. Стороны сильно потерты: надписи не читаются. Край неровный.
13.	Двор. Цистерна. 23.07.03. г. 2,50-2,70 м.	Л.с. Корродирована. Изображение не сохранилось. Об.с. Корродирована. Изображение не сохранилось. Не атрибутирована.	медь	≈ 18 	Сохранность очень плохая. Монета фрагментирована (сохранилась примерно 1/3 часть монеты) и минерализована. Край неровный.
14.	Двор. Цистерна. 25.07.03. г. 2,70-2,90 м.	Л.с. D.N. ARCADIVS P.F. AVG Бюст императора в военном одеянии и диадеме вправо. Об.с. VIRTVS E-XERCITI. Император, стоящий вправо, попирает левой ногой пленника, в руках держит штандарт и глобус. В обрезе: SMHB. Позднеримская. Аркадий /383-408 гг./. Чекан Гераклеи. Е 2 Sear D. R. R. coins., p. 356, n. 4230.	медь	22 ↓	Сохранность удовлетворительная. Край неровный.

2.333					
15.	Двор. Цистерна. 25.07.03. г. 2,70-2,90 м.	Л.с. D.N. THEODO-SIVS P.F. AVG Бюст императора в военном одеянии и диадеме вправо. Об.с. GLORIA-[R]O[MANO]R[VM] Император, стоящий прямо, держит в руках штандарт и глобус. В обрезе: SM[] Позднеримская. Феодосий I /379-395 гг./ Æ 2 Sear D. R. R. coins., p. 352, n. 4181.	медь	21	Сохранность плохая. Монета минерализована, есть многочисленные трещины по краю монеты. Край неровный.
16.	Двор. Цистерна. 28.07.03. г. 2,70-2,90 м.	Л.с. D.N. ARCADI-[VS P.].F. AVG. Бюст императора в военном одеянии и диадеме вправо. Об.с. GLORIA-ROMANORUM. Император, стоящий прямо, держит штандарт и глобус. В обрезе: [SM?]H[A?]. Позднеримская. Аркадий /383-408 гг./. Чекан Гераклеи(?) 2 Sear D. R. R. coins., p. 356, n. 4231.	медь	≈22 ↑	Сохранность плохая. Монета минерализована (?) Есть утраты металла по краю монеты. Край неровный.
17.	Двор. Цистерна. 30.07.03. г. 2,70-3,00 м.	Л.с. Корродирована. Изображение не сохранилось. Об.с. Корродирована. Изображение не сохранилось. Не атрибутирована.	медь	≈ 26 	Сохранность неудовлетворительная. Стороны стерты. Монета минерализована. Край неровный.
18.	Двор. Цистерна. 30.07.03. г. 2,70-3,00 м.	Л.с. Голова Зевса вправо, слева "копье". Надчеканка "кадуцей". Об.с. Стерта. [ОΛΒΙΟ/ΠΟΛΕ ΙΤΕΩΝ]. Вероятно, изображение орла в 3/4 вправо, справа монограмма. Ольвия. 51/52 г. н. э. (шестой г. о. э.) Ассарий. Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-западного Причерноморья. Киев, 1989, с. 112, табл. XXI, № 346.	медь	18	Сохранность удовлетворительная. Оборотная сторона монеты стерта. Край неровный.
19.	Двор. Цистерна. 31.07.03. г. 2,70-3,00 м.	Л.с. Корродирована. Изображение не сохранилось. Об.с. Корродирована. Изображение не сохранилось. Не атрибутирована.	медь	16-17 	Сохранность неудовлетворительная. Монета минерализована. Стороны стерты, край неровный.
20.	Двор. Цистерна. 8.07.2004. предпоследний слой.	Л.с. Стерта. Об.с. Стерта. Определению не подлежит.	медь	18	Сохранность очень плохая. Стерта, минерализована, фрагментирована, изображения не сохранились.
21.	Двор. Цистерна. 12.07.2004. нижний слой.	Л.с. Стерта. Об.с. Стерта. Определению не подлежит.	медь	15	Сохранность очень плохая. Минерализована, стерта, склеена, фрагментирована, изображения не сохранились.

_	T	Ŧ
5	1	į.

					9.55
22.	Двор. Цистерна. 15.07.2004. нижний слой.	Л.с. Голова в вуали вправо. Круговая надпись не сохранилась. Об.с. Очень плохо сохранившееся изображение завуалированной фигуры Константина, стоящего вправо. По сторонам [VN].МR. Справа звездочка. Круговая надпись не сохранилась. В обрезе: надпись не сохранилась. Римская империя. Ж 4. Константин I (307-337) Коммеморативный выпуск. Sear D.R. R. coins, p.327, n. 3888.	медь	14 12:12	Сохранность плохая, потерта, край неровный.
23.	Двор. Цистерна. 16.07.2004. нижний слой.	Л.с. Голова Геракла вправо. Об.с. Плохо сохранившееся изображение бодающего быка влево, внизу имя не сохранилось. Имя города [ХЕР] не сохранилось. Античная. Выпуск около 210-200 гг. до н.э. Дихалк. Чекан Херсонеса. Анохин В.А. МДХ, с.144, Табл. Х, № 149.	медь	15 12:12	Сохранность плохая. Потерта, край неровный.
24.	Двор. Цистерна. 16.07.2004. нижний слой.	Л.с. Стерта. Об.с. Стерта. Определению не подлежит.	медь	15	Сохранность очень плохая. Минерализована, стерта, фрагмент, изображения не сохранились.
25.	Двор. Цистерна. 19.07.2004. нижний слой.	Л.с. Стерта. Об.с. Стерта. Определению не подлежит.	медь	20	Сохранность очень плохая. Минерализована, стерта, фрагментирована, в поле монеты сквозное отверстие, изображения не сохранились.

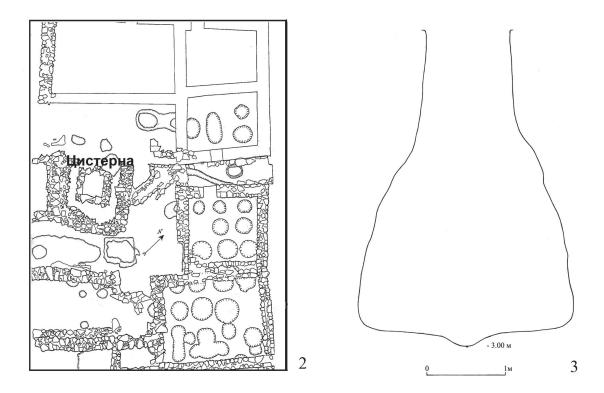

Рис. 1. 1 – Схематический план Херсонеса с указанием квартала XCVII. 2 – Цистерна. Генеральный план раскопа. 3 – Разрез цистерны

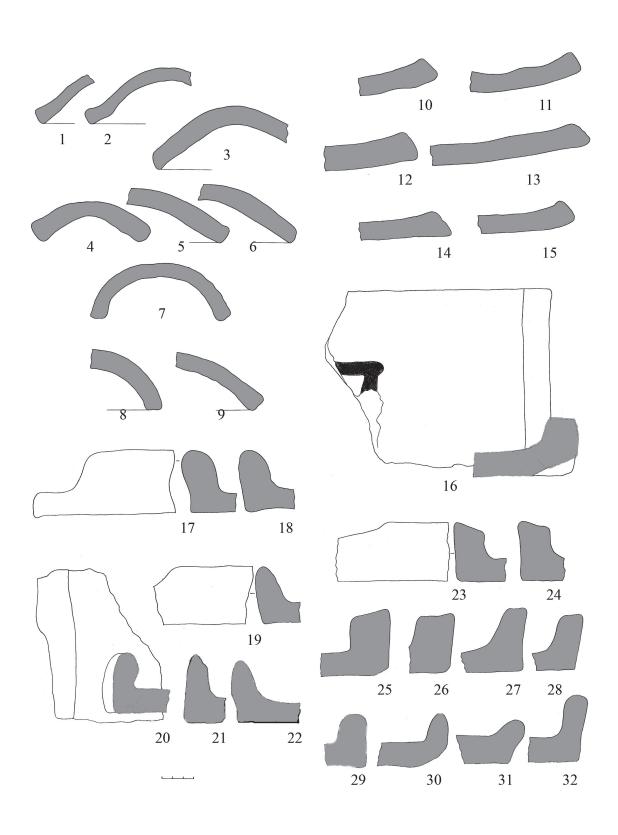

Рис. 2. Профили соленов и калиптеров

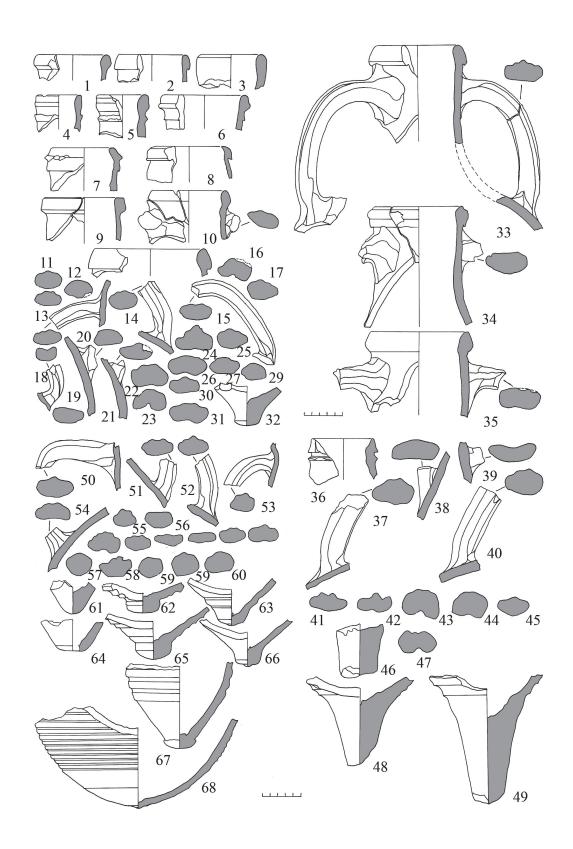

Рис. 3. Фрагменты красноглиняных амфор разных типов

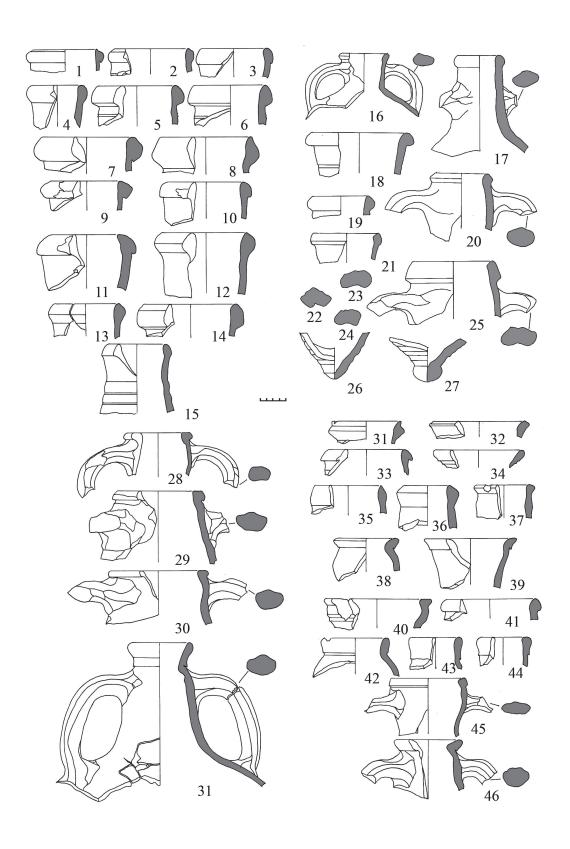

Рис. 4. Фрагменты амфор разных типов

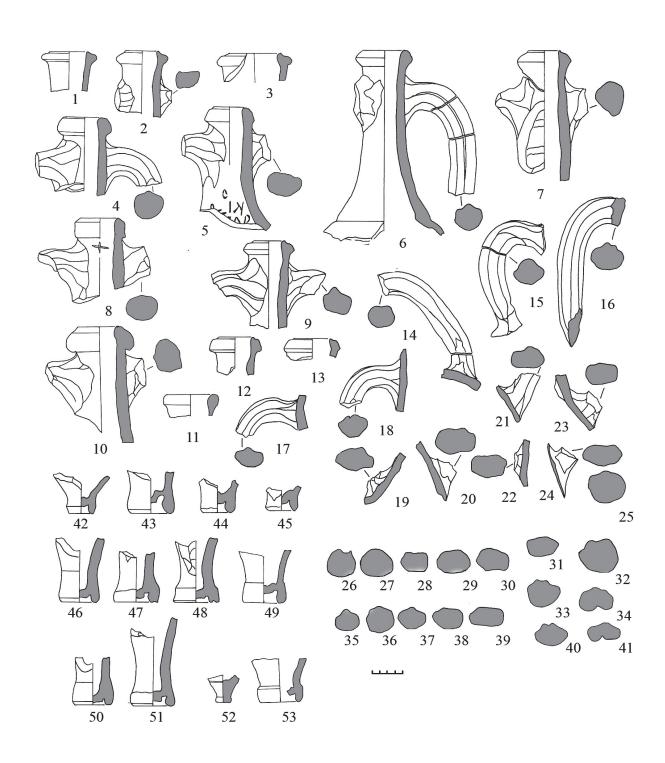

Рис. 5. Фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор

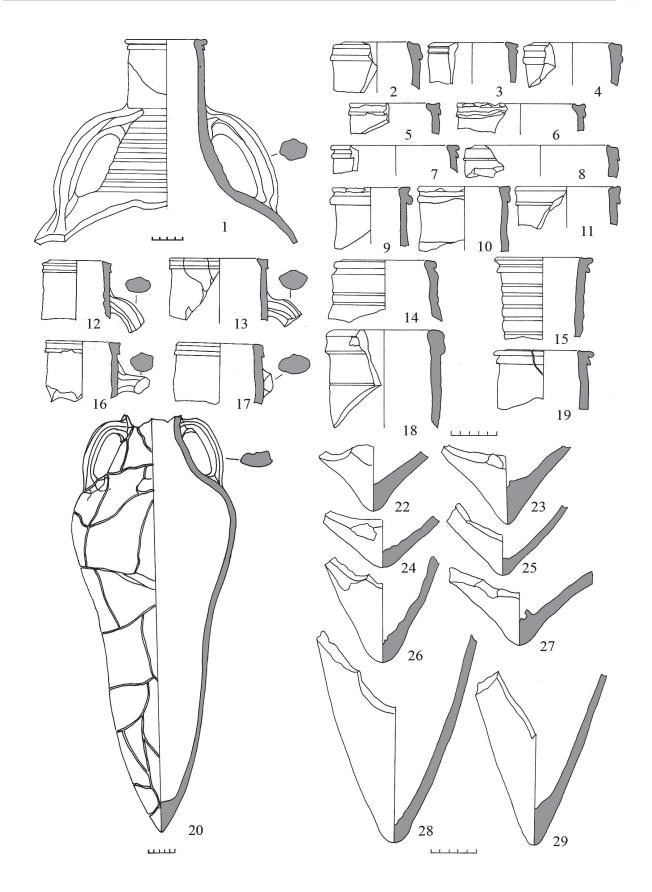

Рис. 6. Фрагменты амфор типа Делакеу и с конусовидными доньями

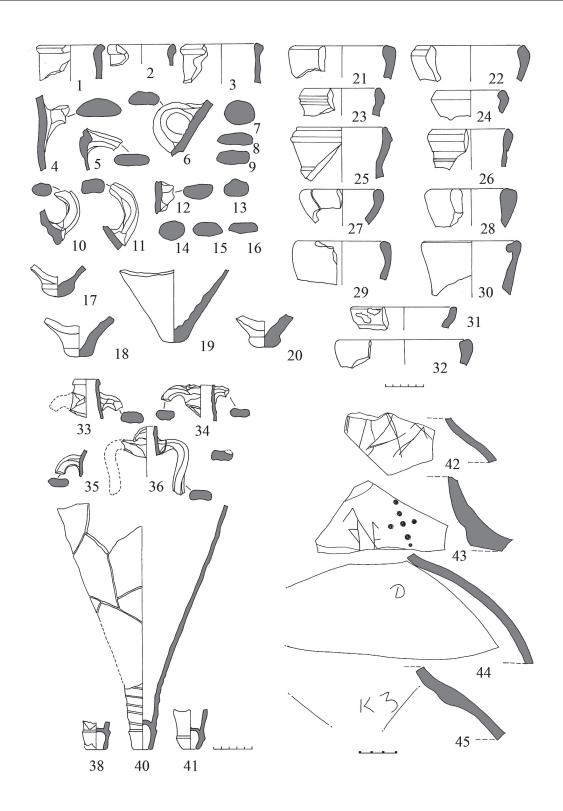

Рис. 7. Фрагменты коричневоглиняных амфор разных типов; амфор с воронковидным горлом; граффити на стенках амфор

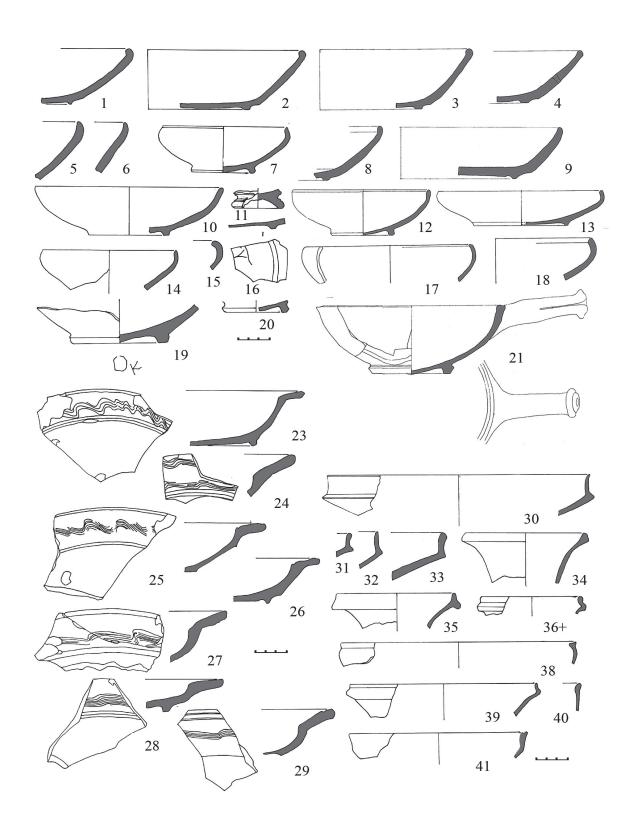

Рис. 8. Типы краснолаковой посуды

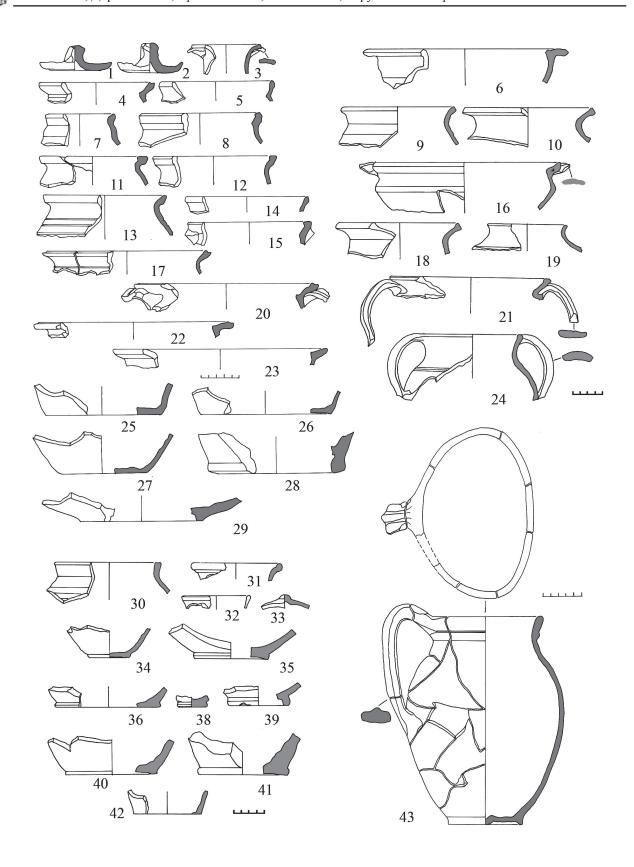

Рис. 9. Различные типы кухонной гончарной и простой столовой посуды

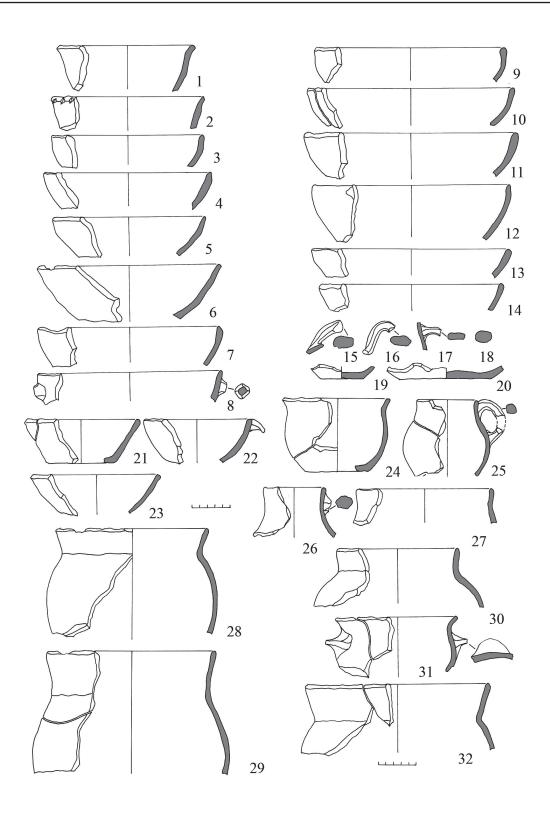

Рис. 10. Лепная керамика

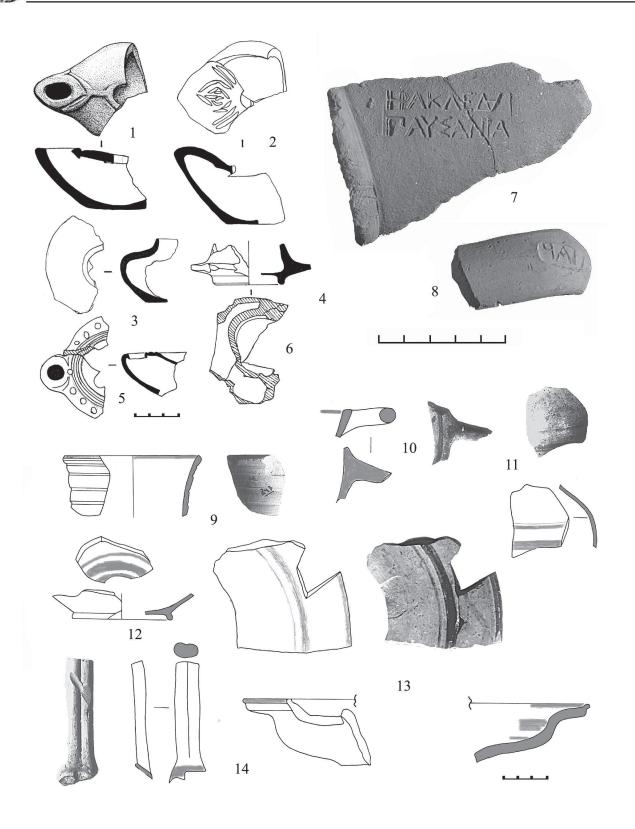

Рис. 11. Фрагменты керамических находок разного времени

С.В. УШАКОВ, А.А. ФИЛИППЕНКО

НОВЫЕ ДАННЫЕ ОБ АЛАНАХ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ (по материалам некрополя Карши-Баир)

В последние годы наблюдается взрыв научного интереса к эпохе Великого переселения народов в Крыму: несмотря на массовое уничтожение памятников, многие из них удается доследовать; чуть ли не в геометрической прогрессии растет количество публикаций, в статьях и монографиях исследователей сформировались и выкристаллизовались исторические концепции этой эпохи в Крыму (напр.: Айбабин 1999). Однако новые материалы могут их не только подтвердить, но и, вероятно, скорректировать.

Статья посвящена двум недавно открытым погребальным комплексам могильника Карши-Баир в Юго-Западном Крыму. Этот некрополь расположен на левом берегу реки Бельбек, в одном километре к юго-востоку от железнодорожной станции Верхнесадовая, в северо-восточной части безымянной долины, находящейся в межгорье отрогов плато Мекензиевых гор, носящих тюркские названия Кымыр-Кая, Кая-Баш, Узун-Сырт, Баш-Кая, Карши-Баир (Рис. 1). Некрополь состоит из двух частей, которые получили условные наименования Карши-Баир I и Карши-Баир II. Погребальные сооружения представлены грунтовыми склепами с длинными дромосами (входными ямами), подбойными и простыми грунтовыми могилами. Хотя почти все они оказались разграбленными, все-таки раскопки дали разнообразный археологический материал: лепная и краснолаковая посуда, металлические (фибулы, пряжки, ножи, кинжалы, колты), стеклянные (колбы, тарелки, стаканы) и костяные изделия (Ушаков, Филиппенко 2002: 27-34; 2004: 115-117; в печати). На основании всех этих данных становится возможным реконструировать некоторые эпизоды этнической истории этого района на рубеже античности и средневековья (Ушаков, Филиппенко 2003: 40-41).

Особый интерес представляют собой два дозахоронения, которые совершены в камерах земляных склепов № 1 (Карши-Баир I) и № 10 (Карши-Баир II). Оба погребения женские и ориентированы поперек камеры у входа в погребальные сооружения.

Карши-Баир I.

Склеп № 1 (ориентирован по Az ∠50°) (Рис. 2)

В склеп вел дромос, трапециевидный в сечении, длиной 2,3 м, шириной около 1,1 м, глубиной 4,1(3,5) м (здесь и далее в скобках дается глубина от древней дневной поверхности). Входное отверстие в камеру склепа было заложено посередине мощной известняковой плитой размерами 0,9х1,0х0,3 м и дополнительно несколькими кубовидными блоками, поставленными друг на друга по 3 с каждой стороны плиты и расклиненными более мелкими камнями. Дно камеры склепа находилось на глубине 4,25 м. Высота камеры склепа реконструируется в пределах 1,7 м, длина камеры достигала 2,9 м, ширина - 1,9 м.

В склепе было зафиксировано 4 погребения. В погребении 1 найден небольшой железный меч и керамические прясла (Рис. 2, 3/1,33,34), в погребении 3 – набор бус (Рис. 2, 3/2-16). В данном случае речь будет идти о захоронении № 4, которое было совершено почти у входа поперек камеры склепа на глубине 3,9 м от дневной поверхности. Ноги погребенной перекрывали нижнюю часть гроба погребения №1 (Рис. 2). Таким образом, погребение № 4, несомненно, было самым поздним в этом склепе. По обряду захоронения оно является трупоположением на спине. Правая рука была подогнута и лежала на тазовых костях. Кости оказались частично потревожены, череп находился в районе пояса погребенной у самого входа в склеп.

В области шеи найдена низка бус (Рис. 3/21-32), на которой был подвешен амулет - бронзовый перстень без вставки (Рис. 2, 3/20). Там же было найдено зеркальце (из белого металла) с центральным ушком, орнаментировано выпуклой концентрической незамкнутой и волнистой линиями (Рис. 2, 3/18). Такие зеркальца являлись обычным инвентарем в сармато-аланских погребениях в достаточно широких хронологических рамках: массово, как минимум, с IV до начала VIII в. (Археология СССР 1981: 179, рис. 62, 19-21 - V в., 97 - вторая половина VII в., 117 - начало VIII

в.; Флеров 1998: 533, рис. 5, 227; Храпунов 2002: 41). Абсолютно точную аналогию изображения на тыльной стороне зеркальца нам найти не удалось. Оно несколько напоминает рисунок на детали украшения из могилы 82 некрополя Лучистое (Айбабин, Хайрединова 1998: 280, рис. 4, 1; Хайрединова 2002: рис. 15, 14). Подобные зеркальца известны в Приазовье - танаисская находка относится авторами публикации к первой половине V в. (Арсеньева, Безуглов, Толочко 2001: 9, табл. 6, 63, каталог № 12). Широко они были распространены на Северном Кавказе, где, например, зеркальце у Лермонтовой скалы А. К. Амброз также продатировал V в. (Амброз 1989: 96, рис. 10,5,13). Имеются такие зеркальца и в Центральной Европе времени Великого переселения народов: находка из Унтерзибенбрунна была отнесена этим же автором к первой половине V в. (Амброз 1989: 96, рис. 6, 11).

На правой ключице погребенной найдена сильно окислившаяся небольшая двупластинчатая фибула с дуговидной спинкой, изготовленная из низкопробного серебра (белого металла) (Рис. 2, 3/17). Щиток над несохранившейся пружиной трапециевидной формы, сечение дужки полукруглое. У фибул этого типа щиток («ножка») чаще бывает ромбовидным в плане. Обычно такие фибулы (первой подгруппы по А. К. Амброзу) относят к IV или к первой половине V века (Амброз 1966: 77; 1994: 77, рис. 2,17, Скалистое, склеп 421; Айбабин 1999, табл. ХХ, 4; Хайрединова 2002: 97). Считается, что одной фибулой застегивали одежду аланки (Айбабин 2002: 42).

В области пояса находилась небольшая пряжка с округлой рамкой (Рис. 2, 3/19). Судя по ее форме, пряжка могла относиться ко времени, не позднее V в. (Айбабин 1999, рис. 27, 17). Исходя из хронологического определения сохранившегося вещевого инвентаря, погребение, о котором идет речь, было совершено в V веке. Датировка фибулы заставляет думать, что время захоронения должно быть отнесено, скорее, к первой половине этого столетия, однако нельзя исключить середину и вторую его половину.

Карши-Баир II.

Склеп № 10 (ориентирован по Ах ∠50°)

Камера размерами 2,4 х 1,7 м, высотой 1,9 м, глубиной 5,3 (4,8) м (?) (Рис. 4). В камеру вел дромос длиной 2,2 м, шириной 0,8-0,9 м. Входной лаз (коридорчик) был совершенно разрушен грабителями и закладная плита попала в камеру склепа, поэтому реконструкция склепа в этой части плана достаточно условна. Дромос обрывался в камеру уступом высотой 0,9 м. Возможно, что в дальней

стенке камеры существовала полка или ниша, в которой устанавливалась погребальная посуда, но не исключено, что погребальный инвентарь мог находиться и вдоль стен склепа. Точно это выяснить не представлялось возможным из-за сильного разрушения и разграбления склепа.

Точное количество погребенных в нем установить также не удалось. Вероятно, первоначально в камере было совершено не менее двух-трех погребений, ориентированных по продольной оси склепа. В дальнейшем, позднее, у входа было совершено женское захоронение, от которого сохранился отпечаток тлена грудной клетки и шейных позвонков, на которых обнаружены янтарные бусы (Рис. 4/2-11, 5/5-14) и дисковидное зеркальце с центральной петлей и тремя выпуклыми концентрическими линиями на его внутренней стороне; этот предмет туалета оказался раздавленным на 3 части (Рис. 4/1, 5/1). При доследовании засыпи погребальной камеры был обнаружен и другой инвентарь, как-то: остатки двух стеклянных колб (Рис. 6), две кухонные, почти целые плошки грубой глины, фрагменты кухонного горшочка, бронзовые пряжки (Рис. 5/2-4). Кроме этих вещей, у левой стенки камеры были найдены фрагменты железного меча, несколько железных черешковых наконечников стрел, кольца, скобы и несколько других плохо сохранившихся железных предметов неопределенной формы.

Как можно заметить, погребение № 4 из склепа 10 аналогично по своему характеру и инвентарю описанному выше погребению из первого склепа. На низке из бус в обоих случаях были подвешены зеркала с центральным ушком и орнаментом из выпуклых линий. Такие зеркала, как было уже указано, находят ближайшие аналогии в крымских (напр.: Хайрединова 2002: рис. 13,7; Храпунов 2002: рис. 73, 9) могильниках и, добавим, более всего их в некрополях Северного Кавказа (Айбабин 2002: 42), где они безоговорочно связываются с аланским кругом памятников.

Когда же все-таки оно было совершено? Здесь может помочь датировка тех предметов из склепа, которые относились ко времени, предшествующему совершению погребения. Более или менее точные даты в этом случае можно указать только для пряжек. Более крупная из них – трехчастная с литым кольцом, треугольным язычком и щитком І-1 варианта по А. И. Айбабину (1990: 36, рис. 37, 5,8). А.К. Амброз (1989: 104, рис. 18,2; 1994: рис. 10) относил такие пряжки к первой трети V в.; А.И. Айбабин находки из некрополей Скалистого (склеп 495) и Черной речки (склеп 5/1988) - к первой трети – концу VI в. (Айбабин

1979: 28; 1999: 21, 313). Может быть, эти датировки несколько завышены? (См.: Щукин 2004: 264). Косвенно об этом могут говорить и примеры разного типа гарнитуры, рассматриваемой с точки зрения европейской хронологии. Так, исходный пункт датировки фибул группы Левице-Токари $(\Pi 2 - 406/409-454 \ \Gamma \Gamma)$ соотносится с фибулами и пряжками, однотипными с найденными в Карши-Баире (Ср.: Гавритухин 1994: 34-37, рис. 1 А; Шаров 1992: табл. Х). В любом случае, погребение, о котором шла речь, не могло быть совершено ранее конца первой трети – середины V в.

В любом случае, оба описанных выше погребения (в склепе 1 и склепе 10), несомненно, синхронные и самые поздние в них. Они представляли собой, вероятно, дозахоронения с измененной по отношению к более ранним погребениям ориентацией. При этом еще раз отметим, ноги погребенной в склепе № 1 перекрывали погребение № 3, хотя места в погребальной камере было достаточно: можно было положить умершую вдоль правой стенки. Эти наблюдения могут быть объяснены двояко. Во-первых, они могут отражать просто особенности погребального обряда: захоронения поперек склепа известны в могильниках Юго-Западного Крыма, как, например, в некрополях Инкерман, Черная речка, Красная Заря, Суворово (Храпунов 2004: 139). Они могут являться, во-вторых, археологическим отражением новой волны миграции алан. Это утверждение может быть подтверждено распространением различных групп инвентаря, которые с начала VI в. массово фиксируются в Юго-Западном Крыму. Возможно, носители данной культурной традиции, продвигаясь по пути с Боспора или Северного Кавказа (Храпунов 2004: 137-139) по степям Северного Причерноморья, проникли в этот район полуострова, где оставили следы своей материальной культуры. Переселенцы могли осесть в среде родственных племен.

Считается, что, хотя в целом этнокультурные традиции в предгорном Крыму в V в. и не прерываются (Амброз 1995: 35), этническая ситуация претерпевает существенные перемены. Численность населения сокращается (уменьшается количество зафиксированных погребений). Прекращают свое существование большинство сармато-аланских могильников. Относительно немногочисленные аланы живут в долине реки Черной, они поселяются у Скалистого и Лучистого (Айбабин, Хайрединова 1998: 274-311).

Чем можно объяснить такое резкое измене-

ние ситуации? Внутренние причины отпадают. Остается внешний фактор - вторжение гуннов в причерноморские степи, покорение и уничтожение ими части алан, начиная с 375 г. Что касается Крыма, то степи полуострова гунны заняли с начала-середины второй четверти V в. (Зубарь 2004: 224), а господствовать они стали здесь позднее – уже со второй половины этого же столетия. Может быть, в сражениях с гуннами участвовали и представители аланского населения Юго-Запада Крыма? Их место могли занять переселенцы с Северного Кавказа (Айбабин, Хайрединова 1998: 309). Подобная реконструкция событий очень вероятна: кроме письменных источников, дающих нам общую канву событий, в нашем распоряжении и данные археологических находок. Имеются в виду преимущественно предметы полихромного стиля, связанные с кладами и погребениями кочевников из крымской степи (Сводку данных см.: Засецкая, 1994: табл. 22-27; Айбабин 1993: 206-211). По мнению некоторых исследователей, на кратковременное пребывание гуннов у Херсонеса - Херсона могут указывать остатки каменных оснований юртообразных сооружений (Пиоро 1990: 45, 47; Зубарь 1993: рис.18). К сожалению, датировать их точно не представляется возможным.

О проникновении гуннов в Юго-Западный Крым и, таким образом, о влиянии гуннских вторжений на аланское (и готское?) население региона косвенным образом говорят археологические находки последних лет. В качестве яркого примера назовем находку погребения юноши-воина во вторично использованном грунтовом склепе № 635 Усть-Альминского могильника (Пуздровский, Зайцев, Неневоля 1999). Юноша 15-18 лет был похоронен в деревянной колоде. Инвентарь: бронзовый котелок, детали конской сбруи, пряжки, железные наконечники стрел – и другие находки не оставляют никакого сомнения о принадлежности погребенного к гуннскому племенному союзу. Об этом же говорит и обряд погребения, и анализ антропологического материала. Авторы раскопок датируют время совершения этого погребения достаточно узко - второй четвертью V в. (Пуздровский, Зайцев, Неневоля 1999: 203).

Материалы могильника Карши-Баир позволяют утверждать, что там продолжали хоронить и во времена предполагаемого господства гуннов в причерноморской степи. Судя по данным этого некрополя, аланы оставались в этих местах, как минимум, еще полтора-два столетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айбабин А.И. 1979 Погребения второй половины V - первой половины VI вв. в Крыму. КСИА. 158: 22-34.

Айбабин А.И. 1990 Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени. *МАИЭТ*. (Симферополь). 1: 4-86.

Айбабин А.И. 1993 Погребение кочевнической знати в Крыму конца IV-VI вв. МАИЭТ. (Симферополь). 3: 206-211.

Айбабин А.И. 1999 Этническая история ранневизантийского Крыма. (Симферополь).

Айбабин А.И. 2002 Поясной набор с пуансонным орнаментом из Лучистого. МАИЭТ. (Симферополь). 9: 37-52.

Айбабин А.И., Хайрединова Э.А. 1998 Ранние комплексы могильника у с. Лучистое в Крыму. *МАИЭТ*. (Симферополь). 6: 274-311.

Амброз А.К. 1966 Фибулы юга Европейской части СССР. САИ Д 1-30.

Амброз А.К. 1989 Хронология древностей Северного Кавказа V-VII вв. (Москва).

Амброз А.К. 1994 Юго-западный Крым. Могильники IV-VII вв. МАИЭТ. (Симферополь). 4: 31-88.

Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. 2001 Некрополь Танаиса. Раскопки 1981-1995 гг. (Москва).

Гавритухин О.И. 1994 Причерноморская серия фибул группы Левице-Токари. Боспорский сборник 4: 32-42.

Засецкая И.П. 1994 Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). (Санкт-Петербург).

Зубарь В.М. 2004 Херсонес Таврический и население Таврики в античную эпоху. (Киев).

Пиоро И.С. 1990 Крымская Готия (Очерки этнической истории населения Крыма в позднеримский период и ранее средневековье). (Киев).

Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Неневоля И.И. 1999 Погребение гуннского времени на Усть-Альминском могильнике. *XCб* 10: 186-202.

Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР 1981 (Москва).

Ушаков С.В., Филиппенко А.А. 2002 Некоторые типы краснолаковой посуды из раскопок могильника Карши-Баир. *Восток – Запад: Межконфессиональный диалог.* (Севастополь): 27-34.

Ушаков С.В., Филиппенко А.А. 2003 Аланы в Юго-Западном Крыму (по материалам могильника Карши-Баир). Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. (Ростов-на-Дону): 40-41.

Ушаков С.В., Филиппенко А.А. 2004 Аланский склеп в могильнике Карши-Баир в Юго-Западном Крыму. *Боспорский феномен: Проблемы хронологии и датировки памятников*. (Санкт-Петербург). 2: 306-311.

Ушаков С.В., Филиппенко А.А. 2004 Могильник Карши-Баир в Юго-Западном Крыму. Погребальный инвентарь (изделия из металла). *Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре*. (Киев-Судак). 1: 115-117.

Ушаков С.В., Филиппенко А.А. (в печати) Керамический комплекс могильника Карши-Баир в Юго-Западном Крыму.

Флеров В.С. 1998 Разрушенные склепы на могильнике Клин-Яр III на Северном Кавказе. *МАИЭТ*. (Симферополь). 6: 523-538.

Хайрединова Э.А. 2002 Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V - первой половине VI вв. *МАИЭТ*. (Симферополь). 9: 53-118.

Храпунов И.Н. 2002 Могильник Дружное (III-IV вв. нашей эры). (Lublin).

Храпунов И.Н. 2004 Этническая история Крыма в раннем железном веке. *Боспорские исследования* 6. (Симферополь-Керчь).

Шаров О.В. 1992 Хронология могильников Ружичанка, Косаново, Данчены и проблема датировки черняховской керамики. *Проблемы хронологии эпохи Латена и Римского времени. По материалам Первых Тихановских чтений (Ленинград, 1988 г.).* (Санкт-Петербург): 158-207.

Щукин М.Б. 2004 Река времени (Некоторые замечания о методиках хронологических расчетов эпохи Латена и римского времени). *Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников*. (Санкт-Петербург). 2: 261-276.

SUMMARY

S.V. Ushakov, A.A. Philippenko

NEW DATA OF THE ALANS IN THE SOUTHERN-WEST OF CRIMEA (according to the material of necropol Karshi-Bair)

Protective excavations of the necropolis Karshi-Bair in 1998-2000 produced varied archaeological material which gives an opportunity to reconstruct several episodes of the ethnic history of this area.

The article is devoted to two additional burials in the cells of vault 1 (Karshi-Bair I) and vault 10 (Karshi-Bair II). Both are female burials with similar material (strings of beads, pendants, a mirror with central eye, buckles, a two-plate fibula – vault 1). The additional burials, which were oriented differently from the earlier ones and had characteristic mirrors in the studied vaults, may be an evidence of the new surge of migration of the Alans. On their way from Northern Caucasia, they got in South-Western Crimea in the 5th-6th centuries, where a part of them settled among kindred tribes.

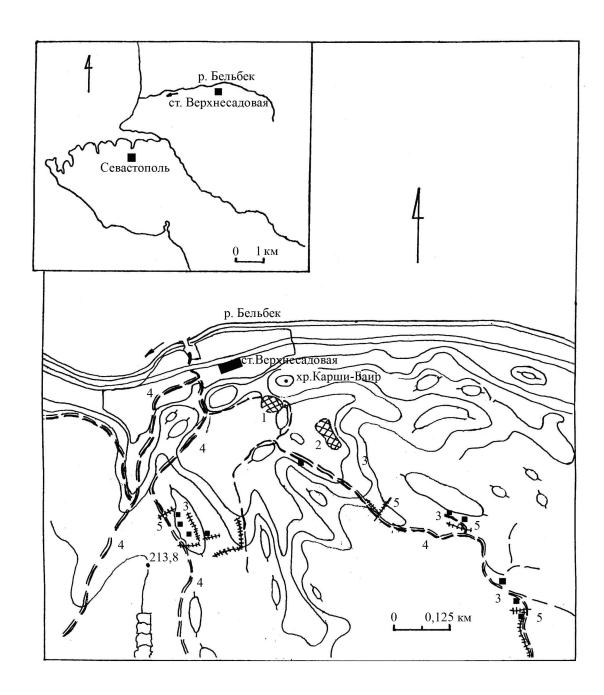

Рис. 1. Схематический план расположения могильника Карши-Баир

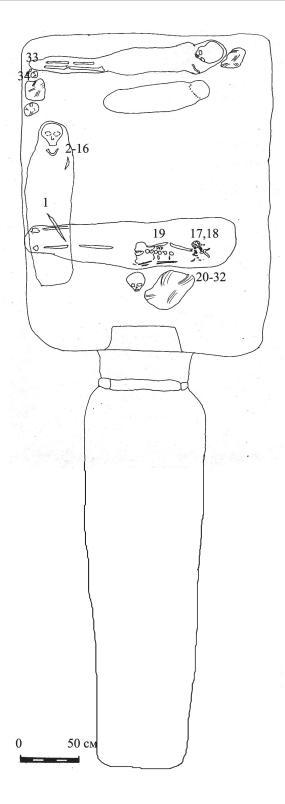

Рис. 2. Некрополь Карши-Баир I. Склеп № 1. План

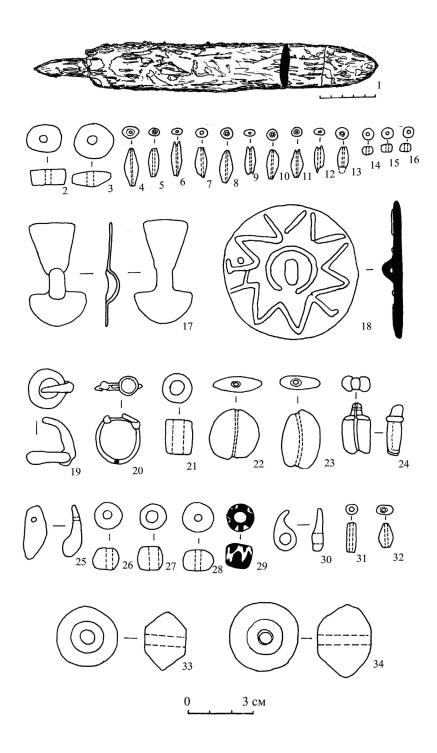

Рис. 3. Некрополь Карши-Баир І. Склеп № 1. Инвентарь

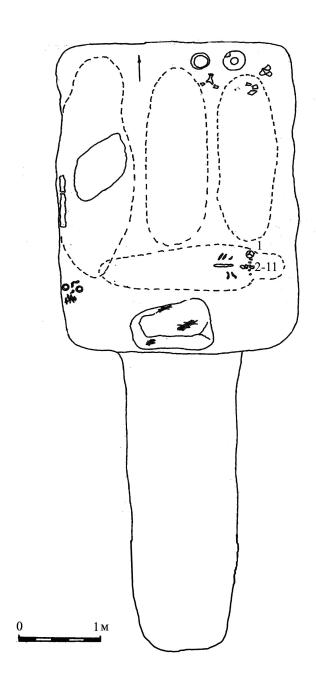

Рис. 4. Некрополь Карши-Баир II. Склеп № 10. План

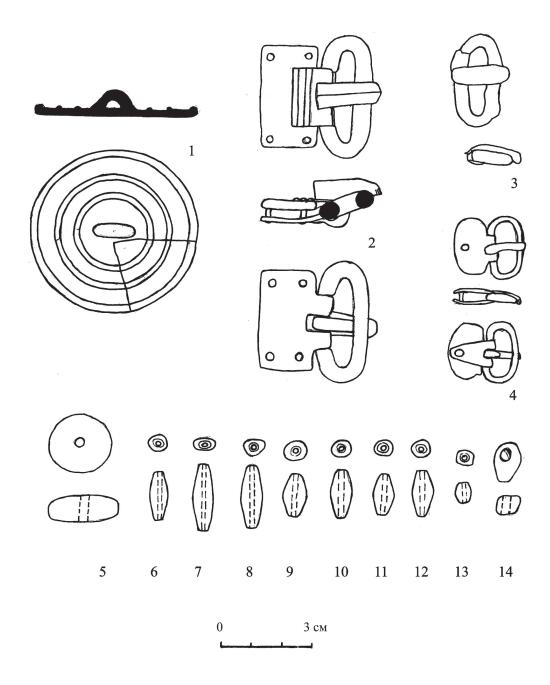

Рис. 5. Некрополь Карши-Баир II. Склеп № 10. Зеркальце, пряжки, бусы

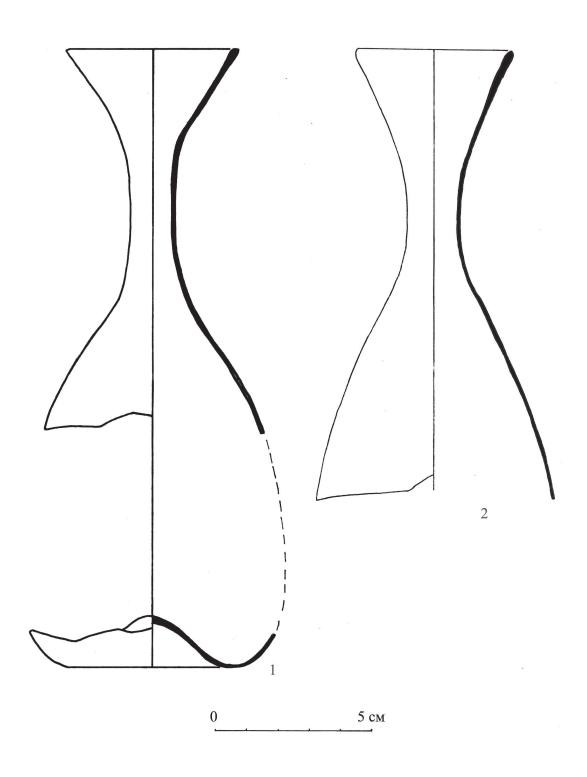

Рис. 6. Некрополь Карши-Баир II. Склеп № 10. Стеклянные колбы

А.В. ШАМАНАЕВ

К ИСТОРИИ ПРОЕКТА СОЗДАНИЯ «ХРИСТИАНСКОГО МУЗЕЯ» В ХЕРСОНЕСЕ

Вклад Одесского общества истории и древностей в дело изучения и сохранения херсонесских древностей хорошо известен и многократно рассматривался в научной литературе (Гриневич 1927: 12; Сорочан, Зубарь, Марченко 2000: 23-25; Тункина 2002: 530-533). Практически со времени создания в 1839 г. это общество проявляло постоянный интерес к Херсонесу, а с 1876 по 1886 г. им осуществлялись раскопки городища. Одним из интересных фактов деятельности ООИД является проект создания «Христианского музея» на территории городища.

Вскоре после начала археологического изучения памятника в 1827 г. научный мир России оценил его историческую значимость (Формозов 1975: 173-175). Однако, несмотря на предпринимавшиеся меры в основном флотским начальством, разрушение остатков построек продолжалось, находки рассеивались по разным музейным и частным коллекциям (Иванов 1912: 170; Тункина 2002: 504-505, 509). По-видимому, некоторые вещи сохранялись на территории городища. Так, С.С. Куторга (экстраординарный профессор Санкт-Петербургского университета), посетивший Херсонес весной 1833 г., отметил, что «с тех пор как правительство обратило внимание на сии древности, все что найдено... сохраняется под строгим надзором» (Куторга 1834: 89). Н.Н. Мурзакевич (один из основателей Одесского общества, его секретарь в 1839-1875 гг. и вице-президент в 1875–1883), через три года побывавший на памятнике, оценивал ситуацию с сохранением херсонесских древностей более критически. Он высказал опасение, что даже мраморные колонны с крестами, найденные в развалинах одного из храмов, не застрахованы от «перезжения на известь». Судя по всему, какие-то вещи из Херсонеса сохранялись в Севастополе. Так, Н.Н. Мурзакевич описал античное мраморное надгробие, найденное на городище и вделанное в притвор церкви св. Иоанна Крестителя (Мурзакевич 1837: 645-648).

Одна из основных задач Одесского общества истории и древностей состояла в том, чтобы «собирать, описывать и хранить все остатки древностей, открывающихся в южной России» (Брун 1872: 333). Существенное значение для реализации этой задачи имела деятельность музея общества, открытого в 1843 г. и объединенного в 1858 г. с Одесским городским музеем (создан в 1825 г.) (Самойлова 1989: 27-29; Булатович 1989: 29-32). Для пополнения коллекций музея, а также сохранения наиболее интересных находок из Херсонеса ООИД в 1845-1846 гг. обращалось к командиру Черноморского флота и портов, военному губернатору Севастополя и Николаева адмиралу М.П. Лазареву (почетному члену общества с 1840 г.) с просьбой организовать поиски лапидарных памятников на руинах Херсонеса и доставить находки в музей общества (Гриневич 1927: 12). В результате в собрании музея оказались «архитектурные византийские церковные украшения, собранные в местностях Херсониса» (Ляликов 1848: 794).

В 1850 г. правительство разрешило архиепископу Херсонскому и Таврическому Иннокентию приступить к реализации программы восстановления древних христианских памятников Крыма (Гроздов 1888: 83-86). В «Записке о восстановлении древних святых мест по горам крымским» Иннокентий высказал идею строительства в Херсонесе собора в память крещения князя Владимира. По первоначальному замыслу собор должен был представлять собой реконструкцию древней церкви: «Поелику основания древней церкви среди развалин Херсонеса целы доселе и даже сохранились части колонн и орнаментов ея; то новейшая архитектура в состоянии по сим данным восстановить ее в том древнем виде, как она была при Владимире» (Гроздов 1888: 91). Научно-историческое обоснование этого проекта было подготовлено в 1852 г. Н.Н. Мурзакевичем (Тункина 2002: 527).

Можно предположить, что в эти же годы возникла идея создания местного музея. Когда в 1853 г. А.С. Уваров предпринял изучение базилики, открытой в 1851 г., ему пришлось обратиться к архиепископу Иннокентию за разрешением на раскопки (Ящуржинский 1888: 112). Последний дал

согласие, но с условием оставлять все находки на месте, чтобы позже поместить их в древнехранилища, которые предполагалось устроить в Херсонесе и Инкермане (Тункина 2002: 527). Судя по всему, такое положение дел А.С. Уварова не устроило. Для решения вопроса им были привлечены высшие сферы. По ходатайству министра уделов графа Л.А. Перовского, обер-прокурор Святейшего Синода граф Н.А. Протасов, согласовав решение с Николаем I, постановил 30 ноября 1853 г.: «предметы глубокой древности, принадлежащие к времени до Рождества Христова ... должны поступить в музеум Эрмитажа ... оставлять же на месте из числа найденных, ... можно лишь те, которые относятся до христианской церкви» (Гроздов 1888: 99–100). События Крымской войны 1853–1856 гг. заставили отложить реализацию всех планов, связанных с Херсонесом.

Почти через 20 лет после окончания военных действий автор серии путеводителей по достопримечательным местам Крымского полуострова Ф.В. Ливанов увидел в Херсонесе малопривлекательную картину. С глубоким сожалением он отметил необустроенность этого уникального памятника: «Какое счастье для России, что она обладает сама непосредственно первою купелию своего христианства ... англичане и немцы такое место застроили бы давно целыми кварталами бессмертных благотворительных заведений ... церковными музеями, историческими книгохранилищами, миссионерскими семинариями и т.п. Мы же пока на этом драгоценном для России месте не имеем ничего, кроме монастыря, и то недостроенного... Странное и непохвальное невнимание наше к исторической святыне первой величины!» (Ливанов 1874: 3-4).

После войны постепенно восстанавливался монастырь, учрежденный в 1850 г., с 1860 г. начинаются работы по строительству Владимирского собора (Золотарев, Хапаев 2002: 61-65, 82–88). Проводившиеся при этом земляные работы приводили к открытию древних вещей, судьба которых продолжала заботить Одесское общество.

В июне 1865 г. ООИД обратилось к епископу Таврическому и Симферопольскому Алексию с просьбой: «случайно попадающиеся в Херсонесском монастыре древние монеты... пригласить настоятеля монастыря доставлять на рассмотрение общества, для того, чтобы оно имело возможность, из числа многих, отобрать для своей коллекции...» (ГАГС: ф.19, оп.1, д.10, л.9).

Спустя три года, Одесское общество подготовило обращение к главе Таврической и Симферопольской епархии (Гурию) с просьбой о более

широком содействии со стороны крымского духовенства работам ООИД. Речь шла о том, чтобы духовные лица сообщали о находках предметов старины на территории своих приходов в общество. В этом документе подчеркивалось значение херсонесских древностей: «Более других заслуживающая археологического исследования местность есть Херсонесская... Для истории края и археологии в этом месте драгоценна всякая находка; чтобы тамошнее начальство, по случаю производства там построек, приложило особенное старание к отысканию древних предметов, т.е. монет, сосудов, надписей и т.п., равно и к снятию на план открывающихся древних фундаментов...» (ГАГС: ф.19, оп.1, д.10, л.12). Интересно отметить, что Одесское общество претендовало на получение находок только античного времени, мотивируя свою позицию тем, что Одесский музей выполняет роль центрального учреждения такого рода в Северном Причерноморье, кроме того, хранение предметов, принадлежащих «языческой эпохе ... не может иметь места в христианской обители» (ГАГС: ф.19, оп.1, д.10, л.12).

Можно предположить, что такая позиция руководства ООИД объяснялась не только положениями указа от 30 ноября 1853 г. Транспортировка в Одессу большого числа архитектурных деталей представляла существенные трудности и требовала значительных финансовых затрат, средствами для покрытия которых общество не располагало. Кроме того, для хранения этих находок были необходимы большие площади. Таким образом, сохранение таких вещей на территории городища было оправдано экономическими соображениями. Нужно учитывать и то, что среди археологов и историков того времени средневековые памятники считались интересными, но менее ценными, чем античные. В частности, такое мнение было высказано М.П. Погодиным на страницах «Записок Одесского общества» в 1872 г. по отношению к некоторым памятникам Крыма (Погодин 1872: 301).

Идея поддержать создание «Христианского музея» в Херсонесе, судя по всему, оформилась среди членов Одесского общества истории и древностей вскоре после начала археологических раскопок под руководством ООИД в 1876 г. Вероятно, стремление участвовать в организации хранилища древностей во многом обуславливалось ответственностью общества за судьбу предметов, найденных в ходе исследований. Кроме того, этому могли способствовать регулярные контакты с руководством епархии и монастыря, представители которого входили в «раскопочный комитет», руководивший исследованиями на городище. Как

сообщала «Летопись» Одесского общества: «Комитет, производящий нынешния раскопки, собирая находки состоящие из монет, вещей и орнаментов, предположил в Херсонесе же соорудить местный «Христианский музей», где все найденное будет сохраняться и станет доступно каждому любознательному лицу» (Летопись общества... 1879: 438).

Решение о создании музея в Херсонесе было принято к 1878 г. вместо проекта Синода построить возле Владимирского собора крещальню из древних архитектурных фрагментов (Гриневич 1927: 172). Н.Н. Мурзакевич сообщал монастырскому начальству 1 мая 1878 г., что «Из всего собранного в бывших зданиях мраморов составится местный Христианский Музей, который будет вмещать в себе все то что осталось Христианскаго, начиная с VII века, если не далее. Здесь же будут сохраняться Христианские монеты и другия, вещи в развалинах отысканные» (ГАГС: ф.19, оп.1, д.10, л.88).

Местные власти также поддержали проект создания музея. 1 июня 1878 г. пристав 2-го участка Севастопольского градоначальства выслал управляющему монастырем иеромонаху о. Андрею текст объявления, которое призывало жителей города оказывать содействие «устройству музея из исторических остатков города, где некогда русский народ в лице своего князя Владимира воспринял св. крещение». Объявление предполагалось развесить в местах проведения раскопок (ГАГС: ф.19, оп.1, д.10, л. 62–62об.). В 1879 г. Н.Н. Мурзакевич, инструктируя иеромонаха о. Маркиана, назначенного наблюдать за проведением раскопок, просил: «Рабочим, при начале раскопок, по молитве, внушить что бы они: находимыя монеты, вещи, куски мрамора с надписями и без оных отнюдь никому не продавали, поелику ети вещи есть принадлежность Монастырская и будут своевременно помещены, в имеющим строиться, «Христианском Музее». Ето же самое внушать и тем посетителям которые покусятся сторонним путем от рабочих приобретать находки» (ГАГС: ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 90об.).

Реализация проекта создания музея требовала финансирования. Как часто бывает в подобных случаях, этот вопрос оказался одним из наиболее сложных. Заинтересованные стороны не обладали собственными средствами, которые могли бы использовать для строительства и содержания музея. Одесское общество истории и древностей получало государственную субсидию (1428 рублей 57 копеек серебром ежегодно, с удержанием банковского процента эта сумма составляла в 1870-х гг. 1192 рубля), доход от небольшого капитала и ценных бумаг (например, в 1876 г. капитал с процентами составил 564 рубля, а прибыль по закладным листам, облигациям и 5 % государственным билетам 211 рублей 37 копеек), однако не имело других источников более или менее значительных средств (в том же 1876 г. членские взносы, продажа книг, монет и др. дали 516 рублей) (Отчет Императорского Одесского общества... 1877: 25). В то же время общество тратило значительные средства на издательскую деятельность, содержание собственного музея и др. Монастырь также не располагал свободными деньгами для устройства музея. Выделяемые Синодом 1000 рублей в год для исследования Херсонеса покрывали только расходы на проведение раскопок.

Для того чтобы финансово поддержать идею создания «Христианского музея», главный командир Черноморского флота и портов, адмирал Н.А. Аркас издал за собственный счет в 1879 г. книгу своего брата З.А. Аркаса «Описание Ираклийского полуострова и древностей его. История Херсониса», предназначив доход от продажи в пользу создаваемого музея. Н.Н. Мурзакевич сообщил Таврическому и Симферопольскому епископу Гурию 8 июля 1879 г.: «Книга эта, как вмещающая в себе историческия местныя сведения, с пользою сможет служить тем лицам, которыя ради просвященной любознательности посетят местность, освященную принятием Христовой Веры равноапостольным Киевским великим князем Владимиром Святославичем. Цена одной, как видно на обложке книги, назначена в один рубль, который достопочтенным издателем назначен в пользу имеющего построиться в монастыре «Христианского музея». Нет сомнения в том, что найдутся такие чтители отечественной старины, неограничатся указанною которая также употребится на указанную цель.

Извещая о сем Ваше Преосвященство, присовокупляю, что деньги, поступающие за проданные книги, по желанию Его Высокопревосходительства, будут доставляемы для хранения тому лицу, которому Вами будет поручено ведение приходно-расходной книги, деньги же сохранятся там, где укажите» (ГАГС: ф. 19, оп. 1, д. 10, л. 100–100об.). Для благотворительной продажи было предназначено 450 экземпляров труда 3.А. Аркаса, которые должны быть переданы иеромонаху Херсонесского монастыря о. Маркиану. На отношении ООИД епископ Гурий 13 июля поставил резолюцию: «Поручаю Иеромонаху Маркиану как продажу книг, так и прием денег с отчетом

на общих основаниях. Деньги же хранить в кассе монастырской. Книги, по получении их отправлять в Херсонис по назначению» (ГАГС: ф. 19, оп.1, д.10, л. 106).

Иеромонаху Маркиану было поручено наблюдение за ходом раскопок в Херсонесе 8 июня 1879 г. епископом Гурием после требования Синода назначить постоянного куратора от епархии (ГАГС: ф.19, оп.1, д.10, л.73). Н.Н. Мурзакевич прислал ему подробную инструкцию об организации раскопок (от 17 июня 1879 г.), в которой извещал и о необходимости получить из Николаева от капитан-лейтенанта В.И. Рюмина 450 книг для продажи. При этом оговаривалось, что желающие могли покупать ее дороже установленной цены в 1 рубль (ГАГС: ф.19, оп.1, д.10, л.90, 96).

Внимание Н.А. Аркаса к проблемам изучения Херсонеса и проекту создания местного музея не было случайным. Брат адмирала Захарий Андреевич Аркас (1793-1866) был одним из первых исследователей городища. Семья Аркасов, переселившись в Россию из Греции (Фессалии), обосновалась в Николаеве. Отец преподавал историю и древние языки, его дети Захарий, Иван и Николай выбрали карьеру военных моряков. Захарий Андреевич получил образование в Николаевском штурманском училище. В 1816 г. он был переведен мичманом в 41 флотский экипаж. В 1828-1829 гг. принимал участие в военных действиях Черноморского флота во время русско-турецкой войны. С 1839 г., оставив из-за болезни службу на кораблях, З.А. Аркас выполнял обязанности смотрителя штурманской роты, председателя Севастопольского статистического комитета, попечителя Севастопольской Петропавловской церкви, председателя комиссии по построению храма св. равноапостольного князя Владимира в Севастополе, инспектора девичьего училища дочерей нижних чинов Черноморского ведомства, инспектора Севастопольского карантина, директора Севастопольской офицерской морской библиотеки. Захарий Андреевич дослужился до чина генераллейтенанта и был награжден орденами св. Анны 3-й степени, св. Владимира 4-й степени, Станислава 1-й степени (Мурзакевич 1867: 492–493).

Через несколько лет после перехода на береговую службу З.А. Аркас был привлечен к работам по изучению и сохранению херсонесских древностей. В 1845 г. Одесское общество обратилось к адмиралу М.П. Лазареву с просьбой о снятии планов Херсонеса, Инкермана и ряда других памятников (впервые общество обращалось к нему по аналогичному вопросу еще в 1840 г.), а также о доставке в Одессу находок из захоро-

нения, случайно открытого на городище. Именно Захарию Андреевичу было поручено выполнение этих работ. Судя по всему, его деятельность вполне удовлетворила общество, и в 1846 г. оно ходатайствовало перед М.П. Лазаревым о том, чтобы З.А. Аркас постоянно отслеживал новые находки на городище и наиболее интересные из них пересылал в Одессу. Аркас стал своего рода хранителем и постоянным наблюдателем Херсонеса от Одесского общества (Гриневич 1927: 14–16; Тункина 2002: 517–520). В том же 1846 г. Захарий Андреевич был избран действительным членом ООИД (16 октября), как сообщала «Летопись общества», из корреспондентов (Ляликов 1848: 791).

В последующие годы З.А. Аркас продолжал свою деятельность в Херсонесе. Он консультировал А.С. Уварова в 1848 г., добился прекращения раскопок Шемякина в 1851 г., помогал Н.Н. Мурзакевичу в ходе исследований в 1852 г. (Гриневич 1927: 14–16; Тункина 2002: 523–527).

Результаты изучения памятников в окрестностях Севастополя З.А. Аркас изложил в своем историческом труде «Описание Ираклийского полуострова и древностей его», впервые напечатанном в «Записках Одесского общества истории и древностей» в 1848 г. (Аркас 1848). Эта работа и была издана отдельной книгой в 1879 г. (Аркас 1879). Основная ценность сочинения З.А. Аркаса заключается в том, что в нем были представлены сведения о памятниках, некоторые из которых были утрачены уже к середине XIX в., а другие - в последующие годы. Как отмечал Н.Н. Мурзакевич еще в 1867 г.: «Описание Ираклийского полуострова ... сделались теперь дорогим достоянием археологии, после страшного разрушения Севастополя и его окрестностей в бывшую войну 1853-1856 гг.» (Мурзакевич 1867: 493; см. также Тункина 2002: 520).

На страницах «Записок Одесского общества» были опубликованы и другие работы Захария Андреевича, также материалы, подготовленные им к публикации. Прежде всего, это летопись действий Черноморского флота с 1778 по 1856 г. (Аркас 1860: 261–309; 1863: 846–901; 1867: 368–444).

3.А. Аркас скончался 23 марта 1866 г. и был погребен в фамильном склепе в г. Николаеве.

Николай Андреевич Аркас (1818–1881), младший брат Захария Андреевича, проявил себя как человек неординарный, много сделавший для развития российского флота, в основном на Черном море. Военно-морскую службу он начал во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. еще подростком. Образование, как и старший брат,

получил в Николаевском штурманском училище. В 1833 г. был произведен в мичманы и зачислен в 30-й флотский экипаж. На корвете «Ифигения» Н.А. Аркас посетил Грецию, где посвящал свободное время знакомству с археологическими памятниками (Яковлев 1889: 864).

В последующие годы он служил под начальством В.А. Корнилова, командовал первым в российском флоте параход-фрегатом «Владимир», получил назначение в Санкт-Петербург, был произведен во флигель-адъютанты. В 1856 г. капитан 1 ранга Н.А. Аркас представил в Морское министерство проект создания Русского общества пароходства и торговли и был назначен первым директором РОПиТ. Одним из этапов его карьеры было командование Гвардейским экипажем. В 1871 г. в чине вице-адмирала он назначается главным командиром Николаевского порта и военным губернатором Николаева, а после возвращения Черноморской флотилии статуса флота - главным командиром Черноморского флота и портов. На этом посту Н.А. Аркас успешно руководил возрождением военно-морских сил России на Черном море, восстановлением и усовершенствованием военно-морских баз. Николай Андреевич был награжден орденами св. Владимира 2-й степени, Белого Орла, св. Александра Невского. Скончался Н.А. Аркас в 1881 г. и был похоронен, как и его брат, в фамильном склепе на кладбище г. Николаева (Денисов 1887; Яковлев 1889: 865).

Одесское общество истории и древностей избрало Н.А. Аркаса действительным членом 27 декабря 1868 г. (Летопись... 1872: 325). На страницах «Записок» общества была опубликована одна небольшая заметка Н.А. Аркаса в соавторстве с Ф.К. Бруном (1804–1880, профессор Ришельевского лицея в Одессе, действительный член ООИД с 1840 г.), посвященная археологической разведке в Ольвии. По поручению ООИД они произвели осмотр и небольшие раскопки остатков античного сооружения летом 1870 г. (Аркас, Брун 1872: 412-415). В селе Парутино Н.А. Аркас сделал копию надписи на плите, найденной на ольвийском городище. Текст надгробного памятника был переведен и опубликован В.Н. Юргевичем (1818–1898), действительным (с 1859 г.) и почетным членом (с 1889 г.), секретарем (1875–1883), вице-президентом (1883-1898) Одесского общества (Юргевич 1872: 1-3).

Таким образом, внимание Н.А. Аркаса к древностям Северного Причерноморья, и в частности Херсонесу, было связано не только с увлечением его брата историческими изысканиями, но и собственными научными интересами. Можно

отметить, что предшественники Н.А. Аркаса на посту главного командира Черноморского флота и портов, адмиралы А.С. Грейг, М.П. Лазарев, содействовали изучению и сохранению Херсонесского городища и других памятников Крыма (Иванов 1912: 170-171; Гриневич 1927: 9-12; Тункина 2002: 511-533). В этом плане деятельность Н.А. Аркаса была продолжением традиции. Кроме того, издавая труд брата с благотворительной целью, он, вероятно, воспринимал это как своеобразную дань памяти покойного. Возможно, на решение Николая Андреевича пожертвовать деньги на создание «Христианского музея» повлияла и смерть дочери (он повез ее для лечения за границу в 1878 и вернулся после ее кончины в 1879 г.) (Яковлев 1889: 865).

Как свидетельствуют архивные документы, в Севастополь из Николаева через канцелярию Таврического и Симферопольского епископа поступили не только книги, но деньги от продажи другой части тиража. Денежные средства начали высылаться с октября 1879 г. небольшими суммами (ГАГС: ф.19, оп.1, д.10, л.76-82об.). Надежды организаторов благотворительной акции на то, что найдутся желающие пожертвовать в фонд строительства музея больше номинальной стоимости книги в 1 рубль, оправдались. В 1879 г. несколько офицеров и чиновников Черноморского флота передали от 3 до 25 рублей каждый (всего 131 рубль) в пользу «Христианского музея». В их числе были: адмиралы А.П. Спицын, М.П. Манконтр-адмиралы Н.П. Швейковский, ганари, А.И. Баженов, В.А. Леонов, генерал-майоры Ф.Е. Спиридонов, Н.К. Вейс, В.И. Васильев, полковник В.Д. Ковалев, статский советник Н.Е. Картацци, надворный советник П.И. Михайловский (ГАГС: ф.19, оп.1, д.10, л.137-137об.).

Некоторые офицеры из этого списка оставили заметный след в истории Черноморского флота, имели отношение к изучению древностей Крыма. Александр Петрович Спицин (1810-1888) служил на Черноморском флоте с 1829 г. Прошел путь от мичмана до адмирала (1878). Участвовал в обороне Севастополя, а с 1857 по 1875 г. занимал должность Керчь-Еникальского градоначальника (Крестьянников 2005: 205-206). Михаил Павлович Манганари (1804-1887), так же как и его брат Е.П. Манганари, получил известность благодаря работам по гидрографии Черного, Азовского и Мраморного морей. В возрасте 11 лет (1815 г.) начал флотскую службу в чине гардемарина, как и братья Аркасы он принимал участие в русскотурецкой войне 1828-1829 гг. С 1849 по 1853 г. М.П. Манганари служил при гидрографическом

департаменте морского министерства в Санкт-Петербурге. В 1881 г. он был назначен главным командиром Черноморского флота и портов, военным губернатором г. Николаева. В том же году Одесское общество избрало адмирала своим действительным членом. Согласно завещанию М.П. Манганари, большая часть его движимого имущества и три дома поступили в распоряжение различных благотворительных организаций. В некрологе, помещенном в «Записках Одесского общества истории и древностей», секретарь ООИД В.А. Яковлев отметил: «Состоя... членом нашего общества, покойный всегда сочувственно относился к его деятельности, а изданием «Лоции Черного моря» оказал археологии здешнего края большую научную услугу. Этот труд его послужил основанием для работ по исторической географии нашего края» (Яковлев 1883: 863-864).

К концу 1881 г., как сообщила «Летопись» Одесского общества, оно «из проданного исторического труда своего члена Н.А. Аркаса, составило капитал в 600 рублей, внесенный в Севастопольское отделение Государственного банка» (Летопись... 1881: 434).

Сумма в 600 рублей была крайне незначительной и не могла решить проблему строительства и содержания музейного здания. Для сравнения можно привести данные о том, что в 1882 г. Одесский городской голова Г.Г. Моразли пожертвовал 30000 рублей на строительство здания для размещения музея и библиотеки ООИД, а также городской публичной библиотеки (Императорское Одесское общество... 1883: 81). Однако помещения оказались недостаточными по площади для размещения всех трех учреждений, что сказывалось до переезда городской библиотеки в другое здание в 1908 г. (Варнеке 1914: 56).

Новых источников средств для реализации проекта «Христианского музея» найдено не было. Однако еще в 1884 г. Одесское общество сохраняло к нему интерес. В.Н. Юргевич, ставший вице-президентом ООИД после смерти осенью 1883 г. Н.Н. Мурзакевича, писал 13 марта 1884 г. в «Инструкции», предназначенной иеромонаху о. Иоанну и составленной в связи с передачей раскопок в ведение монастыря: «Так как раскопки производятся на сумму, отпускаемую Министерством народного просвещения Обществу, то по

первоначальной мысли Общества, выраженной при его ходатайстве о пособии для этой цели, все открываемые монеты и предметы древнейшаго периода должны поступать в музей Общества, тогда как все принадлежащее византийскому периоду должно оставаться в монастыре для предполагаемого византийского музея» (ГАГС: ф.19, оп.1, д.10, л.223об.). Однако после прекращения финансирования раскопок и передачи их под контроль Императорской Археологической комиссии участие Одесского общества в проекте прекратилось, а сама идея постепенно была забыта.

К вопросу о судьбе древностей, предназначавшихся для музея в Херсонесе, в Одесском обществе вернулись еще раз весной 1898 г. В.Н. Юргевич, исполнявший обязанности не только вице-президента, но и хранителя музея ООИД, поставил проблему возвращения в Одессу декрета в честь Диофанта и других находок, сделанных до 1888 г. Как он отметил: «в музей при монастыре не поступают новые вещи, он не пополняется, а находится на точке замерзания. Притом эти древности при монастыре сохраняются в довольно неудовлетворительном помещении. Мне кажется, в виду этого, что раз цель, для которой названные предметы древности были предоставлены Херсонесскому монастырю - предполагали устройство местного музея – по разным обстоятельствам не могла осуществиться, есть полное основание просить о возвращении этих предметов в Одесский музей. Как мне известно Императорская Археологическая комиссия интересуется главным образом предметами, найденными с 1888 года, и соединение монастырского музея с складом древностей Императорской Археологической комиссии не соответствует ни интересам последней ни желаниям заведующего этим складом» (311 заседание... 1898: 58-59). Судя по всему, упомянутые находки остались в Севастополе.

История нереализованного проекта создания музея древностей византийского периода представляет не только сюжет из истории изучения и охранной деятельности на Херсонесском городище, но наглядно характеризует определенный этап развития музейного дела и системы сохранения историко-культурного наследия в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аркас З.А. 1848 Описание Ираклийского полуострова и древностей его. История Херсониса. *ЗООИД*. (Одесса). 2: 245–271.

Аркас З.А. 1860 Начало учреждения Российского флота на Черном море и действия его с 1778 по 1798 г. *ЗООИД*. (Одесса). 4: 261–309.

Аркас З.А. 1863 Действия Черноморского флота с 1798 по 1806 г. (Продолжение). 3OOUД. (Одесса). 5: 846-901.

Аркас З.А. 1867 Продолжение действий Черноморского флота с 1806 по 1856 г. ЗООИД. (Одесса). 6: 368-444.

Аркас З.А. 1879 Описание Ираклийского полуострова и древностей его. История Херсониса. (Николаев).

Аркас Н.А., Брун Ф.К. 1872 Археологическая разведка некоторой части Ольвии. ЗООИД. (Одесса). 8: 412–415.

Брун Ф.К. 1872 Тридцатилетие Одесского общества истории и древностей, его записки и археологические собрания. *3ООИД*. (Одесса). 8: 328–351.

Булатович С.А. 1989 Из истории нумизматического собрания Одесского общества истории и древностей (античная коллекция). *150 лет Одесскому обществу истории и древностей (1839–1989)*. (Одесса): 29–32.

Варнеке Б.В. 1914 Императорское Одесское общество истории и древностей (1839–1914). ЖМНП 54: 47-61.

ГАГС. Фонд 19, опись 1, дело 10.

Гриневич К.Э. 1927 Сто лет Херсонесских раскопок (1827–1927). (Севастополь).

Гроздов А.В. 1888 Архивные документы, относящиеся к истории Херсонисского монастыря. ИТУАК 5: 81–105.

Денисов А.И. 1887 Генерал-адъютант, адмирал Н.А. Аркас. Биографический очерк. (Севастополь).

Золотарев М.И., Хапаев В.В. 2002 Херсонесские святыни. (Севатополь).

Иванов Е.Э. 1912 Херсонес Таврический: Историко-археологический очерк. ИТУАК 46.

Императорское Одесское общество истории и древностей в 1882 году. ЖМНП 227 (июнь): 79–82.

Крестьянников В.В. 2005 Автографы адмиралов и морских офицеров, участников обороны Севастополя 1854-1855 гг. Достойный поклонения. Восточная (Крымская) война: первая героическая оборона Севастополя. (Севастополь): 182–216.

Куторга С. 1834 Отрывки из путешествия в Крым 1833 г. ЖМНП (январь): 6–90.

Летопись общества с 14 ноября 1868 по 14 ноября 1871 года. ЗООИД. (Одесса). 8: 325-327.

Летопись общества с 14 ноября 1877 по 14 ноября 1879 года. ЗООИД. (Одесса). 11: 437-439.

Летопись общества с 14 ноября 1879 по 14 ноября 1881 года. ЗООИД. (Одесса). 12: 433-435.

Ливанов Ф.В. 1874 Херсонес (древний Корсунь) в Крыму с открытым в нем ныне первоклассным монастырем святаго Владимира: Историческое описание. (Москва).

Ляликов Ф.И. 1848 Обзор действий общества с 14 ноября 1843 по 14 ноября 1849 года. *ЗООИД*. (Одесса). 2: 791–795.

Мурзакевич Н.Н. 1837 Поездка в Крым в 1836 г. ЖМНП 3: 625-691.

Мурзакевич Н.Н. 1867 Захарий Андреевич Аркас: [Некролог]. 3ООИД. (Одесса). 6: 492-494.

Отчет Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1875 года по 14 ноября 1876 года. 1877 (Одесса).

Погодин М.П. 1872 Феодосия и Судак. ЗООИД. (Одесса). 8: 301–307.

Самойлова Т.Л. 1989 Формирование фондов Одесского археологического музея. 150 лет Одесскому обществу истории и древностей (1839–1989). (Одесса): 27–29.

Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. 2000 Жизнь и гибель Херсонеса. (Харьков).

311 заседание Императорского Одесского общества истории и древностей: 29 апреля 1898 г. [Протокол]. *ЗООИД*. (Одесса). 21: 53–66.

Тункина И.В. 2002 Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). (Санкт-Петербург).

Формозов А.А. 1975 К летописи археологических исследований в Северном Причерноморье в первой половине XIX в. *CA* 1: 171–175.

Юргевич В.Н. 1872 Ольвийская надпись. ЗООИД. (Одесса). 8: 1-3.

Яковлев В.А. 1889 Михаил Павлович Манганари: [Некролог]. 3ООИД. (Одесса). 15: 863-864.

Яковлев В.А. 1889 Николай Андреевич Аркас: [Некролог]. 3ООИД. (Одесса). 15: 864-866.

Ящуржинский $X.\Pi$. 1888 Очерк археологических разведок и исследований в области Херсониса Таврического. *ИТУАК* 5: 106–114.

SUMMARY

A.V. Shamanayev

THE HISTORY OF THE PROJECT OF THE "CHRISTIAN MUSEUM" IN CHERSONESOS

The article is devoted to the history of the project "Christian museum" in Chersonesos. The interesting situation was at this site in the middle of XIX c.: the artifacts of the Ancient time were transferred to Hermitage (St. Petersburg) or Museum of Odessa Society of History and Antiquities, but the Middle Ages' finds were left in Sevastopol. In 1850 Archbishop of Cherson and Taurida Innokentiy started the program of restoration of the Christian monuments in Crimea. Among them the museum in Chersonesos was in this plan. But the project was stopped by the Crimean War (1853-1856).

Starting from 1820s the deep scientific interest was formed at Odessa Society of History and Antiquities to Chersonesos. The Society was oldest archaeological scientific organization in Russia. In 1876 it got financial support by the government for organization of archaeological excavations at the territory of Chersonesos. Probably this led to restoring the idea of "Christian museum". The building was planed as the Middle Ages basilica. The building ma-

terials they had to take from excavations (the fragments of city ruins). The collection consisted of the artifacts of St. Vladimir's Monasteries and results of new excavations.

But Church and Odessa Society didn't have money for the project. In 1879 Nikolay Arkas published the book "The Description of Herakleian Peninsula and its Antiquities. The History of Chersonesos" by his brother Zahariy Arkas. N. Arkas was Chief commander of Black Sea Navy and harbors, member of Odessa Society. Z. Arkas was navy officer too, the author of the articles devoted to the Crimean history, one of the pioneers in Chersonesos study. The income of the book selling was intended to realization of the "Christian museum" project. As a result, about 600 roubles were collected.

This sum was insufficient, but there were no new financial sources found. Among them in 1886 excavations in Chersonesos were herded by Emperors Archaeological Commission (St. Petersburg). Thus, this very interesting project was not realized.

A. JASIEWICZ, M. MARKGRAF

NATIONALES RESERVAT «CHERSONES VON TAURIA» – DER VORSCHLAG EINES ERSCHLIESSUNGSKONZEPTS DES GEBIETS UND EINES MULTIFUNKTIONELLEN AUSSTELLUNGS- UNTERSUCHUNGSOBJEKTES*

Die Krim ist ein besonderer Ort, der sich von vielen verschiedenen Seiten präsentiert und deshalb als Halbinsel der Wunder bezeichnet werden kann. Mit einer Fläche von 27 Tausend kmI erstreckt sich die Krim über ein relativ großes Gebiet. Sie liegt zwischen dem Schwarzen und dem Asowschen Meer, ist mit dem Festland durch die Landenge von Perekop verbunden und die Meerenge von Kertsch trennt sie von Russland. Die Halbinsel wird umfasst von ca. 1000 km Küstenlinie und bietet sehr verschiedene klimatische und landschaftliche Bedingungen. Im Süden der Krim, direkt an der Küste, herrschen subtropische Klimabedingungen, in den östlichen und westlichen Küstengebieten ähnelt des Klima dem des mediterranen Raumes und im Inland der Halbinsel dominiert das trockenere Steppenklima. Die Landschaft der Krim überrascht mit starken Wechseln, so erheben sich aus den Steppengebieten hohe Gebirgszüge, welche umso steiler zum engen Küstenstreifen hin abfallen, um dann in den Tiefen des Schwarzen Meeres zu verschwinden. (Maj-Szatkowska, Olszewska, Szweda 1997, S. 279).

Die Krim erregt nicht nur durch ihre natürliche Schönheit Aufmerksamkeit, sondern auch durch Spuren lange vergangener Kulturen, welche von ehemaligen Bewohnern hinterlassen wurden. Die imponierenden Sehenswürdigkeiten, beeindrucken auf verschiedene Art und Weise, durch unterschiedliche Formen, Bauweisen und technische Raffinessen.

Die Krim ist Teil der Ukraine, ein Staat welcher in letzter Zeit oft im Zentrum des weltweiten Medieninteresses stand, das vor allem durch die turbulenten Ereignisse der letzten Jahre hervorgerufen wurde. Die große Frage war, wie die Entwicklung des Landes weiter voranschreiten sollte. Heute ist die Antwort auf diese Frage schon deutlicher zu erkennen aber, wie in allen anderen ehemaligen Sowjetstaaten, gibt es auch hier immer noch viele alte und neue Probleme, die nach Lösungen verlangen. So haben

sich für die Bewohner der Ukraine und auch der Krim neue Möglichkeiten eröffnet, aber damit auch neue Fragen und Probleme, welche tagtäglich auf eine Antwort warten. Hierbei handelt es sich nicht nur um wirtschaftliche Fragen, sondern auch um Probleme mit der Vergangenheitsbewältigung. In jedem Land, das nach längerer Zeit seine Unabhängigkeit erlangt, beginnt, nachdem die grundsätzlichsten Fragen geklärt sind, eine fieberhafte Suche nach Spuren der eigenen Identität und dem kulturellen Erbe. Die dabei wieder entdeckten Orte und kulturellen Schätze wecken schon bald die Aufmerksamkeit von verschiedenen Gruppen, die nach Möglichkeiten suchen, eben solche Attraktionen, zu präsentieren und dadurch das Interesse an der eigenen Vergangenheit zu wecken. Durch diese erhöhte Aufmerksamkeit bieten sich Möglichkeiten, die nicht nur auf Interessen von Einzelpersonen, sondern auch auf Anliegen großer Bevölkerungsgruppen eingehen.

So stellt sich auch die Situation auf der Krim dar. Es hat sich herausgestellt, dass die Krim eine Region mit großem kulturellem und natürlichem Potenzial ist. Es ist also nicht weiter verwunderlich, dass große Versuche unternommen werden, die lokalen Attraktionen nicht nur in der Region, sondern auch in Europa stärker bekannt zu machen. Eine ideale Lösung wäre es, wenn man von Anfang an auf Systeme setzt, welche ausbaufähig sind und auch in Zukunft problemlos anwendbar wären. Ein solches Handeln würde ein hohes Maß an Professionalismus mit sich bringen und die vorhandenen Bedürfnisse am besten befriedigen. Für eine solche Vorgehensweise werden sowohl finanzielle Mittel benötigt, als auch ein funktionsfähiger Ansatz, der sich auch mit den vorhandenen Ressourcen umsetzen lässt. Beides kann eine Barriere darstellen, auf dem Weg zu einer zufrieden stellenden Lösung.

Die Halbinsel Chersones von Tauria, auf der sich der Nationalpark Chersones von Tauria befindet,

^{*} Die Inspiration für die Ausarbeitung dieses Projekts war für mich der Aufenthalt im Gebiet des Nationalen Reservates «Chersones von Tauria» im Rahmen des polnisch-ukrainischen Programms der wissenschaftlich untersuchenden Expedition Adam Mickiewicz Universität und des Nationalen Reservates "Chersones von Tauria" in Sevastopol auf der Krim. Der hier dargestellte Entwurf ist entstanden Dank der großzügigen Unterstützung und Bereitstellung einer Vielzahl von Materialien durch Dr. Elena Klenina und Dr. Andrzej B. Biernacki, wofür will ich mich hier herzlich bedanken (Agata Jasiewicz).

liegt im Südwesten der Krim, auf dem Gebiet der Hafenstadt Sewastopol. Dieses Objekt bietet großes Potenzial, speziell im Bezug auf die vorhandene Natur, seine Funktion als Kulturerbe und die hier ansässigen Menschen. Für die gläubige Bevölkerung im russisch orthodoxen Bereich hat Chersones eine besondere Bedeutung, da sich der Legende nach Vladimir der 1. hier taufen ließ, weshalb es ein Wallfahrtsort für Pilger und auch von großer Bedeutung für die Russische Geschichte ist. Der Park bietet verschiedenen Möglichkeiten für Aktivitäten. In letzter Zeit haben sich vor allem wissenschaftliche Aktivitäten weiter verstärkt, speziell durch eine verbesserte unterschiedlichsten Zusammenarbeit zwischen Spezialisten aus verschiedenen Ländern. Außerdem führt die Einzigartigkeit dieses Ortes zu ständig steigenden Besucherzahlen. Dadurch ergab sich die Notwendigkeit, Bedingungen zu schaffen, die es Besuchern ermöglichen, die seit über einhundert Jahren andauernden Ausgrabungen zu besuchen.

Der hier vorgestellte Entwurf versucht Antworten auf Fragen und Probleme zu geben, die in der letzten Zeit immer stärker in den Vordergrund getreten sind. Auf Grundlage von Analysen wurden ein Erschließungskonzept und eine Umorganisierung des Parks erarbeitet. Durch diese Neugestaltung, soll das Gebiet besser auf die Bedürfnisse von Wissenschaftlern und Besuchern abgestimmt werden. In diesem Projekt wird der Versuch unternommen, durch besonders sensible Herangehensweise, möglichst gute Bedingungen für verschieden neue Aktivitäten zu schaffen. Diese sollen sich in eine unglaubliche Szenerie eingliedern, welche aus der Vermischung verschiedener Epochen und den noch lange nicht abgeschlossenen Ausgrabungen entstanden sind. Dieser Versuch stellt das erste Konzept auf die Beine, welches nicht nur eine erkennbare, zusammenhängend entworfene Schicht besitzt, sondern auch auf umfassenden theoretischen Überlegungen basiert. Deshalb ist es für das Verständnis des Projekts unerlässlich, als erstes die theoretischen Erkenntnisse und Überlegungen, sowie die Intentionen des Autors kennen zu lernen.

Das archäologische Erbe stellt ein wichtiges Glied in der Kette geschichtlicher Ereignisse in der ganzen Welt dar. In der Internationalen Charta über die Konservierung und Restaurierung von Denkmälern und Ensembles ICOMOS ist festgelegt, dass das archäologische Erbe ein gemeinsames Vermächtnis der gesamten Menschheit ist, welches unsere Vorfahren uns hinterlassen haben und welches nicht unendlich zur Verfügung steht. Es kann nicht reproduziert werden und muss deshalb mit äußerster Vorsicht behandelt werden. (Kobyliński, 2001, S.58)

Die Nutzung dieses kulturellen Erbes darf nicht von destruktiver Natur sein, sondern sein Schutz und seine Konservierung sollten Bestandteil einer sich ihrer Verantwortung bewussten Politik sein. Man darf niemals vergessen, dass das kulturelle Erbe und die damit verbundenen Denkmäler nur in begrenzter Anzahl zur Verfügung stehen und dass durch die Expansion eines räuberischen Kapitalismus, sowie durch Umweltverschmutzung und Konflikte in unterschiedlichsten Regionen der Welt, ihre Anzahl systematisch sinkt. Außerdem vertreten viele Wissenschaftler die These, dass viele Attraktionen, die in der heutigen Zeit entstanden sind, nur dazu dienen, die Originalität bestimmter historischer oder mit der Vergangenheit verbundener Objekte zu erhöhen. Also?, dass alte Sehenswürdigkeiten als Ouelle und Grundstein für neue Attraktionen dienen. Diese These ist leicht nachvollziehbar wenn man die wirtschaftliche Bedeutung des Tourismus mit in die Überlegungen einbezieht. Nach der Höhe der jährlichen Einnahmen geordnet, ist der Tourismus der drittgrößte Industriezweig der Welt, gleich nach der Erdöl- und der Automobilindustrie (Isański 2005, S. 133), und bietet damit neue Arbeitsplätze (manchmal für ganze Regionen), neue Verhaltensweisen und neue gesellschaftliche Funktionen und Positionen. Daraus folgt, dass die meisten offensichtlichen touristischen Attraktionen sehr originell gestaltet sind. Verstärkt wird dieser Effekt noch durch die "traditionelle" Kontaktform mit dem Objekt, was soviel heißt wie, dass die Besucher (und Bewunderer) körperlich anwesend (Isański 2005, S. 134) sind und die angebotene Attraktion somit mehr erleben als betrachten. Dabei ist sehr interessant zu beobachten. dass die Konstruktionen auf welche sich touristische Attraktionen stützen sehr stark der Struktur der modernen Welt ähneln, da bei dem einen wie auch beim anderen grundlegende Elemente nicht in der natürlichen, geschichtlichen oder kulturellen Umgebung zu finden sind, wodurch die Anpassung an die Gegenwart deutlich leichter fällt (MacCanell 2002, S. 21). Je größer und deutlicher der Unterschied, verschiedenen zwischen Sehenswürdigkeiten ist, desto attraktiver und interessanter wirkt das gesamte Ensemble auf Touristen. Dabei ist es völlig unerheblich und uninteressant für Besucher, wie stark sie aus ihrem eigentlichen Kontext herausgelöst sind.

Worin also liegt der Wert der Schätze vergangener Zeiten, für unsere heutige Gesellschaft? Vielleicht liegt erdarin, dass sich in jeder modernen Gesellschaft Spuren vergangener Kulturen finden lassen. Heute denken Menschen mit viel Nostalgie und Sentimentalität an vergangene Zeiten. Diese Zeiten erscheinen ihnen dadurch geordneter, gerechter und freundlicher.

Dadurch begründet sich die Popularität dieser Sehenswürdigkeiten in der heutigen Gesellschaft. Der Verfall lokaler Traditionen und die damit verbundene "Sehnsucht nach Relikten aus vorindustrieller Zeit" (Mac Cannel 2002, S.129) verursachen ein starkes Wachstum der Tourismusbranche, speziell im Bereich der historischen Sehenswürdigkeiten. Eben diese touristischen Attraktionen - archäologische und architektonische Schätze - sind der lebendige Beweis dafür, dass von Menschenhand geschaffene Werke sich den Naturgewalten entgegenstellen und widersetzen können. Die Tradition ist immer präsent in unserer Denkweise, aber in der heutigen Zeit hat sie immer mehr eine dienende Funktion und bietet eine willkommene Abwechslung von unserem Alltag, ist ein bunter Akzent, liefert Farbe, bringt mehr Tiefe in unsere Gegenwart oder befriedigt einfach unser nostalgisches Verlangen. Es sind also Spuren vergangener Wirklichkeiten, welche sehr oft als authentische, heute noch greifbare Zeugnisse behandelt werden (Mac Cannel 2002 S.226) und das ist, weshalb Touristen, so gern "auf die andere Seite springen: wo all dies geschah." (Mac Cannel 2002 S. XVIII).

Allgemein kann der ständig wachsende Tourismus eine Bedrohung für viele Baudenkmäler darstellen, aber die ökonomischen Interessen, welche der Tourismus mit sich bringt, sind für die regionale oder auch nationale Gesellschaft meist von hoher Priorität und wecken deshalb das Interesse am Erhalt dieser Objekte. Diese Unterstützung der Bevölkerung kann im Denkmalschutz zu einem der wichtigsten Faktoren heranwachsen. Der permanente Prozess der Entwendung von archäologischen Schätzen ist in den Medien und im öffentlichen Gewissen fast unbekannt, während jedoch das Aussterben von Tierarten oder das Abholzen von Regenwald regelmäßig zu Empörung und öffentlichen Protesten führen (Cleere 2000 S. 104). Ein wichtiger Faktor für dieses Verhalten sind Aufsehen erregende Proteste und die energische Berichterstattung in den Medien, was dazu führt, dass diese Themen bei Zuschauern ähnliche Emotionen und Reaktionen auslösen wie Kriege oder Naturkatastrophen. Die Frage ist nun, ob eine solche Art der Berichterstattung sinnvoll und angemessen ist. Scheinbar lautet die Antwort ja, zwar werden solche Aktionen unterschiedlich bewertet, jedoch immer erkennbar, da hierbei nicht einzelne Projekte im Vordergrund stehen, sondern das allgemeine Bewusstsein sollte in die richtige Richtung gelenkt und auf bestehende Missstände aufmerksam gemacht werden. Der Druck, der durch die Meinung der Öffentlichkeit ausgeübt wird, stellt heutzutage einen der größten Einflussfaktoren dar und steht in keinem Verhältnis zu anderen Kräften.

Die grundsätzliche internationale Akte, welche bestimmt was kulturelles Erbe ist, ist die so genannte UNESCO Konvention über den Schutz von natürlichem und kulturellem Welterbe, welche 1927 in Paris festgelegt wurde. Sie benennt drei Prioritäten im Bereich weltlichen Erbes. Dabei handelt es sich um kulturelles, historisches und natürliches Erbe. Gleichzeitig unterstreicht sie die allgemeine Bedeutung dieser drei Kategorien. Der grundsätzliche Anspruch dieser rechtlichen Akte ist der umfassende Schutz dieser drei Elemente, ihre Konservation und die Möglichkeit, alles an nachfolgende Generationen weiter zu geben. Diese Sehenswürdigkeiten sind nicht nur nationales Erbe sondern haben auch eine große internationale Bedeutung (Cleere 2000 S. 99). Der Wert dieser Konvention liegt vor allem darin, dass in ihr die Feststellung getroffen wird, dass die Menschheit nur ein gemeinsames Erbe hat. Eine weitere Besonderheit dieser Konvention ist das Hervorheben der Bedeutung von kulturellen und natürlichen Schätzen. Es wird die Überzeugung vertreten, dass sich die kulturelle Identität von Staaten und Gesellschaften immer in einer bestimmten natürlichen Umgebung entwickelt und dass die Landschaft oft als Inspiration für architektonische Werke gilt. Außerdem sind Biotope, welche sich in ihrem ursprünglichen Zustand erhalten haben, Zeugnisse für die Vorraussetzungen welchen sich Zivilisationen gestalteten. Deshalb finden sich auf der Liste des Welterbes nur architektonische Sehenswürdigkeiten und Gebäudekomplexe, sondern auch natürliche Denkmäler oder geologische Formationen, sowie auch Schauplätze der Zusammenarbeit von Mensch und Natur und archäologische Fundstätten. In der Präambel der UNESCO Konvention ist festgelegt, dass Kultur und Bildung, im Geiste von Gerechtigkeit, Frieden und Freiheit, möglichst vielen Menschen zugänglich gemacht werden sollen. Beim Erfüllen ihrer Mission arbeitet die UNESCO daran, den Dialog zwischen Völkern auf Grundlage von gegenseitigem Respekt, zu verbessern. Sie stellt sich den Gefahren entgegen, welche durch Globalisierung und Terrorismus entstehen, will den Schutz und die Revitalisierung von Kultur unterstützen und für Verständnis zwischen verschiedenen Kulturen, Religionen und Zivilisationen werben.

Die europäische Geschichte reicht weit in der Zeit zurück und ist äußerst facettenreich. Alle großen Ereignisse, die wir aus dem Geschichtsunterricht kennen, sind heute unwiederbringlich verschwunden. Von manchen zeugen nicht nur die Inschriften der Chroniken, sondern auch oft beeindruckende materielle Spuren. Die meisten dieser Spuren mussten

sich im Laufe der Geschichte gegen spätere Ereignisse und gegen die Kräfte der Natur behaupten. Deshalb sollten die bis heute erhaltenen Spuren in möglichst gutem Zustand für spätere Generationen aufbewahrt werden. Wir sollten alle Spuren, nicht nur materielle, welche unsere Vorfahren uns hinterlassen haben, so gut wie möglich schützen und ehren, da man die Zukunft nur verstehen kann, wenn man sich seiner Vergangenheit bewusst ist.

Spuren vergangener Leistungen sind sowohl raffinierte, architektonische Konstruktionen als auch massenhaft freigelegte Artefakte. Zu der als erstes genannten Gruppe zählen zum Beispiel die Pyramiden in Ägypten oder die Chinesische Mauer, sowie Tempel in Mittelamerika und Indien. Die kleineren, aber in größerer Stückzahl gefundenen Hinweise sind oftmals Dinge aus dem alltäglichen Leben, zum Beispiel Abfälle oder Gebrauchsgegenstände, wie Scherben von Keramik, Bruchstücke von Werkzeugen oder Mülldeponien, welche überall zu finden sind, wo sich Menschen niedergelassen hatten (Renfrew, Bahn 2002 S.45).

Auf dem europäischen Territorium sind bis heute viele Rätsel verborgen. Sehr oft treten die vergessenen menschlicher Tätigkeit überraschend und unerwartet zu Tage. An der Erforschung der Vergangenheit wollen wir alle teilhaben, auch weil wir ein Recht dazu haben und niemand die Geschichte für sich allein in Anspruch nehmen kann. Sehr oft haben wir jedoch nicht die Möglichkeit, historische Schätze wie ein Archäologe auszugraben. Wir können sie erst begutachten, nachdem sie von Spezialisten untersucht, erkannt und konserviert wurden. Das Bild, welches wir uns von der Vergangenheit machen, hängt zum großen Teil von der Art ab, wie uns die gefundenen Spuren von Archäologen, Historikern, in Museen und in Ausstellungen vorgeführt werden. Keiner der Entdecker ist Eigentümer der von ihm gefundenen Informationen über die Vergangenheit und die Ausstellung der Funde ist eine große Verantwortung, welcher sich jeder Historiker bewusst sein muss.

Ein Archäologe, das ist kein verrückter Wissenschaftler, der sich ständig in Gefahr begibt und sich aus schwierigen Situationen retten muss. Seine Arbeit besteht auch nicht nur aus Ausgrabungen. Eigentlich sind Ausgrabungen nur ein kleiner Teil seiner Arbeit. Archäologische Funde und Artefakte verlangen eine besondere und je nach Fund spezifische, konservatorische und untersuchende Behandlung. Ein Archäologe arbeitet nicht allein. Neben einer großen Anzahl verschiedener Spezialisten werden zur Unterstützung sehr oft auch Architekten benötigt, weil seine Präferenzen im Bereich von Konservierung und Untersuchung einen großen Einfluss auf die

Entscheidung welche architektonischen haben, Lösungen in einem bestimmten Fall geeignet sind oder auch nicht. Zentren oder wissenschaftlichtechnologische Parks, welche für den archäologischen Bedarf errichtet werden, müssen sich nach heutigen Standards und Bedürfnissen der archäologischen Konservierung richten. Dieses gilt nicht nur für die Lagerstätten der Funde (moderne Lager, welche mit Arbeitsplätzen kombiniert sind), sondern auch für den restlichen Arbeitsbereich. Es muss nicht nur möglich sein eine ganze Reihe notwendiger Untersuchungen durchzuführen, sondern auch, nicht weniger wichtig, Konservierungsarbeiten zu realisieren. Ein weiterer wichtiger Faktor bei der Planung und beim Entwerfen eines solchen Objektes ist der Fakt, dass ein solches Gebäude neben den konservatorischen und untersuchenden Funktionen auch eine repräsentative Funktion hat. Gerade im Bereich der Präsentation ist in der letzten Zeit viel geschehen und es gibt viele Neuerungen, die man beachten sollte. Man sucht nach neuen kombinierten Lösungen, welche nicht nur die konservatorischen Aspekte bevorzugen, sondern auch auf das Problem eingehen, die konservierten Schätze der Vergangenheit in attraktiver und repräsentativer Art und Wese darzustellen

In der heutigen Zeit wird von einem Archäologen erwartet, dass er Materialien liefert, welche es der Gesellschaft ermöglichen ein besseres Verständnis für die Vergangenheit zu entwickeln. Es ist also von großer Bedeutung, eine adäquate Darstellungsweise für Fundplätze und Museen zu entwickeln. Das große Verlangen nach Archäologie im Allgemeinen ist ungebrochen. Davon zeugen vor allem eine wachsende Zahl an Internetportalen und viele populär-wissenschaftliche Publikationen im Bereich der Archäologie. Da heutzutage die Erforschung der Vergangenheit als eine besondere Art von Vergnügen behandelt und dargestellt wird, muss sie auch in der Lage sein, mit anderen populären Attraktionen zu konkurrieren (Renfrew, Bahn 2002, S. 535-537).

Der Weg vom archäologischen Fund bis zur musealen Ausstellung ist sehr lang. Um aus einer bestimmten Quelle so viele Informationen wie möglich zu erhalten, ist es nicht nur wichtig, dass sie den Spezialisten zugänglich gemacht wird, sondern es ist auch unerlässlich, dass für den gesamten Untersuchungsprozess geeignete und gut vorbereitete Arbeitsplätze vorhanden sind.

Weiter unten wird der optimale Weg dargestellt, den ein Fund durchlaufen von der Ausgrabungsstelle bis zu den glitzernden Räumen der Museen und Ausstellungsräume soll.

ARCHÄOLOGISCHE AUSGRABUNGEN Am Ort der Ausgrabung:

- archäologisches Material wird ausgegraben
- alle Vermessungen werden durchgeführt
- die archäologischen Funde werden genauestens nummeriert
- Jedes kleine Fundstück muss noch auf Ausgrabungsstelle gesichert werden
- (meistens in Plastikbeuteln, mit genauer Beschreibung auf speziellen Metrikkarten)
- eine erste zeitliche Einordnung der Fundsachen
- Vorbereitung der Funde zum Transport (zu speziellen Arbeitsräumen)

ARBEITS- UND KONSERVIERUNGSBEREICH

- Die Funde werden vorsichtig zu den vorbereiteten Arbeitsplätzen transportiert, wo sie temporär gelagert werden und wo meistens die Konservierung stattfindet
 - Schutz der Funde vor weiteren Schäden
- einige Funde werden rekonstruiert (z.B. werden Teile von Keramikgeschirr verbunden)
- Es wird stabilisiert (z.B. Metall vor weiterer Korrosion)
- Kopien werden angefertigt (z.B. für Museumsbedarf)
- Alter und Entstehungsdatum werden bestimmt (z.B. auf Grund von physikalisch-chemischen und biologischen Untersuchungen)
- Funde werden zugeordnet und bezeichnet und dann in speziellen Lagern gelagert und nur ein kleiner Teil aller Funde wird für Besucher ausgestellt; deshalb ist es so wichtig, dass in den Lagern bestimmte Bedingungen herrschen

AUSTELLUNGRÄUME, MUSEEN & ARCHAEOLOGISCHE PARKS

- Präsentation archäologischer Funde. Dies kann auf unterschiedliche Art und Weise realisiert werden, nicht nur in Vitrinen, auch interaktiv, im Idealfall angepasst an das erwartete Alter der Besucher
- An solchen Plätzen, kann man auch unterschiedlichste Aktionen & Festivals vorbereiten, bei welchen die Besuchter nicht nur die Möglichkeit haben, Artefakten zu sehen, sondern auch beobachten, wie sie hergestellt wurden oder welche Funktionen sie hatten.

Auf diesem Weg muss viel passieren und die Fundstücke müssen viele Arbeitsschritte durchlaufen. Sie gehen durch die Hände einer Vielzahl

unterschiedlicher Spezialisten. Auch der Architekt hat eine Rolle im vorher beschriebenen Prozess. Er kann schon bei der Dokumentation der Ausgrabungsstelle einen wichtigen Teil der Arbeit übernehmen, vor allem bei der Vermessung und Dokumentation der Überreste von Bauwerken. Außerdem kann er sehr wichtig sein, wenn es darum geht, ein gutes Konzept für die Darstellung der Funde vorzubereiten, beziehungsweise eine Lösung für die Präsentation komplizierter Funde zu entwickeln. Ein weiterer wichtiger Aspekt bei der Kooperation von Architekt und Archäologe ist ein gutes Verständnis der Besonderheiten der Archäologie und der Missionen, die sie zu erfüllen hat. Die Hauptaufgabe des Architekten, welcher mit einem Archäologen zusammen arbeitet, besteht im Allgemeinen darin, ein Ausstellungskonzept für eine breite Gruppe von Besuchern zu entwerfen, jedoch sollte er dabei immer auch die Meinung des Archäologen einholen und mit in seine Überlegungen einbeziehen. Eine solche Arbeitseinstellung sollte nicht abhängig davon sein, über welche Art von Projekt man spricht, sie sollte bei allen Museen, Arbeitsräumen, Lagern, archäologischen Parks und anderen Orten, an denen die Vergangenheit dargestellt oder Untersucht wird, eingehalten werden.

Es gibt heutzutage eine Vielzahl an allgemeinen Hinweisen, wie man einen solchen Ausstellungsplatz im Idealfall entwerfen sollte. Aber all das sind keine fertigen Lösungen. Das heißt, dass bei jedem neuen Entwurf alle Parameter an die konkrete Situation angepasst werden müssen. Im Allgemeinen kann man moderne archäologische Zentren in drei Teile aufteilen, welche alle einzeln betrachtet und speziell entworfen werden müssen.

1. Lager

Moderne Lager für archäologische Fundstücke müssen eine ganze Reihe von Bedingungen erfüllen, welche im Generellen alle der allgemeinen Annahme über einen optimalen Lagerraum entsprechen. Wichtige Faktoren, speziell bei der Entwicklung eines Konzeptes für diese Bereiche, sind unter anderem Temperatur und Mikroklima. Es ist also unerlässlich eine baulich Lösung zu entwickeln, welche eine ausreichende Durchlüftung gewährleistet und ein geeignetes Ventilations- und Klimatisierungssystem beinhaltet.

2. <u>Untersuchungsbereich</u>

In diesen Bereich, in dem fast ausschließlich archäologische Funde bearbeitet werden, gehören vor allem Arbeitsplätze, die sich in unmittelbarer Nähe der Lager befinden. Hier wird unter anderem Massenmaterial gewaschen und konserviert.

Auch werden hier Steinfunde, Keramikscheiben, Knochen und viele andere Artefakte beschriftet und inventarisiert. Diese Massenmaterialien sind hier der Hauptteil der zu bearbeitenden Funde und nur ein sehr kleiner Teil davon wird später im Museum ausgestellt, der größte Teil kommt nach der Einordnung und Archivierung in den Lagerraum. Es muss also hier sehr gut und ausführlich präpariert werden. Ein sehr wichtiger Bestandteil dieser Räume sind die Sanitärbereiche. Ein weiterer wichtiger Faktor, vor allem mit Augenmerk auf die hier durchgeführten Tätigkeiten, ist die Beleuchtung. Dies bezieht sich sowohl auf die natürliche als auch auf die künstliche Beleuchtung, um gleichwertige Arbeitsbedingungen zu allen Tages- und Jahreszeiten zu gewährleisten. In den Arbeitsbereichen selbst besteht eine weitere Priorität darin, große Arbeitsflächen mit günstigem Zugang zu den Lagern zu schaffen und eventuell auch Regale zur Verfügung zu stellen.

Manchmal befinden sich in diesem Untersuchungsbereich auch speziell ausgerüstete Räume. So ist es in einigen Fällen notwendig, Computer-, Zeichen- oder Fotokabinette einzurichten, oder auch andere Räume, welche noch speziellere Anforderungen stellen, wie zum Beispiel Räume die für chemische Arbeiten geeignet und ausgerüstet sind.

3. Präsentationsbereich

Dieser Bereich wird meist durch ein modernes Museum abgedeckt, welches für verschiedene Altersgruppen angelegt ist und in sich eine Vielzahl verschiedener Funktionen vereint. Es ist von großer Bedeutung, dass der Entwurf eines solchen Gebäudes auf seine späteren Funktionen hin ausgelegt ist und mit dem Grundsatz übereinstimmt, dass Architektur "eine Kunst ist, Räume nach den Bedürfnissen des Menschen zu organisieren" (Pawłowska 1995, S. 25). Sehr oft sind die Sammlungen von Museen sehr unterschiedlich, weshalb man nicht alles, was möglich ist, darin ausstellen sollte. Der Architekt darf sich nicht nach der Ausrichtung des Museums und der aktuellen Ausstellung richten. Meist ist es von Vorteil, relativ große neutrale Räume zu schaffen, die eine große Variabilität bieten und so viele Gestaltungs- und Ausstellungsmöglichkeiten offenlassen. Im Normalfall gilt, je neutraler die Räume sind, desto mehr Möglichkeiten bieten sie für eine individuelle Gestaltung. Selbstverständlich ist das keine feste Regel, da in manchen Situationen die kulturelle Einheit über der Vielseitigkeit stehen muss, um auf dem, heutzutage sehr aggressiven, Markt konkurrenzfähig bleiben zu können. Es ist von Vorteil, wenn der Darstellungsraum in einer Beziehung zu

den präsentierten Objekten und ihrem Entstehungsort, beziehungsweise ihrer Entstehungszeit steht.

Eine weitere Option bei der Gestaltung eines solchen Objekts ist der Einsatz verschiedener medialer Techniken. Durch den Einsatz von Bild und Ton wird es dann ermöglicht, Geschichte auf eine andere Art und Weise zu präsentieren und so eine bestimmte Atmosphäre zu erzeugen. Wenn all diese Möglichkeiten und auch die Entscheidung über die Form eines solchen Objekts optimal genutzt werden und gut mit einem Bereich zur Bildung kombiniert werden, hat das Museum gute Chancen eine große Zahl Besucher anzuziehen. Auch die Bedeutung für die lokale und Regionale Umgebung kann auf diese Art deutlich erhöht werden. Je besser die verschiedenen Lösungen in den Museumsbereich integriert werden, desto stärker tragen sie zum Verständnis der Ausstellungsinhalte bei. In einem solchen Komplex sollte es unbedingt vermieden werden, Barrieren zu errichten, das heißt, dass Besucher sich problemlos orientieren können sollten. Sie sollen sich nicht verlaufen, Teile der Ausstellung verpassen oder (orientierungslos?) durchs Museum irren und nur Ausschilderungen folgen. Bei der Errichtung eine Museums in einem historischen, archäologischen oder naturgeschützten Parkbereich ist es besonders notwendig, eine ausgeglichene Komposition von Gebäude und Landschaft zu schaffen und einen erkennbaren und logischen Zusammenhang zwischen äußerer Form und der Gestaltung der Innenräume herzustellen. Unabhängig von bestimmten Einflussfaktoren, welche jede Investition mit sich bringt, ist es wichtig, dass Architekt und Bauherr ein Konzept erarbeiten, welches für beide Seiten möglichst optimale Ergebnisse erzielt. So sollte der Architekt die Möglichkeit haben, ein Projekt zu realisieren, mit dem er sein Können beweisen und seine Vision realisieren kann, in dem sich jedoch auch die Museumsmitarbeiter beruflich verwirklichen können(Orlik, Klag 2006, S.25).

Konzeptideen für Ausstellungsgebäude haben sich im Laufe der Zeit verändert. Sowohl grundlegende Ideen, als auch theoretische Grundlagen haben sich immer wieder verändert. Dies kann man als Nachweis für die Lebendigkeit und die regionale Bedeutung eines solchen Bauwerkes werten. Es soll immer ein "Kind der Zeit" sein und soll immer eine Antwort auf die aktuellen Bedürfnisse der Benutzer liefern. Marcin Szelag (2006, S. 4) formuliert seine Meinung in diesem Zusammenhang folgendermaßen: "Entgegen der weitläufigen Meinung, Museen sein konservativ und hätten von Natur aus Schwierigkeiten sich mit Änderungen zu arrangieren, kann man in der Architekturgeschichte immer wieder Knotenpunkte

finden, die bedeutend für ein neues Bild dieser Institution waren."

Die bekanntesten europäischen Museen, wie das British Museum, welches am Anfang ein äußerst elitärer Platz war und die Eroberung einer Eintrittskarte stellte eine wahre Herausforderung dar, oder auch der Louvre, der schon von Anfang an zu den allgemein zugänglichen Gebäuden gehörte, sind zwei sehr bekannte Beispiele dafür, welch große Veränderungen es im Laufe der Zeit in der Entwicklung von Museen gab. Von der Entstehung des British Museum 1753, über die Abgabe des Louvre 1793 an das französische Volk, die Reorganisierung der Berliner Museen Anfang des 20. Jahrhunderts, die Eröffnung des Museum of Modern Art 1929 in New York und die Errichtung des Centre Pompidou, haben sich Konzepte und Funktionsweisen von Museen grundlegend geändert. Am Anfang des 20. Jahrhunderts mussten die Konzepte der Museen von London, Paris und Berlin neu überdacht werden, da sie aufgrund der kolonialen Rivalität zwischen Frankreich, England und Deutschland auf einmal mit Funden geradezu überschwemmt wurden und nicht in der Lage waren, die Massen an Funden zu verarbeiten. Das Museum entwickelte sich von einer Institution, die nur darauf eingestellt war eine möglichst große Menge von Gegenständen zu präsentieren, zu einem Ort, an dem eher die sinnvolle Darstellung ausgesuchter Objekte, der Kollektion und der Bildungsaspekt im Mittelpunkt standen. Eine der bedeutendsten Persönlichkeiten bei der Weiterentwicklung des Modells der Ausstellungskonzepte, welche bis zum Ende des 19. Jahrhunderts vorherrschten, war Wilhelm Bode, der Erschaffer des Kaiser Friedrich-Museums in Berlin (heute Bode-Museum). Dieser Museumsarbeiter hat grundlegende Änderungen an der Einstellung gegenüber Ausstellungskonzepten in Museen eingeleitet. Er war einer der ersten, der in den Ausstellungen einen Zusammenhang von historischem Kontext und aktuellem Zeitgeschehen herstellte. Durch diese Änderungen aufgezeigt, dass auch Museen aktive Teilnehmer und Moderatoren des kulturellen Lebens sein können. Diese Einstellung, welche sich in Europa über viele Jahre geformt und entwickelt hatte, wurde in Amerika als Ausgangspunkt für eine Generation moderner, neu gestalteter Museen genutzt. In den USA wurde seit der Entstehung von Museen wie dem Museum of Modern Art (MoMA), das Hauptaugenmerk auf den Aspekt Bildung gerichtet, welcher als wichtigste Funktion ein ganz natürlicher Bestandteil der Ausstellung war und zusätzlich noch durch verschiedene Vorträge und Publikationen Unterstützt wurde. Seit dem Ende der 60er Jahre sind Museen noch offener und

weit weniger autoritär geworden. Außerdem war die kulturelle Situation eine Quelle für die ungebrochene Aktualisierung von Ausstellungen. Ein Ergebnis der Revolte der 60er Jahre war das Centre Pompidou, welches als Labor geplant war und die Besucher zu verschiedenen Untersuchungen einlud. Von diesem Moment an wurde die Idee der Dauerhaftigkeit und Unveränderbarkeit, durch flexible und leicht wandelbare Konzepte ersetzt. Die Errichtung des Centre Pompidou war der Anfang eines großen Museumsbooms. Dieser Aufstieg der Museen war nicht nur durch einen Aufschwung im Baugewerbe zu erklären, welcher sich in einer ganzen Reihe von Museumsneu- und um-bauten äußerte, sondern hatte seinen Ursprung vor allem in neuen wissenschaftlichen Überlegungen, die im Zusammenhang mit dem Museum als Institution standen." (Szeląg 2006, S. 6). Heutzutage, versteift sich niemand mehr darauf, dass Museen nicht autoritär sein sollen und meistens wird die suchende Haltung des Museums akzeptiert. Es handelt sich hierbei nicht um Plätze die fertige Wahrheiten präsentieren, sondern die eine offene Interpretation erlauben und sogar neue Fragen eröffnen und unterstützen sollen.

Gleichzeitig sind einige heutige Museen, welche der überall propagierten Vergnügungskultur folgen, nicht frei von kontroversen und schwerwiegenden Problemen.

Als Beispiel kann hier das Jüdische Museum in Berlin dienen, das den Besuchern eine Vielzahl an Möglichkeiten bei der Beurteilung und Einschätzung historischer Ereignisse bietet. Um diese Ziele zu erreichen, sprechen die Schöpfer alle Sinne an: Sehkraft, Gehör, Geruch und den Tastsinn.

Nach einigen praktischen Änderungen folgen auch breit gefächerte rechtliche Lösungen und unterschiedliche Ausbildungsprogramme. Auch gibt es immer noch Diskussionen, die sich damit beschäftigen, welchen Stellenwert das Museum als Ausbildungsort in der heutigen Gesellschaft einnimmt. Immer öfter wird hervorgehoben, dass das Museum ein Ort der ungebrochenen Ausbildung ist und dass die weitere Existenz dieser Institution nur von sich selbst abhängt, speziell davon, ob sie genug gebildete Gesellschaft hervorbringt, da nur diese im Stande ist, auf das anspruchsvolle Angebot einzugehen, welches Museen anbieten (Szelag 2006, S. 20). Eine solche Öffnung der Museen für eine breite Bevölkerungsschicht verändert nicht nur ihre primären Aufgaben, sondern auch die Einstellung und Vorbereitung der Ausstellungsräume und Darstellungsmethoden. Die Entstehung eines Museums ist immer häufiger ein mittlerer Wert Engagements der Museumsangestellten und des Einflusses verschiedener Spezialisten

unterschiedlichen Fachgebieten, wie zum Beispiel Architekten.

Im Fall Chersones braucht es viel Motivation und Kraft, um diese große archäologische Fundstätte in ein bekanntes Kulturzentrum umzuwandeln, wo sich Platz für Touristen und Wissenschaftler findet und wo sowohl die alte Bausubstanz geschützt wird und andererseits eine freundliche und angenehme Umgebung für Besucher geschaffen wird.

Das Planungsgebiet, der Museumspark von Chersones, liegt an der südwestlichen Spitze der Halbinsel Krim. Das zu bearbeitende Gebiet beschränkt sich im Wesentlichen auf das Gebiet der gut erhaltenen antiken Stadt Chersones. Diese erstreckt sich über ca. 26 ha hügeliges Küstengelände und liegt am nördlichen Rand der Stadt Sewastopol, direkt am Meer. Schönheit und Besonderheit dieses Ortes verursachen, dass die historische, heute noch erhaltene Substanz mit großer Sensibilität behandelt werden muss. Es reicht nicht, einzeln ausgewählte Teile neu zu gestalten. Man muss ein ganz neues, komplexes Erschließungskonzept ausarbeiten, welches dann weiter bis ins Detail entwickelt werden muss. Heute fehlt es hier nicht nur an der nötigen Infrastruktur, sondern auch an Ideen für eine moderne Präsentation dieser Schätze.

Um einen sinnvolles Erschließungskonzept zu schaffen, sind in diesem Fall viele Vorbereitungen unternommen worden. Die langen und tief greifenden Analysen haben zu verschiedenen wichtigen Überlegungen geführt, deren Hauptergebnis die Erstellung eines allgemeinen Ausstellungsschemas war und den Beginn der Entwurfsphase ermöglicht hat. Erste Entscheidungen wurden nach und nach weiter ausgearbeitet, um das Bild zu komplettieren. Auf der Grundlage der Analysen und nach den Anforderungen des Ausstellungsschemas, wurde schließlich ein Erschließungskonzept entwickelt und angepasst. Dieses wird ständig auf seine Qualität und Funktionsfähigkeit hin überprüft, bis es detailliert ausgearbeitet und komplett festgelegt ist. Nachdem diese wichtigen Rahmenbedingungen geschaffen und festgelegt sind, hat die Arbeit am eigentlichen Entwurf begonnen.

Wie durchgeführte Analysen aufzeigten, haben nicht nur natürliche Vorgaben einen starken Einfluss auf das Gebiet, sondern auch, über die Jahrhunderte künstlich geschaffene Bedingungen. Mit Augenmerk auf die Topografie, den Grünbestand und mit Hilfe von Wegeschema-, Stadtmauerverlauf-, und Gebäudestand-Analysen wurde versucht, eine logische und sinnvolle Gestaltung der Erschließung und des Wegesystems zu entwerfen. Bei der geplanten Erschließung handelt es sich größtenteils um einen Umbau des

alten Systems. Um die Orientierung zu erleichtern und einen stärkeren Bezug zur historischen Stadt herzustellen, wurde das alte römische Straßensystem übernommen und nur in fehlenden Teilen mit neu gestalteten Abschnitten ergänzt. Um das geometrische Wegeschema nach Hypodamos, welches in diesem Gebiet sehr gut erkennbar ist, zu schützen, hat man die gesamte Wegeführung nach diesem Schema gestaltet. Außerdem haben gründliche Überlegungen zu der wichtigen Feststellung geführt, dass das Gebiet vor allem von drei Besuchergruppen benutzt wird, von Touristen, Kirchgängern und Forschern. Dazu kommt die Erkenntnis, dass diese drei Gruppen dieselben Wege benutzen, obwohl sich ihre Ziele fast immer unterscheiden. Deswegen muss man diese Wege trennen, wo sich eine Möglichkeit dazu bietet.

Diese Beobachtungen waren eine ausreichende Begründung, um den Eingangsbereich für Touristen an einen ganz neuen Platz zu verlagern. Dadurch sind zwei Eingänge entstanden, getrennt für Touristen und Gläubige. Der neue Haupteingang für Besucher hat seinen Platz neben der gut erhaltenen Zitadelle gefunden. Weil dieser Bereich eine neue Art der Nutzung erhalten hat, hat man hier neue, ergänzende Gebäude geplant. Die verändertete Eingangssituation bietet im ersten Moment eine Aussicht auf das Gebiet aus dem ca.20 m hohen Turm, wobei man erst einmal die kompletten Stadtruinen bewundern und schon am Anfang der Tour wichtige Orientierungspunkte erkennen kann, welche man dann später in der Stadt wiederfindet. So bildet das Eingangsgebäude den neuen zentralen Anlaufpunkt für Touristen und trägt mit dem Aussichtsturm zur besseren Orientierung im Gebiet bei, während es gleichzeitig eine bessere Kontrolle des Einganges und der Besucher gewährleistet. Weiterhin betritt man den Boden des alten Stadttores und man kann die Größe der mächtigen Stadtmauer bewundern, der in diesem Bereich eine besondere Rolle zufällt. Sie ist sehr unterschiedlich erhalten, an manchen Stellen ist sie in sehr gutem Zustand und 7-8 m hoch, an anderen Stellen sind nur noch Reste erkennbar. Sie schafft damit sehr unterschiedliche Situationen im Entwurfsgebiet und ein Spaziergang in diesem Bereich kann zu einem unvergesslichen Erlebnis werden.

Einen auf weiteren Höhepunkt dem Ausstellungsweg, welcher die alte Stadtmauer integriert ist, kann man direkt vom Zwischenmauernbereich aus erreichen. Es handelt sich dabei um das komplett neu gestaltete, multifunktionelle Gebäude, welches das Kernprojekt des Entwurfes bildet. Dieses Objekt ist als die Summe von subjektiven Gefühlen und analytischen Überlegungen entstanden. Es ist eine intuitive Reaktion

auf die bestehende, in ihre Form sehr besondere, räumliche Situation. Es ist ein kompletter Neubau am Rand des Parkgeländes, eigentlich außerhalb der antiken Stadtmauern. Neue Wände nehmen die Linien der alten Steinmauern auf und liegen teilweise zwischen den Teilen der Stadtmauern. Diese Position fügt sich gut in die neugeschaffene Eingangssituation ein und gefährdet keine antike Bausubstanz. Der neue Komplex soll minimale Wirkung auf die historische Landschaft haben. Deswegen ist die Gesamtform der Anlage mit sorgfältiger Rücksichtnahme auf das vorhandene Gebiet der natürlichen Topographie angepasst und ist bemüht, den Charakter der gegebenen Oberflächenstruktur zu wahren. Damit ist dieser relativ große Körper von der Altstadtseite her fast nicht zu erkennen. Der Bau ist aus dem Boden gewachsen und aus ihm gefertigt, aber er hebt sich auch selbst wieder auf, integriert sich in den Berg und löst sich darin auf. Bei der Projektierung des Museumsgebäudes wurde besonderes Augenmerk darauf gelegt, dass es das Parkgebiet nicht dominiert und sich trotzdem deutlich als neu und bedeutend zu erkenne gibt. Ein weiterer wichtiger Punkt war der Schutz der antiken Bausubstanz und gleichzeitig die Integration des Bauwerkes in eben diese. Diese Punkte wurden sowohl durch die Positionierung des Baukörpers, als auch durch die Wahl von Form und Material verwirklicht. Der Standort, knapp außerhalb der Stadt gelegen, ermöglichte die optische Einbindung des Gebäudes in die antiken Strukturen, ohne diese zu zerstören oder zu verändern, während der in einen Hügel eingeschobene Baukörper sich gleichermaßen einladend und doch zurückhaltend präsentiert. Dies wird dadurch erreicht, dass der eigentlich verhältnismäßig massive Baukörper in die Landschaft zu fließen scheint, wodurch er nur an der Ostseite eine echte Fassade entwickelt und aus allen anderen Richtungen kaum zu erkennen ist. Dennoch bietet er im Inneren ausreichend Platz für alle an ihn gerichteten Anforderungen.

Die Form des Baukörpers richtet sich nach dem Verlauf der antiken Stadtmauern, in welche er teilweise integriert ist, wobei der Baukörper hier jedoch nicht als Fremdkörper agiert, welcher sich zwischen die Mauern drängt, sondern vielmehr als eine Art Schaukasten dient, welcher es den Besuchern ermöglicht, auch längst vergessene Teile der Stadtmauer besichtigen zu können. Aus der so entstandenen Form heraus und aus den in den Analysen festgelegten Anforderungen an das Gebäude, wurde nun ein Raumprogramm entwickelt und in das Gebäude eingepasst. Dabei ergab sich eine natürliche Erschließung des Besucherbereiches, welche sich nahtlos in das Erschließungskonzept des gesamten Parkgebietes einfügt. Hierbei musste ständig auf die Verständlichkeit und Logik der Erschließung geachtet werden, um einen späteren Rundgang so angenehm und interessant wie möglich zu gestalten. Das Ergebnis ist ein Rundgang, welcher sich um ein modernes Atrium herum innerhalb des Gebäudes vom Keller zum Obergeschoss bewegt. Ein wichtiger Aspekt dieses Rundganges ist die Vielseitigkeit der "Landschaft", die der Besucher erkundet. Es wechseln sich reguläre Ausstellungsräume mit langen Gängen und Großexponaten ab, wodurch das Interesse an dem Erlebten ständig erhalten bleibt. Relativ unauffällig und nur für den aufmerksamen Besucher zu entdecken sind die Forschungs- und Arbeitsräume untergebracht. Sie befinden sich im Keller- und Erdgeschoß, wobei sich der Rundgang für die Besucher geschickt um diese Bereiche herumbewegen soll, ohne dem Besucher das Gefühl zu geben etwas zu verpassen. Neben diesen Funktionen musste auch noch das Auditorium eingeplant werden. Hierbei lag das Hauptaugenmerk auf der flexiblen Nutzung und der Möglichkeit einer separaten Erschließung. Dies wurde durch die, vorher bereits erwähnte, Erschließung über den Vorplatz erreicht.

Bei der Konstruktion des Museums standen zwei Aspekte im Vordergrund. Es sollte sich gut in die Landschaft einfügen und gleichzeitig eine optimale Belichtung, Belüftung und Klimatisierung gewährleisten. Um den sichtbaren Teil des Baukörpers gut in die Umgebung zu integrieren, soll auf Materialien aus der Region zurückgegriffen werden. So ist die Stahlbetonkonstruktion mit zugerichteten Platten eines lokalen Kalksteins verkleidet, welche auf eine bestimmte Größe zugeschnitten sind. Durch die Verwendung eines solchen Materials identifiziert sich der Baukörper eindeutig mit den antiken Bauwerken der Umgebung, während er durch dessen zeitgemäße Verarbeitung und Anwendung seine moderne Eigenständigkeit demonstriert. Über diesen Mauern verläuft ein Band aus lackierten Aluminiumplatten, welche das Gebäude optisch abschließen und dessen Verlauf hervorheben. Sie dienen auch als Umrandung der begrünten Dächer, die wiederum für einen fließenden Übergang des Baukörpers in die Landschaft verantwortlich sind. Zusätzlich dazu haben diese Dächer einen positiven Effekt auf die Isolation und das Raumklima des Museums.

Materialauswahl ist eindeutig darauf ausgerichtet, eine Beziehung zwischen dem neu errichteten Museum und der Landschaft mit ihren antiken Bauwerken zu erschaffen, und dem Gebäude trotzdem eine eigene Identität zu erlauben. Eines der Hauptprobleme bei der Belichtung war es, ausreichend natürliches Licht in das Innere des geschlossenen Baukörpers zu transportieren. Hierzu

wurden vor allem Oberlichter und eingeschobene Fenster benutzt, welche nicht nur die Belichtung der oberen Stockwerke gewährleisten, sondern auch Licht bis ins Kellergeschoss leiten.

Da das Museumsgebäude als ein fester Bestandteil des Erschließungskonzepts, hat örtlich fest gelegte Ein- und Ausgänge und die Touristen werden Ziel gerichtet durch das Gebäude geführt. Ihren Besuch beginnen sie im Kellergeschoss. Gleich nach dem Eintritt werden sie in einen geheimnisvollen Bereich hineingezogen, wo sie die Möglichkeit haben in einem archäologischen Schnitt eine besondere Art von Zeitachse des Gebietes und neu eindeckte Wachturmreste zu bewundern. Kurz danach wartet eine große Überraschung auf die Touristen. Plötzlich, gleich nachdem sie die Stadtmauer umrundet haben, eröffnet sich ein hoher, heller Raum. Das große Atrium, welches alle Ausstellungsbereiche umfasst, ist der Hauptorientierungspunkt. Dieser Hauptraum wird am Tage von oben mit natürlichem Licht beleuchtet. Hier wird ein Orientierungspunkt gebildet, der den gesamten öffentlichen Bereich organisiert. Hier ist es leicht Information, Garderobe und Toiletten zu finden und zu erreichen. Darauf folgend, sind in den nächsten Etagen weitere Ausstellungsräume positioniert, die so gestaltet sind, dass sie möglichst viel großen und flexiblen Raum schaffen.

Der Ausgang befindet sich in der zweiten Etage, dort wo sich früher eines der alten Stadttore befand. Er wird über den Cafébereich erreicht, welcher sowohl zum kurzen Verweilen vor dem Verlassen des Museums einlädt, als auch das Foyer für den direkt angrenzenden Vortragsraum bildet. Hier bietet sich den Touristen auch eine Gelegenheit, einen Blick durch das Panoramafenster über das Stadtgebiet zu werfen. Von hier aus betreten die Besucher, wie bereits beschrieben, durch ein ehemaliges Stadttor das Gebiet der antiken Stadt Chersones. Direkt im Anschluss an das Museum liegt der Theaterbereich, wo im Sommer und Herbst regelmäßig kulturelle Veranstaltungen stattfinden, welche jedes Mal eine große Anzahl Besucher anziehen. Durch diese direkte Verbindung von Museum und Theaterbereich kann das Cafe auch von Besuchern genutzt werden, die nicht das Museum besucht haben.

Der Service am Publikum erschöpft sich jedoch nicht in diesen kommerzialisierbaren Aspekten. Je nach Engagement des Museums werden die pädagogischen Einrichtungen entsprechend ausgebaut. Um diesem Anspruch gerecht zu werden, verfügt das Museum über ein großräumiges Auditorium, welches sich im Obergeschoss befindet und an den Rundgang im Inneren des Museums angeschlossen ist. Da das Auditorium jedoch nicht nur als Teil

der Ausstellung genutzt werden soll, sondern auch als eigenständiger Veranstaltungsort, ist es nicht nur durch den Ausstellungsteil zu erreichen. Auch vom Vorplatz aus kann das Museum betreten und auf diesem Wege das Auditorium erreicht werden. Einer der beiden Eingänge, die hier zu finden sind, führt in erster Linie zum Auditorium ins Innere des Museumsgebäudes, auch das Cafe und die Toiletten sind von hier aus zu erreichen. Außerdem bietet dieser Eingang auch Zugang zu den Arbeitsräumen des Museumsdirektors und seiner Mitarbeiter. Durch diese sekundäre Erschließung ist es möglich, eigenständige Veranstaltungen im Auditorium durchzuführen, wobei der Vorraum in Verbindung mit dem Cafe als Foyer dienen kann.

Die Aufgaben des Gebäudes beschränken sich nicht nur auf das Ausstellen von Fundstücken und die Vermittlung von Wissen, sie sind sehr vielfältig und reichen weit über das eben genannte hinaus. So dient es nicht nur als Museum, sondern bietet, neben dem Cafe und dem Ausstellungsbereich, auch Platz für Forschung, Lagerung und Untersuchung von Fundstücken. Es ist notwendig, diese Aufgaben in dem Neubau unterzubringen, da die vorhandenen Gebäude weder den technischen Ansprüchen genügen, noch ausreichend Platz bieten. Die entsprechend ausgerüsteten Räume hierfür befinden sich im Kellergeschoss und werden ebenfalls vom Vorplatz aus erschlossen. Der Eingang für Handwerker, Konservatoren und wissenschaftliche Arbeiter führt an der Südseite entlang und ermöglicht eine freie Erschließung der Arbeitsbereiche und Lager, ohne die Besucher mit Lärm, Schmutz und Behinderungen zu belästigen.

In dem so erschlossenen Arbeitsbereich im Kellergeschoss befinden sich spezielle Lager, direkt daran angeschlossene Arbeitsräume, beleuchtete und unbeleuchtete Foto- und Zeichenkabinette, Labore und andere Untersuchungsräume sowie Aufenthaltsund Sanitärräume für die Museumsarbeiter. In diesem Bereich finden alle vorher beschriebenen Arbeitschritte zur Konservierung und Einlagerung der Fundstücke statt. Von hier aus können auch alle Objekte in die Ausstellungsräume befördert werden. Dafür steht ein Lastenaufzug zur Verfügung, welcher alle Stockwerke bedient und es somit ermöglicht, auch große Ausstellungsstücke ohne Probleme an ihren Bestimmungsort zu transportieren.

Nachdem der Besucher den Rundgang im inneren des Museums abschließt, verlässt er das Gebäude wie beschrieben durch den Ausgang, welcher sich zum Theaterbereich hin öffnet. Im Theaterbereich selbst findet der Besucher nicht nur das antike Amphitheater, sondern auch den weiteren Weg durch

das historische Stadtgebiet von Chersones. Als erstes wird der ehemalige Klosterkomplex erreicht, in dessen Gebäuden heute unterschiedliche Funktionen des Museumsparks untergebracht sind. Hier finden sich zum Beispiel eine Wechselausstellung und ein Bibliotheksgebäude, welches sowohl für die wissenschaftliche Arbeit, als auch für interessierte Studenten und Besucher zur Verfügung stehen kann. Zwischen den Klostergebäuden befindet sich der ehemalige Klosterpark. Hier sind zwei Pavillons geplant, welche für die Ausstellung der hier gefundenen Details und Mosaike gedacht sind. Nachdem der Besucher diesen Teil hinter sich gelassen hat, betritt er die gut erhaltenen Strukturen der antiken Stadt, in welchen er sich weitgehend frei bewegen kann. Jedoch müssen verschiedene präventive Maßnahmen getroffen werden, um den Schutz der historischen Bausubstanz zu gewährleisten. So soll durch die Begrünung der Wegränder in noch unerforschten Bereichen verhindert werden, dass sich Trampelpfade bilden und noch nicht ausgegrabene Strukturen weiter zerstört werden. Außerdem soll so eine bessere Kontrolle der Besucher ermöglicht werden, um die rekonstruierten oder konservierten Bauwerke möglichst effektiv vor Vandalismus und Zerstörung durch Fehlverhalten zu schützen.

Nach einer ausführlichen Erkundung des antiken Stadtgebietes, in welchem der Besucher auch auf kleinere Sehenswürdigkeiten wie den Glockenturm und die bekannte Basilika mit ihren gut rekonstruierten Säulen trifft, sollten weitere Möglichkeiten offen stehen, dieses einmalige Gebiet zu erkunden. Eine Überlegung, welche noch nicht komplett ausgearbeitet ist, ist die Möglichkeit einen kleinen, bereits heute vorhandenen Hafen zu nutzen, um Chersones auch vom Meer aus erleben und bewundern zu können. Diese Variante der Gebietserschließung würde auch neue Möglichkeiten eröffnen, das Gebiet zu erreichen. Da eine Vielzahl der Besucher von Sewastopol im Spätsommer mit Kreuzfahrtschiffen anreist, wäre so eine Möglichkeit gegeben, den Museumspark direkt vom Meer aus zu erschließen.

Wie zu Beginn der Analyse erwähnt, wird der Park nicht nur von Touristen und Wissenschaftlern besucht und genutzt, sondern auch von Gläubigen, welche eine der Kirchen auf dem Gebiet besuchen wollen. Besonders die bereits restaurierte und wieder in Betrieb genommene Wladimir Kathedrale hat große religiöse Bedeutung, nicht nur für die lokale Bevölkerung, sondern für den gesamten russischsprachigen Bereich. Da es nicht akzeptabel wäre von den Kirchgängern Eintrittsgelder zu verlangen und es nahezu unmöglich ist, sie von den normalen Besuchern zu unterscheiden, wurden getrennte Wege eingerichtet. Während Touristen das Gebiet durch den zum Stadttor verlegten Haupteingang betreten, wird für religiöse Besucher ein freier Eingang zur Verfügung gestellt, von welchem aus jedoch nur wenige touristische Attraktionen zu erreichen sind und welcher somit nicht attraktiv wäre für Besucher, die sich nur den Eintrittspreis ersparen wollen.

Wie gerade in den letzten Absätzen deutlich wurde, bestehen auf dem Gebiet von Chersones bereits zahlreiche Bauwerke. Die meisten von ihnen sollen hier nicht näher beschrieben werden, da sie keine große Relevanz für den Entwurf besitzen. Im Allgemeinen können diese Gebäude in vier Hauptgruppen unterteilt werden. Nach diesen Gruppen lassen sich die Gebäude auch bestimmten Verfahrensweisen bei der Gestaltung des Parks zuordnen. Es handelt sich dabei um eine Einteilung nach ihrem Nutzen, Zustand und Wert für den Park. Die Gebäude des ehemaligen Klosters sind in die zukünftige Gestaltung des Parks eingeplant und sollten auch wegen ihres verhältnismäßig guten Zustands erhalten werden. Eine ganze Reihe von temporären Gebäuden wurde im Laufe der Jahre errichtet, um die Bedürfnisse der Wissenschaftler und der Parkverwaltung zu befriedigen. Diese Gebäude sollen abgerissen werden, da ihre Funktion bereits von Neubauten übernommen wird und sie, aufgrund ihres schlechten baulichen Zustandes und ihrer wahllosen Positionierung, dem Erscheinungsbild des Museumsparks großen Schaden zufügen. Bei den Gebäuden mit religiöser Bedeutung, wie zum Beispiel den Kirchen und Teilen des Klosterbereichs, liegt das Hauptaugenmerk darauf, sie der Öffentlichkeit zugänglich zu machen, und eine Variante zu entwickeln, um die Wege und Aufenthaltsorte von Touristen und Kirchgängern so zu organisieren, dass sich keine Gruppe durch die andere gestört, belästigt oder behindert fühlt. Die letzte und in einem Museumspark vielleicht wichtigste Gruppe bilden die antiken Ruinen der eigentlichen Stadt Chersones. Sie sollten so gut und nachhaltig wie möglich konserviert werden, um sie einerseits für die Wissenschaft zu erhalten und sie andererseits der Öffentlichkeit in Form von Besuchern zugänglich zu machen. Eine auffällige Besonderheit von Chersones, die bei dieser Aufteilung sehr deutlich wird, ist die epochenübergreifende Bebauung des Gebietes. Da das Gebiet seit seiner Besiedlung fast ununterbrochen bewohnt und bebaut wurde, ist es wichtig, diese vielschichtige Struktur zu erhalten und nicht zu zerstören.

BIBLIOGRAPHY

Cleere H. 2000 The World Heritage Convention in the Third World. (Washington).

Isański J. 2005 Autentyczność przyjemności. Autentyczność pamiątki turystycznej. In J. Grad, H. Mamzer (red.) *Kultura przyjemności. Rozważania kulturoznawcze*/ (Poznań): 131-143.

Kobyliński Z. 2001 Teoretyczne podstawy konserwacji dziedzictwa archeologicznego. (Warszawa).

Maj-Szatkowska J., Olszewska E., Szweda D. (red.) 1997 Europa wschodnia. Azja północna i środkowa. Zakaukazie. (Warszawa).

MacCannell D. 2002 Turysta. Nowa teoria klasy próżniaczej. (Warszawa).

Orlik J., Klag M. 2006 Jak powstaje nowy gmach. *Autoportret. Pismo o dobrej przestrzeni, Małopolski Instytut Kultury* 1: 22–25.

Pawłowska K. 1995 Public participation po polsku. *Autoportret. Pismo o dobrej przestrzeni, Małopolski Instytut Kultury* 8: 20–23.

Renfrew C., Bahn P. G. 2002 Archeologia. Teorie, metody, praktyka. (Warszawa).

Szelag M. 2006 Dynaminka muzeum. Historia przeobrażeń, *Autoportret. Pismo o dobrej przestrzeni*, *Małopolski Instytut Kultury* 1: 4–7.

РЕЗЮМЕ

А. Ясевич, М. Маркграф

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ» - ПРЕДЛОЖЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ И МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЭКСПОЗИЦИЙ

Национальный заповедник «Херсонес Таврический» в Крыму (Украина) расположен на месте древнего городища. В результате проведенного анализа современного состояния памятника и музея была создана концепция развития территории и новой организации археологического заповедника так, чтобы это место могло лучше всего служить как научным сотрудникам и служащим заповедника, так многочисленным туристам, желающим познакомиться с уникальным древним памятником и его окрестностями. Подготовленный проект является откликом на все более очевидную попытку наших современников через прошлое найти свои истоки и приобщиться к прошлому, а также предлагает ряд мероприятий, целью которых является создание на этой территории ещё более известного в Европе научно-туристического центра. В проекте благоустройства этой большой территории были приняты во внимание как

разнообразие потребностей, так и ограничения, которые связаны с характером этого объекта. Поскольку на территории заповедника прекрасно сохранилась структура древнего города, которая легко предугадывается и на неисследованных участках, основой для создания проекта является использование древней планировки. Отдельные фрагменты проекта разработаны с изменяемой точностью, поскольку работа касается уникального памятника археологии. Некоторые предложения только сигнализируются, другие же детально и старательно проработаны. Запроектированное музея отвечает всем требованиям здание строительства такого типа современных объектов и с самого начала естественным образом объединяет в себе экспозиционные, просветительные и научно-исследовательские функции.

Перевод с польского Е.Ю. Клениной

^{*}Толчком для подготовки представляемой работы было мое пребывание на территории античного Херсонеса Таврического в рамках украинскопольского научно-исследовательского проекта, реализуемого Национальным заповедником «Херсонес Таврический» и Университетом им. А. Мицкевича в Познани, в Севастополе (Крым). Предлагаемый проект возник благодаря огромной поддержке и предоставленным к.и.н. Е.Ю. Клениной и д-ром А.Б. Бернацки материалам для работы, за что выражаю сердечную им благодарность (Агата Ясевич).

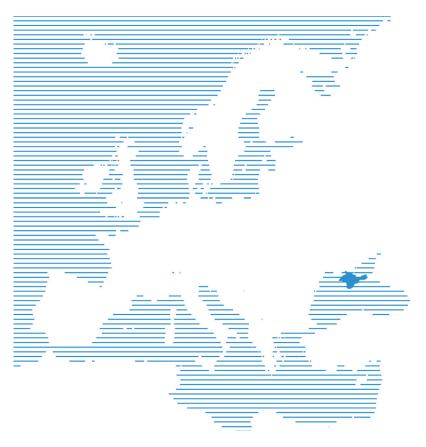

Abb. 1: Lageplan der Krim in Europa

Abb. 2: Luftbild Chersones fot. A. Biernacki

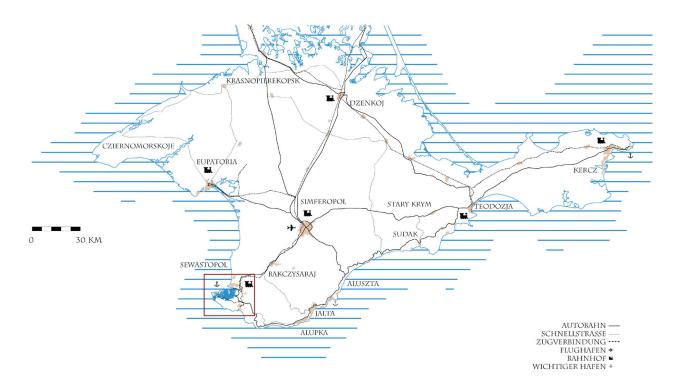

Abb. 3: Übersichtsplan, Krim

Abb. 4: Lageplan Sewastopol

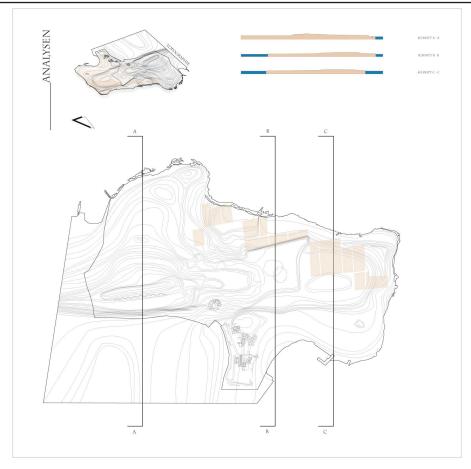
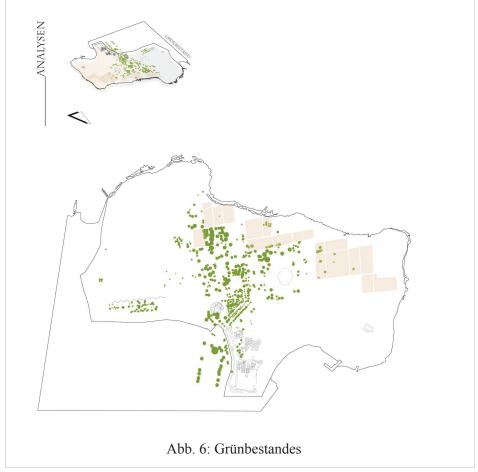

Abb. 5: Topographie

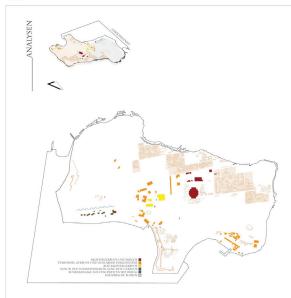

Abb. 7: Gebäudebestand

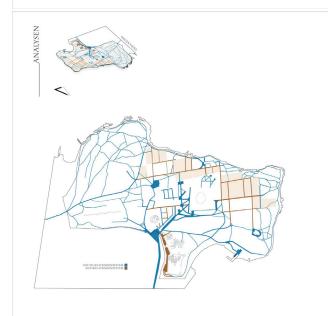

Abb. 8: Wegeschema

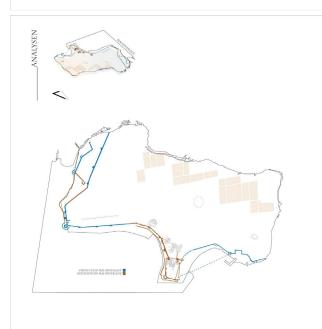

Abb. 9: Verlauf der Stadtmauer

UNTERSCHIEDLICHE MAUERVERLAUF

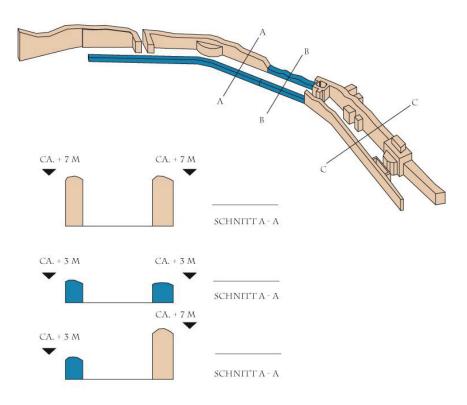

Abb.10: Darstellung des Mauerzustandes

1. VERSCHIEDENE BESUCHERGRUPPEN

Abb.12: Ausstellungsschema

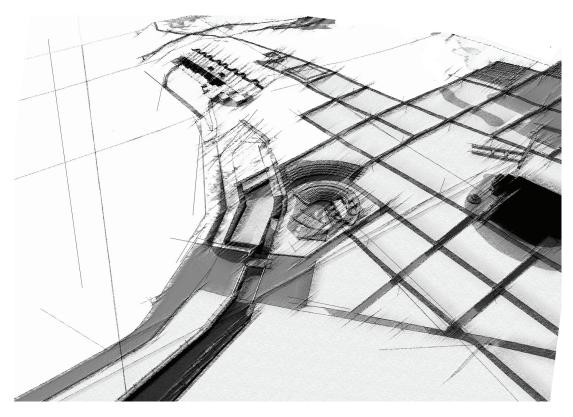

Abb.13: Konzeptskizze des Neubaus

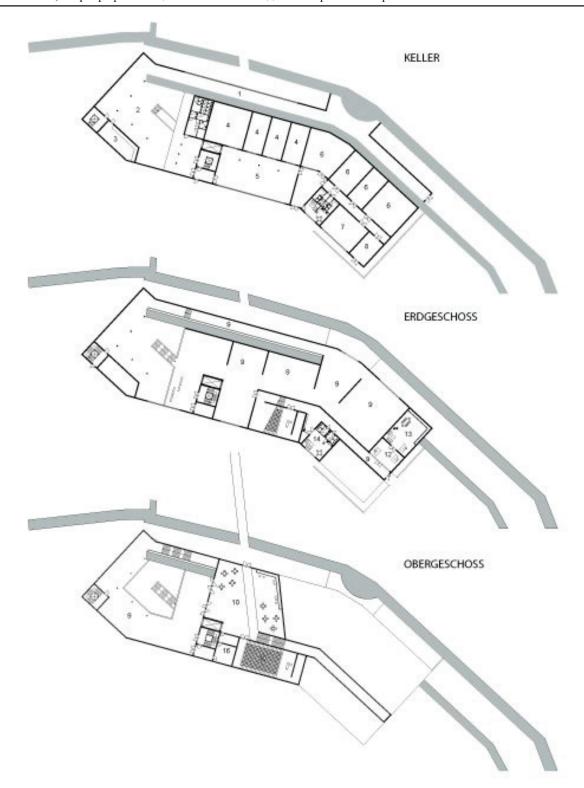

Abb.14: Museumsgrundrisse:

- 1. Gang mit antiker Stadtmauer und Bodenprofil
- 2. Foyer
- 3. Information und Garderobe
- 4. Lagerbereich
- 5. Konservierungs- und Werkstattbereich
- 6. Arbeitsräume
- 7. Zeichensaal

- 8. Technikraum
- 9. Ausstellungsräume
- 10. Café
- 11. Eingang heutige Stadt-Ebene
- 12. Sekretariat
- 13. Museumsleiter
- 14. Aufenthaltsraum
- 15. Auditorium
- 16. Bar und Küche

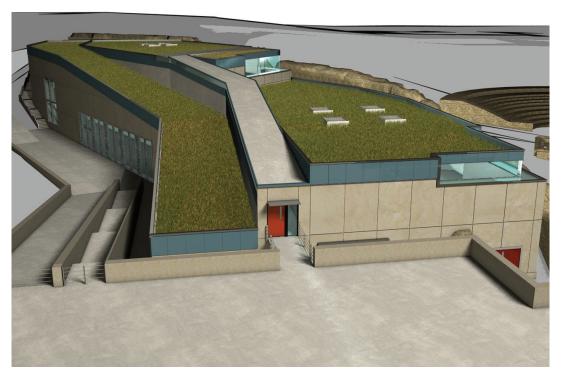

Abb.15: Museumsansicht (Visualisierung)

Abb.16: Museumsansicht (Visualisierung)

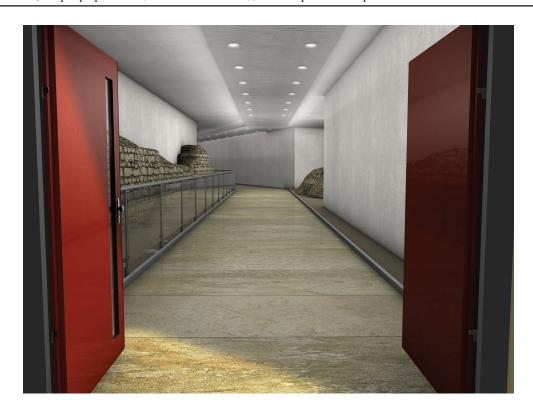

Abb.17: Eingang antike Stadtebene (Visualisierung)

Abb.18: Gang mit antiker Stadtmauer und Bodenprofil (Visualisierung)

Abb.19: Foyer (Visualisierung)

Abb.20: Café (Visualisierung)

Abb.21: Café (Visualisierung)

Abb.22: Eingang heutige Stadtebene (Visualisierung)

Abb.23: Erschließungsplan

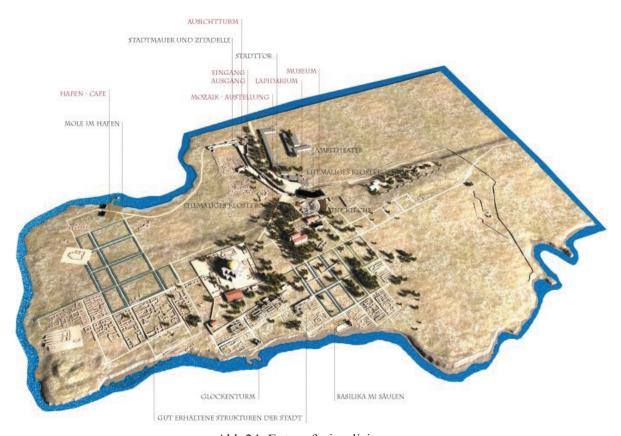

Abb.24: Entwurfsvisualisierung

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ Античные древности и средние века

АС Археология СССР

АОР Археологически открития и разкопки

ВВ Византийский временник **ВДИ** Вестник древней истории

ГАГС Городской архив города Севастополя ГИМ Государственный исторический музей

ГЭ Государственный Эрмитаж

ЖМНП Журнал Министерства народного просвещения
 ЗООИД Записки Одесского общества истории и древностей
 ИАК Известия Императорской археологической комиссии

ИА НАНУ Институт археологии Национальной Академии наук Украины

ИГАИМК Известия Государственной академии истории материальной культуры **ИРАИК** Известия Русского Археологического Института в Константинополе

ИТУАК Известия Таврической ученой архивной комиссии **КСИА** Краткие сообщения Института Археологии АН СССР

КСИИМК Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР

МАИЭТ Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

МАР Материалы по археологии России

МИА Материалы и исследования по археологии СССР

НИИТАГ Научно-исследовательский институт теории, истории архитектуры и

градоустройства

НЗХТ Национальный заповедник «Херсонес Таврический»

НЭ Нумизматика и эпиграфика

ОАК Отчет Археологической Комиссии

РГВИА Российский государственный военно-исторический архив

СА Советская археология

САИ Свод археологических источников

ХСб Херсонесский сборник

ANRW Aufstieg und Niedergang der Rumischen Welt

ARV Beazley J.D. 1963 Attic Red-figure Vase-painter (Oxford)

AVM Acta Musei Varnaensis

Bericht der RGK Bericht der Römisch Germanischen Kommission des Deutschen Archäologischen

Instituts

BCH Bulletin de Correspondance Hellénique

CVA RUSSIA, 1 Sidorova N., Tugusheva O. 1996 Corpus Vasorum Antiquorum Russia, Pushkin

State Museum of Fine Arts. (Roma). 1

CVA DDR, 3 Rohde E. 1986 Corpus Vasorum Antiquorum Deutsche Demokratishe Republik.

Staatiche Museen zu Berlin. Antikensammlung. (Berlin). 1

REB Revue des Études Byzantines

ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСЕЕНКО Николай Александрович доктор, заведующий филиалом «Крепость Чембало» Национального заповедника «Херсонес Таврический» ул. Древняя 1, Севастополь 99045, Украина chembalo@yandex.ru

БЕРНАЦКИ Анджей Б.

доктор, преподаватель Института истории, директор Международной интердисциплинарной археологической экспедиции «Novae» Университета им. Адама Мицкевича в Познани (Польша)

Sw. Marcin 78, Poznan 61-809, Poland biernack@amu.edu.pl abbiernacki@yahoo.com

ВДОВИЧЕНКО Ирина Ивановна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра крымоведения, докторант Таврического Национального университата им. В.И.Вернадского

ул. Февральская 12, кв. 5, Симферополь 95034, Украина vdovitsenko@mail.ru

ГЕОРГИЕВ Павел

доктор, директор Шуменского филиала Института археологии Болгарской академии наук ул. Генерал Тошев 4, Шумен 9701, България тел. +35954 – 6 63 92 pavel_g@gbg.bg

ЖЕСТКОВА Галина Ивановна старший научный сотрудник Национального заповедника «Херсонес Таврический» ул. Древняя 1, Севастополь 99045, Украина

ЖИЛИНА Наталья Викторовна

доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Российской академии наук nvzhilina@yandex.ru

ИВАНОВ Алексей Валериевич

антрополог, научный сотрудник Национального заповедника «Херсонес Таврический» ул. Древняя 1, Севастополь 99045, Украина ivav@yandex.ru

КЛЕНИНА Елена Юрьевна

кандидат исторических наук, ученый секретарь Национального заповедника «Херсонес Таврический» ул. Древняя 1, Севастополь 99045, Украина klenina_e@yahoo.com klenina e@rambler.ru

КОЛЕСНИКОВА Людмила Григорьевна ул. Пионерстроя 19/2, кв. 50, г. Санкт-Петербург 198206, Россия тел. +07812-738-68-25

НИКОЛАЕНКО Михаил Юрьевич инженер-геофизик Национального заповедника «Херсонес Таврический» ул. Древняя 1, Севастополь 99045, Украина mnj@yandex.ru

NOWAK Monika

магистр археологии, сотрудник Международной интердисциплинарной археологической экспедиции «Novae» Университета им. Адама Мицкевича в Познани Sw. Marcin 78, Poznan 61-809, Poland moneta pl@yahoo.com

ПАНЧЕНКО Вадим Владимирович инженер-геофизик Национального заповедника «Херсонес Таврический» ул. Древняя 1, Севастополь 99045, Украина gemell@yandex.ru

ПАШКЕВИЧ Галина Александровна

доктор биологических наук, старший научный сотрудник Института археологии НАН Украины, ведущий научный сотрудник,

ул. Героев Сталинграда 12, Киев -210, 04655, Украина Институт археологии НАНУ Fax: (044) 418-33-06, тел. домашний 555-04-90 e-mail: pashkevich11@yandex.ru secretar@ianana.kiev.ua yudr@amlab.ntu-kpi.kiev.ua

PLONTKA-LUENNING Annegret PhD, Fridrich-Schiller-Universitaet. Klassische Archaeologie, Fürstengraben 1, 07737, Jena

ALuening@gmx.de

УШАКОВ Сергей Владимирович

кандидат исторических наук, сотрудник Крымского филиала Института археологии НАН Украины, ведущий научный сотрудник Национального заповедника «Херсонес Таврический» ул. Древняя 1, Севастополь 99045, Украина

ФИЛИППЕНКО Андрей Анатолиевич научный сотрудник Национального заповедника «Херсонес Таврический» ул. Древняя 1, Севастополь 99045, Украина

ШАМАНАЕВ Андрей Васильевич кандидат исторических наук, доцент Уральского государственного университета, ул. Ленина 51, Екатеринбург 620083, Россия shamanaev@mail.ru

JASIEWICZ Agata

аспирантка Института истории архитектуры, искусства и техники Вроцлавского политехнического университета agata_jasiewicz@poczta.onet.pl

Наукове видання

ХЕРСОНЕССЬКИЙ ЗБІРНИК Випуск XV

Збірник наукових статей (російською, англійською, німецькою та болгарською мовами)

> Редактор О.Ю. Кленіна Технічний редактор О.А. Денисова Коректори О.А. Денісова, О.С. Панасенко Комп'ютерна верстка М.Є. Арефьєв

Підписано до друку 05. 12. 2006 р. Формат видання 60х84/8. Папір офсетний № 1. Гарнітура Times. Друк офсетний. Ум. Друк. Арк. 30,80. Об.-вид. Арк. 31,42

Наклад 400 прим.

Оригінал-макет виготовлено Видавничим домом «Максим» 99053, Севастополь, вул. Вакуленчука, 31-В Свідоцтво про реєстрацію СВ № 002 від 26.12.2001 Тел.: + 38 (0692) 24 01 84

E-mail: intersfera65@mail.ru

Надруковано у типографії ПП «Інтерсфера», 99053, Севастополь, вул. Вакуленчука, 31-В. Тел.: + 38 (0692) 24 01 84

E-mail: intersfera@sferos.com